D02
H702

D02

Проверено 1961 г.

МАЙ 2008

1858 1858 1858

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Д5
1858
757 ТТ/Ю-70 Ю703
45472 Каб. угол. права

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

Петромъ Рѣдкинымъ,

ДОКТОРОМЪ ПРАВЪ И ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Все минется, одна правда остается.
Русская пословица.

Ленингр. Правовой институт им. Н. В. Крыленко. Библиотека
Императорскаго Юридическій институтъ С.-Петербургъ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1842.

Проверено 3г.

X2(0)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 19-го дня 1841 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

I. Взглядъ на состояніе права иностранцевъ, по началамъ европейскаго народнаго права вообще, и въ особенности по законамъ отечественнымъ.

Законъ взаимности, дѣйствующій въ сношеніяхъ между государствами Европы, принялъ подъ свое покровительство отдѣльныхъ ихъ членовъ, и обезпечилъ каждому изъ этихъ членовъ такую сферу дѣятельности во всей Европѣ, которая, съ этой стороны, заставляетъ забывать различіе въ мѣстѣ рожденія и жительства. Отсюда привязанность къ отечеству содѣлалась теперь непринужденнымъ чувствомъ благороднаго гражданина, чистою любовію къ мѣсту рожденія, къ природѣ окружавшей его дѣтство, къ законамъ и правительству, содѣлавшимъ его достойнымъ сыномъ благоустроеннаго общества. Такимъ образомъ выгоды государства, выгоды общія приведены въ согласіе съ пользами и достоинствомъ частныхъ лицъ.

Какъ совершился этотъ переворотъ? чѣмъ онъ упроченъ? на какихъ положительныхъ основаніяхъ утвержденъ? — вотъ вопросы, общіе нашему

Юридическій кабинетъ С.-Петербургск. Университета.

предмету со всѣми другими юридическими учрежденіями.

Извѣстно, до какой степени древнія общества строго держались закона исключительности, неприступности, обособленія. Греческій βάρβαρος и римскій peregrinus немногимъ были счастливѣе рабовъ, которыхъ судьба тяжка была до отчаянія. Причина такой жестокости къ иностранцамъ заключалась въ томъ, что соплеменность составляла единственное условіе мира и дружбы между народами, и первоначально одна давала право на гражданство въ древнихъ республикахъ. Съ религіею христіанскою идея племени исчезла; народныя симпатіи и антипатіи потеряли свою силу; кругъ братства расширился на всѣ христіанскія общества, безъ различія происхожденія, обычаевъ, языка. Крестовые походы противъ Сарацинъ и ересиковъ въ средніе вѣка были выраженіемъ новаго начала признанія, которое тѣмъ сильнѣе скрѣпляло узелъ дружбы между народами христіанскими, чѣмъ ожесточеннѣе была борьба со врагами Христова имени. Но до реформаціи одна Россія могла хвалиться своею терпимостію, которая только съ вестфальскаго мира содѣлалась закономъ западной Европы, а съ этого времени всё человѣчество получило въ Европѣ право на состраданіе, участіе, уваженіе и довѣренность.

Изъ этого краткаго обзора дѣлаютъ исключенія немногіе случаи, которые мы не вправѣ однако же прейти молчаніемъ, желая по возможности быть вѣрными исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ истинѣ. У народовъ мало образованныхъ, которыхъ вся мудрость политическихъ сношеній съ державами внѣш-

ними сосредоточивается въ мѣрахъ безопасности, иностранцы могутъ не имѣть всей довѣренности, необходимой для пріобрѣтенія правъ гражданина среди такого общества. Было время, когда наши предки, при всемъ убѣжденіи въ пользѣ сношеній съ иностранцами, боялись видѣть ихъ среди своихъ городовъ и своей столицы. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ архангельскій портъ былъ единственною точкою соприкосновенія Россіи съ Европою, и вообще иностранцамъ запрещалось проникать во внутренность страны, а столица царства оставалась заповѣднымъ городомъ. Для прибытія въ Москву купцы англійскіе, голландскіе и Любечане должны были имѣть особенныя грамоты. Такова напр. грамота, данная въ 1652 г. іюня 30 (П. С. З. N 80) Любечанамъ: „пріѣзжать имъ на Москву, съ большими товарами, человѣкъ по пяти и по шести.“ Не говорю здѣсь о послахъ, которыхъ права всегда и вездѣ обезпечиваются особыми законами.

Впрочемъ изъ случая, происшедшаго въ сношеніяхъ Россіи съ Англіею въ 1649 г., можно видѣть, что не одинъ страхъ, показать иностранцамъ свои пути сообщенія, свои крѣпости и остроги, удерживалъ наше отечество отъ сближенія съ иностранцами. Русское правительство того времени боялось столько же опасности чрезъ сближеніе съ иностранцами подвергнуть искушенію святое чувство благоговѣнія къ законамъ отечества. Такимъ образомъ 1649 года іюля 1, по указу государя (П. С. З. N 9), Англичане лишаются права въѣзда въ царство и столицу его, потому что Англичане „всею зем-

лею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти."

Но такія запрещенія имѣли за себя по-крайней-мѣрѣ чувство самосохраненія, которое часто извиняетъ болѣе чрезвычайныя мѣры. Въ другихъ странахъ Европы, даже христіанскихъ, безъ видимой необходимости, долго существовали обычаи самые варварскіе въ отношеніи къ иностранцамъ. Упомянемъ о нѣкоторыхъ болѣе общихъ и болѣе замѣчательныхъ.

1. Въ государствахъ приморскихъ жители прибрежные имѣли варварское право присвоять себѣ все имущество погибшихъ отъ кораблекрушенія или спасшихся для бѣдности пассажировъ разбитаго судна (такъ называемое droit de naufrage, Strandrecht, Grundruhrrecht, compendium naufragiorum). Монтескьё (Esprit des lois, l. XXI. c. XVII) говоритъ объ этомъ правѣ, какъ объ учрежденіи только сѣверныхъ народовъ Европы: „dans les bornes étroites où se trouvaient les peuples du nord, tout leur étoit étranger; dans leur pauvreté, tout étoit pour eux un objet de richesse. Établis sur les côtes d'une mer resserrée et pleine d' écueils ils avaient tiré parti de ces écueils même." Но мы укажемъ на законы южныхъ государствъ, которые ограничиваютъ, смягчаютъ или уничтожаютъ это право, а съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ объ его существованіи на югѣ Европы.

2. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ германской имперіи существовало право, по которому государство или государь пріобрѣтали собственность въ лицѣ иностранца, котораго въ теченіе года со днемъ (Jahr und Tag) настоящій господинъ не истребовалъ.

Самое названіе показываетъ смыслъ права и время его происхожденія: это Wildfangsrecht, wildfangiatus. Замѣчательно, что это право встрѣчается даже въ 17 столѣтіи, именно въ третейскомъ приговорѣ (sentence arbitrale) 1667 г. февраля 17 (Dumont, VII, I, II. p.) депутатовъ Франціи и Швеціи, насчетъ спора, возникшаго между избирателями майнцкимъ и палатинскимъ, о принадлежности этого права. Вотъ рѣшеніе: „Quoad wildfangiatum. Quod omnes personae peregrinae, mares et feminae, persequentem corporum suorum dominum non habentes, nemine excepto, tanquam wildfangii—domus electorialis palatina—factae sunto. Quoad ius in ejusmodi proprios homines et wildfangios exercendum: facultas istiusmodi homines adventitios et ex his descendentes in numerum propriorum hominum recipiendi et constituendi censum corporalis — operae —, census de defunctis, mortuarium dictus, pecunia pro introitu, census pro receptione et juramentum fidelitatis et obedientiae etc. etc.“

3. Самое легкое слѣдствіе входа иностранца въ чужіе предѣлы состояло въ томъ, что иностранецъ терялъ право завѣщанія (jus testamentifactionis activae), право располагать своимъ имуществомъ на случай смерти въ пользу родственниковъ и соотечественниковъ, живущихъ внѣ предѣловъ страны, гдѣ онъ скончался. Иностранецъ умиралъ всегда какъ-бы безъ завѣщанія (ab intestato) въ государствѣ, гдѣ дѣйствовалъ столь несправедливый обычай, и даже болѣе: имущество считалось выморочнымъ, и дѣлалось собственностію государства. Это право называется droit d'aubaine, jus albinagii, Albinágialrecht, Fremdlingsrecht. По капитуляріямъ, исключенія изъ этого правила дѣлались въ пользу государей, пословъ, докторовъ,

магистровъ, студентовъ, солдатъ послѣ десятилѣтней службы, и матросовъ послѣ 5 лѣтъ (Günther, см. его Народное право, II, 341).

Впрочемъ почти исключительно это право господствовало во Франціи, откуда только путемъ реторсіи (воздаянія равнаго за равное) переходило къ другимъ державамъ Зато въ этихъ государствахъ существовало право учета, jus detractus, gabella migrationis, gabelle d'émigration. Всилу этого права государство требовало отъ иностранца, оставлявшаго его предѣлы, нѣсколько процентовъ съ имущества, вывозимаго иностранцемъ, большею частію 10 процентовъ. Очень естественно, что такой учетъ не значилъ ничего, и не былъ обременителенъ для иностранца, который нашелъ въ предѣлахъ государства, имъ оставляемаго, работу своему уму и капиталу. А потому въ такихъ государствахъ, которыя еще нуждаются въ техническомъ образованіи и капиталахъ, до-сихъ-поръ иностранцы при выѣздѣ платятъ нѣсколько процентовъ съ имущества, которое тамъ пріобрѣли.

Всѣ же другія права государствъ, упомянутыя выше, уничтожены съ распространеніемъ просвѣщенія во всей Европѣ: Wildfang исчезъ самъ собою; droit de naufrage уничтоженъ законами внутренними; jus albinagii прекращено взаимными договорами или трактатами европейскихъ государствъ. Вотъ акты уничтоженія:

A. Droit de naufrage.

a) Во Франціи. Еще въ 12 стол. было ограничено это право закономъ олеронскимъ (rôle d'Oléron,

jugement d'Oléron) около 1150 г. (Azuni, Systeme universelle de principes du droit maritime, I, 243.). Совершенно уничтожено въ 16 стол.

b) Въ Испаніи. Здѣсь уничтоженъ droit de naufrage no consolato del mare (Azuni, I, 223).

c) Португалія. Обычай прекратилъ это право еще въ 13 стол.; законъ 1713 г. опредѣлилъ, что droit de naufrage можетъ имѣть мѣсто только противъ невѣрныхъ и пиратовъ. (Martens, Cours diplomatique, при изложеніи сношеній этого королевства).

d) Англія и Шотландія. Собственно droit de naufrage встрѣчается только въ Шотландіи, подъ названіемъ groundage, и давно уже уничтожено. (Martens, Cours diplomatique, въ главѣ о Шотландіи).

e) Въ Голландіи совершенно прекращено законами Карла I (импер. Карла V) и Филиппа II.

f) Въ Даніи. Замѣчательно, что Маршенсъ (Cours dipl. III, 350) говоритъ объ этомъ королевствѣ относительно упомянутаго вопроса: „la douceur reconnue du gouvernement danois semble ne pas devoir se contenter d'accorder comme une grace des éxécutions que dans d'autres pays on peut réclamer comme un acte de justice." И это было сказано въ концѣ прошедшаго столѣтія, тогда какъ

g) Въ Россіи еще въ договорахъ князей съ Греками находится условіе, не только не грабить потерпѣвшихъ крушеніе, но даже помогать имъ.

h) Швеція. Совершенно прекращено въ 17 стол.

Б. Droit d' aubaine.

Это право, какъ выше замѣчено, составляло отличительную черту законодательства Франціи,

откуда оно перешло къ другимъ державамъ только вслѣдствіе существованія во французской практикѣ. Потому Франція и должна была, сверхъ уничтоженія juris albinagii внутри своихъ предѣловъ, стараться о прекращеніи его для своихъ подданныхъ въ другихъ государствахъ путемъ переговоровъ. Внутри уничтожено это право декретомъ національнаго собранія (1790 г. авг. 18: „le droit d'aubaine et celui de détraction sont abolis pour toujours" (Martens, Recueil, VI, 289). Договоры о прекращеніи juris albinagii встрѣчаются въ разныя времена съ 16 по наше столѣтіе. Такъ договоръ въ Креспи 1544 г. уничтожилъ это право между Франціею и владѣніями императора Карла V; договоръ съ Россіею 1814 мая $\frac{18}{30}$ (П. С. З. N. 25,587) прекратилъ его между Франціею и нашимъ отечествомъ.

Договоры другихъ государствъ, о взаимномъ уничтоженіи права удержанія, безчисленны. Изъ соображенія этихъ договоровъ можно заключить, что какъ въ древности и у народовъ необразованныхъ воспрещеніе иностранцамъ, входить въ предѣлы государства, было правиломъ, а позволеніе — исключеніемъ, сопряженнымъ съ тяжкими лишеніями; такъ во времена новѣйшія открытыя границы составляютъ начало общее, а запрещеніе должно быть обнародываемо особеннымъ актомъ, чтобы содѣлаться дѣйствительнымъ. На основаніи этихъ договоровъ, первое право, принадлежащее иностранцамъ, есть свобода входа (droit d'entrée, Eintrittsrecht). Это право до того безспорно, что вслучаѣ нужды можно открыть себѣ входъ силою; напр. при недостаткѣ жизненныхъ припасовъ на кораблѣ,

капитанъ можетъ войти въ первый портъ, не смотря даже на запрещеніе, которое въ этомъ случаѣ равнялось бы приговору на голодную смерть, и потому естественно экипажъ рѣшится дорого продать жизнь свою.

Изъ договоровъ государствъ мало по малу эта свобода входа переходила въ основные законы государствъ Европы. Самый древній законъ въ этомъ отношеніи есть Charta magna, гдѣ (въ § 30 по редакціи Мартенса, Sammlung der wichtigsten Grundgesetzen, I, 728) сказано: „omnes mercatores, nisi publice antea prohibiti fuerint, habeant salvum et securum — venire in Angliam, praeterquam in tempore gwerre et si sint de terra contra nos gwerriwa.“ Что здѣсь право входа дано только купцамъ, это понятно.

По миру вестфальскому (instrumentum osnabrugense, art 9; Dumont, VI, I, 481) положено закономъ: „il y aura une entière liberté de commerce, et un passage libre et assuré par toutes sortes de lieux sur mer et sur terre etc.“

По акту германскаго союза (Bundesacte, 1815, art. 18; Martens, Suppl. VI, 366, подъ литерою b, n. 1. и c) дано право: „des freien Wegziehens aus einem Bundesstaate in den anderen“; также: „die Freiheit von allen Nachsteuern, jus detractus, gabella migrationis, insofern das Vermögen in einen andern Bundesstaat übergeht.“

Впрочемъ эти послѣдніе два закона имѣютъ въ виду только обитателей земель германскихъ. Гораздо общнѣе говорятъ частные, партикулярные законы этихъ земель.

По русскимъ государственнымъ законамъ (Св., т. IX, ст. 892) иностранцы всѣхъ вообще націй имѣ-

ютъ право свободнаго пріѣзда и пребыванія въ Россіи, по установленнымъ пасспортамъ, если относительно того государства, къ коему они принадлежатъ, не сдѣлано по случаю войны или другихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ особеннаго изъятія.

Но эта свобода входа имѣетъ естественно свои предѣлы, подчиняется необходимымъ ограниченіямъ. Главное при этомъ для каждаго государства состоитъ въ обезпеченіи собственной безопасности. Такъ государство имѣетъ право отказать въ пристани кораблю съ зачумленнымъ экипажемъ; предписать извѣстныя ограниченія воинымъ кораблямъ, желающимъ пристать къ берегамъ его; отказать въ принятіи въ свои предѣлы лицамъ подозрительнымъ, каковы всѣ безпасспортные (vagabonds) и бродяги, не говоря уже о подданныхъ врага.

Съ тѣмъ вмѣстѣ государство имѣетъ право вообще отъ иностранцовъ требовать пасспортовъ, и издавать законы, опредѣляющіе форму и содержаніе этихъ актовъ. Приведу въ примѣръ распоряженій по этой части австрійскій законъ о пасспортахъ 1801 г. марта 25 (Martens, Suppl. II, 332), тѣмъ болѣе, что всѣ европейскія державы въ этомъ отношеніи держатся почти одинаковыхъ правилъ. Для дѣйствительности пасспорта, онъ долженъ быть подписанъ министромъ иностранныхъ дѣлъ или министромъ-резидентомъ или консуломъ Австріи. За исключеніемъ лицъ извѣстныхъ, высокаго ранга или негоціантовъ, пасспортъ долженъ заключать въ себѣ примѣты лица и цѣль путешествія. Пасспортъ долженъ быть предъявленъ въ первомъ пограничномъ мѣстѣ, и впродолженіе пути долженъ быть

просмотрѣнъ (visirt) во всякомъ мѣстѣ, гдѣ есть полицейскія учрежденія. По прибытіи въ мѣсто назначенія, пасспортъ долженъ быть отданъ мѣстному начальству, которое хранитъ его до востребованія при выѣздѣ, а въ замѣнъ пасспорта выдаетъ un recu imprimé, ein Recipisse, безъ котораго пасспортъ назадъ не выдается.

По нашимъ законамъ (т. IX, ст. 894 и 895) иностранецъ для пропуска въ Россію долженъ предъявить на заграничной заставѣ пасспортъ отъ министровъ и другихъ агентовъ нашихъ и т. д.; по прибытіи въ предѣлы Россіи, иностранецъ долженъ явиться къ гражданскому губернатору, и представить ему пасспортъ, въ замѣнъ коего выдается ему для свободнаго жительства или переѣзда въ другую губернію особенный указъ или видъ.

Такимъ образомъ по одному пасспорту иностранцы могутъ пребывать въ нашихъ предѣлахъ, имѣютъ право свободнаго жительства, droit de séjour, Aufenthaltsrecht. При этомъ должно замѣтить, что это право жительства существенно отличается отъ права поселенія, переселенія и т. д., которое предполагаетъ постоянное и осѣдлое пребываніе, и которое не входитъ въ предѣлы нашей статьи.

Право свободнаго жительства есть второе право иностранцевъ, по которому они переходятъ на территорій, гдѣ сила законовъ ихъ отечества прекращается, и начинается дѣйствіе законовъ, имъ неизвѣстныхъ, имъ необъявленныхъ. По общему правилу примѣненія законовъ, правилу принято-

му всѣми законодательствами, необъявленные законы и непубликованные не обязываютъ граждапъ. Такіе законы считаются, и справедливо, несуществующими. Итакъ законы страны или не обязательны для иностранцевъ, или правило примѣненія законовъ должно выразить иначе, чтобы не уничтожать его исключеніемъ. Вотъ вопросы, которые ведутъ насъ къ существенной части нашей статьи, къ изложенію права иностранцевъ въ предѣлахъ державы, гдѣ они временно пребываютъ.

Можно бы вопросы эти рѣшить à priori, но современныя положительныя законодательства объ этомъ предметѣ такъ согласны съ положеніями чистаго разума, что можно сократить работу, ссылаясь исключительно на факты законные. Законы всѣхъ государствъ Европы устанавливаютъ общее начало, по которому иностранцы, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подлежатъ дѣйствію законовъ страны, въ которой они находятся, и пользуются общею защитою. (Ср. Свода т. IX, ст. 902; Preussisches Landrecht, Einleitung, § 34; Code civil, titre préliminaire, art. 3; Bürgerliches Gesetzbuch für die gesammten deutschen Erbländer der österreichischen Monarchie, Th. I, I-er Haupst., § 33, и всѣ прочія законодательства). Итакъ всѣ законы всѣхъ странъ подчиняютъ иностранцевъ своему дѣйствію. Это положеніе знаетъ каждый иностранецъ изъ отечественныхъ постановленій, которыхъ не знать не можетъ, а слѣдовательно, пріѣзжая въ другое государство, онъ произвольно, съ сознаніемъ подчиняетъ себя дѣйствію законовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ обязывается знать ихъ. Здѣсь можно еще приба-

вить, что хотя это общее правило дѣйствительно выражается безъ всякихъ ограниченій, не менѣе того оно допускаетъ и основывается на предположеніи, что подобное же обращеніе съ нашими подданными упрочивается въ законахъ государства, котораго подданные, какъ иностранцы, проживаютъ въ нашемъ отечествѣ. Сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ предположеніи ясно говоритъ только австрійское уложеніе въ приведенномъ мѣстѣ (§ 32); во всѣхъ другихъ уложеніяхъ и сводахъ это разумѣется само собою. Такимъ образомъ иностранцы, зная свои законы, знаютъ уже, что въ ихъ отечествѣ иностранцы подчиняются законамъ ихъ страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ сами они, въ чужихъ предѣлахъ, должны подчиниться законамъ, господствующимъ въ этихъ предѣлахъ. Въѣздъ ихъ въ эти предѣлы есть выраженіе согласія на это подчиненіе; согласіе же предполагаетъ познаніе предмета, который составляетъ объектъ согласія; слѣдовательно законы страны должны быть обязательны и для иностранцевъ, не смотря на то, что иностранцы de facto не только не участвовали въ ихъ составленіи, но даже не знали объ ихъ существованіи, не понимаютъ языка изданія и т. п.

Итакъ, безспорно, иностранцы подчиняются законамъ страны, гдѣ они временно пребываютъ. Но въ юриспруденціи, состоящей изъ правилъ и законовъ общихъ, невозможно обойтись безъ исключеній. Однако же, чтобы не затемнять правила, я постараюсь дѣлать исключенія какъ можно общія. Вопервыхъ, нужна оговорка: мы не излагаемъ правъ пословъ или посланниковъ, какъ выше замѣчено, и

не беремъ въ разсчетъ положенія трактатовъ, по которымъ въ нѣкоторыхъ земляхъ консулы имѣютъ право рѣшать всѣ дѣла своихъ соотечественниковъ и въ чужихъ предѣлахъ по законамъ страны своей; наконецъ исключаемъ изъ своего разсмотрѣнія случай, когда иностранцы находятся въ нашихъ моряхъ, но на своемъ кораблѣ, или на нашей землѣ, но какъ войска союзныя. Предмету нашего изслѣдованія подлежитъ обыкновенный случай пребыванія иностранцевъ въ нашемъ отечествѣ, безъ всякихъ возможныхъ правъ на автономію или exterritorialité. Здѣсь только и дѣйствуетъ начало: иностранцы подчиняются всѣмъ законамъ страны, гдѣ они пребываютъ. Но здѣсь нужно сдѣлать

Вовторыхъ, собственно исключеніе. Если понимать буквально это положеніе, то особенныя статьи въ законахъ объ иностранцахъ будутъ излишни. Чѣмъ будутъ тогда отличаться иностранцы отъ настоящихъ подданныхъ? Напротивъ, въ числѣ законовъ, которымъ иностранецъ долженъ подчиниться, заключаются также законы объ иностранцахъ, объ ихъ состояніи, правахъ и обязанностяхъ, опредѣляемыхъ въ каждомъ государствѣ особыми положеніями. (Таковы статьи Свода т. IX, 890 — 930, и въ другихъ томахъ). Слѣдовательно законы несовершенно уравниваютъ иностранцевъ съ подданными, слѣд. или не всѣ законы страны примѣняются къ иностранцамъ, или способъ примѣненія законовъ къ иностранцамъ долженъ быть особый, или наконецъ то и другое вмѣстѣ составляетъ различіе подданнаго отъ иностранца. Для

рѣшенія этого сомнѣнія предложимъ себѣ вопросъ, что такое иностранецъ?

Иностранецъ, какъ говоритъ законъ Россіи, есть подданный другаго государства (т. IX, ст. 890). Итакъ онъ только временно пребываетъ въ Россіи, и не перестаетъ быть гражданиномъ своего отечества. Отсюда вытекаютъ слѣдствія необходимыя:

1. Онъ подданный своего государства, а потому всѣ обязанности подданнаго остаются при немъ: обязанности по вѣрноподданству, службѣ, податямъ и повинностямъ и т. п. Такимъ образомъ эти законы перешли на нашъ территорій вмѣстѣ съ иностранцемъ, и не оставятъ его, куда бы ни ушелъ онъ. Послѣ этого естественно, что наши законы объ этихъ предметахъ не могутъ вполнѣ имѣть примѣненія къ иностранцамъ. Никакая нужда въ людяхъ не можетъ государству дать права, употреблять иностранцевъ въ свою пользу, безъ согласія ихъ отечества. Далѣе, государство не вправѣ обложить иностранцевъ прямыми личными податями, какого бы они званія ни были Вообще личныя обязанности подданныхъ государства сами по себѣ ipso iure никогда не переходятъ къ иностранцамъ, потому что иностранцы не пользуются всѣми правами подданныхъ.

2. Онъ остается гражданиномъ своего отечества. Конечно, съ переходомъ въ другое государство, права иностранца оспаются безъ дѣйствія; но способность имѣть права всегда при немъ. Эту способность дали ему отечественныя учрежденія, и законы другой державы не могутъ измѣнить ее.

Такимъ образомъ съ иностранцемъ переходятъ къ намъ и законы его отечества объ его способности пріобрѣтать права, пользоваться и распоряжаться ими, такъ называемая Rechtsfähigkeit, status naturales et civiles. Слѣдовательно вопросъ о совершеннолѣтіи, малолѣтствѣ, условіяхъ распоряжаться имуществомъ, не всегда можетъ быть рѣшенъ по нашимъ законамъ, именно потому, что иностранецъ не переставалъ быть гражданиномъ своего отечества; онъ можетъ дать своимъ дѣйствіямъ эффектъ въ своей родинѣ, которая вправѣ не признать ихъ, если онѣ не согласны съ мѣстными законами. Прусскій подданный дѣлается совершеннолѣтнимъ только на 25-мъ году возраста, но будучи въ Россіи, и основываясь на законахъ нашего отечества, онъ можетъ распоряжаться имуществомъ на 22-мъ году. Если дѣло идетъ объ имуществѣ его въ Брандепбургѣ, то распоряженіе его будетъ законно. Слѣдовательно правоспособность иностранца, которой ефектъ выходитъ за предѣлы нашего отечества, обсуживается по законамъ его страны.

3. Онъ временно пребываетъ въ Россіи. Слѣдовательно необходимаго мѣстожительства нѣтъ у иностранцевъ въ предѣлахъ нашего отечества. Законы примѣняются къ иностранцу только мѣстные, дѣйствующіе въ томъ городѣ или той губерніи, гдѣ иностранецъ остановился хоть на минуту. Слѣдовательно путешественникъ, проѣзжающій по Россіи, можетъ испытать на себѣ дѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ и общихъ законовъ имперіи. Въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что иностранецъ подчи-

нается всѣмъ законамъ и учрежденіямъ страны, гдѣ онъ временно пребываетъ.

Остается рѣшить вопросъ послѣдній и важнѣйшій: какъ законы страны дѣйствуютъ на лицо и имущество иностранца? Разсмотримъ главнѣйшіе роды законовъ.

I. Гражданскіе законы. Безспорно, что всѣ постановленія страны о способахъ пріобрѣтенія, пользованія, распоряженія, отчужденія имѣютъ непремѣнное приложеніе къ иностранцамъ, какъ и всѣ учрежденія объ актахъ укрѣпленія, касательно формы и содержанія. Наконецъ договоры и обязательства, въ которыя иностранцы вступаютъ какъ между собою, такъ и съ подданными страны, не могутъ не подлежать дѣйствію законовъ мѣстныхъ. (Ср. 902 и 912 ст. Свода, т. IX; Martens, Précis du droit des gens, I, § 85; Klüber, Droit des gens, I, § 54).

Таково правило, изъ котораго собственно въ подлежательности гражданскимъ законамъ не можетъ быть исключенія. Но приведеніе въ дѣйствіе—производство можетъ представить нѣсколько случаевъ исключенія.

II. Гражданское судопроизводство. Давно уже иностранцы не имѣютъ права на установленіе для нихъ особыхъ судилищъ. Нѣмецкіе Gastgerichte (Runde, Teutsches Privatrecht, § 315) и русскіе посольскіе приказы исчезли. Теперь иностранецъ подчиненъ тѣмъ же присутственнымъ мѣстамъ, которымъ подвѣдомы естественные подданные. Никакого измѣненія въ формѣ суда и приговора не должно допускать въ дѣлахъ иностранцевъ.

45472

Библиотека

Но какъ присутственное мѣсто каждаго уѣзда и каждой губерніи имѣютъ власть только въ своемъ уѣздѣ или въ своей губерніи, такъ и всѣ мѣста имперіи дѣйствуютъ только въ предѣлахъ Россіи. За предѣлами государства законъ его не законъ, и власть не власть. Отсюда слѣдуетъ, что пока предметъ суда и приговора находятся въ предѣлахъ власти нашихъ судовъ, до-тѣхъ-поръ безспорно иностранецъ подчиненъ вполнѣ ихъ дѣйствіямъ. Заграницей иностранецъ, какъ лично, такъ и по имуществу, признаетъ другую власть надъ собою, и эта власть имѣетъ право и обязанность, въ своихъ предѣлахъ, исключительно располагать дѣйствіями этого иностранца. Съ тѣмъ вмѣстѣ судъ и приговоръ нашихъ мѣстъ, заграницей будетъ имѣть дѣло не съ иностранцемъ лично, а со властію, которой онъ подчиненъ въ своемъ отечествѣ.

Другими словами, пока иностранецъ играетъ роль истца въ дѣлѣ съ нашимъ соотечественникомъ, до-тѣхъ-поръ судъ и приговоръ постигаютъ его вполнѣ (Martens, l. c. § 97; Klüber, l. c. § 58; Code de procédure civile, 166). Но если онъ отвѣтчикъ, а предметъ спора и суда находится въ его отечествѣ? Напр. иностранецъ, находясь въ Россіи, вступилъ въ обязательство, и находясь въ Россіи, подвергся иску за неисполненіе. По мѣсту жительства, никакое другое присутственное мѣсто, кромѣ русскаго, не могло начать процесса и рѣшить его. Наконецъ онъ приговоренъ къ вознагражденію, пенѣ; имущество объявлено подъ запрещеніемъ и пр. д. Но всё его имущество во Франціи; исполнить приговоръ свой не можетъ судъ нашъ путемъ обыкновеннымъ.

Здѣсь вопросъ обращается въ политическую задачу: должны ли присутственныя мѣста иностранныя признать приговоръ нашего суда и исполнить? Замѣчательно, что, не смотря на разность гражданскихъ законовъ, обычай народнаго европейскаго права требуетъ отъ мѣстъ отечественныхъ исполненія приговора иностраннаго суда, разумѣется, по соображеніи и утвержденіи (Martens, § 94; Klüber, § 59; Procedure civile, 2123), и притомъ въ предположеніи, что иностранное присутственное мѣсто имѣло право начать искъ, судило сообразно формамъ принятымъ въ его отечествѣ, и рѣшило по законамъ страны. Въ этомъ случаѣ иностранное правительство уже не имѣетъ права принимать даже прошенія отъ своихъ подданныхъ о перевершеніи: очень естественно, если вспомнимъ, что иностранное правительство въ случаѣ обратномъ (если его подданный есть истецъ) считаетъ себя вправѣ интервенировать въ его пользу, какъ скоро замѣтитъ проволочку, нарушеніе формы или желаніе отказать въ справедливости — déni de justice (Martens, § 96; Klüber, § 58).

III. Семейственное право. Вступленіе въ бракъ иностранца съ иностранкою, въ нашемъ отечествѣ, не касается вовсе нашихъ законовъ, какъ отношеніе, которое такъ важно и рѣшительно, что къ нему нельзя вовсе примѣнить учрежденій, имѣющихъ для иностранца силу только до-тѣхъ-поръ, пока онъ не оставитъ нашихъ предѣловъ. Такъ должно понимать ст. 48 Свода, т. X, по которой лицамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій невозбранно дозволяется вступать въ бракъ по обрядамъ своей вѣры,

безъ испрошенія на то дозволенія гражданскаго (сравн. также стт. 50 и 52 Свода, т. X).

Но въ бракахъ иностранцевъ съ подданными страны вліяніе законовъ отечественныхъ безспорно можетъ имѣть мѣсто. Въ разныхъ странахъ существуютъ на этотъ счетъ разныя постановленія.

Опеки, по нашимъ законамъ, находятся въ рукахъ отечественныхъ миссій (т. X, ст. 186). Консульства другихъ державъ не менѣе того обязуются, по общимъ правиламъ, пещись о своихъ соотечественникахъ въ Россіи. Впрочемъ тамъ, гдѣ бы подобныхъ учрежденій не находилось, иностранное правительство не только вправѣ, но даже обязано принять на себя попечительство. Оно же должно, въ случаѣ нужды, дать законность акту установленія произвольной опеки надъ иностранцами. Это вытекаетъ изъ права отечественныхъ присутственныхъ мѣстъ, совершать всѣ акты иностранцевъ.

О наслѣдствѣ. Что касается до завѣщаній, то здѣсь дѣйствуетъ общее правило, по которому актъ долженъ сообразоваться, по формѣ и содержанію, съ законами страны (locus regit actum) (т. IX, ст. 112; т. X, ст. 656; Martens, § 98; Klüber, § 57). Возможныя неудобства, проистекающія отъ разности законовъ въ Европѣ о наслѣдствѣ по завѣщанію, уничтожаются существующимъ постановленіемъ, совершать акты въ канцеляріяхъ миссій (т. X, стт. 656 и 657).

Наслѣдство по закону различается по мѣсту нахожденія имущества. Наслѣдованіе въ имуществѣ иностранца, которое находится въ нашихъ предѣлахъ, слѣдуетъ законамъ нашего отечества. Въ про-

ливномъ случаѣ, законы нашей страны не могутъ имѣть вліянія (ср. т. IX, ст. 914). Здѣсь-то дѣйствовало, въ прежнія времена, несправедливое право— droit d'aubaine, и здѣсь-то дѣйствуетъ теперь право учета, droit de détraction, gabella migrationis, gabelle d'émigration, Nachsteuer и т. д. (Martens, § 90; Klüber, § 83; Свода т. IX, ст. 914, п. 3). Полученное иностранцемъ въ наслѣдство движимое имущество можетъ быть вывезено или переведено за границу, съ соблюденіемъ правила (ст. 929.): „внеся въ казну установленную за вывозъ движимаго имущества пошлину, буде платежъ оной не отмѣненъ трактатами."

IV. Право состояній. Во всякомъ государствѣ иностранцы составляютъ особый классъ населенія, особое сословіе, впрочемъ болѣе или менѣе сообразное съ тѣмъ положеніемъ, которое имѣлъ иностранецъ въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ европейскія державы признаютъ въ иностранцахъ не только характеръ подданныхъ другой страны, но и значеніе, которое придали имъ отечественные законы. Вопросъ состоитъ въ томъ: вполнѣ ли признается это особое значеніе иностранцевъ или только въ извѣстной мѣрѣ? Двоякое значеніе придаютъ законы гражданамъ, на основаніи государственной ихъ службы или принадлежности къ одному изъ установленныхъ состояній. Что касается до службы, до значенія гражданъ какъ чиновниковъ, то всѣ государства Европы взаимно и вполнѣ признаютъ это качество иностранныхъ подданныхъ вообще, и во всѣхъ его оттѣнкахъ, тѣмъ болѣе, что какъ гражданская, такъ особенно военная служба во всей Европѣ устроена по одному образцу.

Слѣдствіемъ того бываетъ, что старшій офицеръ отечественный пользуется преимуществомъ своего чина и въ чужой сторонѣ, въ отношеніи къ офицерамъ иностранной державы. То же имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о чиновникахъ гражданскихъ, особенно если, хотъ по имени, можно ему назначить мѣсто въ чинополоэюеніи другаго государства. Напр. нашъ статскій совѣтникъ и заграницею, именно въ Германіи, не перестаетъ занимать среднее мѣсто между тамошними дѣйствительными статскими совѣтниками и надворными совѣтниками. Только ученыя степени не вездѣ признаются; такъ докторъ правъ, философіи и т. п. университетовъ иностранныхъ не значатъ у насъ въ отечествѣ ничего. (Ср. Martens, § 108; Klüber, § 85; Положеніе объ испытаніяхъ на ученыя степени, 28 апр. 1837 г.).

Такимъ же образомъ рѣшается вопросъ о признаніи титуловъ, вопервыхъ потому, что титулы сами по себѣ не даютъ особыхъ правъ ни въ дѣлахъ гражданскихъ, ни въ дѣлахъ уголовныхъ; а во вторыхъ и по той причинѣ, что почти во всей Европѣ титулы существуютъ на одинаковомъ основаніи. Такимъ образомъ ничто не препятствуетъ полному признанію титуловъ иностранца, его графства, баронства, княжества и т. д., со всѣми аттрибутами или предикатами этихъ достоинствъ: сіятельствомъ, свѣтлѣйшествомъ или свѣтлостію, только бы языкъ отечества дозволялъ ихъ выразить; всё это однако же подъ условіемъ законности какъ правительства, давшаго этотъ титулъ, такъ и самаго акта сообщенія. Поэтому титулы, подобные наполеоновскимъ —

князя московскаго, далматскаго и пр. не признаются въ Россіи или Австріи.

Вопросъ о состояніяхъ не такъ легокъ. Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ есть состоянія, которыя не извѣстны въ другихъ державахъ. Во-вторыхъ, одно и то же состояніе не вездѣ даетъ тѣ же права. Въ первомъ случаѣ иностранецъ не можетъ требовать ничего болѣе, какъ примѣненія законовъ страны, установившихъ въ ней состояніе, сколько нибудь подобное его состоянію. Но если въ нашемъ отечествѣ запрещено закономъ то состояніе, къ которому иностранецъ принадлежитъ? Этотъ вопросъ не имѣетъ теперь значенія въ практикѣ, и потому не станемъ заниматься имъ.

2. Въ случаѣ, если иностранецъ принадлежитъ къ состоянію, которое у насъ не даетъ ему правъ, упроченныхъ его отечественными законами, иностранецъ совершенно зависитъ отъ распоряженій нашихъ законовъ. Съ другой стороны, принадлежа къ состоянію, котораго права у насъ условлены особыми постановленіями, иностранецъ не будетъ даже признанъ въ качествѣ члена этого состоянія. Такимъ образомъ по россійскимъ законамъ (т. IX, ст. 21) только дворяне царства польскаго и великаго княжества финляндскаго признаются наравнѣ съ россійскими дворянами, хотя бы нигдѣ не служили. Слѣдовательно дворяне державъ иностранныхъ, признаваемые впрочемъ дворянами, не имѣютъ всѣхъ правъ русскаго дворянства, или правильнѣе, по русскимъ законамъ (т. IX, ст. 903) иностранные дворяне изъ всѣхъ правъ русскаго дворянства имѣютъ только одну свободу отъ тѣлеснаго наказанія.

V. Законы уголовные. Дѣйствіе уголовныхъ законовъ простирается на всѣхъ россійскихъ подданныхъ (т. XV, ст. 167). Иностранцы, въ Россіи пребывающіе и путешествующіе, подлежатъ дѣйствію уголовныхъ законовъ на томъ же основаніи, какъ и россійскіе подданные (т. XV, ст. 173). Таково общее правило россійскихъ законовъ на счетъ уголовныхъ дѣлъ иностранца; такъ оно выражается во всѣхъ законодательствахъ и въ теоріи народнаго права. (Martens, § 99; Klüber, § 60). Разумѣется при этомъ случаѣ совершеніе иностранцемъ преступленія въ предѣлахъ страны, гдѣ онъ находится, безъ обращенія вниманія на постоянное мѣсто жительства. Слѣдовательно этимъ общимъ правиломъ законовъ подтверждается общее правило теоріи, по которому для сужденія о преступленіяхъ всегда уполномочивается судъ того мѣста, гдѣ преступленіе совершено (forum delicti commissi). Поэтому-то въ нашихъ уголовныхъ законахъ ясно упомянуто о путешественникахъ. Хотя отъ суда гражданскихъ мѣстъ путешественники не изъемлются, но естественно, что въ этихъ мѣстахъ дѣлъ о путешественникахъ будетъ меньше, чѣмъ въ мѣстахъ суда уголовнаго. Поэтому же наконецъ статью 176 т. XV должно толковать обширнѣе: хотя здѣсь говорится только о подлежательности мѣстнымъ судамъ россійскихъ подданныхъ, пребывающихъ заграницею, но необходимо разумѣть при этомъ и Россіянъ путешествующихъ.

Но одно ли мѣсто совершенія преступленія (forum delicti commissi) даетъ право суду начать изслѣдованіе и кончить рѣшеніемъ? одна ли подлежа-

тельность этого мѣста разбору извѣстнаго суда рѣшаетъ вопросъ о подлежательности дѣйствія, которое совершено въ этомъ мѣстѣ? Случай, встрѣчающійся довольно часто на открытомъ морѣ, случай нарушенія права нашихъ соотечественниковъ въ областяхъ никому непринадлежащихъ, рождаетъ сильное сомнѣніе насчетъ общности правила. Въ самомъ дѣлѣ, какое присутственное мѣсто, какое правительство должно разсматривать дѣло объ оскорбленіи, ограбленіи, убыткахъ нанесенныхъ нашему кораблю въ водахъ океана, который не признаетъ надъ собою другой власти, кромѣ власти Божіей? Разумѣется, здѣсь forum delicti commissi не можетъ имѣть мѣста, и расправа должна принадлежать нашему отечеству. Объ этомъ случаѣ говоритъ одинъ Клюберъ (§ 61), присоединяя къ тому положеніе, что здѣсь государство имѣетъ право отыскивать себѣ удовлетвореніе, какъ скоро представится къ тому случай въ странѣ, непринадлежащей никому или подвластной его законамъ. Другими словами, здѣсь подлежательность опредѣляется мѣстомъ поимки нарушителей нашего права.

Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что каждое государство можетъ подвергать силѣ своихъ законовъ пирата, или морскаго разбойника, гдѣ бы его ни встрѣтило, даже во владѣніяхъ другаго государства. Морскихъ разбойниковъ можно назвать бродягами, безпаспортными, vagabonds народнаго права. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ forum delicti commissi не имѣетъ приложенія, а дѣйствуетъ forum deprehensionis (мѣсто поимки).

Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что законы государства часто, по свойству нарушителей его права, могутъ дѣйствовать за предѣлами территорія, даже въ границахъ другой державы. Но какъ они дѣйствуютъ: какова сила приговоровъ, произнесенныхъ въ нашемъ отечествѣ; что можетъ власть судебная въ предѣлахъ иностранной державы? Спора нѣтъ, что иностранецъ, совершившій преступленіе въ нашемъ отечествѣ, арестованный властію нашихъ присутственныхъ мѣстъ, и оставшійся въ предѣлахъ Россіи до минуты исполненія приговора, вполнѣ испытываетъ силу нашихъ уголовныхъ законовъ. Но если страхъ наказанія унесъ преступника изъ предѣловъ нашихъ? Что будетъ значить для него процессъ и приговоръ нашей палаты, нашего сената? По ст. 179 п. XV, русскій подданный, учинившій преступленіе въ иностранномъ государствѣ, бѣжавъ въ Россію, имѣетъ быть, по доказательствамъ о его преступленіи, судимъ и наказанъ по всей строгости законовъ, какъ-бы преступленіе учинено имъ было внутри Россіи. Слѣдовательно по закону взаимности, господствующему въ народномъ правѣ, преступникъ-иностранецъ, бѣжавшій изъ Россіи, подвергается суду и наказанію по законамъ своего отечества, но не власти и не вслѣдствіе приговора нашего судебнаго мѣста. Прибавимъ къ тому, что въ вышеприведенной статьѣ сказано: „по доказательствамъ о преступленіи.“ Нужны доказательства; но не болѣе ли нужны законы, опредѣлющіе случай преступленія, его свойство и наказаніе, которое должно за тѣмъ слѣдовать? Что если отечество бѣжавшаго изъ Россіи преступника

не признаетъ факта, совершеннаго имъ у насъ, за преступленіе, не имѣетъ на этотъ счетъ законовъ? Конечно, подобнаго рода фактовъ весьма немного, однако же они возможны. Въ такомъ случаѣ, конечно, это государство не вправѣ и не обязано подвергать наказанію лице по законамъ страны совершенно невинное.

Вопросъ принимаетъ другой оборотъ, если бѣжавшій изъ государства преступникъ есть подданный оставленнаго имъ государства. Здѣсь возможно со стороны его отечества требованіе выдачи. И по русскихъ законамъ это истребованіе ясно опредѣлено ст. 180, т. XV. Разумѣется впрочемъ, какъ и самъ законъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, что это требованіе не можетъ имѣть дѣйствія безъ взаимныхъ соглашеній съ державами иностранными. По-крайней-мѣрѣ истребованіе подданнаго изъ предѣловъ державы посторонней имѣетъ за себя всю справедливость; тогда какъ истребованіе подданнаго другой державы, каковы бы ни были дѣйствія этого подданнаго въ нашихъ предѣлахъ, не могутъ быть поддержаны никакимъ юридическимъ началомъ: оттого, что если дѣйствіе его, противное нашимъ законамъ, есть преступленіе и по законамъ его отечества, то наказаніе ожидаетъ его въ собственномъ его отечествѣ; если же это дѣйствіе не противно законамъ страны, куда онъ ушелъ, то наказаніе необходимо само собою отмѣняется. Столько дано государству права, преслѣдовать собственными средствами нарушеніе правъ его и законовъ, но не болѣе. Всѣ остальные случаи нарушенія, совершенные внѣ предѣловъ государства,

хотя бы непосредственно противъ него или въ лицѣ его подданныхъ, выходятъ за сферу его власти суда и приговора. Нарушенія однако же возможны. Какія средства защиты судебной существуютъ для государства, которое потерпѣло нарушеніе права со стороны подданныхъ другой державы, совершившихъ преступленіе, не оставляя границъ своего отечества?

Здѣсь можетъ быть также два случая:

1. Если нарушеніе правъ нашего отечества состоитъ въ дѣйствіи, которое считается преступленіемъ въ области государства, гдѣ оно совершено, но естественно, что это нарушеніе будетъ наказано мѣстнымъ правительствомъ, по его законамъ. Напр. учрежденіе тайныхъ обществъ, съ цѣлію возмутить народонаселеніе сосѣдней державы, можетъ быть наказано по уставамъ страны, гдѣ эти общества запрещены, гдѣ сочиненіе всякихъ возмутительныхъ актовъ подвергаетъ виновнаго казни и т. п. Но

2. Если нарушеніе правъ нашего отечества состоитъ въ дѣйствіи, которое въ странѣ, гдѣ совершено нарушеніе, не почитается преступленіемъ? Въ этомъ случаѣ государство, потерпѣвшее оскорбленіе, можетъ требовать вознагражденія, но наказанія ни само назначать, ни къ тому принудить отечество преступника не вправѣ. Исключенія дѣлаютъ изъ этого правила взаимные договоры государствъ или временныя соглашенія. Можно ли, въ какомъ бы то ни было случаѣ, требовать выдачи лица, которое совершило въ своемъ отечествѣ дѣйствіе, направленное противъ насъ, и почитаемое

у насъ преступленіемъ? Безъ особыхъ договоровъ, такъ называемыхъ карцелей, ни одно государство Европы не считаетъ себя обязаннымъ, удовлетворять подобнымъ требованіямъ державы посторонней.

Разсмотрѣніе другихъ законовъ, въ ихъ примѣненіи къ иностранцамъ, повело бы насъ слишкомъ далеко, и совершенно въ другую область. Уже изложеніе примѣненія къ иностранцамъ законовъ уголовныхъ даетъ чувствовать читателю, что здѣсь начинается область вмѣшательства, права интервенціи. Свойство другихъ законовъ, напр. финансовыхъ, религіозныхъ и т. д. даетъ поводъ ко вмѣшательству гораздо обширнѣйшій, и ученіе о примѣненіи этихъ законовъ къ иностранцамъ служитъ переходомъ къ ученію объ интервенціи. Поэтому мы вправѣ и принужденными себя находимъ здѣсь остановиться, чтобы не дать статьѣ несвойственнаго ей расширенія.

А. Проф. В. Лешковъ.

II. Юридическій бытъ Малороссіи.

Малороссіянинъ, принадлежа по вѣрѣ, происхожденію и правленію къ великому русскому міру, имѣетъ много самостоятельности въ своей юридической жизни. Можетъ быть, первобытное различіе славянскихъ племенъ отзывается въ этой самостоятельности; но она еще болѣе пріобрѣтена бурною козацкою жизнію и страшною борьбою за свои вѣрованія. Христіанство и козачество — вотъ два начала, которыми напитана душа Малороссіянина, и которыя донынѣ, не смотря на всѣ внѣшнія измѣненія, дѣйствуютъ въ его жизни.

Христіанство развито въ Малороссіянинѣ въ самомъ внутреннемъ, глубокомъ его значеніи. Малороссіянинъ исполняетъ всѣ церковные обряды по завѣту предковъ; но онъ никогда не составитъ раскола, по какому нибудь незначительному, иногда только кажущемуся измѣненію внѣшнихъ установленій; онъ никогда не пускается въ толкованія о текстѣ Священнаго писанія и богословскихъ догматахъ; вѣритъ безсознательно тому, что передали ему отцы, всегда возвышая внутреннее надъ внѣшнимъ. Мысль о будущей жизни, о наградѣ за добро и наказаніи за зло, глубоко вкоренилась во всей его природѣ, и дала направленіе всей его жизни. Онъ боится обидѣть человѣка, потому что Богъ накажетъ

его; онъ не хочетъ овладѣть чужимъ имуществомъ, потому что *на этомъ свѣтѣ легко перевесть его, а на томъ свѣтѣ надобно отвѣчать*; онъ не можетъ не подѣлиться съ бѣднымъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, потому что въ его душѣ нѣтъ большаго пристрастія къ земнымъ благамъ, а онъ твердо вѣритъ, что станетъ на его жизнь, что Христосъ наградитъ его.

Благотворительность Малороссіянина особенно является изумительною во время бѣдствій неурожая. Толпы несчастныхъ, не имѣвшихъ ни какихъ средствъ пропитанія, переходили изъ деревни въ деревню, и нигдѣ не находя работы, вездѣ находили милосердіе. Малороссіянинъ не можетъ понять, какъ не раздѣлить съ просящимъ хлѣбъ, который у него лежитъ на столѣ, хотя бы онъ былъ послѣдній. Онъ увѣренъ, что Богъ милосердый пошлетъ ему пищу на другой день, что онъ заработаетъ или въ крайности получитъ отъ другаго, какъ самъ давалъ.

То же самое вспоможеніе бѣдному, которое является слѣдствіемъ безвозвратной благотворительности, обнаруживается и въ обширной системѣ займовъ, которая всегда поражала меня въ Малороссіи. Всякій богатый земледѣлецъ даетъ намъ взаймы бѣдному деньги, хлѣбъ, кормъ для скота. Очень часто случается, что дается хлѣбъ въ самый дорогой годъ, а потомъ отдается послѣ урожая, когда онъ въ десять разъ дешевлѣ, и это дѣлается не по особенной какой дружбѣ, а по общему взаимному доброжелательству. За деньги очень недавно стали брать проценты, а по коренному

народному обычаю, и деньги и хлѣбъ даются безъ процентовъ. Но чѣмъ же бѣдный платитъ богатому за такія пожертвованія дарственныя и заемныя? Онъ платитъ ему услугою, работою, также неопредѣленною, а произвольною. Обыкновенно богатый козакъ, желая совершить какую нибудь значительную работу, зоветъ собратовъ своихъ, которыхъ онъ одолжалъ, и они являются на *толоку* (т. е. работать вмѣстѣ, обществомъ) косить, возить сѣно, хлѣбъ, даже жать. Женщины *мажутъ*, *полютъ толокою* за одно угощеніе и благодарность (*за спасибо*). Замѣчательно, что Малороссіяне, считая за величайшій грѣхъ напиваться въ праздники въ работу, не откажется въ самый большой праздникъ итти на толоку къ своему сосѣду. Добрые помѣщики, которые мирно живутъ съ козаками, ласково съ ними обходятся, очень часто пользуются ихъ дарственными услугами: часто, если хочешь нанять, трудно найти охотниковъ, а попросишь *съ чести*, тотчасъ послушаютъ. Богатый владѣлецъ — козакъ отдаетъ обыкновенно свое поле бѣднѣйшимъ *жать съ третьяго снопа*, и очень еще недавно почиталось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь почитается беззаконіемъ, выдѣлять жнецу менѣе третьей части. Обхожденіе богатаго козака съ своими работниками весьма ласково: онъ никогда не возвышается надъ ними, и отношенія ихъ почитаются взаимными, совершенно равными услугами.

Чтобъ ясно представить себѣ юридическій бытъ Малороссіянъ, необходимо вспомнить, что въ Малороссіи существуетъ цѣлое многочисленное сословіе козаковъ, свободныхъ земледѣльцевъ, которые

не имѣютъ никакихъ особенныхъ повинностей ни къ казнѣ, ни къ помѣщикамъ, кромѣ общихъ государственныхъ и земскихъ. Большая часть изъ нихъ владѣютъ землями, которыя, какъ собственность, переходятъ изъ рода въ родъ, и на которыя ихъ право утверждено незапамятною давностію. Остальные получаютъ содержаніе работою, большею частію у собратовъ своихъ, владѣльцевъ земель. На этомъ основаніи сохраняются во всей чистотѣ старинные малороссійскіе нравы и установленія, обычаемъ утвержденныя. Здѣсь являются нравственныя начала религіи, гостепріимство, безкорыстіе, вѣротерпимость, честность, союзъ взаимный истинно-христіанскаго братства. Всё изложенное въ этой статьѣ должно относить вполнѣ только къ сословію козаковъ.

Разбирая юридическія подробности ихъ жизни, прежде всего обратимъ вниманіе на бытъ семейный, въ которомъ, если не всегда можемъ оправдать Малороссіянина, то по-крайней-мѣрѣ найдемъ рѣзкія черты его самостоятельности и какую-то нравственную силу.

Малороссіянинъ беретъ подругу рѣдко по внутренней склонности. Онъ располагаетъ жениться, потому что пришла пора основать семейство, и женится обыкновенно очень рано, не разсуждая о томъ, будетъ ли въ состояніи содержать дѣтей своихъ. Онъ увѣренъ, что необходимыя нужды будутъ удовлетворены, а прихотей не имѣетъ. Онъ ищетъ жены работящей, хозяйки разсудливой. Женщина привыкла здѣсь къ самовластію мужа; она говоритъ даже, что за мужъ, если ее не бьетъ (*що*

за чоловикъ якъ не бье); уважаетъ его, если онъ трудолюбивъ, если заботится о нуждахъ своего семейства, если твердо имъ управляетъ. Лишаясь мужа, она горюетъ о своей беззащитности, объ оставленныхъ спорахъ; но любовь сердечная встрѣчается весьма рѣдко. Мужъ есть полный властелинъ своего семейства: никто не можетъ вмѣшиваться въ его отношенія къ женѣ и дѣтямъ. Мужъ почти всегда отличается вѣрностію къ женѣ своей, и потому рѣдкія исключенія всегда возбуждаютъ сильное непріязненное чувство въ женѣ и отвращеніе въ народѣ. Женщины отличались еще недавно необыкновенною чистотою нравовъ. Народные обычаи свадебными обрядами и пѣснями вѣнчаютъ невинность дѣвицы: предъ нею несутъ красную хоругвь, въ знакъ ея невинности; но нынѣ не всегда эта хоругвь развивается при свадебномъ шествіи или иногда незаслуженно украшаетъ празднество брака. Мужъ вполнѣ распоряжаетъ всею собственностію семейства: землями, скотомъ, хлѣбомъ; но вещи, пріобрѣтенныя работою жены, остаются въ ея распоряженіи. Распредѣленіе работъ между мужемъ и женою твердо установлено обычаемъ: женщина никогда не коситъ, не копаетъ рвовъ, не огораживаетъ плетнями, не молотитъ, словомъ сказать, не исправляетъ тѣхъ работъ, которыя обычаемъ исключительно назначены для мущины.

Малороссіяне очень нѣжно любятъ дѣтей своихъ, а особенно мущины. Если бы я былъ живописцемъ, я бы изобразилъ Малороссіянина съ ребенкомъ на рукахъ, съ выраженіемъ исполненнымъ любви и нѣжности, въ которомъ нѣтъ ни разсчета, ни на-

деждъ, ни мечтаній, но одно почти безотчетное чувство любви къ невинному созданію. Съ ребенкомъ онъ отдыхаетъ отъ трудовъ своихъ, бережетъ его отъ ранней работы, и часто отказывается отъ его помощи, чтобы сберечь его силы. Едва сынъ вырастетъ, первое желаніе отца — пристроить *хлопца*, женить его; это его любимая мечта и дума; онъ боится умереть безъ этого; онъ часто отъ нетерпѣнія не можетъ хорошо узнать ту, которую предлагаетъ въ подруги своему сыну; впрочемъ онъ не дѣйствуетъ принудительно при бракѣ сына, а только уговариваетъ его исполнить отцовскую волю. Желаніе матери женить сына, а особенно выдать дочь, также сильно, хотя любовь къ дѣтямъ часто уменьшается въ женщинѣ тягостями ежедневныхъ объ нихъ заботъ.

Сынъ неженатый всегда повинуется власти отца своего: онъ работаетъ по его распоряженію, и отдаетъ ему свой заработокъ. Исключенія очень рѣдки и противны народнымъ правамъ. Но какъ только сынъ женится, тѣмъ болѣе когда родится у него дитя, отношенія тотчасъ измѣняются. Сынъ стремится основать независимое семейство; съ каждымъ днемъ всё менѣе повинуется власти отца; имѣетъ уже отдѣльную движимую собственность. Если отецъ еще бодръ, можетъ работать, распоряжать хозяйствомъ, и есть возможность къ раздѣлу, то женатый сынъ очень часто отдѣляется отъ отца; отецъ строитъ ему особую избу, отдаетъ часть огорода и поля, и они начинаютъ жить врозь. Такой раздѣлъ дѣлается необходимо, если два сына уже женились или отецъ имѣетъ вторую жену и

отъ нея дѣтей. Непокорность со стороны невѣстки свекрови своей часто ускоряетъ раздѣлъ. Если умираетъ отецъ и остаются два брата, одинъ женатый, а другой холостой, то между ними сохраняется еще единство. Но два брата женатые никогда почти не уживутся вмѣстѣ, и стараются скорѣе раздѣлиться.

Но если невозможность раздѣла, воля отца или другія какія нибудь обстоятельства заставляютъ женатаго сына жить съ отцомъ или двухъ братьевъ вмѣстѣ, тогда въ семействѣ происходятъ часто явленія, возмутительныя для нравственности. Здѣсь являются непокорность дѣтей, вражда братьевъ. Всего чаще ссорятся женщины за какія нибудь мелочи, за какой нибудь горшокъ въ печкѣ, и крикомъ увеличиваютъ гласность семейныхъ непріятностей. Невинныя ссоры дѣтей усиливаютъ вражду братьевъ и женъ ихъ. Эти явленія всего чаще повторяются у людей бѣдныхъ, которые не могутъ выстроить особой хаты.

Неспорно, что безпрестанная дѣлимость семействъ чрезвычайно вредитъ благосостоянію народному. Устройство отдѣльнаго хозяйства всегда дорого стоитъ для бѣднаго человѣка; работы идутъ неуспѣшно, когда на каждое хозяйство приходится по одному, много по два работника. Вслучаѣ болѣзни хозяина, а особенно въ рабочее лѣтнее время, семейство можетъ подвергнуться всѣмъ лишеніямъ, и хозяйство совершенно разстроивается. Ремесла не дѣлаютъ успѣховъ, потому что не могутъ у насъ, какъ въ Великороссіи, одинъ взрослый оставаться для земледѣльческихъ занятій, а другой,

шретій инши учишься ремеслу, и потомъ отправляться на заработокъ. Вдовы остаются беззащитными. Но какая польза соединять подъ одну кровлю тѣхъ, которые не могутъ жить въ единствѣ по своимъ правамъ? Лучше пусть братья раздѣляются и потерпятъ всѣ невыгоды раздѣла, нежели вкоренить между ними вражду. Очень часто случается, что если братья принуждены жить подъ одною кровлею, то они имѣютъ не только отдѣльную собственность, но даже отдѣльный столъ въ разныхъ углахъ одной хижины. Случается даже, что женатый сынъ имѣетъ отдѣльный столъ отъ остальнаго семейства отца своего. Но если братья раздѣлились или сынъ отдѣлился совершенно отъ отца, между ними возстановляются нравственныя отношенія. Дѣти уважаютъ отцовъ, слушаютъ совѣтовъ ихъ; старшій братъ пользуется также уваженіемъ. Они помогаютъ другъ другу имуществомъ и работою. Всѣ тѣ же вспоможенія и услуги, которыя Малороссіянинъ такъ легко и безкорыстно оказываетъ постороннимъ, здѣсь усиливаются врожденною привязанностію. Народъ вполнѣ признаетъ нравственныя отношенія не только между членами одного раздѣлившагося семейства, но и между всѣми родными, хотя въ немъ не признается ни родовая власть, ни родовая собственность, какъ въ Великороссіи.

Мнѣ кажется, что въ козацкомъ бродячемъ быту кроется эта слабость родоваго союза. Молодые люди, толпами отправляясь на Запорожье, оставляли семейства свои, отвыкали отъ нихъ среди битвъ и разгульной жизни; потомъ, отдыхая отъ

подвиговъ, селились гдѣ нибудь на хуторѣ среди необозримыхъ степей, и основывали независимое семейство; такихъ семействъ независимыхъ было много, а на остальныя имѣла также вліяніе эта запорожская жизнь. Въ Великороссіи, напротивъ того, жизнь всегда осѣдлая необходимо привела къ развитію родоваго союза, а потомъ матеріальныя выгоды этого союза, понятыя промышленнымъ народомъ, утвердили его, и сдѣлали необходимою принадлежностію сѣверорусской жизни.

Три важнѣйшія юридическія слѣдствія происходятъ отъ дѣлимости семействъ и непрочности родоваго союза: опека матери, довольно частыя усыновленія и вступленіе женатаго сына при жизни отца въ семейную власть. По смерти отца семейства въ Великороссіи старшій братъ или дядя получаетъ всю власть и управленіе хозяйствомъ; въ Малороссіи же мать по необходимости (потому что не остается взрослаго мущины въ семействѣ) дѣлается единственною опекуншею дѣтей, и безотчетною распорядительницею семейныхъ дѣлъ. Но когда вырастетъ сынъ и женится или зять будетъ принятъ въ семейство, тогда мало по малу власть переходитъ къ мущинѣ. Надъ круглыми только сиротами дѣлается опекуномъ ближайшій родственникъ. Бездѣтный человѣкъ, чтобъ имѣть въ старости помощь, и передать кому либо безъ раздѣла состояніе свое, часто усыновляетъ своего племянника, близкаго родственника или даже постороняго. Въ Великороссіи рѣдко бываетъ надобность прибѣгать къ усыновленію, потому что въ огромномъ семействѣ всегда есть нѣсколько пожи-

лыхъ и молодыхъ людей, которые помогаютъ старикамъ, и могутъ замѣнить ихъ по смерти. Тамъ часто дряхлый старикъ, едва движущійся, управляетъ семейными дѣлами; ему приносятъ заработокъ, даютъ отчетъ, отъ него получаютъ приказанія. Въ Малороссіи только бодрый человѣкъ управляетъ семействомъ, и почти всегда, если отецъ уже устроилъ дѣтей своихъ, и остается съ однимъ женатымъ сыномъ или имѣетъ его только одного, распоряженіе хозяйствомъ переходитъ къ сыну, а отецъ дѣлается только его помощникомъ, иногда совѣтникомъ. Очень часто отецъ уступаетъ добровольно и постепенно сыну семейныя права свои; иногда эта перемѣна дѣлается даже принудительно.

Имущество малороссійскаго козака состоитъ изъ движимости, строеній и земель. Кромѣ немногихъ исключеній, двадцать десятинъ земли считаются огромнымъ состояніемъ козака; часто владѣніе его заключаетъ десять, пять, двѣ десятины и даже менѣе. Дѣлимость семействъ безпрестанно раздробляетъ и недвижимую собственность, но съ другой стороны покупкою земель богатыми у бѣдныхъ опять скопляются состоянія въ руки. Такія обстоятельства увеличиваютъ постепенно число безземельныхъ; но переселенія къ Черноморью, по вызову правительства, и отдѣльныя переселенія на Донъ, въ екатеринославскую и херсонскую губерніи, опять уменьшаютъ ихъ число. Нѣкоторыя селенія владѣютъ обширными землями, которыя доставляютъ избытокъ владѣльцамъ и довольство работникамъ; другія, напротивъ, очень малоземельны.

Козаки имѣли недавно на свои земли полную собственность: они могли продавать, дарить, завѣщать, закладывать кому хотѣли. Теперь запрещено отчуждать собственность помѣщикамъ, и вообще людямъ другаго сословія. Это запрещеніе имѣло вліяніе на цѣнность козачей земли. Прежде помѣщики платили по придцати, сорока рублей за *день* (народная мѣра довольно произвольная, около $\frac{2}{3}$ десятинъ); теперь, по бездепежью козачьяго сословія, земли продаются отъ одного козака другому по 12 рублей за *день* или даже дешевлѣ. Еще чаще бѣдные козаки закладываютъ богатому за нѣсколько рублей свою землю съ тѣмъ, чтобы заемщикъ владѣлъ землею, пока будетъ уплачена должная сумма. Часто за неуплатою земля остается заложенною нѣсколько лѣтъ, и переходитъ даже въ наслѣдство отъ отца къ сыну.

Земли козаковъ состоятъ большею частію изъ многихъ мелкихъ кусковъ, но тяжбы о поземельной собственности между ними рѣдки. Границы каждаго владѣнія опредѣляются копанными межами. Вслучаѣ спора призываются старики, которые хорошо помнятъ всѣ границы и примѣты, имѣя наблюдательность и память мѣстности, удивительно развитую чрезполосностію владѣнія.

Во всякомъ селеніи, по трехпольной системѣ, земли раздѣляются на три *руки*. Въ одной сѣется рожь, въ другой яровой хлѣбъ, третья служитъ пастьбищемъ, какъ и вездѣ въ Россіи. Пастьбища общи для всѣхъ, также водопои и выгоны. Сѣнокосы заключаются или въ тѣхъ же трехъ рукахъ, или въ отдѣльныхъ лугахъ или лѣсахъ. По принятому

обыкновенію, до дня Св. Георгія, т. е. до 23 апрѣля, скотъ можетъ произвольно ходить не только по всѣмъ пастьбищамъ, но даже и по сѣянной ржи. Съ 23 апрѣля скотъ можетъ пастись только на *толокѣ*, т. е. на тѣхъ поляхъ, которыя въ томъ году не засѣяны. Какъ только снимется и свезется хлѣбъ, скотъ пускается на жниво. Пастухи договариваются отъ общества, и получаютъ плату отъ штуки скота. *Царинные*, или сторожа, при выѣздѣ изъ селенія, берутъ обыкновенно по снопу съ каждаго воза хлѣба.

Нарушенія правъ собственности бываютъ очень рѣдки. Воровство почти не извѣстно между козаками. Чаще всего случается незаконная порубка лѣсу. Собираніе валежника въ чужомъ лѣсу не считается, по обычаю, нарушеніемъ права. Можно также безнаказанно подчистить сухія вѣтви для топки, даже вырубить нѣсколько обручей и свѣжихъ мелкихъ вѣтвей. Вездѣ можно свободно охотиться, собирать орѣхи, грибы, лѣсныя ягоды, только не портить нескошенной травы. Но бѣднякъ, привыкая пользоваться чужимъ лѣсомъ, иногда дѣлаетъ болѣе значительную порубку. Если хозяинъ поймаетъ кого въ кражѣ лѣса или чей скотъ на своемъ пастьбищѣ или полѣ въ недозволенное время, то онъ, вмѣсто всякой жалобы, гонитъ скотъ къ себѣ на дворъ, и не отдаетъ, пока не получитъ удовлетворенія, большею частію по взаимному согласію назначаемаго, а при значительномъ убыткѣ, по приговору посредниковъ или общества.

Обычное право наслѣдованія движимаго и недвижимаго имущества многимъ отличается отъ по-

ложительнаго права; но я не имѣю теперь столько данныхъ, чтобы изложить послѣдовательно эту часть народнаго быта. Сколько мнѣ извѣстно, мужъ по смерти жены большею частію владѣетъ ея имѣніемъ, не отдавая материнскаго дѣтямъ. Братья рѣдко даютъ невыдѣленнымъ при жизни родителей сестрамъ земли, а большею частію надѣляютъ ихъ произвольно движимостію. Сыновья раздѣляютъ имѣнія поровну. Завѣщанія словесныя всегда уважаются и рѣдко дѣлаются ко вреду своего рода. Иногда завѣщаваютъ нѣкоторую сумму денегъ въ пользу церквей, распоряжаются о своемъ погребеніи и т. п.

Изъ договоровъ въ Малороссіи народу извѣстны: купля и мѣна движимости или земли, застава (залогъ) земли за извѣстную сумму до уплаты, наемъ земли; наемъ личной услуги и заемъ движимости. Поручительства по займу очень рѣдки, а складъ движимыхъ вещей почти не извѣстенъ. Владѣніе поземельною собственностію и вліяніе дѣлимости семействъ на имущества произвели особенные виды найма земли и личной услуги, почти неизвѣстные въ Великороссіи. Тамъ каждый хозяинъ, владѣющій землею казенною, собственною или даже помѣщичьею, имѣетъ скотъ для обработки земли, и какъ семейства не дѣлятся, то и всегда поддерживается эта необходимая принадлежность хозяйства. Въ Малороссіи, напротивъ того, при дѣлимости семействъ, разстройствѣ состояній отъ того происходящемъ, и употребленіи воловъ, которые гибнутъ отъ частыхъ падежей, многіе козаки, владѣльцы земель, также и большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, не имѣютъ собственнаго скота. Отъ того

возникаютъ особенныя отношенія между *тяглыми*, имѣющими рабочій скотъ, и *пѣшими*, которые пашутъ чужими волами. Прежде всего надобно замѣтить, что въ тяжелый малороссійскій плугъ запрягаются обыкновенно три пары воловъ, и какъ большая часть тяглыхъ хозяевъ имѣетъ только по одной парѣ, то они спрягаются вмѣстѣ на томъ условіи, что сначала пашутъ одному, потомъ другому, наконецъ третьему.

Пѣшіе очень рѣдко нанимаютъ тяглыхъ за деньги для обработыванія своего поля. Большею частію орутъ *съ половины*, т. е. половина земли за обработку отдается въ пользованіе хозяину скота. Но если падежъ уменьшаетъ число скота, то въ селеніяхъ многоземельныхъ часто только третія часть земли остается въ пользованіе ея владѣльца, а на двухъ частяхъ засѣваетъ хозяинъ скота. Если хозяинъ скота засѣваетъ своимъ зерномъ и ту часть земли, которая остается въ пользованіе владѣльца, то первому принадлежитъ по-крайней-мѣрѣ $\frac{2}{3}$ хлѣба на всемъ полѣ, а послѣ неурожая, когда сѣмена дороги, $\frac{3}{4}$, даже болѣе. Очень недавно стали являться измѣненія въ этихъ обычаяхъ. Встарину всегда пахали съ половины, а если кто пахалъ землю и засѣвалъ своимъ зерномъ, то получалъ $\frac{2}{3}$ хлѣба въ свое пользованіе.

Если кто обязывается спахать землю, засѣять своимъ зерномъ, снять хлѣбъ, и привезть къ хозяину земли, то отдаетъ ему обыкновенно только пятую часть снятаго хлѣба. Но большею частію скотъ для перевозки хлѣба получается на основаніи взаимныхъ услугъ. Если кто жнетъ чужой хлѣбъ, то

обыкновенно получаетъ третій снопъ; но за то обязывается большею частію на всё время жатвы; а сверхъ того помогаетъ хозяину во время сѣнокоса. Молотится хлѣбъ обыкновенно *за коробку*, т. е. работникъ получаетъ часть вымолоченнаго хлѣба, въ урожайный годъ шестую, въ годы менѣе изобильные осьмую, а въ неурожайный даже двѣнадцатую. Нанимаютъ землю пахатную и сѣнокосную почти всегда на годъ. Иногда тотъ, кто убралъ сѣно, получаетъ половину. Хозяину мельницы за перемолъ выдѣляется десятая часть перемолотаго хлѣба мѣрою, зерномъ. Большая часть прочихъ работъ исполняется по взаимнымъ услугамъ; иногда нанимаются за деньги поденно или на опредѣленную работу. Значительныя постройки дѣлаются всегда за деньги. Достаточные люди имѣютъ наймитовъ, наймичекъ годовыхъ, которые получаютъ плату и употребляютъ во время найма хозяйскую одежду. Всѣ работники кормятся хозяиномъ. Деньги и хлѣбъ занимаются большею частію безъ процентовъ, за услугу. Очень рѣдко, и то недавно, стали платить десятый процентъ.

Договоры утверждаются однимъ взаимнымъ согласіемъ, даже безъ свидѣтелей. При куплѣ, мѣнѣ и другихъ значительныхъ договорахъ бьютъ обыкновенно по рукамъ. Купля земли дѣлается при свидѣтеляхъ; иногда пишется домашнее условіе съ подписомъ продавца и свидѣтелей. Грамотные подписываютъ за неграмотныхъ, *взявши у нихъ руки*.

Нарушенія обязательствъ по договорамъ очень рѣдки, а если и случаются, то еще рѣже бываютъ жалобы и тяжбы. Стараются усовѣстить наруши-

теля обязательства, а въ крайности оставляютъ свои требованія. Займы почти всегда уплачиваются честно. Если должникъ не можетъ уплатить занятой суммы, заимодавецъ легко отсрочиваетъ, а тотъ старается услугами пріобрѣсть его снисходительность. Эти услуги составляютъ для богатаго нѣкоторый доходъ съ капитала, весьма важный и даже необходимый для его земледѣльческаго хозяйства. Пользуясь имъ, и имѣя мало склонности къ накопленію денежныхъ капиталовъ и къ торговымъ оборотамъ, Малороссіянинъ говоритъ обыкновенно: „*старый долгъ якъ находка*," хотя этотъ долгъ пропадаетъ только въ такомъ случаѣ, если должникъ совершенно обнищаетъ. Тогда заимодавецъ не станетъ преслѣдовать бѣдняка, и скоро забудетъ о своей потерѣ, конечно почти всегда незначительной, потому что обыкновенно занимаютъ многимъ, но немного; никто не имѣетъ въ готовности въ одно время значительной суммы, и никто не привыкъ къ лихоимству; заемъ дѣлается какъ услуга, которая оплачивается другою услугою.

Та же самая старинная козацкая жизнь, которая остановила въ Малороссіи развитіе родоваго союза, въ высшей степени развила понятіе объ общинѣ, выражаемой народнымъ словомъ: *громада*. Подъ именемъ *громады* въ обширномъ смыслѣ разумѣется все козацкое общество, по-крайней-мѣрѣ всѣ хозяева селенія вмѣстѣ взятые. Въ этомъ смыслѣ всё, принадлежащее козацкому обществу, называется *громадскимъ*; такъ говорится: громадскій *ставокъ* (прудъ), колодезь, громадская *гребля* (плотина), громадскій скотъ, громадскій пастухъ. Въ собственномъ смыс-

лѣ *громадою* называется собраніе людей пожилыхъ, состоятельныхъ, пользующихся уваженіемъ своего общества. Въ каждомъ селеніи составляется такая особенная громада, которую козаки признаютъ своею ближайшею общественною властію. Они имѣютъ къ громадѣ большое уваженіе, говорятъ: „*громада великій человикъ*“; величаютъ ее: „*панове громада*“, и снимаютъ предъ нею шапку. Эта громада имѣла еще недавно очень обширную власть въ селеніи: не было ни одного общественаго дѣла, въ которомъ бы она не властвовала или по-крайней-мѣрѣ не принимала участія. Громада избирала всѣхъ урядниковъ селенія своего, слѣдила за ихъ дѣйствіями, жаловалась начальству, если урядники не оправдали ея довѣренности, если дѣлали притѣсненія. Избраніе производилось просто открытыми голосами. *Выборные*, избранные громадою, имѣли всю полицейскую власть въ селеніи. Мѣстечки избирали *головъ*, которыхъ власть хотя и распространялась на селенія всей волости, но заключалась въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. *Сборщики*, избранные также громадою, собирали подати, которыя отъ каждаго селенія отправлялись прямо въ казначейство. Вообще громада и ею избранные урядники не отличались полицейскою дѣятельностію. Подати собираемы были слабо. Проселочныя дороги, мосты были въ худомъ состояніи. Порядка въ селеніяхъ было мало. Въ податяхъ каждый отвѣчалъ за себя и свое семейство, за живыхъ, умершихъ и взятыхъ въ рекруты. Наклады на достаточныхъ за неплатящихъ не были извѣстны. Громада завѣдывала сельскими магазинами для продовольствія во время голода. Хлѣбъ

вездѣ ссыпали въ *ямы*, и перемѣняли чрезъ нѣсколько лѣтъ. Неурожаи были рѣже, а потому раздача хлѣба изъ ямъ иногда долго не производилась. Громада наблюдала за рекрутскими очередями, и приговаривала кому итти въ рекруты, отдавая безъ очереди негодяевъ. Очень часто случалось, что если очередь доходила до очень богатаго козака, то онъ всю цѣну рекрута, иногда до тысячи рублей, платилъ въ церковь, и громада, увольняя его, переходила къ слѣдующей очереди. Рѣдко возникали жалобы на несправедливую отдачу.

Громада была единственнымъ судилищемъ въ селеніи. Каждый козакъ отправлялся судиться предъ нею въ тяжбѣ и обидѣ. Рѣшенія ея отличались вообще правдивостію и миролюбіемъ. Прежде всего старались примирить противниковъ, склонить ихъ къ добровольному удовлетворенію. Только не успѣвши въ мирѣ, опредѣляли взысканіе въ пользу обиженнаго или назначали наказаніе. Часто требовалось, чтобъ обидѣвшій просилъ прощенія у обиженнаго предъ громадою. Обыкновенно покорялись рѣшенію этого судилища добровольно. Только въ крайности выборный приводилъ въ исполненіе его рѣшеніе.

Попеченіе о приходской церкви принадлежало громадѣ. Она собиралась, чтобы разсуждать о надобностяхъ церковныхъ, постройкахъ, передѣлкахъ, чтобы дѣлать пожертвованія, распредѣлять повинности натурою въ пользу строющейся церкви. Благочестіе отличало всегда эти собранія. Хвалы простодушныя были приносимы здѣсь тѣмъ, которые отличались особенною ревностію къ благолѣпію храмовъ.

Теперь учреждены въ селеніяхъ новые урядники, къ которымъ перешли многія обязанности старинныхъ громадъ. Число полицейскихъ урядниковъ увеличено. Учреждены особые судьи, избираемые обществомъ посредствомъ балотированія. Рекрутскія очереди съ точностію опредѣлены. Особенное управленіе имѣетъ ближайшій надзоръ за козаками, рѣшаетъ споры, наказываетъ вины, заботится о продовольствіи во время неурожая, наблюдаетъ за урядниками, наспаиваетъ о взысканіи податей, исправленіи дорогъ и полицейскомъ порядкѣ. Громада теперь менѣе имѣетъ власти и дѣла; но она еще не исчезла изъ народной жизни, и во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ свою дѣятельность. Она всё еще собирается для того, чтобы позаботиться о церкви своей, принесть жалобу начальству на урядниковъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ еще случаяхъ, которые трудно опредѣлить, по недавности новыхъ учрежденій.

Кандидатъ правъ В. Тарновскій.

III. Объ опекѣ, въ связи съ общественнымъ бытомъ древней Россіи.

Въ періодъ народной жизни, обычай, предшествующій законамъ письменнымъ составляетъ единственный источникъ права. Онъ выражается въ явленіяхъ общественной жизни, и только изъ нихъ можно вывесть юридическія начала. Въ первомъ періодѣ русской исторіи встрѣчаемъ два явленія опеки: опеку надъ Игоремъ и Святославомъ. Лѣтопись говоритъ: „умершу Рюрикови, предасть княженіе Олгови отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми“ (1). Далѣе, когда Древляне убили Игоря, малолѣтный Святославъ остается подъ опекою матери — Ольги (2). Вотъ всѣ извѣстія объ опекѣ.

Въ семействѣ всѣ отношенія основаны самою природою; съ уничтоженіемъ единства семейной власти, со смертію главы, оно распадается на многія семейства—начало гражданскаго быта. Но смерть главы можетъ случиться въ то время, когда части семейства не могутъ составить семействъ

(1) Лавр. сп. Тим., стр. 14.
(2) Тамъ же, стр. 27.

отдѣльныхъ, когда дѣти еще не достигли совершеннаго возраста. Семейство должно бы уничтожиться, если бы не было опеки, которая искусственно поддерживаетъ уничтожившуюся власть семейную, на время, до возраста дѣтей. Такимъ образомъ опека является въ срединѣ семейнаго и гражданскаго быта, какъ-бы переходъ одного къ другому. Въ ней заключаются два начала: семейное и гражданское. Всѣ измѣненія въ семействѣ и гражданскомъ бытѣ рѣзко обнаруживаются въ опекѣ, а потому, чтобы понять ея характеръ въ извѣстное время, необходимо разсматривать ее въ связи съ семейною и гражданскою жизнію народа.

Итакъ, чтобы понять характеръ опеки въ первомъ періодѣ нашей исторіи изъ тѣхъ двухъ явленій, которыя намъ предлагаетъ лѣтопись, необходимо разсмотрѣть ихъ въ связи съ цѣлымъ бытомъ народа. Вотъ задача нашего изслѣдованія.

I.

Въ древности, до которой достигаютъ историческія преданія, племена славянскія находимъ мы на первой степени общественнаго развитія. Ихъ внутреннее устройство—родовое, но различное у сѣверныхъ отъ южныхъ, бывшихъ въ безпрерывныхъ соотношеніяхъ съ Греками, и отъ западныхъ, которыя были подъ вліяніемъ сосѣднихъ германскихъ племенъ.

Объ южныхъ Славянахъ говоритъ Прокопій (въ 549 г.) (3), что они не имѣли монархическаго

(3) De bello gothico, III, 498, у Спрингера § 9.

правленія, и въ важныхъ дѣлахъ совѣщались вмѣстѣ. То же повторяютъ Константинъ Багрянородный (въ 950 г.) и Маврикій (4). Судъ Любуши свидѣтельствуетъ о родовомъ управленіи Славянъ западныхъ (5). Славяне прибалтійскіе являются морскими торговцами и разбойниками (6). У южныхъ оно рано приняло военный характеръ, отъ частыхъ войнъ съ сосѣдями (7), между тѣмъ какъ сѣверные живутъ болѣе мирно (8). Ихъ военныя дѣйствія начинаются, кажется, не задолго до пришествія Варяговъ, и развиваются въ ихъ пришествіе. Несторъ говоритъ о Полянахъ: „Полемъ же жившимъ особе и володѣющимъ роды своими“, и далѣе: „живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ (9).“ Понятіе о родѣ,—вотъ основное начало, изъ котораго объясняются всѣ явленія въ этомъ періодѣ русской исторіи. Каждый родъ составляетъ отдѣльное цѣлое; многія семейства теряютъ въ немъ свою личность; всѣ отношенія семейныя получаютъ свое единство во власти родоначальника. Въ немъ средоточіе родоваго быта. Эти родовыя отношенія даже въ одномъ родѣ, тѣмъ бо-

---

(4) De administr. imper., стр. 87. Шлецер., ч. I, стр. 52. Mauricius, Ars militar., V, 284.

(5) Kraladworsky Rukopis, Prg, 1835, стр. 51 и др.

(6) Іорданъ, de Gothorum origine, гл 23, Гельмольдъ, II, 13.

(7) Безпрерывныя свидѣтельства у Ѳеофилакта, Ѳеофана, Кедрина, Константина Багрянороднаго и др. О племенномъ ихъ состояніи Ѳеофилактъ, VI, 2, 8, 595 г. Ѳеофанъ 680 и Никифоръ 768. (Стрит. § 51—98).

(8) Ѳеофилактъ (629 г.), IV, 2.

(9) Лавр. сп., стр. 7.

лѣе при ихъ столкновеніи, и нарушаются, и ограничиваются. Если и ограниченія, и нарушенія происходятъ внутри рода, проистекая изъ личныхъ свойствъ его членовъ, то онѣ не выходятъ изъ этого круга, въ немъ и храняться, и возстановляются. При столкновеніи многихъ, эти ограниченія, въ отношеніи къ каждому роду въ отдѣльности, будутъ внѣшнія, несущественныя, и притомъ общія для всѣхъ, а потому не могутъ быть причислены къ правамъ родовой власти: кругъ ихъ дѣйствія ограничивается только однимъ родомъ, а здѣсь уже входятъ въ соприкосновенія многіе. Необходима другая власть, которая бы хранила эти уставы первопачальныхъ ограниченій, хранила обычай, и она является въ совокупности всѣхъ родоначальниковъ. Вотъ одно изъ элементовъ верховной власти (охранительной). Такъ было у Славянъ: общенародное управленіе Антовъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Прокопій. Константиновы senes suppanos, seniores, majoresque natu означаютъ не болѣе, какъ эту думу отцовъ семействъ; она-то потомъ развивается въ вѣче, и является не только у сѣверныхъ, но и у всѣхъ Славянъ. Эти уставы также могутъ быть нарушаемы. Каждое нарушеніе касается одного рода, а потому и принадлежитъ къ его власти; оттуда родовая месть. Вотъ второй элементъ верховной власти.

Такъ развивается народный бытъ у одного племени; но ихъ живетъ много. Тѣснимыя внѣшними врагами или умножающимся народонаселеніями, онѣ сходятся ближе и ближе. Ихъ различныя степени гражданственности, а слѣдовательно раз-

личные правы и обычаи (10), должны при столкновеніи ограничиваться. Если эти столкновенія мирны, то ограниченія происходятъ медленно. Но могли быть и враждебныя: иногда племена принуждены были завоевывать себѣ мѣста. Здѣсь, какъ съ той, какъ и съ другой стороны, является необходимость силы нападающей или отражающей нападенія. Она, относясь къ цѣлому племени, очевидно превышаетъ силу каждаго изъ родоначальниковъ; а вмѣстѣ предводительствовать военною силою не возможно. Поэтому необходимо выбрать изъ нихъ одного, и вотъ племена выбираютъ одного изъ нихъ на время войны, не видя необходимости выбирать навсегда, при рѣдко встрѣчающихся подобныхъ обстоятельствахъ (11). Но война у другихъ племенъ, преимущественно пограничныхъ, бываетъ часто; поэтому такой безпрестанный выборъ, по неожиданности войны, не возможенъ, и вотъ являются постоянные вожди, какъ это преимущественно видно у южныхъ славянскихъ племенъ. Вотъ третій элементъ верховной власти—военный. Но всѣ эти элементы разъединены и развиваются отдѣльно.

Далѣе, племена начинаютъ соединяться между собою, или чрезъ войну — покореніемъ, или мирно, чувствуя единство происхожденія. Въ первомъ слу-

---

(10) Тамъ же, стр. 7: „имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, кождо свой правъ.“

(11) Prawda ruska, przez Rakowieckiego, Warsz, 1820, ч. I, тит. I, разд. III, стр. 46. — Этотъ выборъ вождя былъ въ обыкновеніи у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ — Grimm's Rechtsalterthümer, стр. I, 231; у Вестготовъ — Tacit. Annal. II, 16; у Саксонцевъ — Беда, V, II и проч.

чаѣ общимъ предводителемъ войска является предводитель побѣдительнаго племени; во второмъ— соперничество: или то, или другое племя не хочетъ уступить первенства; здѣсь необходимо призваніе военачальника изъ другаго народа и племени. Это явленіе мы находимъ у Славянъ сѣверныхъ: мирный союзъ четырехъ племенъ платитъ дань Варягамъ, чтобъ они защищали ихъ отъ враговъ. Но вѣроятно эта дань слишкомъ была тяжела, или вѣроятнѣе слаба защита Варяговъ (12), а потому Славяне прогоняютъ ихъ. У нихъ и безъ того были враги; теперь они умножаютъ ихъ Варягами, а потому должны были готовиться къ войнѣ, и вотъ они строютъ города для защиты (13), и собираютъ дружину. Но кому же быть вождемъ? Родоначальники всѣ равны: вотъ споръ и междуусобія (14). Должно было откуда-нибудь призвать родоначальника. Варяги, и можетъ быть нѣкоторые храбрые изъ нихъ роды, были имъ извѣстны, и они призываютъ родъ Рюрика. По соединеніи нѣсколькихъ племенъ, дѣйствія ихъ становятся мно-

(12) Архангелород. списокъ: „а иже у нихъ живяху Варяги, то имъ насиліе дѣяху имъ Словеномъ, и Кривичемъ, и Меряномъ, и Чуди“ (стр. 3, изд. 1819 г.). Вѣроятно слова *насиліе дѣяху* означаютъ принужденіе при сборѣ податей.

(13) Несм: „изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами всобѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.“

(14) Шл. Несм, 1, гл. 18: „и изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани. И почаша сами въ себѣ володѣти (въ софій., архангел. и полн. — городы ставити). И не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша усобицѣ въ нихъ, и воевати сами на ся почаша.“

гословіе; они болѣе и болѣе соприкасаются со враждебными племенами, которыя теперь пѣснятъ ихъ съ трехъ сторонъ. Необходимо быть постоянно въ готовности для отраженія ихъ нападеній. Народъ земледѣльческій не промѣняетъ плуга на оружіе, вѣрныхъ выгодъ мирнаго труда на невѣрную добычу (равно и народъ торговый); однако имъ нужно оборонятьсѧ, — и вотъ призваніе (15). Итакъ необходимость призванія была военная. Но вотъ вопросъ: были ли Варяги призваны только какъ военачальники или какъ князья? Шлецеръ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Славяне не искали государя-самодержца въ настоящемъ смыслѣ: люди, пользующіеся дикой свободой, не промѣняютъ добровольно своего права гражданскаго на монархическое. Они искали только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ въ случаѣ прихода новыхъ грабителей.“ И далѣе прибавляетъ: „можетъ быть они были главными, и рѣшали несогласія четырехъ теперь союзныхъ племенъ (16).“ Въ этомъ очевидно противорѣчіе: старшинамъ, супанамъ славянскимъ принадлежала вся власть народная. Если князья были старшими супанами, и имѣли право рѣшать ихъ споры, то очевидно они не были только военачальники. Миллеръ послѣдовательнѣе выска-

(15) Замѣчательны слѣдующія слова Длугоша: „призвали они Варяговъ трехъ князей, потому что изъ собственныхъ старшинъ, по ихъ равенству, никого избрать не пожелали.“ Hist. Pol., кн. I, стр. 49. Если эти слова и не основаны на преданіи, а суть только предположеніе Длугоша, то во всякомъ случаѣ это предположеніе представляется самымъ естественнымъ.

(16) Несп., ч. 1, стр. 305 и 306.

зываетъ то же мнѣніе (17), называя Рюрика просто военачальникомъ, который впослѣдствіи, усмиривъ бунтъ новогородскій, сдѣлался полнымъ властителемъ. Карамзинъ (18) и за нимъ Эверсъ (19) противоположнаго мнѣнія. Эверсъ, опровергая Шлецера, приводитъ противъ него слѣдующія доказательства: 1) имя князя, которымъ назывались призванные Варяги. Но это имя не можетъ быть достаточно объяснено, потому что неизвѣстна вполнѣ власть древнихъ славянскихъ князей. Однако изъ всѣхъ свидѣтельствъ видно, что преимущественно они были военачальники. Да и самое слово *князь* не будетъ этому противорѣчить, если производить его отъ *конъ*, край, начало — начальникъ или отъ копя (20). 2) Второе опроверженіе гораздо важнѣе — это слова Нестора: поищемъ себѣ князя, говорятъ Славяне, „иже бы володѣлъ нами и судилъ по правдѣ.“ Далѣе, самыя свова призванія: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидите у насъ княжити и володѣти (21).“ Всё это говоритъ противъ того мнѣнія, что князья наши были призваны какъ военачальники. Съ другой стороны, обстоятельства, при которыхъ случилось призваніе, и всѣ дѣйствія первыхъ князей говорятъ за него. Если даже предположить, что

---

(17) Büsching's Magazin, 336.

(18) Т. 1, гл. 4.

(19) Крит. изслѣд., переводъ Погодина, 1826 г. V, 51 и далѣе.

(20) Раковецкій, Pr. R, Разд. III, 48. Ходаковскій, Сѣверный архивъ, 1824, N. 11.

(21) Шл. Нест. 1, гл. 18 и 19.

эти слова принадлежатъ самому Нестору (а очень можетъ быть, что послы славянскіе иначе говорили Варягамъ), то и тогда останется необъясненнымъ, почему между военачальниками является женщина — Ольга; почему впослѣдствіи они безпрепятственно присоединяютъ къ своей власти: власть утвержденія законовъ (съ Ярослава), и судебную (съ сыновей Ярослава). Миллеръ (22) избѣгаетъ этихъ возраженій, говоря, что въ 864 году, т. е. съ усмиренія новогородскаго бунта, Рюрикъ сдѣлался неограниченнымъ властителемъ Но 1) дѣйствія Рюрика и до бунта, и послѣ, одинаковы совершенно, и одинаковы съ дѣйствіями Олега и Игоря до самой Ольги. Только съ ней начинаетъ измѣняться первоначальный характеръ княжеской власти. 2) О бунтѣ новогородскомъ, и потомъ о побѣгѣ многихъ Новогородцевъ въ Кіевъ, отъ притѣсненій Рюрика, говорится только въ одномъ никоновскомъ спискѣ. На сомнительномъ происшествіи нельзя основывать предположеній.

Всѣ эти противорѣчія легко разрѣшаются при слѣдующемъ предположеніи: Варяги были призваны не какъ военачальники, а какъ полные владѣтели; но характеръ княжеской власти въ это время состоялъ только въ предводительствѣ военною силою, во внѣшнемъ охраненіи. Такъ было у всѣхъ славянскихъ племенъ. Первые князья ихъ были военачальниками (23). Причину такого явленія въ нашей исторіи можно объяснить: 1) изъ родоваго устрой-

(22) См. вышеприведенное мѣсто.

(23) Раковецкій, Р. К., I, III, стр. 51.

ства племенъ, гдѣ всё внутреннее управленіе принадлежитъ ихъ родоначальникамъ, или въ отдѣльности, или общему ихъ собранію, вѣчу. 2) Изъ характера Варяговъ. Кто бы они не были, Славяне прибалтійскіе или Норманы, и въ томъ и въ другомъ случаѣ — люди воинственные. Будучи призваны править мирными Славянами, они не вдругъ перемѣняютъ свой характеръ: первоначальное ихъ правленіе состоитъ въ защитѣ отъ Варяговъ, и завоеваніи ихъ; потому они приходятъ съ дружиною. Враги съ разныхъ сторонъ нападаютъ и притомъ неожиданно: необходимо раздѣлиться силѣ, быть меньшимъ военачальникамъ, подвластнымъ старшему, и вотъ братья Рюрика селятся на границахъ (24). Кромѣ того дань платится въ разныхъ сторонахъ: необходимо кому либо собирать ее, и потому вѣроятно они были первыми, если не собирателями, то принимателями дани. Послѣ смерти братьевъ, Рюрикъ раздаетъ области *мужамъ своимъ* съ тою же цѣлію; равно Святославъ съ этимъ же характеромъ ставитъ сыновей своихъ, и они остаются тамъ до самой его смерти. Народъ платитъ дань добровольно, и въ первое время вѣроятно вѣрно потому, что ее собирало вѣче, и передавало военачальникамъ. Но дань съ побѣжденныхъ народовъ иногда собираетъ самъ князь, объѣзжая страну вмѣстѣ съ дружиною. Однако величину дани опредѣляетъ воля народа: Игорь ее нарушилъ, и Древляне его убили.

---

(24) Въ Ладогѣ, чтобы защищать отъ другихъ Варяговъ, въ Бѣлѣозерѣ отъ Пермянъ, въ Изборскѣ отъ Лешиовъ. Миллеръ, въ Büsching's Mag, 336.

Кромѣ мужей княжескихъ, мы встрѣчаемъ меньшихъ князей, подвластныхъ великому. Объ нихъ упоминается въ договорахъ съ Греками (25). Такихъ князей встрѣчаемъ и у другихъ славянскихъ племенъ, напр. въ Болгаріи при Крумѣ (26), въ Сербіи (27) и проч. Объ нихъ безпрерывно говорятъ византійскіе лѣтописцы (28). Вѣроятно, это были князья племенъ покоренныхъ (такъ мы видимъ князей печенѣжскихъ), которые послѣ сдѣлались военачальниками, подвластными великому князю. Итакъ первоначальная власть князя состояла въ предводительствованіи войскомъ, и собираніи дани для содержанія дружины. Всходитъ на престолъ Ольга — женщина. Какимъ же образомъ она можетъ исполнить первую обязанность верховной власти — предводительствовать войскомъ? Гдѣ она мститъ за мужа, тамъ дѣйствуетъ лично отъ себя, и лѣтописецъ говоритъ: „Ольга повелѣ; Ольга поимша дружины“ и пр. (29). Женщина имѣла полное право мстити, оставаясь послѣднею въ родѣ. Гдѣ она является предводительницею силы народа, тамъ дружина *потягаетъ* за княземъ, хотя и ребенкомъ; онъ первый бросаетъ копье на враговъ (30). Но кромѣ предводительствованія войскомъ, князь имѣлъ власть собирать дани, и налагать ихъ на народы побѣжден-

(25) Лавр. сп., 20: „послы отъ Игоря .... и отъ великаго князя.“ Кар., I, 136: „подъ рукою сущихъ Олега.“

(26) Стритттер., II, 482, § 66.

(27) Maciejowsky, I, 55.

(28) Θеофил., VI, 2, 8, 593. См. прим. 5.

(29) Лавр. сп., 27, 8 и 9.

(30) Тамъ же, 29 и 31.

ные. Этимъ правомъ могла пользоваться женщина, и Ольга ѣздитъ, налагаетъ и собираетъ *оброки и дани* (31). Но вмѣстѣ съ тѣмъ присоединяетъ новый элементъ къ своей власти—внутреннее управленіе: дѣлитъ земли на *погосты*. Если бы наши князья были призваны какъ военачальники, то могла ли наслѣдовать Ольга, и еще болѣе, могла ли присоединить новый элементъ къ своей власти?

Таково внутреннее устройство жизни многихъ родовъ. Теперь разсмотримъ внутренній составъ самаго рода.

II.

Родъ есть составъ многихъ семействъ. Мужъ, жена, дѣти и имущество, вотъ основныя начала, изъ которыхъ проистекаютъ всѣ семейныя отношенія, естественныя и юридическія. По преимуществу силы физической и нравственнаго господства, мущина всегда является главнымъ лицемъ въ составѣ семейства. Но это начало у разныхъ народовъ проявляется различно, что зависитъ отъ отношенія мущинъ къ женщинамъ. Разсмотримъ эти отношенія у нашихъ славянскихъ племенъ.

Было ли у Славянъ многоженство или нѣтъ?—вотъ первый вопросъ, который встрѣчаетъ насъ при этомъ изслѣдованіи. Эверсъ (32) отвѣчаетъ:

---

(31) Тамъ же, 31.

(32) Это мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ ученые: Карамзинъ, I, гл. 3, II гл. 3; Шлецеръ Несторъ, I, гл. 12.; Шафарикъ, 9.; Лелевель, Hist. Praw., p. 31; Рейцъ, § 14, стр. 62; Мацѣевскій не говоритъ опредѣленно. Только у Славянъ жившихъ на Эльбѣ и въ Помераніи было многоженство (Vita Ottoп. 476, 477 и 667), а о другихъ нѣтъ историческихъ доказательствъ.

„у Руссовъ, какъ и у всѣхъ языческихъ народовъ, которые находились на первой степени нравственнаго образованія, позволено многоженство. Въ этомъ состояніи гражданскаго общества жена считается рабою или много-что служительницею мужа (33).“ Принявъ многоженство, рабство женщинъ и строгая власть отеческая слѣдуетъ необходимо. Но можно ли его принять? Вотъ доказательства, которыя приводятъ въ подтвержденіе этого мнѣнія: 1) слова Нестора о Радимичахъ, Вятичахъ, Древлянахъ и Сѣверянахъ „имяху же по двѣ и по три жены (33).“ Но Несторъ, описывая племена, очевидно принимаетъ за мѣрило Полянъ, — племя отъ котораго произошли Кіевляне, и къ которому принадлежалъ самъ Несторъ, и притомъ племя образованнѣйшее изъ всѣхъ. Потому, описывая свойства племенъ, онъ говоритъ только о тѣхъ, которыми они отличаются отъ Полянъ: Поляне „обычаи имутъ кротокъ и тихъ“, а Древляне „живяху звѣрискимъ образомъ, живуще скотски.“ Также Радимичи, Вятичи и Сѣверяне „живяху въ лѣсѣ, яко же великій звѣрь (34).“ Полянъ мы находимъ съ чисто-родовымъ устройствомъ, а потому можемъ заключить, что племена, исчисленныя лѣтописцемъ, не были и на этой степени гражданскаго развитія, т. е. не признавали его, какъ необходимую основу быта; оттого безпрерывно его нарушали, не считая это нарушеніе нарушеніемъ. Поляне „брачные обычаи имяху“, а Радичи, Вятичи, Сѣверяне и Древляне нѣтъ, — „брацы не

(33) Лавр. сп., 8.
(34) Тамъ же.

бываютъ въ нихъ," а потому и имѣли по двѣ и по три жены. Это не показываетъ многоженства, но *безженство*, недостатокъ твердаго основанія обыкновеннаго семейства. Да и не возможно быть многоженству при тогдашнихъ способахъ пропитанія. Подобные народы живутъ трудомъ, едва достаточнымъ для удовлетворенія первоначальныхъ нуждъ. Какъ же они могли содержать по нѣскольку женъ? Многоженство сопутствуетъ богатству народа, и развивается съ роскошью. Но можетъ быть бѣдность только препятствовала этому началу, признанному народомъ, проявляться въ дѣйствительной жизни? Народъ въ это время жизни всё, что онъ признаетъ, признаетъ обычаемъ, а обычай идетъ изъ жизни дѣйствительной; чего же нѣтъ въ жизни дѣйствительной, того не можетъ быть и въ обычаѣ.

2) Эверсъ (35) приводитъ въ примѣръ Святослава, имѣвшаго двухъ женъ. Но Малуша никогда не была женою; это ясно: а) изъ словъ Рогнеды, которая называетъ Владиміра рабичичемъ: „не хочу разути рабичича" (36); Ь) ясно изъ того, что Святославъ, раздѣляя области, ничего не даетъ Владиміру, какъ-бы боясь нарушить обычай, и дать власть въ руки незаконнаго сына; хотя по любви отеческой соглашается на просьбу Новогородцевъ, и даетъ его имъ въ князья. Онъ только соглашается на ихъ прозьбу, и не самъ ставитъ, а Новгородцы просятъ его, будучи научены Добрынею, дядею

(35) Стр. 121.
(36) Лавр. сп., 45.

Владиміра (37); с) Лѣтописецъ не называетъ Малушу женою, но просто ключницею Ольги (38).

3. Остается послѣднее доказательство, — многоженство Владиміра. Но это единственное явленіе легко могло быть исключеніемъ изъ общаго правила, на которомъ нельзя основывать мнѣнія о цѣломъ народѣ. Многоженство князей было у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, и не было многоженства въ народѣ (39). Чтобъ объяснить это явленіе, посмотримъ на послѣдующее время. Въ церковныхъ правилахъ митрополита Іоанна (12 вѣка) (40) говорится: „и жены отметаютъ, и свои жены пущаютъ, и прилепляются къ инемъ.“ Церковные уставы и посланія нашихъ Святителей исполнены постановленіями противъ разводовъ и наложничества. Племена, которыя застали христіанскую религію на такой степени развитія, не вдругъ отвыкли отъ первоначальныхъ обычаевъ, и безпрестанно нарушали постановленія церкви. Безженство принимаетъ новыя формы, именно разводъ и наложничество. Въ этомъ видѣ представляется нашему лѣтописцу многоженство Владиміра. Онъ различаетъ женъ и наложницъ Владиміра (41).

Многія наложницы не доказываютъ многоженства, а можетъ быть это раздѣленіе сдѣлано лѣ-

---

(37) Тамъ же, 39.

(38) Эверсъ думаетъ (16), что она была благороднаго происхожденія; но почему же Рогнеда называетъ Владиміра рабичичемъ?

(39) Мацѣевск, II, III, гл. I, о бракѣ.

(40) Памят. XII вѣка, изд. Калайдовичемъ.

(41) Лавр. сп., 48.

тописцемъ по его христіанскимъ понятіямъ, и народъ смотрѣлъ иначе. Только 12 сыновъ Владиміра получаютъ право наслѣдства. Вѣроятно, при такомъ количествѣ наложницъ (800), сыновей было болѣе. Почему же эти только наслѣдуютъ? Потому, что они родились отъ женъ, а не отъ наложницъ (42). Слѣдовательно наложничество и во времена языческія не признавалось законнымъ.

2) Лѣтописецъ перечисляетъ и многихъ женъ Владиміра. Слово: *водимыя* жены, на которое указываетъ Эверсъ (43), разумѣя подъ этимъ вѣнчальный обычай, не имѣетъ этого значенія. Оно означаетъ женъ, приведенныхъ изъ чужихъ странъ, которыхъ и перечисляетъ лѣтописецъ: Грекиня, Варяжка, двѣ Чехини и Болгарыня. Изъ нихъ многія были наложницы, а не жены: такъ жена брата его Грекиня, которую Владиміръ взялъ *не по браку*, какъ говоритъ самъ лѣтописецъ (44). Съ Рогнѣдою онъ развелся, вѣроятно также и съ другими. Вообще мы видимъ преемственное многоженство, которому не назначалось предѣловъ.

Итакъ примѣръ Владиміра сомнителенъ, и нисколько не доказываетъ многоженства славянскихъ племенъ. Было единоженство, но съ полною свободою развода, и наложничество, какъ злоупотребленіе.

---

(42) Тамъ же: „Рогнѣдѣ . . . отъ нея же Д сыны: Щеслава, Ярослава, Мстислава, Всеволода, а В дщери: отъ Грекинѣ Святополка, отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другоѣ Святослава и Мьстислава, а отъ Болгарынѣ Бориса и Глѣба.“

(43) Стр. 121, отд. VI, гл. I.

(44) Лавр. сп., 47.

Если было единоженство, то предполагаемое рабство женщинъ быть не могло. Кромѣ того, славянскія женщины искони имѣли свою собственность (приданое, вѣно) (45) и самостоятельную личность, которая, съ уничтоженіемъ старшаго въ родѣ мущины, могла проявляться юридически (месть женщинъ Ольги, Рогнеды). Это доказываетъ, что женщина была юридическимъ лицемъ, а не вещію, не рабою, не служительницею (46).

Точно также не было строгой власти отца надъ дѣтьми, потому что самъ отецъ былъ подчиненъ родоначальнику (47).

Этимъ объясняются юридическія отношенія мущинъ и женщинъ — главной основы семейнаго быта.

Отношенія къ дѣтямъ естественно одинаковы какъ отца, такъ и матери, но воспитаніе раздѣляется. Мущина съ возраста юношескаго, когда получаетъ силу владѣть оружіемъ или плугомъ, пе-

---

(45) Такъ Вышгородъ былъ вѣновый городъ Ольги. Любовь отдана Рогнедѣ и проч. Наши княгини имѣли даже свою дружину (см. Эймундову сагу).

(46) Любопытно вспомнить свидѣтельство Маврикія (Maur., Artis milit., l. V. ed. Schefferi): „pudicitiae servantis vel et foeminae eorum supra omnem modum erga maritos suos, adeo ut earum multae virorum suorum mortem proprio interitu solari voluerint, seque ipsas suffocarint ultro, non ferentes vitam solitariam“, и Св. Бонифація (VIII вѣка) о Вендахъ: „magno zelo matrimonii amorem mutuum servant“ (Кар., 1, прим. 131). Могло ли это быть при многоженствѣ?

(47) Всѣ доказательства Рейца и неизвѣстнаго сочинителя книги, изданной Эверсомъ — Studien der Vorzeit Russlands — относятся къ слѣдующему періоду, когда родовое устройство измѣнилось на семейное.

реходитъ въ преимущественное попеченіе мущины, и этотъ переходъ совершается торжественно (48).

Какъ мущины, такъ и женщины имѣютъ свои права; но эти права здѣсь еще несовершенно личныя: онѣ принадлежатъ роду, какъ цѣлому, который юридически дѣйствуетъ чрезъ старшаго. Онъ является его представителемъ, въ отношеніи къ самому роду — нравственнымъ представителемъ, въ отношеніи къ другимъ родамъ — юридическимъ. Это видно изъ суда Любуши, гдѣ говорится: если умретъ родоначальникъ, должно избирать другаго (49). Для чего? Для того, чтобы каждый родъ имѣлъ своего представителя въ народныхъ собраніяхъ. Родъ представляетъ одно нравственное лице; а потому если кому либо изъ членовъ рода нанесено оскорбленіе, мститъ имѣетъ право весь родъ (50). Потому же военная добыча принадлежитъ роду, а не лицу: такъ Святославъ беретъ дань на убитыхъ, говоря: „родъ его возметъ (51)“ Но это единство рода не выражается въ дѣйствительности въ одномъ лицѣ, какъ древнее законное семейство въ лицѣ отца, а во всѣхъ членахъ рода. Всѣ члены, по физической невозможности, не могутъ дѣйствовать юридически, и потому дѣйствуютъ чрезъ представителя. Естественно, представитель долженъ быть тотъ, кто по природѣ является первымъ лицемъ рода, старшій. Если умретъ гла-

(48) Этотъ переходъ назывался *постригъ*, *всадъ на коня*. То же было у Германцевъ. Grimm's Rechtsalterthümer стр. 411.

(49) Kraled. Ruk., стр. 51.

(50) Договоры съ Греками.

(51) Лавр. сп., 41.

ва рода, старшій послѣ него занимаетъ его мѣсто; если же нѣсколько лицъ будутъ имѣть одинаковыя права, то всѣ члены рода выбираютъ главу, какъ это видно изъ суда Любуши:

И умре ли глава челядина,
дѣти всѣ ту съ Божьемъ во едину ладу
владыку си изъ рода выбернуце (52).

Если же возникнетъ споръ, то дѣло рѣшается народнымъ собраніемъ, вѣчемъ, которое и описано въ пѣсни о судѣ Любуши. Замѣчательна твердость родоваго устройства: два брата спорятъ о старшинствѣ; вѣче не хочетъ дать перевѣса юридическому характеру рода предъ нравственнымъ; не дѣлаетъ вымысла (fictio), признавая одного старшимъ, и подчиняя ему другаго, но опредѣляетъ:

Да будета имъ оба во едино власти.

Очевидно, что единство власти не соединяется съ единствомъ лица. Такъ рѣшаетъ большая часть вѣча. Но братья, которые спорятъ о старшинствѣ, родные, а потому необходимо кто нибудь изъ нихъ долженъ быть старшимъ, и вотъ одинъ изъ членовъ вѣча говоритъ:

Первенцу дѣдину дати правда.

Окончаніе пѣсни не сохранилось. Изъ всего этого видно, что родъ былъ какою-то идеею единства (прообразомъ государства), привлекавшее членовъ оставаться въ немъ и тогда, когда они могли уже составить отдѣльныя семейства. Поэтому мы видимъ у Славянъ эти огромные роды, кото-

(52) Kralidw. R., тамъ же.

рые часто живутъ подъ одною кровлею, и образуютъ цѣлыя села, какъ недавно въ Славоніи и Кроаціи (53).

Второй элементъ семейства — имущество. Оно также составляло одно недробимое цѣлое, и принадлежало семейству — роду. Это было у всѣхъ славянскихъ племенъ (54). Лица, выходившія изъ рода, именно женщины, выходя замужъ, не получали недвижимаго имущества, а одно приданое, состоявшее всегда изъ движимости. Но мужъ напередъ долженъ обезпечить жену частію недвижимаго имущества (вѣно), которою она послѣ его смерти владѣла временно. Въ полную собственность оно не переходило потому, что имущество принадлежитъ роду, и не можетъ дѣлиться. Она владѣла имъ до смерти или до новаго замужества, а послѣ оно переходило въ прежній родъ, къ ея дѣтямъ (55).

Итакъ родъ, какъ внѣшно, такъ и внутренно, представляетъ въ этомъ періодѣ одно нераздѣльное цѣлое, съ которымъ соединены всѣ права. Всѣ члены, его составляющіе, пользуются этими

---

(53) Csaplowics, въ описаніе этихъ странъ, Пештъ, 1819, ч. I, 105 — 107.

(54) *Hube*, Geschichte der Erbfolgerecht der S. Slaven, 1838, § 2, стр. 19. — Lelewell, Исторія польскаго права до Ягеллоновъ, стр. 73, 75 и 78.

(55) Вышгородъ былъ вѣномъ Ольги. Владиміръ далъ за вѣно Грекамъ Корсунь. Ник., I, 149. Казиміръ даетъ Ярославу за вѣно 800 русскихъ плѣнниковъ (1043 г. Кенигсб., 107. Ник., I, 187), а дочь Ярослава, по свидѣтельству польскаго лѣтописца, привезла Казиміру много золота и серебра въ приданое. Naruszewicz, II, 216.

правами, по степени физической и нравственной возможности.

III.

Теперь разсмотримъ, какова должна быть опека, при подобномъ устройствѣ общественнаго быта.

Для этого, вопервыхъ, должно опредѣлить составныя начала опеки, рѣшить вопросъ: кто могъ быть опекуномъ, и кто могъ быть подъ опекою? Во-вторыхъ, должно опредѣлить характеръ опекунскихъ отношеній.

1. По характеру рода, составляющаго исключительное цѣлое, опекунами могли быть только родственники. По смерти родителей, ближайшіе родственники, которые занимали ихъ мѣсто въ составѣ рода, дѣлались опекунами. Лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ умирая отдалъ „Олегу на руцѣ сынъ свой Игоря.“ Это какъ будто показываетъ завѣщаніе. Зачѣмъ Рюрику препоручать, отдавать сына на руки Олега, который и безъ того, какъ ближайшій родственникъ, по законамъ родоваго устройства, долженъ быть его опекуномъ? Если бы этотъ случай былъ простымъ выраженіемъ отеческой любви, то лѣтописецъ не сталъ бы говорить объ немъ или сказалъ бы мимоходомъ, не какъ о фактѣ необходимомъ въ связи повѣствованія. Дитя, въ первомъ возрастѣ, оставаясь безъ отца, естественно должно находиться на рукахъ матери (Игорь былъ четырехъ лѣтъ). О матери Игоря нигдѣ нѣтъ ни слова (вѣроятно она умерла прежде Рюрика), а потому онъ передаетъ своего сына на руки Олегу. Передастъ потому, что Олегъ дѣлается главнымъ въ

родѣ, наслѣдуетъ княжество, и притомъ безъ всякихъ ограниченій, какъ полный владѣтель. Наслѣдуетъ потому, что онъ ближайшій совершеннолѣтній родственникъ. Слова лѣтописи „отъ рода ему суща“ показываютъ, что лѣтописецъ, сказавъ напередъ, что Рюрикъ „предаетъ княженіе Ольгови“, не хочетъ сказать, чтобы Рюрикъ имѣлъ право передать кому угодно, но непремѣнно ближайшему родственнику, который только и могъ наслѣдовать по законамъ рода. Его сынъ, какъ малолѣтній — бысть бо дѣтескъ велми — самъ переходилъ въ опекунскую власть Олега, и не могъ наслѣдовать. Въ это время право управленія нераздѣльно съ силою и возможностію управлять; потому Игорь и не вмѣшивался въ правленіе во всё продолженіе Олегова княженія. Слѣдовательно несправедливо думаетъ Шлецеръ (56), что Олегъ первоначально изъ хитрости принялъ видъ простаго правителя. Подобная хитрость несообразна ни съ духомъ времени, ни съ правами Олега. Почему непремѣнно долженъ былъ наслѣдовать Игорь? Въ этомъ періодѣ наслѣдство основывается не на прямомъ происхожденіи, но на старшинствѣ въ родѣ. Кромѣ того, такое наслѣдство несообразно съ характеромъ верховной власти въ это время. Охраненіе государства, война — вотъ его назначеніе. Но какъ же могъ воевать и охранять младенецъ, когда былъ сильнѣйшій и болѣе его способный родственникъ? Случай, что Олегъ показываетъ Игоря при Кіевѣ Оскольду и Диру, доказываетъ только, что онъ былъ съ нимъ (57). А былъ съ нимъ потому,

(56) Несторъ, III, 249; II, 185.

(57) Лавр., 14: „(вынесоша Игоря) а се есть сынъ Рюрика.“

что у него не было матери, на рукахъ которой онъ долженъ бы находишься въ этомъ возрастѣ, по смерти отца. Показывая Игоря, Олегъ доказываетъ Оскольду и Диру, что умеръ Рюрикъ, и онъ наслѣдовалъ его власть.

Олегъ полный Князь, и Игорь до его смерти не вступаетъ въ управленіе, хотя получаетъ наконецъ и силу, и возможность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опекунъ Игоря, не какъ князя, а какъ ближайшаго родственника. Онъ не государственный опекунъ, а гражданскій; поэтому понятіе о полномъ князѣ и опекунѣ совершенно совмѣстны. Притомъ государственной опеки въ это время и быть не могло потому, что государственный бытъ не существовалъ отдѣльно, а совершенно сливался съ частнымъ.

Кромѣ опеки надъ Игоремъ, мы встрѣчаемъ опеку надъ Святославомъ; опекуншею мать — Ольга. Она тоже, вопреки Шлецеру, была полная владѣтельница. Принявъ ее за опекуншу, Шлецеръ объясняетъ этимъ то, что наконецъ Ольга оставила управленіе, въ противуположность Олегу, который правилъ по смерть. Но характеръ княжеской власти былъ военный; поэтому съ самаго начала Ольга, какъ женщина, не могла удовлетворить ему, и слѣдовательно не могла быть полною правительницею. Святославъ былъ малолѣтенъ, и тоже не могъ управлять. Ближайшихъ родственниковъ не было, что видно изъ слѣдующаго. Святославъ, съ того времени, какъ сдѣлался способнымъ носить оружіе, долженъ былъ изъ рукъ женскихъ перейти въ попеченіе мущины. Къ нему и приставляются Асмудъ и Свенельдъ,

совершенно не родственники (58), между тѣмъ какъ это была обязанность родственниковъ. Слѣдовательно ихъ не было. Ольга была послѣднею и старшею въ родѣ, и потому необходимо должна была наслѣдовать княженіе. Эта необходимость сдѣлала ее полною властительницею, но не могла измѣнить природы. Потому всѣ военныя распоряженія дѣлаются отъ ея лица, и вмѣстѣ отъ лица Святослава. Когда Ольга мститъ за мужа, пѣтъ слова о Святославѣ потому, что это право имѣла и женщина (59), оставаясь старшею въ родѣ; когда же хочетъ начать войну, то лѣтописецъ говоритъ: „Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на деревьску землю (60).“ Когда начинается война, Святославъ первый бросаетъ копье. Когда Ольга предлагаетъ миръ Древляпамъ, то говоритъ: „покоритися мнѣ и моему дитяти (61).“ Надъ всѣми этими происшествіями лѣтописецъ дѣлаетъ заглавіе: „начало княженья Святославля.“

Наоборотъ, когда Ольга путешествуетъ по княжеству, ѣдитъ въ Новгородъ, установляетъ погосты, собираетъ дани, — пѣтъ слова о Святославѣ (62). Всё это показываетъ, что верховная власть совокуплена въ двухъ лицахъ: одно управляетъ внутри государства; отъ имени другаго всѣ военныя распоряженія, и каждое дѣйствуетъ вполъ-

(58) Лавр., 27.
(59) Тамъ же, 28.
(60) Тамъ же, 29.
(61) Тамъ же, 30.
(62) Тамъ же.

нѣ за себя. Это напоминаетъ рѣшеніе богемскаго вѣча въ судѣ Любуши: „будета имъ оба въ едно власти.“ При родовомъ устройствѣ иначе и быть не могло.

Далѣе, Святославъ возрастаетъ и самъ начинаетъ вести войны, между тѣмъ Ольга принимаетъ христіанскую вѣру, что должно было побудить ее оставить власть мірскую (чему способствовала и старость), и она совершенно сходитъ съ поля управленія. Эверсъ выводитъ свое мнѣніе о правленіи Ольги изъ нераздѣльности собственности, которою она управляла вмѣстѣ съ сыномъ (63). Но жена никогда не наслѣдовала собственности мужа. Она имѣла свое вѣно, которое и давалось мужемъ съ тою цѣлію, чтобъ обезпечить ее послѣ своей смерти. У Ольги былъ вѣновой городъ, которымъ она и могла управлять; однако выходитъ противное: слѣдовательно другая была причина, удержавшая ее въ Кіевѣ, причина та, что не было старшаго въ родѣ Игоря, которому должно бы наслѣдовать. Опеку надъ малолѣтнымъ сыномъ она могла имѣть, управляя однимъ вѣновымъ городомъ.

Слѣдовательно Ольга была по возможности полною владѣтельницею, но вмѣстѣ опекуншею Святослава такъ же, какъ и Олегъ, съ тою разницею, что Олегъ не могъ не наслѣдовать Рюрику, а Ольга наслѣдовала мужу по необходимости, за неимѣніемъ старшаго въ родѣ.

Кромѣ опекуновъ, въ составъ опеки входятъ лица, надъ которыми можетъ быть установлена

(63) Др. Право. Р., стр. 55.

опека. Изъ предшествующихъ изслѣдованій видно, что подъ опекою могли быть только малолѣтные сироты, не имѣвшіе ни физической, ни нравственной возможности дѣйствовать. Другихъ предметовъ опеки быть не могло. Женщина не могла быть подъ вѣчною опекою, имѣя полную юридическую личность. Рабы тоже, потому что почитались вещами, и не имѣли никакихъ правъ.

2. По прекращеніи отеческой власти, дѣти переходили во власть опекунскую. Власть отеческая прекращалась естественною смертію; смерти политической быть не могло. Когда отецъ дѣлался преступникомъ, то наказаніе простиралось на весь родъ, составлявшій нераздѣльное цѣлое.

Опекуномъ могъ быть только глава рода; но при установленіи опеки представляются два случая: опекуномъ дѣлается мущина или женщина. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ опекунскія отношенія имѣютъ особый характеръ.

Когда ближайшій родственникъ дѣлался главою рода, и вмѣстѣ опекуномъ, опекунскія отношенія были только личныя. Имущество принадлежало цѣлому роду, и опъ владѣлъ имъ, не какъ представитель малолѣтнаго, но какъ полный хозяинъ. Вещныхъ опекунскихъ отношеній и быть не могло; поэтому и не могло быть никакой платы за опекунство, и никакого отчета въ отношеніи къ управленію. Личныя отношенія, которыя были чисто-опекунскія, требовали платы однимъ личнымъ уваженіемъ. Опѣ состояли въ воспитаніи дѣтей, какъ собственныхъ. Все это мы видимъ въ опекѣ Игоря.

Когда мать дѣлалась опекуншею, ея личныя отношенія къ дѣтямъ оставались такія же, какъ и прежде. Имуществомъ она управляла не какъ опекунша, но какъ глава рода; слѣдовательно также не могла отвѣчать за управленіе. Но въ числѣ дѣйствій родовой власти заключались такія, которыхъ по природѣ не могла исполнять женщина. Въ управленіи имуществомъ были обязанности, которыя могъ исполнять только мущина. Потому женщина хотя и становилась полною владѣтельницею имущества, но въ нѣкоторыхъ частяхъ своего управленія должна была восполнять свою власть властью другаго, и вслѣдствіе того являлась только временною правительницею, въ нѣкоторомъ смыслѣ опекуншею, но не собственно своихъ дѣтей, а того лица, которое вслѣдъ за нею могло получить право родовой власти. Это явленіе мы видимъ въ опекунствѣ Ольги.

Опекунская власть естественно продолжается до-тѣхъ-поръ, пока малолѣтные не придутъ въ состояніе дѣйствовать сами собою, т. е. до ихъ возраста. Возрастъ, вѣроятно, не опредѣлялся годами, а развитіемъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Однако встрѣчаемъ нѣкоторыя степени возраста, опредѣленныя годами. Это 14 лѣтъ, возрастъ женитьбы: такъ женятъ Игоря. Въ Скандинавіи въ этомъ возрастѣ прекращалась опека (64). Можетъ быть тоже было и у насъ. Когда былъ опекуномъ ближайшій родственникъ, то по выходѣ малолѣт-

(64) Eybrigia Saga, 1264, изд. Walter-Scott. Опека надъ Опорромъ, сыномъ Торлиѳейна и внукомъ Тюрольфа, была поручена его дяди, и въ 14 лѣтъ она оканчивается.

наго изъ опеки, измѣнялись только отношенія личныя, изъ опекунскихъ превращаясь въ отношенія къ родопачальнику. Отношенія вещныя измѣниться не могли; потому Олегъ и правитъ до самой смерти. При опекунствѣ женщины, наоборотъ, измѣнялись вещныя отношенія. Женщина управляетъ имуществомъ временно, за неимѣніемъ старшаго въ родѣ мущины. Когда же возрастаетъ мущина, имѣющій право послѣ нея быть главою рода, то и управленіе въ нѣкоторыхъ частяхъ должно прекратиться. Такъ мы и видимъ въ опекунствѣ Ольги.

IV.

Изъ всего сказаннаго можно вывести слѣдующія заключенія:

1. Родъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, какъ въ государственномъ, такъ гражданскомъ и семейномъ отношеніи. Вслѣдствіе нераздѣльности рода, всѣ права сосредоточиваются въ общемъ понятіи о родѣ, и не принадлежатъ никому изъ частныхъ лицъ порознь. Потому, съ одной стороны, всѣ члены рода имѣютъ свою юридическую личность, съ другой — право признается нераздѣльнымъ, съ возможностію имъ пользоваться, и лица, неимѣющія этой возможности, находятся подъ властію другихъ: собственно право (jus) принадлежитъ роду, способность имъ пользоваться (facultas agendi) всѣмъ членамъ, которая и раздѣляется, по физической и нравственной возможности, между мущинами и женщинами, между младшими и старшими. Государственнымъ представителемъ рода, въ отношеніи къ другимъ родамъ, является старшій; внутри же сво-

его рода онъ первое лице только въ нравственномъ отношеніи. Власть родопачальника смягчаетъ всѣ другія власти семейныя, и потому они получаютъ чисто-нравственный характеръ.

2. Въ семействѣ единство сосредоточивается во власти родительской, и если она уничтожается, семейство распадается на составныя части. Опека только временно поддерживаетъ это единство. Единство рода заключается во власти родовой, и потому семейства, вошедшія въ составъ рода, какъ неотдѣляемыя части, никогда не теряютъ своего общаго средоточія. Если умираютъ родители, прекращается родительская власть надъ семействомъ, то остается власть родовая, которая не позволяетъ семейству распадаться на его составныя части. Но въ этомъ случаѣ родовая власть получаетъ двоякій характеръ: собственно родовой и опекунскій, восполняя родительскую власть въ отношеніи къ нѣкоторымъ членамъ рода. Эта опекунская власть только личная. Вещная могла быть только въ томъ случаѣ, когда женщина, оставаясь послѣднею въ родѣ, дѣлалась его главою. Такова опека родовая.

Кандидатъ правъ А. Поповъ

IV. О влiяніи народныхъ предразсудковъ на опредѣленіе наказанія.

Весьма нерѣдко преступленіе находитъ сильную пищу въ предразсудкахъ, которые господствуютъ или въ цѣломъ народѣ, или же только въ отдѣльныхъ его классахъ, и вслѣдствіе которыхъ извѣстныя дѣйствія, не смотря на то, что законъ запрещаетъ ихъ подъ страхомъ наказанія, считаются извинительными и даже заслуживающими похвалу. Такимъ образомъ напр. дуели, хотя и запрещаются во всѣхъ государствахъ подъ страхомъ тяжкаго наказанія, по вслѣдствіе повсюду почти господствующаго, и преимущественно между лицами военнаго состоянія глубоко укоренившагося предразсудка, считаются часто не только не предосудительными, но и заслуживающими иногда похвалу, какъ единственный, приличный способъ удовлетворенія за извѣстныя обиды, отъ котораго отказываться будто-бы безчестно. Равнымъ образомъ преступленія акцизныя и таможенныя въ общественномъ мнѣніи обыкновенно признаются такъ маловажными, что самые образованные и добросовѣстные люди не стыдятся совершать ихъ. Еще болѣе превратныя понятія о дѣйствіяхъ встрѣчаются между грубымъ и невѣжественнымъ классомъ

народа, напр. не смотря на то, что и Божескія, и человѣческіе законы строго запрещаютъ т. н. плотскія преступленія, прелюбодѣянны, тогда какъ считаютъ за тяжкій грѣхъ садиться за столъ не умывши рукъ, между тѣмъ обыкновенно смотрятъ на эти преступленія легко, и безъ зазрѣнія совѣсти предаются самому отвратительному распутству; также хотя воровство и они считаютъ преступленіемъ, однако же не признаютъ грѣхомъ, хозяйничать въ чужомъ лѣсу, какъ въ своемъ собственномъ. — Спрашивается: какое вліяніе могутъ имѣть на опредѣленіе наказанія всѣ эти превратныя понятія? Если источникъ преступленія заключается въ глубоко укоренившемся предразсудкѣ, то должно ли обращать на это вниманіе при опредѣленіи наказанія?

Въ положительныхъ законахъ строгое наказаніе назначается только за плотскія преступленія и за дуели; но по отношенію къ послѣднимъ, оно однако же почти никогда не приводится въ исполненіе. Преступленія же таможенныя и акцизныя обыкновенно подвергаются только денежнымъ штрафамъ, кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, не смотря на то, что такія преступленія, какъ особенно предосудительный видъ подлога, заслуживалъ бы болѣе строгое наказаніе, нежели простой подлогъ. Равно и за порубку лѣса назначаются большею частію только денежные штрафы, хотя это преступленіе гораздо предосудительнѣе, нежели всякое другое воровство, частію потому, что охранять отъ воровства лѣсъ гораздо труднѣе, нежели всякую другую вещь, частію же потому, что тотъ, кто во-

руетъ въ чужомъ лѣсу, всегда болѣе дѣлаетъ вреда, нежели получаетъ прибыли; наконецъ и потому, что сбереженіе лѣсовъ, преимущественно въ наше время, при повсемѣстномъ ощутительномъ въ нихъ недостаткѣ, составляетъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ государственнаго хозяйства. Прошивъ этой снисходительности можетъ быть замѣчено только то, что такимъ образомъ государство, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать предразсудкамъ и истреблять ихъ, напротивъ ихъ усиливаетъ, давая имъ новую пищу въ самой этой слабости и снисходительности. Но съ другой стороны, многія причины говорятъ въ пользу такого образа дѣйствованія. Вопервыхъ, излишняя строгость здѣсь скорѣе можетъ быть вредна, нежели полезна. Преступленій она бы не истребила, но развѣ умножила бы ихъ. Казни и наказанія не истребляютъ предразсудковъ, но только производятъ упорство и сопротивленіе; слѣдов. вмѣсто того, чтобъ искоренять предразсудки, вкореняютъ ихъ. Только одно просвѣщеніе и очищеніе общественной нравственности можетъ ослаблять ихъ силу, и даже по времени вовсе уничтожать. Пока же этого не сдѣлано, до-тѣхъ-поръ всегда гораздо болѣе можно выиграть снисходительностію; строгость же можетъ заставить совершать преступленіе и изъ одного только упрямства. Кромѣ того, вовторыхъ, гдѣ законъ состоитъ въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствующими понятіями, тамъ строгость рѣдко ведетъ къ чему-нибудь доброму, уже и отнюго, что она у всякаго отнимаетъ охоту обнаруживать преступленіе, и даже застав-

ляетъ покровительствовать ему и преступникамъ; отчего преступленіе, вмѣсто того, чтобы наказываться строже, остается напротивъ большею частію вовсе безъ наказанія. Наконецъ, втретьихъ, во всѣхъ вышеозначенныхъ и другихъ подобныхъ случаяхъ строгость даже несправедлива: кто совершаетъ такое противозаконное дѣйствіе, которое онъ, съ самаго дѣтства, привыкъ считать извинительнымъ, тотъ конечно не такъ виновенъ, какъ имѣющій объ немъ именно тѣ же самыя понятія, какія старается внушить ему законъ. Чтобы нарушить законъ, послѣднему надо побѣдить и свое собственное убѣжденіе и отвращеніе; а перваго, напротивъ, именно это убѣжденіе и влечетъ къ преступленію. Въ особенности же тамъ въ этихъ случаяхъ преступленіе всего болѣе извинительно, гдѣ, какъ напр. въ дуеляхъ, по господствующему предразсудку, не нарушеніе закона, а повиновеніе ему навлекаетъ безчестіе, или гдѣ, какъ напр. въ преступленіяхъ таможенныхъ и акцизныхъ, а равно и въ порубкѣ лѣса, преступленіе слишкомъ облегчается всеобщимъ примѣромъ. Но и плотскія преступленія, такъ обыкновенныя между низшимъ классомъ народа, заслуживаютъ, кажется, нѣкоторую снисходительность. Кто привыкъ, съ самаго малолѣтства, смотрѣть слегка на преступленіе, и можетъ быть бывалъ неоднократно свидѣтелемъ его совершенія, для того оно уже не можетъ быть такъ гнусно и ужасно, какъ для тѣхъ, кого всегда и словомъ и дѣломъ учили его гнушаться. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы думаемъ, что, гдѣ источникъ преступленія заключается въ народ-

ныхъ предразсудкахъ, тамъ до-тѣхъ-поръ, пока большее просвѣщеніе и постепенное очищеніе нравственности въ народѣ не искоренитъ этихъ предразсудковъ, и благоразумнѣе, и справедливѣе быть снисходительнымъ.

Профессоръ С. Баршевъ.

V. Устройство гражданскихъ судовъ, отъ уложенія царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго.

Судоустройство Россіи временъ уложенія лишено догматическаго интереса потому, что оно основывалось на однихъ историческихъ началахъ, которыя подъ конецъ этого періода уже нѣсколько сгладились, и приняли въ себя начала философско-юридическія. Смѣшеніе тѣхъ и другихъ дѣлаетъ судоустройство той эпохи чрезвычайно сбивчивымъ и непонятнымъ. Начала юридическія не успѣли еще въ немъ установиться, какъ оно было до основанія разрушено Петромъ Великимъ.

Историческія елементы, изъ которыхъ развилось судоустройство московскаго государства въ настоящій періодъ, составляютъ древнѣйшую форму управленія Россіи, и образованіе россійскаго государства, чрезъ присоединеніе къ московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ.

Древнѣйшая форма управленія Россіи, со временъ пришествія въ Новгородъ Варяго-Руссовъ, состояла въ томъ, что князь назначалъ изъ своей дружины „мужей“ правителями областей и городовъ. Разсматривая эту форму администраціи, и сообра-

жая ее съ историческими данными той эпохи, мы выводимъ слѣдующіе результаты:

1. Вся власть надъ городомъ или областію сосредоточивалась въ одномъ лицѣ; начала коллегіальнаго, по главному назначенію власти, военному и финансовому, не было и быть не могло.

2. По тому же военному и финансовому характеру власти „мужей", посылаемыхъ княземъ, власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ de facto отдѣлялась отъ самаго суда, и имѣла характеръ чисто-административный. Намѣстники были блюстителями тишины и порядка, а потому завѣдывали дѣлами уголовными, которыя первоначально разсматривались только съ этой, такъ сказать полицейской точки зрѣнія. Поэтому, далѣе, намѣстники взыскивали пеню съ нарушителей порядка. Таково происхожденіе судебныхъ пошлинъ по дѣламъ гражданскимъ потому, что эти дѣла, въ древній и средній періодъ нашей исторіи, обыкновенно вчинались вслѣдствіе насильственныхъ правонарушеній. Самый судъ, произнесеніе приговора о томъ, что право и что неправо, принадлежалъ общинѣ или городу, сперва вѣроятно старѣйшинамъ, впослѣдствіи—„лучшимъ людямъ", выборнымъ, цѣловальникамъ.

3. Наконецъ, какъ князь поручалъ управленіе своимъ приближеннымъ, такъ и намѣстники его отдавали города и области избраннымъ изъ своей дружины. Такимъ образомъ князь, его мужи и правители, ими назначенные, составляли цѣлую лѣстницу чиноначалія; низшія ступени ея представляли въ меньшемъ объемѣ то же, что и высшія.

Та же самая система управленія лежитъ въ основаніи судоустройства и въ настоящій періодъ.

1. Начало единовластнаго управленія осталось, если не исключительнымъ, то по-крайней-мѣрѣ преобладающимъ во времена уложенія. Начиная опять думы государевой до управленія населеннымъ помѣстьемъ или вотчиною, всѣ власти были основаны на единоначаліи. Въ наше время возникла мысль, будто бы коллегіальное начало существовало уже до Петра Великаго. Это мнѣніе имѣетъ справедливую и несправедливую сторону, судя по тому, съ какой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать судоустройство настоящаго періода. Съ исторической точки зрѣнія эта мысль кажется намъ неосновательною. Управленіе ввѣрялось первоначально одному лицу: такъ было еще во времена судебника (1). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича московскими приказами, областями и уѣздами завѣдывалъ уже не одинъ, а многіе („воевода съ товарищи“) (2). Вотъ что подало поводъ думать, будто судоустройство въ это время было коллегіальное, что въ особенности подтверждаетъ одно мѣсто въ уложеніи (3). Не смотря однако на эти данные, мы можемъ сказать утверди-

(1) См. Судебникъ Татищева, Москва, 1786, 2 изд., стат. 68 и 69.

(2) См. Описаніе Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Григорія Кошихина, Спб., 1840, гл. VI и VII; Московскіе и другіе старинные приказы Новикова, въ Древней россійской вивліоѳикѣ, Москва, 1791, 2 изд, ч. XX, стрр. 271—421; также грамоты, указы и боярскіе приговоры того времени, въ особенности именной указъ, данный боярину Ивану Милославскому, 1680 г., апрѣля 30 (см. Полное собраніе законовъ, N. 820).

(3) Улож., гл. X., ст. 23. „... вершити... (судное) дѣло... судьямъ всѣмъ вопче.“

тельно, что коллегіальнаго управленія не было. Правда, въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія приказомъ или уѣздомъ уже скрывался зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства, но до Петра Великаго онъ находился подъ вліяніемъ прежнихъ началъ управленія, и поэтому не могъ развиться. Доказательства:

а) Назначеніе нѣсколькихъ судей и нѣсколькихъ воеводъ для управленія однимъ приказомъ или областью дѣлалось потому, что многосложность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Такъ думаетъ профессоръ Рейцъ. Отсюда объясняется характеръ приказовъ того времени. Товарищи боярина, вѣдавшаго приказъ, или городоваго воеводы были его помощники, совѣтники, а не самостоятельные члены, имѣющіе къ нему опредѣленное юридическое отношеніе. Этимъ объясняется, далѣе, почему нѣтъ никакихъ постановленій объ отношеніи воеводы къ товарищамъ его: если бы эти отношенія были юридическія, то онѣ необходимо опредѣлялись бы закономъ потому, что обычай здѣсь не могъ имѣть дѣйствія.

b) Лучшимъ доказательствомъ того, что коллегіальнаго управленія не было, а было управленіе личное, служитъ устройство думы государевой, по образцу которой, вслѣдствіе единства происхожденія всѣхъ властей того времени, были организованы правительственныя мѣста московскаго государства. Власть государя, предсѣдательствовавшаго въ этой думѣ, была неограничена, и если онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступалъ отъ своего мнѣнія, и принималъ

мнѣніе одного изъ членовъ, то это совершенно зависѣло отъ его произвола. Думные люди были его совѣтниками, и имѣли на него вліяніе de facto; юридическаго ограниченія его власти не было.

c) Наконецъ коллегіальное устройство имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда часть, ввѣренная многимъ лицамъ, была обширна и многосложна; во всѣхъ прочихъ случаяхъ удерживалось начало личнаго управленія. Вотъ почему мы находимъ у Кошихина, что въ нѣкоторыхъ московскихъ приказахъ было по нѣскольку членовъ, напротивъ въ другихъ — только одинъ. То же должно замѣтить о городовомъ и областномъ управленіи, которое находилось въ рукахъ и одного, и двухъ, и трехъ воеводъ.

Мы видѣли, что власть вручалась лицамъ. Поэтому всё судоустройство временъ уложенія сохранило личный характеръ. Вникая въ значеніе приказовъ, правительственныхъ мѣстъ, которыя вѣдали различныя отрасли государственнаго и гражданскаго управленія (4), мы легко убѣдимся, что, по происхожденію своему, они были ничто иное, какъ канцеляріи тѣхъ сановниковъ, которымъ царь москов-

(4) О приказахъ мы имѣемъ слѣдующія статьи: первая по своему достоинству и полнотѣ есть статья Новикова, въ XX томѣ Россійской библіотеки (изъ нея сдѣлано сокращеніе Максимовичемъ, въ I томѣ Указателя законовъ); VI и VII главы сочиненія Кошихина о Россіи посвящены московскимъ приказамъ; какъ писанныя современникомъ, онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Затѣмъ есть еще статья о Приказахъ Голикова, въ III томѣ Прибавленій къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Въ ней мы находимъ много извѣстій, которыхъ нѣтъ ни у Новикова, ни у Кошихина; но не указано, откуда онѣ почерпнуты.

скій поручалъ извѣстную отрасль управленія (быть можетъ по этой-то причинѣ многіе приказы при Петрѣ Великомъ переименованы въ канцеляріи: такъ дворцовый (5), ямской (6), даже посольскій (7) и другіе). Въ названіи чепи дьяка Варѳоломея Иванова сохранилось намъ драгоцѣнное историческое свидѣтельство о такомъ значеніи приказовъ въ древнія времена. Во весь періодъ отъ уложенія до Петра Великаго и далѣе, указы, грамоты, отписки и проч. никогда не писались на имя приказа, а на имя тѣхъ, которые имъ завѣдывали. Личнымъ же характеромъ судоустройства объясняется непостоянство приказовъ, ихъ безпрерывное уничтоженіе, возстановленіе и соединеніе съ другими. Это дѣлалось большею частію съ перемѣною тѣхъ, которые ими завѣдывали, или съ ввѣреніемъ двухъ или нѣсколькихъ приказовъ въ управленіи одному лицу (8). Отсюда недостатокъ порядка, системы при распредѣленіи вѣтвей управленія между приказами даже при Петрѣ Великомъ: соляное управленіе отнесено къ предметамъ вѣдомства помѣстнаго приказа. Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что нѣкоторые приказы помѣщались въ домахъ тѣхъ бояръ, которые въ нихъ присутствовали (9).

---

(5) 1708 г., авг. 20 (N. 2204); Приговоръ главной ратуши, 1728 г., сент. 12 (N. 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

(6) 1728 г., іюня 30 (N. 5299), п. 6, сенатскій.

(7) 1719 г. 3 марта (N. 3318), п. 25, Регламентъ (уставъ) государственной коммерцъ-коллегіи.

(8) 1711 г., ноября 20 (N. 2451), сенатскій.

(9) 1670 г, марта 14 (N. 466), именной.

Въ древнѣйшія времена намѣстникамъ ввѣрялось управленіе областію или городомъ. Такимъ образомъ территоріею опредѣлялась власть намѣстниковъ, а не предметами вѣдомства. Всѣ отрасли свѣтскаго управленія соединялись въ рукахъ воеводъ, а поэтому не было особливыхъ чиновниковъ, облеченныхъ исключительною властію давать судъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Отсюда развилось правило: кто управляетъ, тотъ имѣетъ и право суда въ дѣлахъ гражданскихъ надъ управляемыми. Эти начала развиваются и во времена уложенія. Не говоря уже о произвольномъ устройствѣ, которое вполнѣ на нихъ основано, мы укажемъ на четвертные московскіе приказы (новогородскій, устюжскій и другіе), которые управляли цѣлыми областями, и судили ихъ въ дѣлахъ гражданскихъ между собою и съ посторонними, по общимъ правиламъ подсудности.

Какъ первоначально отдавалась въ управленіе цѣлая область или городъ, такъ впослѣдствіи были отдѣлены другъ отъ друга различныя отрасли управленія, и каждая изъ нихъ сдѣлалась предметомъ особливой администраціи. Управленіе по отраслямъ болѣе искусственно, нежели завѣдываніе цѣлою провинціею, и потому, безъ сомнѣнія, относится къ позднѣйшему времени (холопій судъ, большой приходъ, помѣстный приказъ и нѣкоторые другіе впервые упоминаются въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка). Оно образовалось совершенно по аналогіи съ территоріальнымъ управленіемъ. Вотъ почему напр. сословіе гостей вѣдалось судомъ въ приказѣ большія казны; пушкари, воротники, запинщики — въ пушкарскомъ приказѣ; рудокопы — въ приказѣ рудокопныхъ дѣлъ; многіе города и

уѣзды, съ помѣстными, вотчинными и судными дѣлами — въ стрѣлецкомъ приказѣ, розрядѣ и т. д. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ почти ни одного приказа, который бы не судилъ дѣлъ гражданскихъ, и поэтому не относился бы къ ученію о гражданскомъ судопроизводствѣ.

2. Раздѣленіе власти давать судъ (jus) и самаго суда (judicium) между старостами, цѣловальниками, выборными, лучшими людьми съ одной стороны, и приказными людьми съ другой, составляло во времена судебника общую, исключительную форму судебнаго управленія Россіи (10). Но въ періодъ уложенія она почти уничтожилась. Въ самомъ уложеніи объ ней упоминается только одинъ разъ, и то мимоходомъ, въ отношеніи къ сельскому судоустройству (11), въ которомъ эта форма удержалась неизмѣнно до позднѣйшихъ временъ. Уже во времена Петра Великаго мы находимъ извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ городахъ были при воеводахъ товарищи, выбранные жителями уѣздовъ, а въ другихъ ихъ не было (12). Но мы не знаемъ, было ли такое управленіе остаткомъ древнѣйшей формы судоустройства, или же слѣдствіемъ указа царя Ѳеодора Алексѣ-

---

(10) Судебникъ, стт. 62: „а боляромъ и дѣтемъ боярскимъ судити..., а на судѣ у нихъ и у ихъ тіуновъ быти... старостѣ и лучшимъ людемъ цѣловальникамъ ..; а безъ старостъ и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ суда не судити.“ Также стт. 72 и 69.

(11) Здѣсь они называются судными мужами; (68.). Ср. Рейца Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, изд. проф. Морошкинъ, Москва, 1836.

(12) 1705 г., 19 генваря (N. 2018), именной, объявленный розряду боляриномъ Стрѣшневымъ.

евича, объ которомъ упоминаетъ Татищевъ (13). Вообще должно замѣтить, что дѣятельное участіе выборныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ споровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію въ отношеніи къ сельскому управленію; но въ судахъ областныхъ такое управленіе сомнительно; по-крайней-мѣрѣ мы не имѣемъ объ немъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ.

О судѣ цѣловальниковъ и выборныхъ существуютъ различныя мнѣнія. Многіе думаютъ, что онъ ограничивалъ власть воеводъ и вообще всѣхъ, имѣвшихъ судебную власть; но это мнѣніе не имѣетъ никакого основанія. Оно необходимо предполагаетъ присутствіе двухъ противоположныхъ, враждебныхъ началъ въ составѣ народа (какъ мы видимъ напр. въ Англіи и Франціи), чего въ Россіи не было и быть не могло, по самому способу образованія и развитія русскаго государства. Профессоръ Морошкинъ первый понялъ настоящее значеніе этого суда, и высказалъ въ Рѣчи объ уложеніи. Цѣловальники, добрые люди, люди лучшіе были, по его словамъ, вѣщатели народныхъ обычаевъ (14), органы (viva vox) обычнаго права. Мы замѣтили выше, что княжескіе намѣстники завѣдывали первоначально частью военною, финансовою и полицейскою; внутренняя жизнь, право и судъ съ ихъ матеріальной стороны не обращали на себя вниманія княжескихъ

---

(13) Судебникъ, стр. 137, примѣч. а). Въ Полномъ собраніи законовъ этотъ указъ, если не ошибаемся, пропущенъ.

(14) О Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, Москва, 1839, стр. 16.

правителей, и покоились на обычномъ правѣ. Впослѣдствіи, съ возпреобладаніемъ положительнаго законодательства, и ослабленіемъ обычнаго права, судъ долженъ былъ постепенно перейти въ руки княжескихъ чиновниковъ, и ограничиться, а со временемъ и совсѣмъ уничтожиться участіе старостъ и цѣловальниковъ въ судопроизводствѣ, какъ излишнее, недостигавшее своей цѣли. Въ судахъ крестьянскихъ они удержались гораздо долѣе потому, что тяжбы крестьянъ продолжали рѣшаться на основаніи обычнаго права.

3) Постепенность чиноподчиненія, и различныя судебныя инстанціи, отсюда развившіеся, ведутъ свое начало отъ врученія власти со стороны князя своимъ приближеннымъ, а со стороны послѣднихъ, въ свою очередь, избраннымъ изъ своей дружины. До уложенія назначеніе судей отъ княжескихъ намѣстниковъ встрѣчается часто („намѣстники и ихъ тіуны“). Въ періодъ уложенія, по свидѣтельству Кошихина, также современныхъ актовъ и грамотъ, пригородные воеводы назначались воеводами главныхъ (первыхъ) городовъ. На этомъ же основаніи назначались отъ монастырей слуги управителями монастырскихъ крестьянъ, прикащики управителями крестьянъ помѣстныхъ и вотчинныхъ. Но здѣсь было и другое основаніе: въ періодъ уложенія крестьяне вотчинные, помѣстные, монастырскіе, патріаршіе получили характеръ крѣпостныхъ въ настоящемъ значеніи слова, хотя это начало не было еще высказано и развито юридически. Не смотря на то, правильная организація судовъ крестьянскихъ во времена уложенія заставляетъ насъ пред-

полагать, что первоначально сельскіе управители и прикащики были такіе же чиновники, какъ и воеводы, только съ меньшею степенью власти, и съ несравненно-меньшимъ значеніемъ въ лѣствицѣ гражданской гіерархіи.

Назначеніе воеводъ и вообще властей не непосредственно княземъ, а сановниками имъ установленными, равно какъ и многія другія черты настоящаго областнаго и центральнаго судоустройства Россіи, объясняются исторіею образованія московскаго государства.

1) Въ періодъ уложенія областное устройство было чрезвычайно неправильно. Многіе малые города вѣдались „воеводскими отпуски и судомъ“ непосредственно въ московскихъ приказахъ; другіе, напротивъ, воеводами городовъ, къ которымъ они были приписаны; въ числѣ приписныхъ городовъ (пригородовъ) находились иногда и *большіе*, и *середніе* города. Многіе города не имѣли вовсе приписныхъ городовъ; число послѣднихъ было также весьма неуравнительно; область города опредѣлялась повидимому произвольно: близость и отдаленность не служила основаніемъ при обозначеніи округа. Всѣ эти факты объясняются исторически. Княжества, удѣлы и независимыя державы, присоединяемыя постепенно къ Москвѣ, были не одинаковой величины; объемъ ихъ опредѣлялся не разстояніемъ отъ главнаго города, но исторіею ихъ образованія. Вошедши въ составъ Россіи, они большею частію не были измѣнены въ своемъ составѣ, и сохранились въ томъ видѣ, въ которомъ были присоединены къ

московскому государству (15). Мѣсто прежняго удѣльнаго князя заступалъ только намѣстникъ, впослѣдствіи воевода, на котораго первоначально были перенесены всѣ права княжескія, слѣд. и назначеніе воеводъ въ города, принадлежавшіе княжеству (нѣкоторые воеводы имѣли даже право смертной казни; оно досталось имъ вѣроятно на томъ же основаніи, хотя могли быть и другія причины, въ особенности отдаленность отъ мѣстопребыванія верховной власти).

2) Исторіею образованія московскаго государства объясняется существованіе, даже во времена Михаила Ѳеодоровича, такъ называемыхъ смѣстныхъ судовъ. Когда между подданными двухъ княжествъ вчинался споръ, то его судили вмѣстѣ бояре обоихъ князей. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича этотъ судъ перенесенъ на дѣла, возникавшія между городовыми и деревенскими жителями, и между подданными духовенства и свѣтскими. Но по мѣрѣ того, какъ вся Россія становилась „единымъ его великаго государя государствомъ“, и сознаніе внутренняго единства всѣхъ составныхъ частей московской державы укоренялось и развивалось болѣе и болѣе, судъ мѣстный замѣненъ подсудностію истца суду отвѣтчика, и такимъ образомъ впослѣдствіи уничтожился.

---

(15) Котошихинъ, гл. VIII, ст. 1: „Великій Новгородъ, царствы казанское, астраханское, сибирское, государство псковское, княжество смоленское, полотское — и тѣхъ государствъ въ первые города посылаются воеводы ..., и вѣдаютъ тѣ государства съ пригороды и уѣзды.“

3) Также исторіею образованія Россіи, чрезъ присоединеніе къ московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ, объясняется подвѣдомственность всѣхъ частей и областныхъ приказовъ (сибирскаго, смоленскаго княжества и проч.) государственному посольскому приказу. Она свидѣтельствовала о томъ, что области, нѣкогда самостоятельныя государства, были чужеземныя страны въ отношеніи къ московскому государству. Подъ конецъ настоящаго періода, подвѣдомственность хотя юридически и удержалась въ прежнемъ видѣ, но постепенное уничтоженіе областныхъ приказовъ, и распредѣленіе дѣлъ, ими управляемыхъ, по другимъ приказамъ, по различію предметовъ вѣдомства, лишили ее, de facto, прежняго содержанія; формальное уничтоженіе ея относится къ послѣдующему періоду.

4) Одно изъ отличительныхъ свойствъ системы администраціи въ эту эпоху состоитъ въ недостаткѣ рѣзкаго разграниченія между управленіемъ центральнымъ, всей Россіи, и областнымъ — округомъ или уѣздомъ. Поэтому о многихъ приказахъ трудно рѣшить, были ли они провинціальныя учрежденія для Москвы и ея области, или же кругъ дѣйствія ихъ простирался на всю Россію. По большей части они соединяли въ себѣ характеръ государственныхъ и областныхъ судовъ, слѣд. въ строгомъ смыслѣ не принадлежали ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ. Причина такого страннаго смѣшенія двухъ различныхъ назначеній въ одномъ правительственномъ мѣстѣ скрывается въ исторіи приказовъ. Древнѣйшіе изъ нихъ были первоначально

областные суды московскіе; впослѣдствіи, когда московское княжество распространилось на всю Россію, эти приказы мало по малу начали обращаться въ центральныя учрежденія для всего русскаго государства, удерживая между тѣмъ прежній характеръ областныхъ московскихъ судовъ (16). Однако немногіе изъ нихъ сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова государственными потому, что предметы вѣдомства, по причинамъ нами уже изложеннымъ, не были строго отдѣлены другъ отъ друга, и распредѣлялись по разнымъ приказамъ.

Таковы были историческія начала, на которыхъ основывалось судостройство въ настоящемъ періодѣ. Дальнѣйшее ихъ развитіе состояло въ томъ, что они мало по малу начали утрачивать характеръ непосредственныхъ, исторически-данныхъ, и стали постепенно пріобрѣтать философско-юридическое значеніе; въ прежнюю форму уже влагается новое содержаніе, которое необходимо должно было, въ свою очередь, болѣе или менѣе измѣнить ее. Такое важное измѣненіе въ характерѣ законодательства никогда не производится отвлеченными началами права потому, что эти начала сами суть результатъ историческаго развитія. Первыми двигателями реформы являются польза, удобство, которыя не замѣняютъ старыхъ началъ новыми, но, сдѣлавшись главною цѣлію законодательной дѣятельности, побуждаютъ къ видоизмѣненію существующихъ данныхъ, и тѣмъ пріуготовляютъ требованіе высшихъ, философскихъ началъ права. Вотъ съ ко-

(16) Рѣчь объ улож. проф. Морошкина, стр. 28.

тораго времени законодательства получаютъ интересъ догматической. Въ періодъ уложенія онъ начинаетъ появляться въ слѣдующихъ чертахъ судоустройства московскаго государства:

1) Раздѣленіе на провинціи, по прежнимъ княжествамъ и царствамъ, мало по малу начинаетъ измѣняться; на мѣсто его появляется начало распредѣленія областей по большимъ городамъ, къ которымъ приписывались малые города, ихъ окружавшіе. Это новое устройство провинцій, появившееся весьма естественно, должно было изгладить историческіе слѣды образованія русскаго государства потому, что рѣдко совпадало съ прежнимъ устройствомъ. Въ основаніи новаго раздѣленія областей очевидно лежитъ новый распорядокъ городовъ на большіе, средніе и меньшіе, о которыхъ часто упоминаетъ Котошихинъ. Такимъ образомъ приготовлено было правильнѣйшее устройство провинцій, которому начало положено въ царствованіе Петра Великаго.

2) По мѣрѣ того, какъ внутреннее единство Россіи болѣе и болѣе сознавалось, и исчезали слѣды прежней разрозненности частей ея, подчиненіе областныхъ намѣстниковъ центральнымъ правительственнымъ мѣстамъ постепенно теряло прежній политическій характеръ, и получило наконецъ чисто-юридическое значеніе. Такъ произошли инстанціи, которыя, разумѣется, были еще чрезвычайно неправильны потому, что не основывались на единомъ, твердомъ началѣ.

3) Необходимымъ слѣдствіемъ того, что централизація властей получила чисто-юридическій ха-

рактеръ, было правильнѣйшее понятіе о значеніи воеводъ и тѣхъ, которые вѣдали московскіе приказы: и тѣ и другіе постепенно дѣлаются, въ настоящемъ смыслѣ слова, судьями; значеніе ихъ становится чисто-юридическимъ. И прежде это понятіе было связано съ лицемъ княжескаго военачальника или царедворца; но оно никогда не обращало на себя такого вниманія, какъ теперь, когда политическій характеръ воеводъ замѣтно исчезалъ, вслѣдствіе внутренняго совокупленія частей московскаго государства, замѣнившаго собою внѣшнее. Отсюда объясняется появленіе множества узаконеній, имѣющихъ цѣлью оградить тяжущихся отъ пристрастія, несправедливостей и лихоимства судей. Вотъ значеніе судебника. Въ настоящій періодъ такихъ узаконеній вышло весьма много.

4) Личный, временной характеръ приказовъ, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, начинаетъ сглаживаться. Уже въ названіяхъ приказовъ (помѣстный, холопій, судный и т. д.) проглядываетъ мысль о постоянныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторые, напр. розрядный приказъ, приказъ помѣстный (см. сочиненіе Иванова: О помѣстныхъ правахъ) и другіе получили уже въ этомъ періодѣ весьма правильную организацію.

5) Завѣдываніе приказовъ и областей не однимъ, а многими лицами должно было, de facto, ослабить власть главнаго начальника; этимъ приготовлено появленіе новаго, въ настоящемъ смыслѣ коллегіальнаго устройства.

Наконецъ 6) появленіе новыхъ, философско-догматическихъ началъ въ системѣ управленія обнару-

живается въ постепенномъ сосредоточеніи извѣстнаго рода дѣлъ всей Россіи въ одномъ приказѣ. Такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя, которыя вѣдались сперва въ помѣстномъ приказѣ и четяхъ, къ концу этого періода сосредоточиваются въ одномъ первомъ. Гораздо ранѣе дѣла „татинныя, розбойныя, убивственныя и пожечныя“ и другія были подвѣдомственны одному разбойному приказу, То же должно сказать о розрядѣ, быть можетъ о козачьемъ и другихъ приказахъ.

Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ общія начала судоустройства во времена уложенія, приступимъ теперь къ изложенію самаго судоустройства.

А. Суды крестьянскіе.

Устройство судовъ крестьянскихъ, какъ мы замѣтили выше, оставалось въ настоящій періодъ то же самое, которое во времена судебника было общимъ для всѣхъ областныхъ судовъ московскаго государства.

а) Суды монастырскихъ крестьянъ.

Спорныя гражданскія дѣла между монастырскими крестьянами судилъ монастырскій слуга, который посылался управителемъ отъ монастырей въ вотчины, имъ принадлежавшія. Съ нимъ вмѣстѣ производили судъ мѣстный священникъ, староста, цѣловальникъ и лучшіе крестьяне (17).

(17) См. Наказы монастырскимъ слугамъ, въ Актахъ археографической коммиссіи (СПБ., 1836 г. т. IV): 1.) 1653 г. дек. 25 (N. 67); 2.) 1659, дек. (N. 112). Изъ этого Наказа видно, что при судахъ монастырскихъ селъ и деревень судные списки писалъ земскій или церковный дьячокъ. Въ Актахъ юридическихъ, изданныхъ археографическою коммиссіею (СПБ. 1838 г.) N. 334.

Спорныя гражданскія дѣла, превышавшія судебную власть монастырскаго слуги („ему ... судъ давати и судить въ пяти рубляхъ, ..., а больше пяти рублевъ не судить"), или по челобитью тяжущихся на неправый приговоръ, поступали на судъ и окончательное рѣшеніе монастырскихъ властей (18).

b) Суды дворцовыхъ крестьянъ.

О судѣ дворцовыхъ крестьянъ мы находимъ драгоцѣнное извѣстіе у Кошихина (гл. XI, ст. 1.): „царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судятъ ихъ и расправу чинятъ на Москвѣ, во дворцѣ, и въ селѣхъ, и въ волостяхъ прикащики, по грамотамъ, во всякихъ дѣлѣхъ (кромѣ уголовныхъ). А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ прикащиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: а судятъ межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ (кромѣ уголовнымъ дѣлъ)".

Дополненіемъ и объясненіемъ этого мѣста служатъ еще слѣдующія слова того же Кошихина (гл. XI, ст. 2): „патріархъ, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ, противъ тогожъ, какъ вѣдаютъ въ царскомъ дому его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ. ...."

Итакъ устройство судовъ дворцовыхъ крестьянъ было одинаково съ монастырскими; слѣд. прикащики были въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ

(18) См. упомянутые Наказы.

то же, что монастырскіе слуги въ монастырскихъ вотчинахъ; при нихъ также могли находиться староста и цѣловальники, о которыхъ забылъ упомянуть Кошихинъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ селахъ, гдѣ прикащиковъ не было, судили выборные крестьяне („судейки“). Въ уложеніи даже упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ дворцовыхъ селъ (19); напротивъ въ другихъ мѣстахъ объ нихъ не говорится ни слова (20).

Высшею инстанціею для судовъ дворцовыхъ крестьянъ былъ дворцовый судный приказъ.

c) Суды патріаршихъ крестьянъ.

Всё, что сказано выше о судахъ дворцовыхъ крестьянъ, вполнѣ относится къ судамъ крестьянъ патріаршихъ и вообще всего духовенства. Весьма вѣроятно, что въ нихъ принимали также участіе выборные или цѣловальники, хотя мы этого и не можемъ утверждать несомнѣнно. Въ источникахъ упоминаются только приказные люди, прикащики, которые вѣдали судъ въ патріаршихъ деревняхъ и селахъ. Изъ этихъ судовъ дѣла гражданскія между крестьянами переходили въ патріаршіе приказы (которыхъ, какъ извѣстно, было много) или на судъ архіепископовъ, епископовъ и т. д.

d) Суды помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ.

Сюда преимущественно относится мѣсто изъ сочиненія Кошихина (гл. XIII, стр. 16): „ въ домѣхъ

---

(19) Улож., гл. X, ст. 161.

(20) Улож., гл. XIII, ст. 3. 1664 г, окт. (N. 364), Грамота новгородскому воеводѣ и боярину князю Ивану Ръпнину.

боярскихъ учинены приказы... для сыску и росправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ." Изъ другаго мѣста мы видимъ, что крестьянами помѣщичьими и вотчинными управляли (а слѣд. и судили ихъ) прикащики; въ уложеніи и другихъ законахъ упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ въ вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ деревняхъ и селахъ (21).

Споры и тяжбы помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ между собою, перѣшенные крестьянскими судами, рѣшались окончательно помѣщикомъ или вотчинникомъ. (Быть можетъ, домовые приказы, о которыхъ упоминаетъ Кошихинъ, судили крестьянъ во второй, высшей инстанціи) (22).

Какъ спорныя гражданскія дѣла, возникавшія между жителями слободы, волости, села или деревни, подлежали вѣдомству мѣстнаго крестьянскаго суда, такъ тяжбы, которыя происходили между жителями города, области или уѣзда, судились въ городахъ.

B. Суды городовые.

Въ городахъ судъ въ дѣлахъ гражданскихъ принадлежитъ воеводамъ. Юридическое значеніе городовыхъ воеводъ было весьма различно, и нерѣдко опредѣлялось самымъ городомъ. По извѣстіямъ Кошихина, города раздѣлялись уже въ настоящій періодъ на большіе (первые), середніе и меньшіе (23). Въ большіе города посылались изъ Москвы (изъ роз-

(21) Улож., гл. X, ст. 161. 1664 г. окт. (N. 364), Грамота новгородскому воеводѣ Рѣпнину.
(22) Кошихинъ, гл. XI, ст. 3.
(23) Тамъ же, гл. VIII, ст. 3.

ряда) воеводами бояре и окольничьи, а съ ними товарищи, съ боярами — окольничьи, стольники и дьяки, а съ окольничими — стольники и дьяки (24).

Въ середніе города равнымъ образомъ посылались воеводами стольники, дворяне, дьяки и подъячіе вмѣсто дьяковъ (25). Изъ меньшихъ городовъ нѣкоторые были приписаны къ большимъ и среднимъ, и поэтому нерѣдко называются пригородами (26). Въ нихъ, какъ и въ большихъ и среднихъ городахъ, тоже были воеводы; но они назначались воеводами тѣхъ городовъ, къ которымъ пригороды были приписаны. Напротивъ, были малые города, неприписанные къ большимъ, въ которые воеводы посылались изъ Москвы; но эти воеводы не были ни бояре, ни окольничьи, а обыкновенно назначались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (27).

Мѣсто, въ которомъ воевода съ товарищи давали судъ въ дѣлахъ гражданскихъ, называлось вообще городовымъ приказомъ (28), съѣзжею избою (29), приказною избою и приказною палатою. Послѣднее названіе, какъ кажется, давалось приказамъ большихъ, а можетъ быть и среднихъ городовъ. Это доказывается тѣмъ, что въ Ярославлѣ, съ присвоеніемъ ему названія *отчины*, велѣно приказную избу именовать приказною палатою (30); изъ всѣхъ си-

(24) Кошихинъ, стп. 1.
(25) Тамъ же, стп. 3.
(26) Тамъ же, стп. 2.
(27) Тамъ же.
(28) Тамъ же, гл. VII, стп. 36.
(29) Акты юридическіе, N. 307, II и IV.
(30) 1692 г. іюля 27 (N. 1445) именной.

бирскихъ городовъ только въ Тобольскѣ была приказная палата, въ прочихъ были приказныя избы (31).

Судебная власть воеводъ по дѣламъ гражданскимъ простиралась на жителей города и его уѣзды (32). Не подлежали ей, какъ мы видѣли, тѣ, которые были подвѣдомственны по гражданскимъ тяжбамъ судамъ крестьянскимъ. Отсюда можно заключить, что крестьяне различныхъ селеній судились въ гражданскихъ дѣлахъ воеводою; то же должно сказать о спорахъ гражданскихъ между свободными и свободныхъ съ крѣпостными (33). Ограниченія права суда, принадлежавшаго воеводамъ, относились или къ тяжущимся лицамъ, или къ предметамъ и цѣнѣ иска.

1) Многія лица освобождались отъ подсудности мѣстному воеводѣ, напр.

а) Именитый родъ Строгановыхъ (34);

---

(31) 1695 г. дек. 30 (N. 1527) именной, объявленный сибирскому приказу боярином Рѣпнинымъ. Однако странно, что въ Рязани и Володимірѣ были приказныя избы (1657 г. авг. 23 (N. 213) именной. 1653 г. февр. 5. (N. 92) именной. 1661 г. іюля 2 (N. 302). (Грамота стольнику Сабурову). Вообще трудно рѣшить, съ котораго времени образовалось это различіе въ названіяхъ, и имѣло ли оно какое либо историческое или юридическое значеніе.

(32) 1657 г., февр. 23 (N 200), Жалованная грамота царя Бориса Ѳеодоровича патріаршему престолу. 1657 г. авг. 23 (N. 213) именной. 1669 г. генв. 22 (N. 431), ст. 3, Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ. Кошихинъ, гл. VIII, ст. 1.

(33) Уложеніе, гл. XIII, ст. 3.

(34) Опытъ исторіи росс. гос. и гр. зак., соч. Рейца, изд. проф. Морошкинъ, М., 1836, § 96, стр. 265. Жалованная грамота 1610 г., въ Собраніи гос. грам. и дог., т. II, стр. 386.

b) Всѣ гости, ихъ дѣти, племянники и прикащики (35);

c) Патріаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники, старцы, приказные патріаршіе люди, дѣти боярскіе и ихъ люди, патріаршіе крестьяне, слуги и крестьяне его монастырей, вотчинныя и благопріобрѣтенныя имѣнія патріаршихъ приказныхъ людей (36);

d) Нѣкоторые монастыри, иногда только извѣстныя лица монастырскаго вѣдомства (37);

e) Освобожденные отъ судебной власти городоваго воеводы вслѣдствіе челобитной, и подчиненные суду воеводы смежнаго города. Это дѣлалось посредствомъ судныхъ грамотъ (38).

Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ уничтожить изъятія изъ общей подсудности, и для того постановилъ въ уложеніи, не давать болѣе никому

---

(35) Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова, т. III, стр. 435.

(36) 1657 г. февр. 23 (N. 200), Жадованная грамота патріаршему престолу. 1653 г. февр. (N. 93) именной. 1672 г. генв. 28 (N. 505) именной, помѣченный думнымъ дьякомъ.

(37) 1654 г. мая 6 (N. 124), Жалованная грамота иверскому монастырю. 1657 г. февр. 25 (N. 201), Жалованная грамота патріаршему престолу. 1657 г., мая 20 (N. 205), подтвержденіе жалованной грамоты троицко-сергіеву монастырю. 1677 г. марп. 9 (N. 681), подтвержденіе жалованной грамоты грушицкому покровскому монастырю. 1677 г. авг. 22 (N. 703), Жалованная грамота успенскому зилантову монастырю. 1668 г. окп. 26 (N. 438), Тарханная грамота иверскому монастырю.

(38) 1663 г. генв. 4 (N. 331) именной.

несудимыхъ грамотъ, а тѣ, которыя были уже розданы, отобрать назадъ (39).

2) Судебная власть городовыхъ воеводъ была ограничена и въ отношеніи къ предметамъ и цѣнѣ гражданскихъ исковъ. Воеводы, при которыхъ не было дьяковъ, не могли судить тяжбъ цѣною свыше 20 рублей. Они не могли, далѣе, судить дѣлъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ (40). Такія дѣла, если онѣ возникали въ пригородахъ, были судимы въ большихъ и среднихъ городахъ, къ которымъ малые города были приписаны, хотя и здѣсь не могли они быть рѣшены окончательно, безъ указа царскаго (41).

Право судить дѣла помѣстныя, вотчинныя и холопьи, и иски цѣною свыше 20 рублей, принадлежало еще воеводамъ новгородскимъ, псковскимъ и казанскимъ (42); но, по свидѣтельству Кошихина, при нихъ находились дьяки, слѣд. и въ этихъ слу-

---

(39) Улож., гл. X, ст. 153. Кажется однако, что это постановленіе относится къ отдѣльнымъ лицамъ, освобожденнымъ отъ подсудности, а не къ сословіямъ. Иначе нельзя объяснить, почему исключенія изъ подсудности оставались на прежнемъ основаніи и послѣ уложенія, даже давались вновь.

(40) Улож. гл. XIII, ст. 3. Кошихинъ, гл. VIII, ст. 3.

(41) Кошихинъ, тамъ же. Иски, подлежавшіе суду воеводъ, при которыхъ находились дьяки, могли простираться до 10,000 рублей.

(42) Улож., гл. XI, ст. 20. Здѣсь постановлено, что вольные люди, хотѣвшіе вступить къ кому-либо въ крестьянство, должны записываться въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Казани, а не въ другихъ городахъ. Въ гл. XIII, ст. 3. прямо повелѣвается, въ понизовыхъ городахъ, подвѣдомственныхъ казанскому дворцу, давать судъ въ дѣлахъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопьихъ, и въ искахъ выше 20 рублей.

чаяхъ то же юридическое начало опредѣляло степень воеводской власти (43).

Гражданскія дѣла, неподсудныя городовымъ воеводамъ и судамъ крестьянскимъ, судились въ московскихъ приказахъ.

С. Суды центральные.

(Московскіе приказы.)

Начало московскихъ приказовъ относится къ отдаленному времени. Подъ названіемъ судовъ, избъ, дворовъ многіе существовали уже въ XVI вѣкѣ. По свидѣтельству Новикова, московскіе приказы упоминаются въ записныхъ книгахъ, боярскихъ спискахъ и книгахъ съ 1573 г. (большой приходъ бронный, постельный); нѣкоторые съ 1584 г. (посольскій), 1596 г. (честь дьяка Варѳоломея Иванова) и 1599 (казанскій дворецъ) годовъ. Древнѣйшій изъ всѣхъ московскихъ приказовъ есть холопій судъ, который существовалъ уже до 1500 года: всѣ прочіе упоминаются въ XVII вѣкѣ (44).

Въ періодъ уложенія каждый приказъ состоялъ изъ одного, двухъ, трехъ, четырехъ, даже иногда

---

(43) Кошихинъ, гл. VIII, ст. 1. На чемъ основывалось различіе власти воеводъ, при которыхъ находились дьяки, отъ власти тѣхъ, при которыхъ дьяковъ не было, — это доселѣ неизвѣстно. Кажется, оно совпадало съ различіемъ кормленій на большое — съ боярскимъ судомъ, и малое — безъ боярскаго суда; по-крайней-мѣрѣ изъ судебника (стат. 63, 65 и 66) видно, что намѣстники безъ боярскаго суда не могли давать полныхъ и докладныхъ грамотъ на крѣпостныхъ: ограниченіе, напоминающее о неподсудности холопьихъ дѣлъ воеводѣ, съ которымъ не было дьяка.

(44) См. Новикова, О московскихъ приказахъ, въ XX томѣ Россійской библіотеки.

изъ пяти членовъ. Они были большею частію бояре, окольничьи, думные люди, думные дьяки; въ немногихъ стольники, дворяне и дьяки. Почти во всѣхъ приказахъ, сверхъ означенныхъ членовъ, были дьяки, одинъ или два, иногда даже болѣе, и непремѣнно извѣстное число подъячихъ (45).

Право суда и расправы въ дѣлахъ гражданскихъ имѣли всѣ приказы безъ исключенія; но предметы и лица, на которые простиралась судебная власть каждаго приказа въ особенности, опредѣлить чрезвычайно трудно. Причины изложены нами выше; онѣ заключаются въ неправильномъ распредѣленіи предметовъ вѣдомства между приказами, и зависѣли отъ историческаго развитія судоустройства въ этомъ періодѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о кругѣ дѣйствія московскихъ приказовъ, должно обратить вниманіе на юридическія начала, опредѣлявшія ихъ занятія. Такихъ началъ было много. Исчислимъ главнѣйшія изъ нихъ:

а) Начало управленія областями, или странами. Приказъ, которому было ввѣрено управленіе областію московскаго царства, имѣлъ въ ней право суда и расправы во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, и между всѣми лицами. Для нѣкоторыхъ приказовъ мы имѣемъ объ этомъ прямыя историческія свидѣтельства; о прочихъ можемъ заключать по аналогіи. Этимъ началомъ опредѣляется подсудность въ приказахъ: 1) казанскаго дворца; 2) сибирскомъ; 3) въ четвертныхъ приказахъ: володимірскомъ, галицкомъ и устюжскомъ; 4) великороссійскомъ; 5)

(45) См. Кошихина сочиненіе, гл. VI и VII.

литовскомъ; 6) лифляндскихъ дѣлъ; 7) малороссійскомъ, и 8) смоленскомъ. Эти приказы состояли подъ вѣдомствомъ государственнаго посольскаго приказа, и управляли цѣлыми областями и царствами, подвластными московскому государю (такъ приказъ казанскаго дворца управлялъ царствами казанскимъ и астраханскимъ, сибирскій—царствомъ сибирскимъ). Они учреждались вѣроятно по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи (о нѣкоторыхъ мы имѣемъ на это указаніе въ источникахъ, напр. о приказѣ Малыя Россіи (46) и литовскомъ (47). Судебная власть ихъ простиралась на всѣ гражданскіе споры, возникавшіе въ подвѣдомственной имъ области (48).

b) Начало отдѣльнаго управленія гражданскими сословіями. Судебная власть приказовъ, подъ вѣдомствомъ которыхъ состояли цѣлыя гражданскія сословія, ограничивалась, какъ кажется, большею частію одними, въ тѣсномъ смыслѣ слова судными дѣлами, между лицами, принадлежащими къ этимъ сословіямъ (49). Приказы, завѣдывавшіе въ этомъ

(46) Кошихинъ, гл. VII, стр. 29.

(47) Новиковъ, въ Рос. вивл., т. XX, стр. 328.

(48) 1670 г., мая 18 (N. 471) именной: „стольнику Ивану...: Хитрово ... вѣдать въ новгородскомъ приказѣ городы ... Смоленскъ (и проч.) ... и тѣхъ ... городовъ всѣхъ людей ... судомъ и росправою, и помѣстными и вотчинными дѣлами.“ 1682 г., іюля 2 (N. 935) именной.

(49) Въ именномъ указѣ 1693 г. іюня 3 (N. 496) мы находимъ: „гусарскаго и копейнаго ... строевъ генераловъ и полковниковъ и проч. (исчисляются лица, подсудныя иноземскому приказу)... во всякихъ истцовыхъ искѣхъ судомъ ихъ и управою вѣдать, и исковъ своихъ имъ искать въ иноземскомъ приказѣ.“ Въ уло-

періодѣ цѣлыми сословіями, были слѣдующіе: 1) аптекарскій, имѣвшій судебную власть въ исковыхъ дѣлахъ между иностранными докторами и лекарями, которые находились въ Россіи, и молодыми Русскими, отданными имъ на обученіе; 2) иноземскій — между иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ; 3) козачій — между атаманами и всѣмъ козачьимъ войскомъ, кормовымъ и бѣломѣстнымъ, конпымъ и пѣшимъ, въ Москвѣ и городахъ; 4) монастырскій — между митрополитами, архіепископами, епископами, приказными людьми, дѣтьми боярскими (состоявшими на службѣ у духовенства), ихъ дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всѣмъ монашескимъ и священническимъ чиномъ, монастырскими слугами и крестьянами, и церковнослужителями; 5) патріаршій розрядъ — между всѣми, состоявшими на службѣ у патріарха: патріаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми, и всѣми живущими въ его домовыхъ вотчинахъ; 6) пушкарскій — между пушкарями, засѣчными головами, запинщиками, воротниками, городовыми, селипренными и колодезными мастерами; 7) рейтарскій — между рейтарами; 8) розрядный — между дворянами нижнихъ чиновъ до стольниковъ; 9) стрѣлецкій — между стрѣльцами московскими и городовыми; 10) ямской — между ямщиками; 11) посольскій — между всѣми иносп-

---

женіи (гл. XIII, ст. 1) сказано, что всѣмъ состоящимъ подъ управленіемъ монастырскаго приказа судъ давать „во всякихъ исцовыхъ искахъ“ и т. д.

рапцами, какого бы званія ни были (исключая тѣхъ, которые вѣдались въ иноземскомъ приказѣ), жившими въ Россіи или ей подвластными; 12) большаго дворца — между дворцовыми крестьянами; 13) большія казны — между гостями, гостинными и суконными сотнями, и многихъ городовъ купцами (купцы нѣкоторыхъ городовъ вѣдались судомъ въ таможняхъ гостемъ съ іноварищи и іноземными головами; въ новоторговомъ уставѣ 1667 г., апрѣля 22 (50), въ стт. 88 и 89 предполагалось всё купеческое сословіе, во всемъ русскомъ царствѣ, подчинить одному приказу; но, кажется, эта мѣра не была приведена въ исполненіе).

c) Начало администраціи, по различнымъ отраслямъ управленія. Отдѣленіе различныхъ отраслей государственнаго и гражданскаго управленія, и особливое завѣдываніе каждой изъ нихъ, появилось весьма рано, и въ періодъ уложенія получило уже нѣкоторую правильность. Мы видѣли, что часть военная была отдѣлена отъ другихъ, и ввѣрена нѣсколькимъ приказамъ; то же самое должно сказать объ управленіи финансовомъ, полицейскомъ и уголовномъ. Судебное управленіе (по дѣламъ гражданскимъ) отдѣлилось подобно другимъ отраслямъ, но не достигло систематической правильности, и большею частію сливалось съ прочими частями администраціи. По различію предметовъ гражданскаго судопроизводства, оно подраздѣлялось на нѣсколько вѣтвей, и каждая изъ нихъ была завѣдываема особливымъ приказомъ. Дѣла о помѣстьяхъ и вотчинахъ судилъ

(50) N. 408.

приказъ помѣстный. Приказъ холопій завѣдывалъ спорныя дѣла о крѣпостныхъ людяхъ (51); споры и тяжбы, возникавшіе вслѣдствіе договоровъ и гражданскихъ преступленій (delicta privata), судились въ судныхъ приказахъ (52). Лица, имъ подвѣдомственныя, были, по словамъ Кошихина, бояре, окольничьи, думные и ближніе люди, стольники, стряпчіе и дворяне, и всякіе помѣщики и вотчинники (53). Наконецъ, патріаршій розрядъ судилъ дѣла о духовныхъ и рядныхъ записяхъ (54).

---

(51) Кошихинъ, гл. VII, стр. 31: „а вѣдаютъ въ томъ приказѣ боярскихъ и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабальныхъ, и данныхъ, и записныхъ служилыхъ людей ...“ О крестьянахъ не упоминается; они вѣдались въ помѣстномъ приказѣ.

(52) Судныхъ приказовъ (кромѣ патріаршаго и дворцоваго) было сначала три: новгородскій, московскій и володимірскій. По уничтоженіи новгородскаго, московскій и володимірскій продолжали существовать отдѣльно, пока наконецъ, именнымъ указомъ Петра Великаго 1699 г. нояб. 3 (N. 1713), володимірскій судный приказъ уничтоженъ, и дѣла его переданы въ московскій судный приказъ. Дальнѣйшая судьба судныхъ приказа принадлежитъ къ послѣдующему періоду. Первоначально судные приказы вѣроятно учреждены для суда въ областяхъ, какъ то показываетъ и самое ихъ названіе. Было ли такъ и въ періодъ уложенія, мы не знаемъ. Взаимныя отношенія судныхъ приказовъ нигдѣ не опредѣлены; даже нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, по которымъ было бы возможно дѣлать какія нибудь заключенія. Изъ одного указа, даннаго въ царствованіе Анны Іоановны, видно только, что въ московскомъ судномъ приказѣ судимы были всѣ московскихъ чиновъ люди, въ володимірскомъ—городовые дворяне, подъячіе и другіе нижнихъ чиновъ люди (см. Высоч. резолюц. на докл. сената, 1730 г. мар. 20 (N. 5521).

(53) Кошихинъ, гл. VII, стр. 32.

(54) 1667 г., мая 28, Соборныя статьи о мированіи. См. Акты археографической коммиссіи, т. IV, N. 155. Причина, почему судъ о завѣщаніяхъ принадлежалъ къ духовному, а не къ

Вотъ главныя начала, которыми опредѣлялась судебная власть московскихъ приказовъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ. Въ какомъ отношеніи находились эти начала между собою, рѣшить весьма трудно потому, что оно не основывалось ни на какихъ постоянныхъ правилахъ. Замѣтимъ только, что начало управленія областями мало по малу вытѣсняется и уступаетъ мѣсто управленію отдѣльными отраслями администраціи. Вслѣдствіе того, дѣла однородныя должны были сосредоточиться въ одномъ приказѣ (такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя въ помѣстномъ приказѣ и т. д.) (55). Но, какъ

свѣтскому вѣдомству, заключается въ историческомъ происхожденіи нашихъ завѣщаній и въ характерѣ ихъ. Профессоръ Морошкинъ первый сдѣлалъ это замѣчаніе, и подробно изложилъ въ Рѣчи объ уложеніи (стр. 52). По именному указу 1692 г., подбр. 7 (N. 1452), велѣно: „зауморнымъ живошамъ, и рядным записямъ, и новымъ сговорнымъ росписямъ, и духовнымъ, и инымъ всякимъ дѣламъ (о которыхъ въ указѣ писано изъ розряда), а тѣ дѣла напередъ сего вѣдомы были въ патріаршемъ розрядѣ, быть по прежнему указу въ московскомъ судномъ приказѣ, а въ патріаршѣ-духовномъ, также и въ иныхъ .... патріаршихъ домовыхъ приказѣхъ того не вѣдать.“ Итакъ мысль, объ исключеніи упомянутыхъ дѣлъ изъ подвѣдомственности духовному суду, появилась еще до единодержавія Петра Великаго. Этотъ указъ подаетъ даже поводъ думать, что подсудность этихъ дѣлъ духовнымъ судамъ была введена вновь, а прежде того, онѣ вѣдались въ судахъ свѣтскихъ (, быть по прежнему указу въ московскомъ судномъ приказѣ.“ Можетъ быть также, что этотъ указъ былъ подтвержденіемъ перваго). Изъ послѣдующихъ узаконеній видно, что этотъ указъ остался неисполненнымъ.

(55) Въ именномъ указѣ 1651 г авг. 2 (N. 67) мы находимъ замѣчательное положеніе: служилые люди вѣдомы въ судныхъ приказахъ, а посадскіе въ четяхъ. Слѣд. цѣлостнаго управленія областей четвертными приказами тогда уже не было. Съ другой стороны, судебная власть судныхъ приказовъ расширялась

мы замѣтили выше, законодательство не достигло еще въ этомъ періодѣ точнаго и правильнаго разграниченія предметовъ вѣдомства.

Въ отношеніи къ областнымъ судамъ, московскіе приказы составляли высшую инстанцію: всѣ гражданскія дѣла, которыхъ не могли рѣшить городовые воеводы, и которыя превышали степень ихъ судебной власти, судились тѣми приказами, подъ которымъ приказомъ который городъ написанъ, или въ которомъ приказѣ кто судилъ.

Тяжбы, возникавшія между лицами, подсудными двумъ различнымъ приказамъ, судились въ томъ приказѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ отвѣтчикъ (56). Изъ этого правила были сдѣланы нѣкоторыя исключенія, а именно: 1) встрѣчный искъ судился въ приказѣ, которому былъ подчиненъ истецъ (57). Если кто-либо вчинялъ искъ, и по рѣ-

---

за предѣлы прежняго московскаго государства. Подъ конецъ этого періода помѣстный приказъ вѣдалъ почти всѣ земли въ Россіи (см. упомянутое сочиненіе Иванова, О помѣстныхъ правахъ); многіе областные приказы болѣе не упоминаются, можетъ быть потому, что они были уже уничтожены, а области, ими завѣдываемыя, введены въ общую систему управленія. Сюда относится также замѣчательный фактъ, сообщенный Голиковымъ (см. Прибл. къ Дѣян. Петра Великаго, III, стр. 419), что въ 1694 г. сибирскій приказъ завѣдывалъ одними сибирскими пивнѣческими доходами. Если это справедливо, то вотъ лучшее доказательство, что кругъ дѣятельности областныхъ приказовъ ограничивался наконецъ одною какою либо отдѣльною отраслью управленія (сначала сибирскому приказу ввѣрено было цѣлостное управленіе Сибирью).

(56) Улож., гл. XII, ст. 1, 3; гл XIII, ст. 1, 2; гл. XIV, ст. 3; гл. XXIII, ст. 2. 1692 г. нояб. 7 (N. 1452) именной.

(57) Улож., гл. XII. ст. 3; гл. XIII, ст. 2; 1668 г. окт. 26

шеніи дѣла, отвѣтчикъ, не сходя съ суда, вчинялъ другой искъ противъ своего истца, то послѣдній искъ назывался встрѣчнымъ. Это исключеніе допущено для избѣжанія излишней проволочки времени при переносѣ дѣла въ приказъ отвѣтчика; 2) въ періодъ времени отъ уложенія до Петра Великаго многимъ дано было право искать и отвѣчать въ одномъ и томъ же приказѣ. Поводомъ къ такой привилегіи служило нерѣдко желаніе, освободить извѣстныя лица или цѣлыя сословія отъ разорительной волокиты по разнымъ приказамъ. Этой привилегіей пользовались: купцы (58), патріаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники и старцы, приказные патріаршіе люди и дѣти боярскіе, ихъ люди и вотчинные крестьяне, патріаршихъ домовыхъ монастырей слуги и крестьяне (59), жители понизовыхъ городовъ, подсудные приказу казанскаго дворца (60), иноземцы, подсуд-

(N. 438): Тарханная грамота тверскому монастырю, 1672 г. генв. 28 (N. 505), именной, помѣченный думнымъ дьякомъ.

(58) 1667 г. апр. 22 (N. 408), Новоторговый уставъ, стат. 88 и 89

(59) 1672 г. генв. 28 (N. 505) именной, помѣченный думнымъ дьякомъ. Этотъ указъ не совсѣмъ ясенъ. Патріархъ Іоасафъ просилъ государя, чтобы дѣла, по которымъ исчисленныя имъ въ челобитной лица ищутъ и отвѣчаютъ (во встрѣчныхъ искахъ) въ судныхъ и другихъ приказахъ, были снесены въ одинъ приказъ, и впредь въ немъ одномъ и вѣдались. Государь назначилъ для этого помѣстный приказъ. Слѣдствіемъ того было, что на патріаршихъ людей вчиняли искъ въ одномъ приказѣ (патріаршемъ), а патріаршіе люди искали на посторонникъ, и отвѣчали во встрѣчныхъ искахъ въ другомъ (помѣстномъ). Другаго подобнаго исключенія мы не встрѣчаемъ въ источникахъ.

(60) 1672 г. іюл. 12 (N. 562), именной, съ боярскимъ приговоромъ.

ные посольскому приказу (61), московскихъ дворцовыхъ селъ тяглые люди, дворцовыхъ городовъ и селъ посадскіе люди и крестьяне (62), подъячіе розрядпаго приказа (63), гусарскаго, копейпаго, рейтарскаго и солдатскаго строевъ генералы, полковники и начальники, Русскіе и иноземцы всѣхъ полковъ (64), можетъ быть и другія еще лица.

Высшимъ, въ настоящемъ смыслѣ слова центральнымъ судомъ, для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ въ цѣлой Россіи, была государева большая дума, состоявшая изъ думныхъ людей (бояръ и окольничьихъ), думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Въ ней засѣдалъ самъ царь (65). Отношеніе думы къ приказамъ по дѣламъ гражданскимъ было то же, какъ областныхъ приказовъ къ городовымъ воеводамъ, состоявшимъ подъ ихъ вѣдомствомъ. Въ нее переносимы были на судъ царя и бояръ тѣ дѣла „которыхъ за чѣмъ въ приказахъ вершити было не мочно“ (66).

---

(61) 1679 г. (N. 792), именной, по частному дѣлу. 1679 г. мар. 12 (N. 805), именной, помѣченный думнымъ дьякомъ. 1691 г. марш. 31, (N. 1398), именной, съ боярскимъ приговоромъ.

(62) 1685 г. дек. 15 (N. 1145), именной.

(63) 1688 г. окш. 18 (N. 1354), именной.

(64) 1693 г. іюн. 3 (N. 1469), именной.

(65) Новиковъ, въ Росс. вивл., т. XX, стр. 280. Татищевъ, въ примѣч. къ судебнику, стр. 35. прим. а.

(66) Улож. гл. X, ст. 2. Изъ настоящаго періода дошли до насъ два замѣчательныхъ указа: одинъ 1669 г. ноябр. 29 (N. 460), именной; другой 1676 г. авг. 4 (N. 656), именной. Въ нихъ сдѣлано росписаніе, въ какіе дни изъ какихъ приказовъ вносить дѣла „передъ бояры къ слушанію и вершенію.“ Изъ нихъ видно, что засѣданія думы были каждый день, кромѣ субботы и воскресенья, и что въ каждое засѣданіе докладывались дѣла изъ

Кромѣ исчисленныхъ нами общихъ, постоянныхъ судовъ, были еще суды особливые, временные. Сюда относятся:

а) Третейскій судъ (судъ третьихъ). Въ уложеніи ему посвящена отдѣльная статья, въ которой довольно подробно изложены права и обязанности третьихъ и лицъ имъ подсудныхъ, также юридическія положенія о третейскомъ приговорѣ (67).

Третейскій судъ носитъ вполнѣ характеръ частнаго, гражданскаго договора. Лица, между которыми возникаетъ гражданскій споръ, добровольно соглашаются подвергнуть его рѣшенію не общихъ судебныхъ мѣстъ, которымъ онѣ подвѣдомственны, а третьихъ лицъ, ими самими, по обоюдному и непринужденному согласію, избранныхъ. Посредствомъ такого договора, соединенные такъ-сказать въ одно юридическое лице, спорящіе заключаютъ условіе съ третьими лицами. Это условіе состоитъ въ томъ, что противныя стороны, по взаимному согласію, подвергаютъ свое спорное дѣло суду этихъ третьихъ лицъ, ими избранныхъ, и обязуются почитать

нѣсколькихъ приказовъ. Новиковъ исчисляетъ многія присутственныя мѣста (палаты), въ которыхъ разсматривались дѣла, переносимыя изъ приказовъ (золотая, росправная палата, золотая меньшая палата, передняя, оппѣшная и росправная палаты). Были ли они то же, что большая дума, или ея отдѣленія, или временные, каждый разъ вновь нарядаемые суды бояръ, и называемые различно, по различнымъ палатамъ, въ которыхъ имѣли засѣданія, этого мы вѣрно не знаемъ (Миллеръ считаетъ золотую росправную палату за одно учрежденіе съ большою думою. См. Голикова, Прибав. къ Дѣяніямъ Петра Великаго, ч. III, стр. 414).

(67) Улож., гл. XV, ст. 5. Она отдѣлена отъ прочихъ, и имѣетъ особливое заглавіе (о третейскомъ судѣ).

ихъ рѣшеніе наравнѣ съ приговоромъ судебнаго мѣста.

Всѣ эти взаимныя условія составляютъ содержаніе записи о судѣ третейскомъ, которая сообщаетъ имъ обязательный характеръ, и даетъ рѣшенію третьихъ силу закона.

Третейскихъ судей было, какъ кажется, обыкновенно два. Если они давали единогласное рѣшеніе, то на него не могъ ни одинъ изъ тяжущихся приносить аппелляціонной жалобы, „потому что онъ тѣхъ третьихъ самъ себѣ излюбилъ.“ Если тяжущіеся, вопреки условію, выраженному въ записи, не слушали третейскаго приговора, то должны были платить третьимъ безчестіе (быть можетъ именно потому, что должность третейскаго судьи была почетною: въ законѣ не упомянуто о платѣ за судъ).

Разногласное рѣшеніе третьихъ имѣло различныя послѣдствія. Если въ записи была назначена государева пеня съ судьи, рѣшившаго неправильно, то недовольный могъ, посредствомъ челобитной, просить о перенесеніи яснаго дѣла въ приказъ. Тамъ оно рѣшалось по суду, а третейскій судья, рѣшившій его неправильно, кромѣ пени на государя, принужденъ былъ платить по гривнѣ на день проѣзжей и волокитъ тому, кто чрезъ несправедливое его рѣшеніе подвергся излишнимъ издержкамъ, и потерпѣлъ убытки. Если о пени не было сказано въ договорѣ, то аппелляція на разногласное рѣшеніе третейскихъ судей не допускалась, а поэтому нельзя было требовать и вознагражденія за проѣзди и волокиты.

Итакъ въ первомъ случаѣ третейскій судъ имѣлъ характеръ публичнаго суда; въ послѣднемъ — онъ ничѣмъ не отличался отъ мнѣнія частныхъ лицъ, неимѣющаго никакой обязательной силы.

b) Суды полковые. Они составлялись во время походовъ, и судили дѣла объ обидахъ между ратными людьми. Этими судами завѣдывали полковые воеводы или судьи „которымъ полковые Воеводы прикажутъ.“ Рѣшенію ихъ не подлежали споры, начавшіеся до похода, а разбирались въ судахъ, которымъ были подвѣдомственны тяжущіеся, по общимъ правиламъ подсудности (68).

c) Въ указѣ 1693 г. генв. 10 (69) упоминается о судѣ, наряженномъ для рѣшенія дѣла о безчестьи между боярами Алексѣемъ Семеновичемъ Шепнымъ и Михайломъ Григорьевичемъ Ромадановскимъ (судьею назначенъ князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ). Быть можетъ, для подобныхъ дѣлъ между важными государственными сановниками, всегда назначались временные суды, которые и уничтожались по рѣшеніи спора.

Кандидатъ правъ К. Кавелинъ.

---

(68) Улож, гл. X, сп. 149.

(69) N. 1460, именной, объявленный изъ приказа казанскаго дворца.

VI. О преимуществѣ слѣдственнаго процесса предъ обвинительнымъ.

Троякимъ способомъ могутъ быть производимы, и дѣйствительно производятся въ наше время, уголовныя дѣла въ государствахъ европейскихъ. Одинъ есть чисто-обвинительный способъ, другой смѣшанно-обвинительный, наконецъ третій — слѣдственный. Въ чисто-обвинительномъ уголовномъ судопроизводствѣ всякое уголовное дѣло, точно такъ же, какъ и частное гражданское, начинается не иначе, какъ по частному обвиненію, и производится между обвинителемъ и обвиняемымъ на томъ же самомъ основаніи, какъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ между истцемъ и отвѣтчикомъ. Отъ этого способа различается смѣшанно-обвинительный тѣмъ, что хотя и въ немъ дѣло по преступленію производится также между обвинителемъ и обвиняемымъ, но обязанность обвиненія возлагается не на частныя лица, а на особенныхъ государственныхъ чиновниковъ. Наконецъ въ слѣдственномъ порядкѣ не нужно никакого обвиненія: дѣла уголовныя и начинаются, и производятся мѣстами и лицами, именно на то отъ верховной власти назначенными, по ихъ собственному усмотрѣнію, ex officio. Въ наше время чисто-обвини-

тельный порядокъ, съ нѣкоторыми немногими исключеніями, употребляется въ одной только Англіи; смѣшанно же обвинительный введенъ со времени революціи во Франціи, потомъ въ Бельгіи и въ нѣкоторыхъ небольшихъ германскихъ владѣніяхъ, употребляется также въ Шотландіи и сѣверной Америкѣ. Наконецъ, слѣдственнымъ порядкомъ уголовныя дѣла производятся теперь въ нашемъ отечествѣ и во всѣхъ важнѣйшихъ германскихъ государствахъ: въ Пруссіи, Австріи, Баваріи, Вюртембергіи и проч. Спрашивается: какая изъ этихъ формъ уголовнаго судопроизводства заслуживаетъ предпочтеніе?

1. Что процессъ чисто-обвинительный не можетъ быть совмѣщенъ съ нынѣшними государственными потребностями, это очевидно, и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Только въ началѣ государствъ, когда преступленіе не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ частнаго оскорбленія, до котораго государству нѣтъ никакого дѣла, этотъ способъ преслѣдованія можетъ быть удовлетворителенъ. Но въ наше время, когда преступленіе разсматривается уже главнымъ образомъ какъ оскорбленіе самаго государства, онъ слишкомъ недостаточенъ. Тогда отъ преступленія терпятъ одни частныя лица, самому же государству оно не вредитъ ни въ какомъ отношеніи, есть дѣло совершенно для него постороннее. Какъ и теперь въ дѣлахъ гражданскихъ государство обыкновенно предоставляетъ всякому право, самому отыскивать свое на другомъ, такъ было тогда и въ дѣлахъ уголовныхъ. Напротивъ, въ наше время въ пре-

слѣдованіи преступленій государство само заинтересовано еще болѣе, нежели частныя лица; отчего необходимо, чтобъ оно само дѣятельно участвовало въ ихъ преслѣдованіи. Частныя лица всего болѣе заботятся о своихъ частныхъ интересахъ; если имъ удастся и безъ суда, посредствомъ частной сдѣлки, получить удовлетвореніе за обиду имъ причиненную, то объ интересахъ государственныхъ они обыкновенно не думаютъ. Для этого необходима особенная ревность къ общественному благу, которою въ наше время весьма немногіе могутъ похвалиться. Въ особенности, по отношенію къ преслѣдованію преступленій, на охлажденіе этой ревности дѣйствуютъ весьма многія обстоятельства. Вопервыхъ, ее значительно ослабляетъ уже и то, что общественное мнѣніе, въ наше время, обыкновенно не въ пользу, а противъ обвинителей. Вовторыхъ, она слишкомъ уменьшается здѣсь и отчего, что кромѣ разнаго рода безпокойствъ и непріятностей, всякой уголовный процессъ вездѣ влечетъ за собою тяжкую отвѣтственность, въ случаѣ, если бы справедливость обвиненія не была доказана. Наконецъ, впретьихъ, отъ обвиненія въ преступленіяхъ нерѣдко могутъ удерживаться частныя лица особенными отношеніями къ преступнику: родствомъ, дружбою, состраданіемъ, подкупомъ и проч.; отчего уже и въ самой Англіи жалуются на недостатокъ этой ревности, и единогласно предпочитаютъ отечественному процессу шотландскій, который имѣетъ такихъ же чиновниковъ, какъ и французскій. Между тѣмъ отъ Англіи всего менѣе можно было бы ожидать такой

жалобы потому, что здѣсь долѣе, нежели гдѣ-нибудь, сохранилась т. н. система общинъ, вслѣдствіе которой считается въ этомъ государствѣ нѣкотораго рода обвиненіемъ общественное мнѣніе, fama publica, и подаетъ поводъ къ начатію уголовнаго процесса по одному простому объявленію т. н. большаго суда присяжныхъ (grand jury), безъ всякаго предварительнаго обвиненія. Кромѣ того, частнымъ лицамъ предоставляется въ Англіи обвинять только по преступленіямъ частнымъ гражданскимъ; въ случаѣ же преступленій государственныхъ, роль обвинителя поручается и здѣсь государственному чиновнику. Тѣмъ не менѣе непаказанность преступленій такъ обыкновенна въ Англіи, что для предотвращенія вредныхъ послѣдствій этого зла считаются необходимыми формальныя общества. Отъ этого въ самой Америкѣ, гдѣ жизнь общественная еще въ полной свѣжести, признано однако же за необходимое поручить открытіе и преслѣдованіе преступленій государственному чиновнику. Если же намъ укажутъ на авторитетъ римской системы, то мы замѣтимъ, что хотя чисто-обвинительный уголовный процессъ и сохранился въ Римѣ до позднѣйшаго времени, но что и здѣсь, уже слишкомъ рано, сдѣлалась ощутительною его недостаточность. Доказательствомъ того служатъ строгіе законы противъ тѣхъ, которые, начавши уголовный искъ, оставляли его неоконченнымъ. Притомъ, что было хорошо въ древнемъ мірѣ, о томъ нельзя сказать, чтобъ оно было хорошо и въ наше время: наши нынѣшнія гражданскія отношенія совсѣмъ другія, нежели какія были прежде.

II. Болѣе совмѣстнымъ съ истинными государственными интересами представляется, съ перваго взгляда, процессъ смѣшанно-обвинительный. Въ этой системѣ, кажется, придумано всё, какъ нельзя лучше, для того, чтобы преступленіе не оставалось безъ наказанія. За нимъ слѣдитъ особенный государственный чиновникъ, со множествомъ помощниковъ, которыхъ обязанность въ томъ только и состоитъ, чтобъ открывать преступленія, и при самомъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ защищать интересы государства. При ихъ бдительномъ надзорѣ самый слѣдователь не можетъ уже быть ни слишкомъ медленнымъ, ни слишкомъ снисходительнымъ. Кромѣ того, эта система, повидимому, вполнѣ сообразна съ началомъ раздѣленія различныхъ судебныхъ дѣйствій между разными лицами. Но если глубже вникнуть во всѣ послѣдствія коренная правила этой системы, по которому слѣдователь долженъ начинать слѣдствіе только по предложенію другаго государственнаго чиновника, то тотчасъ откроется, что эта система на самомъ дѣлѣ не такъ хороша, какъ представляется съ перваго взгляда. Всякое слѣдствіе по преступленію бываетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ скорѣе оно начинается. Но когда слѣдователь долженъ начинать его только по вызову другаго чиновника, тогда всякій доноситель, всякій потерпѣвшій отъ преступленія, а равно и всякій полицейскій чиновникъ, долженъ обращаться къ нему, а потомъ, уже по его предложенію, должно начинаться слѣдствіе слѣдователемъ. Много потому времени должно быть потеряно, чрезъ эту совершенно-лишнюю проволочку, прежде

нежели слѣдствіе дѣйствительно будетъ начато, что, очевидно, рѣдко можетъ не вредить его успѣшности. Въ особенности же это чрезвычайно вредно тогда, когда для успѣха слѣдствія необходима глубочайшая тайна или такая поспѣшность, что оно тотчасъ должно быть начато противъ извѣстнаго лица. Такъ какъ чиновникъ - обвинитель есть совершенно отдѣльное лице отъ слѣдователя, то между ними не можетъ обойтись безъ переписки и слѣдовательно разглашенія тайны. Подозрительный, узнавъ, что его считаютъ подозрительнымъ, или укрывается бѣгствомъ, или по-крайней-мѣрѣ дѣлается осторожнѣе, избѣгая всего того, что бы онъ непремѣнно предпринялъ, если бы не зналъ, что за нимъ наблюдаютъ. Гдѣ же необходима особенная поспѣшность, тамъ (если и въ этомъ случаѣ сперва должно отнестись къ чиновнику - обвинителю) всегда настоитъ опасность, что слѣдователь слишкомъ поздно получитъ свѣдѣніе. Чтобы предотвратить это неудобство, во Франціи намѣренно слишкомъ расширяютъ понятіе ш. п. délit fragrant (преступленіе застигнутое при самомъ его совершеніи), дабы, въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, дать право самому обвинителю начинать слѣдствіе. Если напр. находится у кого нибудь оружіе, инструменты, бумаги, которыя заставляютъ думать, что владѣлецъ ихъ преступникъ или сообщникъ, то французскій государственный прокуроръ, уже и въ этомъ случаѣ, имѣетъ право дѣлать осмотръ, допрашивать свидѣтелей; онъ можетъ даже арестовать подозрительныхъ и вскрывать трупъ: законодательство само чувствовало, что при обыкновенномъ по-

рядкѣ необходимо бы замедлился ходъ дѣла. Но спрашивается: согласны ли эти важныя дѣйствія, которыя даютъ направленіе всему процессу, съ существомъ званія публичнаго обвинителя? Онъ есть не болѣе, какъ *партія*; съ понятіемъ же о партіи вовсе несовмѣстны вышеупомянутыя дѣйствія. Нѣтъ нужды, что эта партія есть не частное лице, а государственный чиновникъ: это нисколько не можетъ измѣнять ея настоящаго назначенія. Кромѣ того, если строго держаться вышеупомянутаго правила, то самъ слѣдователь, если узнаетъ о какомъ-нибудь преступленіи прежде прокурора, долженъ сперва ему сообщить свои свѣденія, а потомъ ожидать, пока онъ дастъ предложеніе о начатіи слѣдствія. И этой несообразности французское законодательство хочетъ помочь тѣмъ, что, въ случаѣ délit fragrant, позволяетъ самому слѣдователю начинать слѣдствіе. Наконецъ, при такомъ отдѣленіи роли обвинителя отъ роли слѣдователя, весьма возможенъ и тотъ вредъ, что весьма часто слѣдствіе будетъ начинаться безъ всякой нужды. Государственный прокуроръ всегда долженъ опасаться, что онъ дѣлаетъ слишкомъ мало. Неутомимая дѣятельность и величайшая бдительность есть его обязанность; онъ получаетъ поэтому множество неосновательныхъ доносовъ и извѣтовъ. Если требовать отъ него, чтобъ онъ всякій доносъ сообщалъ тотчасъ слѣдователю, то послѣдній будетъ замученъ безполезными розысками; если же дать право самому прокурору дѣлать эти розыски, для предварительнаго удостовѣренія въ справедливости полученныхъ имъ свѣдѣній, то это значитъ, сдѣлать

его изъ простаго обвинителя слѣдователемъ, тѣмъ болѣе, что всегда трудно опредѣлить границу, какъ далеко онъ долженъ при этомъ итти. Всё это доказываетъ впрочемъ только безполезность особенныхъ чиновниковъ для обвиненія въ преступленіяхъ; но они имѣютъ, какъ мы видѣли, еще другое назначеніе: они обязаны, во время самаго производства суда по преступленію, доказывать сдѣланное ими обвиненіе, дѣлать предложенія о приложеніи законовъ къ данному случаю, и вообще охранять права государства. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи эти чиновники необходимы. Мы предполагаемъ, говоритъ Миттермайеръ, что въ хорошо-организованномъ уголовномъ процессѣ предварительное слѣдствіе строго должно быть отдѣлено отъ спеціальнаго, а послѣднее такъ производится, въ полномъ собраніи судей, которые должны судить о дѣлѣ, что какъ скоро данъ приговоръ о его начатіи, то противъ подсудимаго составляется обвинительный актъ, съ изложеніемъ всѣхъ доказательствъ его виновности и невинности, который прочитывается судьямъ, причемъ они сами непосредственно слышатъ показанія подсудимаго и свидѣтелей, а равно и возраженія. Для этого же необходимъ особенный чиновникъ, который бы, въ интересѣ государства, дѣлалъ обвиненіе, доказывалъ его справедливость, и вообще защищалъ интересы государства. Только чрезъ такое отдѣленіе роли обвинителя и обвиняемаго, и посредствомъ формальнаго обвиненія дѣлается возможнымъ для обвиняемаго защищеніе потому, что онъ знаетъ, противъ чего ему защищаться; да и судьи легко могутъ давать приговоръ

по дѣлу, когда имъ приведены доказательства въ пользу и противъ подсудимаго. Но и въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, эти чиновники болѣе вредны, нежели полезны. Цѣль всякаго уголовнаго процесса есть не только обвиненіе, но и оправданіе подсудимаго потому, что государство столько же терпитъ отъ осужденія невинныхъ, сколько и отъ оправданія виновныхъ. Но чиновники-обвинители, частію по самому своему званію, частію же изъ ложной ревности, думаютъ единственно о томъ, какъ бы обвинить, чѣмъ обыкновенно и стѣсняется та независимость, то безпристрастіе, которыя необходимы для судей при постановленіи приговоровъ. Прочтеніе обвинительнаго акта уже предупреждаетъ ихъ противъ подсудимаго; чтобъ оправдаться, ему надобно побѣдить этого новаго врага. Кромѣ того, при такомъ судоустройствѣ, судьи не изслѣдываютъ дѣло свободно и самостоятельно, а судятъ только по тому, что приводятъ обвинитель и обвиняемый; слѣд. унижаются до машины, которую заводятъ другія лица.

III. Гораздо простѣе и сообразнѣе съ цѣлью представляется, напротивъ, та система, которая употребляется у насъ и во всѣхъ важнѣйшихъ германскихъ государствахъ, и въ которой всё дѣлается самимъ слѣдователемъ и самими судьями, ex officio. Противъ этой системы возражаютъ, правда, что она недовольно ограничиваетъ произволъ судей; слишкомъ покровительствуетъ поспѣшному и легкомысленному начатію несправедливыхъ процессовъ; дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ безпристрастіе для слѣдователя, который соединяетъ въ своемъ лицѣ

должность слѣдователя съ должностію обвинителя; наконецъ, что всего важнѣе, будто-бы въ этой системѣ процессъ весьма часто отъ начала до конца не имѣетъ никакого твердаго основанія, отчего самое защищеніе подсудимаго бываетъ недостаточно, и дѣло, безъ всякой нужды, затягивается, къ явному отягощенію его участи. Но если, вопервыхъ, и нельзя совершенно отвергнуть, что въ слѣдственной формѣ, съ одной стороны опасеніе отвѣтственности за нерадѣніе въ исполненіи обязанностей своего званія, а съ другой — желаніе выслужиться можетъ иногда увлекать къ начатію несправедливыхъ процессовъ, слѣд. къ явному притѣсненію невинности, то такое зло возможно, какъ мы видѣли, и въ смѣшанно-обвинительной формѣ; оно можетъ быть совершенно утрачено только тогда, когда государство имѣетъ опытныхъ и добросовѣстныхъ судей, безъ которыхъ никакая форма не можетъ быть свободна отъ злоупотребленій и недостатковъ. Въ этомъ отношеніи слѣд. невыгоды слѣдственнаго и обвинительнаго процесса по-крайней-мѣрѣ равны. Что же касается до другаго недостатка, то это вовсе не недостатокъ, а напротивъ — преимущество слѣдственнаго процесса. Такъ какъ слѣдователь не судитъ о тѣхъ дѣлахъ, по которымъ онъ производитъ слѣдствіе, то отъ того, что онъ соединяетъ въ себѣ и роль обвинителя, ни государство ни подсудимый ничего не проигрываютъ, напротивъ оба даже выигрываютъ потому, что въ этомъ случаѣ слѣдователю уже никто не мѣшаетъ въ производствѣ слѣдствія, отчего оно и не можетъ не итти быстрѣе и успѣшнѣе, не говоря уже о томъ, что государство сбере-

гаетъ такимъ образомъ тѣ издержки, которыя необходимы на содержаніе совершенно-лишнихъ, особенныхъ чиновниковъ—обвинителей. Наконецъ и то возраженіе противъ слѣдственнаго процесса явно несправедливо, что будто-бы онъ часто не имѣетъ никакого твердаго основанія. Это основаніе всегда будетъ, если только предварительное слѣдствіе сдѣлано должнымъ образомъ, слѣд. дѣло объяснено какъ слѣдуетъ, и слѣды преступленія обнаружены достаточно. Средствъ же защиты подсудимый въ слѣдственномъ процессѣ имѣетъ даже болѣе, нежели гдѣ-нибудь. О доставленіи ихъ обязанъ заботиться даже самъ слѣдователь потому, что цѣль слѣдственнаго процесса состоитъ не въ обвиненіи подсудимаго, а въ дознаніи высочайшей матеріальной истины. Съ другой стороны, всѣ эти недостатки слѣдственнаго процесса, если бы они дѣйствительно и существовали, слишкомъ выкупаются такими выгодами, которыхъ нѣтъ ни въ какой другой формѣ. Къ этимъ выгодамъ мы относимъ: во-первыхъ, ту независимость и самостоятельность, съ которыми производятъ уголовныя дѣла слѣдователь и судья въ слѣдственномъ процессѣ, и которыхъ они не имѣютъ ни въ чисто-обвинительной ни въ смѣшанной формѣ; главнымъ же образомъ то, что въ системѣ слѣдственной дѣло переходитъ само собою чрезъ многія инстанціи, а въ другихъ нѣтъ.

IV. Но если такъ очевидно превосходство слѣдственнаго процесса предъ обвинительнымъ, то спрашивается: почему же, и въ наше время, въ одномъ государствѣ послѣдній просто удерживается

вмѣсто перваго, въ другихъ же онъ смѣшивается съ слѣдственнымъ, а не замѣняется имъ совершенно?

Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что процессъ обвинительный считается въ этихъ государствахъ болѣе сообразнымъ съ личною гражданскою свободою и неприкосновенностію, нежели слѣдственный, по слѣдующимъ причинамъ:

Вопервыхъ потому, что въ обвинительномъ процессѣ судъ по преступленіямъ ввѣряется народнымъ судьямъ, т. н. присяжнымъ, а въ слѣдственномъ, напротивъ, онъ находится въ рукахъ коронныхъ судей. Вовторыхъ потому, что въ этой системѣ спеціальное слѣдствіе гораздо строже отдѣляется отъ предварительнаго, нежели въ слѣдственной. Наконецъ, втретьихъ потому, что тамъ уголовныя дѣла производятся публично и словесно, а здѣсь секретно и на бумагѣ.

1. Съ перваго взгляда представляется, что тамъ, гдѣ судъ по преступленіямъ ввѣряется народнымъ судьямъ, личная гражданская свобода ограждается болѣе, нежели тамъ, гдѣ онъ предоставляется коронным судьямъ; что по-крайней-мѣрѣ народъ имѣетъ болѣе довѣренности къ своимъ собственнымъ судьямъ, нежели къ тѣмъ, которые состоятъ на службѣ коронной. Весьма, кажется, естественно, что первые, совершенно завися отъ народа, всегда бываютъ внимательнѣе къ его интересамъ, нежели послѣдніе, которые прямо зависятъ отъ правительства, а потому ему особенно и радѣютъ, стараясь выслужиться въ глазахъ его.

Но 1) такое отдѣленіе интересовъ правительства отъ интересовъ народа возможно только тогда, когда государство находится не въ нормальномъ состояніи; въ его же нормальномъ состояніи польза правительства и народа одна и та же. Кромѣ того, 2) все это мнѣніе основывается на какой-то странной и обидной недовѣрчивости къ государственнымъ чиновникамъ, какъ будто-бы они, по самому свойству своему, болѣе способны къ злоупотребленію ввѣренной имъ власти. Напротивъ, намъ кажется, что тамъ, гдѣ, какъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, имъ предоставлена возможно-большая степень независимости и самостоятельности, гдѣ при опредѣленіи ихъ употребляется величайшая осмотрительность, и гдѣ пагопецъ слѣдствіе по преступленію производится одними лицами, а судъ другими, отъ нихъ можно еще скорѣе ожидать безпристастія, нежели отъ народныхъ судей. Народные судьи, если и свободны отъ вліянія государственной власти, за то они всегда находятся подъ вліяніемъ духа партій, и кромѣ того, весьма часто сами лично бываютъ прикосновенны къ тѣмъ дѣламъ, о которыхъ судятъ. Правда, пристрастіе, которое происходитъ отъ этихъ причинъ, почти всегда клонится къ пользѣ народа, но и наоборотъ, отъ него народъ терпитъ по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько и отъ того, которое оказывается слѣдствіемъ другаго внѣшняго вліянія. Неужели истинная гражданская свобода состоитъ въ томъ, чтобы преступленіе оставалось безъ должнаго воздаянія? Если она терпитъ тогда, когда подъ пред-

логомъ преступленія обезпокоиваются невинные, или и дѣйствительно-виновные наказываются болѣе, нежели сколько должно, то она не менѣе терпитъ и тогда, когда виновные или вовсе остаются безъ наказанія, или же наказываются легче. Гдѣ преступленіе не наказывается, тамъ нѣтъ и не можетъ быть безопасности правъ, слѣд. нѣтъ и не можетъ быть истинной гражданской свободы. Но и отъ вліянія государственной власти народные судьи совсѣмъ не такъ свободны, какъ то представляется съ перваго взгляда. Вопервыхъ, самый выборъ ихъ всегда, какъ извѣстно, болѣе или менѣе отъ нея зависитъ. Но главнымъ образомъ это вліяніе слишкомъ ясно обнаруживается тамъ, гдѣ въ уголовныхъ судахъ съ народными судьями засѣдаютъ и государственные чиновники, какъ напр. во Франціи. Уже и прокуроры имѣютъ здѣсь большое вліяніе на приговоры присяжныхъ, посредствомъ своихъ длинныхъ рѣчей; но еще болѣе управляетъ ими президентъ, посредствомъ своего resumé (краткаго изложенія дѣла), дѣлаемаго имъ по окончаніи судебныхъ преній. Такъ какъ пренія во французскихъ уголовныхъ судахъ всегда бываютъ слишкомъ продолжительны, то большею частію одно только это resumé и остается въ головѣ у присяжныхъ, которые потому имъ обыкновенно и руководствуются при постановленіи приговоровъ. Вслѣдствіе этого, если президентъ хочетъ, то онъ всегда можетъ управлять ихъ приговорами: ему стоитъ только въ своемъ краткомъ обозрѣніи изложить дѣло такимъ образомъ, чтобы навести присяжныхъ именно на такой приговоръ, какого онъ желаетъ.

Наконецъ, 3) если даже допустишь, что народные судьи наименѣе способны къ злоупотребленіямъ, то и въ этомъ случаѣ ихъ судъ нельзя было бы признать образцовымъ. Въ присяжные избираются обыкновенно люди, которые не имѣютъ никакихъ свѣдѣній въ правѣ. Эти свѣдѣнія считаются совершенно ненужными для нихъ отпого, что на нихъ возлагается рѣшеніе, по одному внутреннему убѣжденію, только т. н. фактическихъ вопросовъ, а для этого признается достаточнымъ одинъ здравый смыслъ. Но справедливо ли это? Въ началѣ государствъ, когда общественныя и всѣ житейскія отношенія еще слишкомъ просты, и когда право не скрывается въ мертвыхъ письменахъ и буквахъ, а живетъ въ общественномъ обычаѣ, достаточно конечно одного здраваго смысла и внутренняго убѣжденія для того, чтобы найти простой и справедливый приговоръ. Но въ наше время, когда общественныя отношенія сдѣлались многосложнѣе и запутаннѣе, и когда повсюду дѣйствуетъ писанный законъ, необходимо имѣть, при здравомъ смыслѣ и внутреннемъ убѣжденіи, еще основательное познаніе въ законахъ, дабы быть въ состояніи исполнять, какъ должно, трудную обязанность судьи. Правда, теперь на присяжныхъ возлагается уже только рѣшеніе фактическихъ вопросовъ; для рѣшенія же юридическихъ имъ обыкновенно придаются въ помощь коронные судьи изъ числа законовѣдцевъ. Но отъ этого ихъ должность не становится такъ легкою, чтобъ она могла быть исполнена безъ всякаго знанія законовъ. Подъ именемъ фактическихъ вопросовъ на нихъ возлагается обязанность удостовѣ-

рять или отрицать существованіе слѣдующихъ обстоятельствъ: а) происшествіе, о которомъ идетъ дѣло, заключаетъ ли въ себѣ преступленіе, и если заключаетъ, то какое именно? Далѣе, b) виновенъ ли въ совершеніи этого преступленія подсудимый или нѣтъ? Наконецъ, с) если виновенъ, то можно ли ему вмѣнить его вполнѣ, или нѣтъ ли какихъ-нибудь обстоятельствъ, которыя уменьшаютъ степень его виновности? Всѣ эти вопросы, какъ-бы ихъ ни называли, очевидно, не могутъ быть рѣшены однимъ здравымъ смысломъ, при помощи внутренняго убѣжденія. Преступленіемъ, въ смыслѣ гражданскомъ, называются, въ наше время, только такія дѣйствія, которыя признаютъ такими дѣйствующіе положительные законы; одно преступленіе различается отъ другаго извѣстными, закономъ же опредѣляемыми признаками; а вмѣненіе преступныхъ дѣйствій и всё вообще основывается на положительныхъ правилахъ. Чтобъ отвѣчать на вышеозначенные вопросы, необходимо слѣд. имѣть нѣчто болѣе здраваго смысла и внутренняго убѣжденія: для этого нужно еще и основательное познаніе отечественныхъ законовъ. Какъ же незавидно должно быть положеніе гражданъ тамъ, гдѣ судьямъ уголовнымъ не только не вмѣняется въ обязанность знать законы, но даже запрещается, подъ присягою, и думать объ нихъ въ минуту рѣшенія судьбы подсудимаго! Какъ мало тамъ обезпечена его участь! Еще въ лучшемъ положеніи находятся они въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ, гдѣ присяжные, при произнесеніи приговоровъ, обязываются по-крайней-мѣрѣ держаться извѣстныхъ положительныхъ правилъ (law of evidence), кото-

рыя основываются частію на обычаѣ, частію же и на законныхъ предписаніяхъ, и содержатъ въ себѣ руководство относительно оцѣнки какъ достовѣрности, такъ и вообще дозволенности извѣстныхъ судебныхъ доказательствъ. Напротивъ, во Франціи всё зависитъ только отъ одного здраваго смысла и субъективнаго убѣжденія. Что же можетъ быть хуже и ненадежнѣе этихъ судей? Сужденія т. н. здраваго смысла не всегда и не у всѣхъ одинаковы: что кажется противнымъ здравому смыслу одного, то не представляется такимъ другому; а субъективное убѣжденіе еще рѣже не бываетъ различно у различныхъ лицъ, и весьма часто зависитъ отъ совершенно-случайныхъ причинъ. Какая же защита возможна противъ такихъ приговоровъ, которые проистекаютъ только изъ этихъ источниковъ? Если бы присяжные были по-крайней-мѣрѣ обязаны объяснять причины, на которыхъ они основываютъ свое сужденіе и убѣжденіе, то въ этомъ случаѣ и они были бы осторожнѣе въ своихъ приговорахъ, и еще существовала бы возможность защищаться противъ нихъ. Но, къ несчастію, самъ законъ избавляетъ ихъ отъ этой обязанности. Безъ всякаго отчета и отвѣтственности они даютъ свои приговоры, и притомъ такъ, что, однажды данные, они считаются неопровержимыми. Противъ нихъ нѣтъ ни ревизіи, ни апелляціи, ниже другаго какого-нибудь средства, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ. Не лучше ли поэтому то судопроизводство, гдѣ сколько возможно менѣе предоставляется произволу судей, и гдѣ они всѣ свои приговоры обязываются утверждать на законахъ? Въ этомъ судопроизвод-

ствѣ осуждаетъ и оправдываетъ уже не судья, а законъ; и если онъ, по ошибкѣ или злоупотребленію, приводится неправильно, то это можетъ быть тотчасъ замѣчено и исправлено въ этой же инстанціи или въ другой, куда дѣло переходитъ само собою. Кромѣ того, гдѣ участь подсудимаго зависитъ только отъ закона, а не отъ минутной прихоти судей, тамъ всѣ эти длинныя и утомительныя французскія рѣчи, въ пользу и противъ подсудимаго, всѣ употребляемыя притомъ тонкости, хитрости, риторическія фигуры, софизмы, вообще всѣ обыкновенныя продѣлки, которыя только унижаютъ святое дѣло правосудія, отдавая его на жертву личнымъ страстямъ, становятся сами собою ненужными. Безстрастенъ и равнодушенъ, какъ законъ, долженъ быть судья, въ рукахъ котораго находится жизнь, честь, свобода и другія важнѣйшія блага его согражданъ. Всякое другое чувство, кромѣ строгаго и неумытнаго правосудія, должно быть ему чуждо. Впрочемъ, въ самыхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ доселѣ существуютъ суды присяжныхъ, они не признаются образцовыми въ томъ смыслѣ, чтобы въ нихъ не было никакихъ недостатковъ; напротивъ, и здѣсь слишкомъ чувствуютъ ихъ недостаточность во многихъ случаяхъ, которую стараются предотвратить разными, правда совершенно-непослѣдовательными пополненіями, что опять также они сами видятъ, и все однако же упорствуютъ въ своей привязанности къ этимъ судамъ еще и оттого, что, кромѣ большаго огражденія личной гражданской свободы и неприкосновенности, отъ нихъ ожидаютъ многихъ другихъ важныхъ полити-

ческихъ выгодъ. Но каковы бы ни были эти выгоды, изъ-за однихъ ихъ никакъ нельзя пренебрегать еще болѣе существенными выгодами, которыя получаетъ государство отъ хорошаго и благонадежнаго судоустройства и судопроизводства. Хорошее судоустройство и судопроизводство есть первое и важнѣйшее условіе не только благосостоянія, но и самаго существованія государствъ. Притомъ, всѣ тѣ выгоды могутъ быть получены и другимъ образомъ.

2. Всякій уголовный процессъ заключаетъ въ себѣ двоякаго рода слѣдствіе: генеральное, или предварительное, и спеціальное, или формальное. Генеральное слѣдствіе производится по преступленію вообще, и имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе состоянія дѣла, и собраніе доказательствъ и уликъ, которыя бы навели на вѣроятно-виновнаго въ немъ. Говоря строго, это даже не есть собственно-уголовный процессъ. Собственно-уголовный процессъ начинается только съ начатіемъ спеціальнаго слѣдствія. Спеціальное слѣдствіе производится уже не по преступленію вообще, а по преступленію, къ которому прикосновенно извѣстное лице, и имѣетъ цѣлію или конечное его обличеніе, или же оправданіе. Въ обвинительномъ процессѣ спеціальное слѣдствіе такъ строго отдѣляется отъ предварительнаго, что оно начинается не прежде, какъ тогда, когда, по разсмотрѣніи доказательствъ и уликъ, собранныхъ въ предварительномъ слѣдствіи, совершенно другими лицами данъ будетъ формальный приговоръ о его начатіи, послѣ чего оно производится опять новыми лицами. Напротивъ, въ слѣдственномъ судопроизводствѣ оба эти слѣдствія боль-

шею частію сливаются въ одно, такъ, что то же самое лицо, которое производитъ предварительное слѣдствіе, какъ скоро его окончитъ, тотчасъ же начинаетъ спеціальное, безъ всякаго особеннаго приговора. Противъ этого сліянія спеціальнаго слѣдствія съ предварительнымъ замѣчаютъ, что оно есть новое, ясное доказательство того, какъ мало уважается въ слѣдственномъ процессѣ личная свобода и неприкосновенность гражданъ: очевидно, слишкомъ опасно ввѣрять ихъ спокойствіе и честь одному лицу. На это замѣчаніе мы отвѣчаемъ: 1) вышеупомянутый недостатокъ совсѣмъ не такъ существенно связанъ съ слѣдственною формою, чтобы его можно было устранить только съ измѣненіемъ самой формы. И при существованіи этой формы, спеціальное слѣдствіе съ неменьшею строгостію можетъ быть отдѣлено отъ предварительнаго. Доказательствомъ тому служитъ баварскій уголовный процессъ, который хотя и есть чисто-слѣдственный, но въ немъ спеціальное слѣдствіе такъ же почти строго отдѣляется отъ предварительнаго, какъ и въ обвинительномъ процессѣ. Для его начатія и здѣсь также требуется позволеніе высшаго судьи, однако же такъ, что послѣ этого оно опять производится тѣмъ же слѣдователемъ, который производилъ предварительное слѣдствіе. Только въ нѣкоторыхъ, именно опредѣленныхъ случаяхъ дозволяется отступать отъ этого общаго правила, и производить самому слѣдователю и спеціальное слѣдствіе собственною властію. Но 2) даже тогда, когда спеціальное слѣдствіе совершенно смѣшивается съ предварительнымъ, личная неприкосновенность

гражданъ совсѣмъ не такъ много приводится въ опасность, какъ обыкновенно думаютъ. Вопервыхъ, ее достаточно охраняетъ уже и то, что, за начатіе несправедливыхъ уголовныхъ процессовъ, слѣдователи вездѣ подвергаются строжайшей личной и вещной отвѣтственности. Вовторыхъ, если въ слѣдственномъ процессѣ слѣдствіе по преступленію и производится однимъ лицемъ, то судъ по нему, какъ мы видѣли, предоставляется многимъ судебнымъ мѣстамъ, въ которыхъ дѣло, по крайней-мѣрѣ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, переходитъ само собою. Съ другой же стороны, 3) совершенное отдѣленіе спеціальнаго слѣдствія отъ предварительнаго въ большей части случаевъ вовсе не возможно. Такъ напр. оно невозможно тогда, когда дѣло требуетъ особенной поспѣшности или скрытности, а равно и тогда, когда о преступленіи можетъ дать достаточное объясненіе только самъ подозрительный, что бываетъ всегда въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя не оставляютъ по себѣ слѣдовъ. Опъ этого, въ самомъ обвинительномъ процессѣ, дозволяется самому слѣдователю и прокурапору требовать для допроса подозрительныхъ уже и въ предварительномъ слѣдствіи. Отсюда же объясняется и то, что прусское и австрійское законодательства считаютъ ненужными даже и самыя названія: предварительное и спеціальное слѣдствіе.

3. Наконецъ, послѣднее преимущество, за которое всего болѣе выхваляютъ обвинительный уголовный процессъ, есть публичность и словесность дѣлопроизводства, которымъ противополагается въ слѣдственномъ процессѣ секретность и письменность.

О публичности уголовнаго судопроизводства можно говорить въ двоякомъ отношеніи: вопервыхъ, по отношенію къ публикѣ, а вовторыхъ, по отношенію къ подсудимому и его защитнику.

Публичность перваго рода существуетъ, когда всѣ судебныя дѣйствія, изъ которыхъ составляется уголовный процессъ, какъ напр. въ Англіи, или же только важнѣйшія, какъ напр. во Франціи, совершаются открыто, такъ, что всякій, кому угодно, можетъ видѣть ихъ. Она считается необходимою въ особенности потому, что такимъ образомъ судьи подчиняются надзору всей публики, и потому не легко могутъ быть несправедливыми въ ихъ приговорахъ. Но чтобъ имѣть надзоръ за судьями, быть въ состояніи оцѣнивать и повѣрять ихъ дѣйствія, для этого необходимо разумѣть то, за чѣмъ должно надзирать, и что должно повѣрять. Многіе ли въ наше время къ тому способны? При нынѣшнемъ состояніи судопроизводства, когда справедливость и несправедливость уголовныхъ процессовъ весьма много зависитъ и отъ соблюденія извѣстныхъ формъ и обрядовъ, и когда самая матеріальная истина подчиняется многимъ чисто-положительнымъ условіямъ, для того, чтобы наблюдать за судьями и повѣрять ихъ приговоры, уже недостаточно обыкновенной образованности, но необходимо имѣть хотя нѣкоторое знакомство съ отечественными законами, которое достигается только ихъ изученіемъ. Но многіе ли имѣютъ это знакомство? Многіе ли даже желаютъ имѣть его? Притомъ, и при свѣдѣніяхъ въ законахъ, чтобы судить, правильно ли рѣшенъ тотъ или другой уголовный процессъ, необходимо слѣдить за нимъ отъ

начала до конца, и слѣд. присутствовать при всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ. Но для этого надо имѣть въ запасѣ много лишняго времени и еще болѣе терпѣнія. Оттого въ тѣхъ земляхъ, гдѣ уголовныя дѣла производятся публично, залы засѣданія большею частію или бываютъ пусты, или наполняются людьми праздными и бродягами, живущими безъ всякаго промысла и занятія, которые ищутъ въ нихъ или развлеченія, или, что еще хуже, уроковъ для будущихъ злодѣйствъ. Кромѣ того, сюда стекаются весьма часто и сообщники подсудимыхъ, для стачекъ съ ними и со свидѣтелями, которые нерѣдко получаютъ отъ нихъ заблаговременныя наставленія. Всё это, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ наблюденія въ Англіи и Франціи. Слѣд. вмѣсто того, чтобы приносить какую-нибудь пользу уголовному судопроизводству, допущеніе къ нему всѣхъ и каждаго скорѣе вредно для него. Теперь всякому только до себя, и поэтому трудно ожидать, чтобы кто-нибудь, безъ всякаго особеннаго интереса, т. е. взвалилъ на себя еще новую тяжесть — обязанность посѣщать уголовныя судебныя мѣста и контролировать судей. Къ этой цѣли ведетъ, въ наше время, гораздо надежнѣе учрежденіе инстанцій, допущеніе разнаго рода средствъ къ собственной защитѣ, а равно и участіе самаго подсудимаго и его защитника во всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, гдѣ только это возможно.

Въ самомъ дѣлѣ, если публичное судопроизводство, къ которому открытъ доступъ всѣмъ безъ разбора, болѣе вредно, нежели полезно; то, напротивъ, сколько-можно большая откровенность, по

отношенію къ самому подсудимому и его защитнику, есть одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ требованій всякаго безпристрастнаго уголовнаго судопроизводства. Подсудимый и его защитникъ, гдѣ онъ имѣетъ его, непремѣнно должны получать самое точное свѣдѣніе о всѣхъ важныхъ, по ихъ вліянію на судьбы перваго, судебныхъ дѣйствіяхъ, имѣть право и случай дѣлать возраженія, представленія и нужныя пояснепія; въ особенности же окончательный приговоръ долженъ быть всегда имъ прочитываемъ, съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, на которыхъ онъ основывается. Вѣрное составленіе судебныхъ протоколовъ, безъ всякихъ своевольныхъ измѣненій и пополненій, прочтеніе и утвержденіе ихъ рукоприкладствомъ подсудимаго, прочтеніе и подпись его защитника, наблюденіе за интересами подсудимаго со стороны лицъ одинаковаго съ нимъ состоянія, — всѣ эти дѣйствія такъ существенно необходимы, что безъ нихъ, опять повторяемъ, совершенно невозможно безпристрастное отправленіе правосудія, невозможна никакая довѣренность къ уголовнымъ судебнымъ мѣстамъ. Но публичность этого рода можетъ быть соединена и съ слѣдственною формою, и уже осуществлена дѣйствительно въ законахъ нашего отечества.

То же должно сказать и о другомъ преимуществѣ обвинительнаго процесса: о словесности дѣлопроизводства. Словеснымъ обвинительный процессъ называется въ томъ смыслѣ, что въ немъ всѣ судебныя дѣйствія, кромѣ предварительнаго слѣдствія, которому обыкновенно составляется подробный протоколъ, производятся только на словахъ, и ниче-

го не записывается. Нѣтъ ни протоколовъ, ни выписокъ изъ дѣла, ни докладныхъ записокъ, а присяжные и судьи судятъ о дѣлѣ только по тому, что сами непосредственно видятъ и слышатъ. Обвинитель и его свидѣтели, обвиняемый, его защитникъ и свидѣтели являются передъ присяжными и судьями, и говорятъ. Что тѣ показываютъ, то и должно служить основаніемъ приговора. Этотъ словесный способъ уголовнаго судопроизводства особенно рекомендуютъ потому, что тѣ же самые судьи, которые сами видятъ всё собственными глазами и слышатъ собственными ушами, предъ которыми партіи и свидѣтели говорятъ сами же, тотчасъ, когда всё, что они видѣли и слышали, находится еще въ свѣжей памяти, безъ всякаго посредства мертвыхъ протоколовъ, даютъ приговоръ по дѣлу. Въ этомъ, конечно, есть нѣчто доброе. Очевидецъ, конечно, лучше долженъ судить о дѣлѣ, нежели тотъ, кому пересказываетъ о немъ другой. Кто пересказываетъ о дѣлѣ, тотъ рѣдко передаетъ его, какъ оно было, а почти всегда такъ, какъ оно ему представилось, и большею частію съ прикрасами, измѣненіями и дополненіями, что особенно важно въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ часто другое выраженіе, а еще болѣе другой оборотъ рѣчи, совершенно измѣняетъ видъ дѣла. Кромѣ того, когда судьи судятъ не по мертвымъ протоколамъ, а по живой рѣчи партій и лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, тогда они имѣютъ весьма удобный случай наблюдать ихъ. Часто всего лучше ведетъ къ открытію истины душевное и тѣлесное состояніе подсудимыхъ, въ которомъ они находятся во время допросовъ. На-

конецъ, гдѣ судопроизводство словесное, тамъ всѣ лица, прикосновенныя къ дѣлу, непревывно находятся на очной ставкѣ; а въ лицо другому не легко можно говорить ложь. Но всѣ эти выгоды частію на самомъ дѣлѣ не существуютъ, частію же перевѣшиваются еще болѣе значительными невыгодами. Безспорно, что очевидцы лучше могутъ судить о дѣлѣ, нежели тѣ, которые знаютъ о немъ только по слуху; но развѣ слово то же, что самое дѣло? Присяжные также не видятъ самаго дѣла, а слышатъ только разсказъ объ немъ, и притомъ какой? — совершенно-противорѣчащій и намѣренно приправляемый прикрасами, измѣненіями, дополненіями и софизмами, которыми каждая сторона хочетъ уловить и преклонить на свою сторону судей, и за которые ни обвинитель ни защитникъ обвиняемаго не отвѣчаютъ предъ закономъ. Напротивъ, въ слѣдственномъ процессѣ составители судебныхъ актовъ именно обязываются вести ихъ какъ-можно вѣрнѣе и проще, не прибавляя ничего лишняго, въ тѣхъ самихъ словахъ и выраженіяхъ, которыя дѣйствительно были употреблены; за нарушеніе же этой обязанности они подвергаются строжайшей отвѣтственности предъ закономъ. Чтобы видѣть истину, въ слѣдственномъ процессѣ необходимо слѣд. только внимательно читать судебные акты; напротивъ, въ обвинительномъ — должно выпутаться изъ хаоса противорѣчащихъ показаній, которыя нерѣдко одинаково-сильно говорятъ сердцу и чувству судей, потомъ отдѣлить всѣ лишнее и непринадлежащее къ дѣлу отъ существеннаго, и уже послѣ всего этого искать истины, — и всѣ это должно дѣ-

лать при помощи одной памяти. Какая же обширная память должна быть у присяжныхъ? Какое быстрое соображеніе? Какое умѣнье найтись тамъ, гдѣ всего легче потеряться? Продолжительныя и запутанныя рѣчи адвокатовъ; различныя, другъ другу противорѣчащія показанія подсудимаго, свидѣтелей противъ него и свидѣтелей за него; безпорядочная пестрота быстро и непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ показаній и противопоказаній; — всё это можетъ легко сбить съ толку и болѣе опытныхъ судей, которые заранѣе приготовляются къ этой должности продолжительнымъ ученіемъ, и потомъ всю жизнь посвящаютъ ей; — все это легко можетъ увлекать присяжныхъ къ односторонними и неосновательнымъ заключеніямъ, которыя здѣсь тѣмъ вреднѣе, что ошибка, однажды сдѣланная, уже не можетъ быть поправлена. Словесное судопроизводство не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, изъ которыхъ бы впослѣдствіи напр. высшее судебное мѣсто могло видѣть, что приговоръ данъ не совсѣмъ правильно. Вотъ причина, почему во Франціи признано нужнымъ resumé президента, котораго нѣтъ въ Англіи; по такимъ образомъ тамъ высказано невольно, что словесное судопроизводство не совсѣмъ сообразно съ цѣлью. Далѣе, если наблюденіе надъ тономъ, минами, жестами, мѣлодвиженіями и страстями подсудимыхъ, когда ихъ допрашиваютъ, и ведетъ нерѣдко къ открытію истины: то, съ другой стороны, оно же часто вводитъ и въ заблужденіе. Только тѣ, которые продолжительною опытностію пріобрѣли глубокое познаніе человѣка и имѣютъ довольно хладнокровія, не могутъ безошибоч-

по судить по этимъ признакамъ. Другихъ же, менѣе опытныхъ и хладнокровныхъ, они легко могутъ увлекать къ поспѣшнымъ и ложнымъ заключеніямъ. И какъ искусно умѣютъ поддѣлываться къ разнымъ положеніямъ, употреблять различный тонъ, приправливаться къ разнымъ минамъ, жестамъ и пѣлодвиженіямъ, обнаруживать и скрывать страсти, однимъ словомъ,—разыгрывать роль угнетенной невинности, именно тѣ, которые давно уже простились съ нею и суть отъявленные злодѣи! Наконецъ, конечно, труднѣе лгать въ лицо, нежели за глаза, но за то, когда очная ставка дѣлается непрестанно, гораздо легче спакиваться; кромѣ того, отъ этого она становится слишкомъ обыкновенна и теряетъ всю ту пользу, которую получаютъ отъ нея, когда она дѣлается только въ случаѣ нужды и внезапно. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы думаемъ, что не словесное, а, напротивъ, письменное дѣлопроизводство гораздо сообразнѣе съ истиннымъ назначеніемъ уголовнаго судопроизводства. Если же что можно порицать въ немъ, такъ это развѣ большую и совершенно-ненужную плодовитость, отчего дѣло иногда возрастаетъ въ цѣлые огромные тюмы, а потому по необходимости замедляется. Это происходитъ въ особенности отъ того, что, вмѣсто того, чтобы при представленіи въ высшее судебное мѣсто выписывать дѣло, оно обыкновенно только переписывается, съ прибавленіемъ новыхъ обстоятельствъ его движенія. Но это зло заключается не въ самомъ слѣдственномъ процессѣ, а въ переписчикахъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что, между тѣмъ какъ еще не задолго прежде обвинительный процессъ, въ особенности французскій, былъ у всѣхъ и на умѣ и на языкѣ, такъ, что отъ него только и ожидали спасенія, въ наше время вѣра въ него начинаетъ мало по малу ослабѣвать.

Профессоръ С. Баршевъ.

VII. Прусскій уставъ о домашнихъ слугахъ (Gesindeordnung).

Этотъ уставъ изданъ 8 нояб. н. ст. 1810 г. для всѣхъ областей прусской монархіи, и служитъ до-сихъ-поръ основнымъ закономъ по предмету взаимныхъ юридическихъ отношеній между господами и домашними слугами, опредѣляя ихъ права и обязанности. Онъ заключается въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя здѣсь представляю въ точномъ переводѣ, съ важнѣйшими дополненіями, измѣненіями и поясненіями.

§ 1. Отношеніе между господами и слугами основывается на договорѣ, посредствомъ котораго одна сторона обязывается на опредѣленное время къ производству опредѣленныхъ домашнихъ или хозяйственныхъ услугъ, а другая—давать за то опредѣленное вознагражденіе.

1. Кто можетъ нанимать домашнихъ слугъ?

§ 2. Въ брачномъ союзѣ право, нанимать нужныхъ для семейства слугъ, принадлежитъ мужу.

§ 3. Служанокъ можетъ принимать жена, не имѣя надобности въ прямомъ на то соизволеніи своего мужа.

§ 4. Однако же мужъ, если найдетъ принятыхъ слугъ для себя неприличными, можетъ ихъ отослать по прошествіи закономъ опредѣленнаго срока, не обращая вниманія на условленный по договору срокъ, а только предувѣдомивши напередъ о такомъ отпускѣ напявшагося.

2. Кто можетъ напиматься въ домашніе слуги?

§ 5. Кто хочетъ напяться въ домашніе слуги, тотъ долженъ имѣть право, свободно располагать лицемъ своимъ.

§ 6. Дѣти, состоящіе подъ отеческою властію, не могутъ напиматься безъ позволенія своего отца, а несовершеннолѣтніе — безъ согласія своего опекуна.

Прим. Договоры личнаго найма, заключенные съ несовершеннолѣтними, объявляются недѣйствительными. Рескриптъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и полиціи 10 февр. 1836 г.

§ 7. Замужнія женщины могутъ напиматься въ няньки или вообще въ домашніе слуги не иначе, какъ съ дозволенія своихъ мужей.

§ 8. Только въ случаяхъ, означенныхъ въ §§ 6 и 7, и притомъ если позволеніе напяться ограничено именно-опредѣленнымъ временемъ или службою у опредѣленныхъ господъ, необходимо возобновленіе этого позволенія для того, чтобы продолжить срокъ найма или перемѣнить господъ.

§ 9. Домашніе слуги, бывшіе уже въ наймѣ, при вступленіи въ новую службу должны предъявить законный отпускъ отъ прежнихъ господъ.

Прим. 1. Свидѣтельство о поведеніи слуги выдается ему тогда, когда онъ господъ, у которыхъ служитъ, совершенно уже оставляетъ, а еще не тогда, когда онъ объявилъ, что онъ оставитъ ихъ. Если слуга не имѣетъ такого свидѣтельства, то это уже дѣло новаго наемщика, узнать о слугѣ у прежнихъ господъ. Онъ можетъ даже потребовать, чтобы слуга принесъ ему свидѣтельство, а слѣд. отошелъ бы совершенно отъ прежнихъ господъ. Рескриптъ Мин. вн. д. и п. 8 дек. 1820 г.

Прим. 2. Господа могутъ выдавать слугѣ свидѣтельство объ его поведеніи, по своему усмотрѣнію, и прежде его совершеннаго отпуска, а не только при самомъ отпускѣ. Поэтому при самомъ заключеніи договора о личномъ наймѣ не обязаны слуги предъявлять свидѣтельство прежнихъ господъ. Рескриптъ Мин. вн. д. и. п. 19 апр. 1830 г.

§ 10. Люди, показывающіе о себѣ, что они не были еще въ услуженіи, должны доказать свидѣтельствомъ отъ своего начальства, что къ принятію ихъ въ домашніе слуги не имѣется никакого сомнѣнія.

§ 11. Если кто будетъ принятъ въ домашніе слуги, безъ соблюденія правилъ, въ § 9 и 10 постановленныхъ, и если потомъ кто-либо явится, имѣющій право на лице или на службу принятаго въ услуженіе, то договоръ личнаго найма, какъ недѣйствительный, тотчасъ долженъ уничтожиться.

§ 12. Кромѣ того, за нарушеніе этихъ правилъ, принявшій въ услуженіе подвергается штрафу, отъ 1 до 10 талеровъ, въ пользу мѣстной кассы для бѣдныхъ.

3. Маклеры домашнихъ слугъ.

§ 13. Никто не можетъ заниматься маклерствомъ слугъ, кромѣ лицъ, мѣстнымъ начальствомъ къ тому опредѣленныхъ и обязанныхъ.

§ 14. Такіе маклеры слугъ тщательно должны освѣдомляться о лицахъ, желающихъ чрезъ ихъ посредство опредѣлиться въ услуженіе.

§ 15. Въ особенности же должны они изслѣдовать, имѣютъ ли эти лица право, на основаніи законовъ, наниматься въ услуженіе.

§ 16. Они не должны, ни подъ какимъ предлогомъ, состоящее уже въ услуженіи лице возбуждать къ тому, чтобъ оно оставило настоящихъ своихъ господъ и перешло къ другимъ.

§ 17. За нарушеніе этого постановленія, они въ первый разъ подвергаются штрафу, отъ 5 до 10 талеровъ, или соотвѣтственному тюремному заключенію; а въ случаѣ повторенія преступленія, имъ сверхъ того воспрещается впредь заниматься маклерскими дѣлами.

§ 18. Они должны господъ, желающихъ чрезъ ихъ посредство нанять себѣ слугъ, извѣстить, съ вѣрностію и по крайнему своему разумѣнію, о качествахъ лица, предлагаемаго ими въ услуженіе.

§ 19. Если они, противно своему крайнему разумѣнію, предложатъ въ услуженіе, какъ способное или надежное, лице неспособное или невѣрное, то они должны сами отвѣтствовать за причиненные такими слугами убытки.

§ 20. Кромѣ того, всё равно, воспослѣдуютъ ли отсюда на самомъ дѣлѣ убытки или нѣтъ, они во всякомъ случаѣ подвергаются штрафу, за первый разъ отъ 5 до 20 талеровъ или соотвѣтственному тюремному заключенію, а въ случаѣ повторенія, воспрещается имъ впредъ заниматься маклерскими дѣлами. Это воспрещеніе имѣетъ мѣсто даже и за первый разъ, если маклеры не въ состояніи вознаградить убытковъ, слугами причиненныхъ.

§ 21. Полицейскія начальства, которымъ предоставлено право опредѣлять маклеровъ слугъ, обязаны также установлять, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ, плату за труды маклерамъ слѣдуемую, и объ ней публиковать.

Прим. 1. Маклеръ, требующій или принимающій болѣе постановленной платы, въ первый разъ платитъ пеню вдвойнѣ противъ законной таксы, а въ случаѣ повторенія, отставляется отъ маклерскихъ дѣлъ. Постановленіе Магдебургскаго Королевскаго Правленія 9 дек. 1833 г., на основаніи общаго рескр. Мин. вн. д. и п. 18 нояб. 1833 г.

Прим. 2. При опредѣленіи въ маклеры, полицейскія начальства должны обращать вниманіе на личность опредѣляемаго, и на то, чтобы число маклеровъ не превышало настоящей потребности. Дозволеніе быть маклеромъ должно быть ежегодно возобновляемо. Рескр. Мин. вн. д. 26 мая 1824 г.

Прим. 3. Маклеры домашнихъ слугъ не считаются государственными чиновниками. Рескр. 25 мая 1832 г.

4. Заключеніе договора о личномъ наймѣ.

§ 22. Для найма простыхъ домашнихъ слугъ не требуется письменнаго договора.

§ 23. Мѣсто письменнаго договора заступаетъ даваемая и принимаемая наемная плата.

§ 24. Количество наемной платы зависитъ отъ свободнаго соглашенія, между господами и слугами послѣдовавшаго.

§ 25. Обыкновенно изъ наемной платы вычитается плата маклеру, развѣ при заключеніи найма другое условіе именно будетъ постановлено.

§ 26. Даже и тогда, когда господинъ, особеннымъ условіемъ, отказался отъ такого вычета изъ наемной платы, онъ все однако же къ тому имѣетъ право, если слуга, по собственной винѣ, не выслужитъ условленнаго срока найма.

§ 27. Если домашній слуга наймется въ услуженіе у разныхъ господъ въ одно и то же время, то преимущество дается тому господину, отъ котораго слуга прежде взялъ наемную плату.

Прим. Полицейскому начальству принадлежитъ право слѣдствія и наказанія тѣхъ слугъ, которые возмутъ отъ разныхъ господъ, въ одно и то же время, наемную плату. Берлинскій полицейскій уставъ 13 сент. 1822 г., § 12.

§ 28. Тотъ господинъ, который, по вышеизложенному правилу, уступаетъ преимущество другому, или который добровольно откажется отъ своего притязанія, можетъ требовать отъ слуги возвращенія наемной и маклерской платы.

§ 29. Если господинъ не зналъ, что слуга прежде уже у другаго нанялся, то слуга долженъ ему вознаградить убытокъ, происшедшій отъ того, что господинъ долженъ нанять другаго слугу за большую плату.

§ 30. Господинъ, у котораго остается слуга, долженъ, по востребованію, вычесть изъ наемной платы то, что приходится (по §§ 28 и 29) другому господину, и отдать этому послѣднему.

§ 31. Сверхъ того, слуга, который такимъ образомъ нанялся въ одно время у разныхъ господъ, долженъ, въ наказаніе, взнесть въ мѣстную кассу для бѣдныхъ сумму, равную той, какую онъ получилъ отъ другихъ господъ.

5. Плата и содержаніе домашнихъ слугъ.

§ 32. Назначеніе наемной платы, денегъ на содержаніе или содержанія натурою для городовыхъ и сельскихъ слугъ, совершенно, безъ исключенія, зависитъ только отъ свободнаго соглашенія, при заключеніи найма послѣдовавшаго.

§ 33. Если при заключеніи найма ничего объ этомъ опредѣленнаго не постановлено, то должно давать наемную плату, деньги на содержаніе или содержаніе натурою, что обыкновенно дается такого же разряда слугамъ въ томъ мѣстѣ и въ то время, когда наемъ заключался. Что же именно должно здѣсь считать правиломъ, это опредѣляется мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ.

§ 34. Слуги не могутъ отыскивать судомъ подарковъ на Святки, на Новый Годъ и другихъ по-

добнаго рода подарковъ, даже и въ томъ случаѣ, когда имъ это было отъ господъ ихъ обѣщано.

§ 35. Всѣ о такихъ подаркахъ областныя или мѣстныя постановленія, основанныя на законахъ или на обычаяхъ, начиная съ 2 генв. 1811 г., лишаются всякой обязательной силы.

§ 36. Въ случаѣ, если подарки на Святки или на Новый Годъ дѣйствительно уже были даны во время служенія, господинъ можетъ вычитать ихъ изъ наемной платы, если договоръ о наймѣ для личныхъ услугъ будетъ уничтоженъ въ продолженіе служебнаго года виною слугъ.

§ 37. Ливрея слугъ мужескаго пола составляетъ часть наемной платы, и, по окончаніи установленнаго договоромъ срока, остается имъ въ собственность. Въ недостаткѣ такого условія рѣшаетъ полицейское начальство, въ какой срокъ выслуживается ливрея, точно такъ, какъ въ § 33 постановлено.

§ 38. Если слугѣ дана будетъ сверхъ того еще особенная парадная ливрея, то слуга не имѣетъ на нее никакого притязанія.

§ 39. Шпели, кучерскіе армяки и т. п. не принадлежатъ къ обыкновенной ливреѣ.

6. Срокъ служебнаго времени.

§ 40. Срокъ служебнаго времени зависитъ отъ свободнаго соглашенія, при заключеніи найма послѣдовавшаго. Однако же никто не можетъ обязаться къ услугѣ на такое время, которое или не выражено извѣстнымъ числомъ лѣтъ, мѣсяцевъ, не-

дѣль, дней, или не опредѣлено такимъ образомъ, чтобы каждому изъ договаривающихся сторонъ можно было отступить отъ договора, послѣ предварительнаго о томъ извѣщенія. Если же, не смотря то, это правило не соблюдено, то слуга долженъ всегда быть отпущенъ, послѣ предварительнаго, за годъ имъ сдѣланнаго, о томъ извѣщенія. Отъ договоровъ о личномъ наймѣ, заключенныхъ родителями или опекунами вмѣсто дѣтей своихъ или состоящихъ у нихъ подъ опекою, могутъ послѣдніе, по достиженіи ими совершеннолѣтія, безусловно отступиться, на основаніи § 112.

§ 41. Если ничего особеннаго не установлено условіемъ, то подразумѣвается, что наемъ заключенъ городскими слугами на $\frac{1}{4}$ года, а сельскими на весь годъ.

7. Вступленіе въ услуженіе.

§ 42. Время вступленія въ услуженіе полагается для городскихъ слугъ ежегодно 2 число генваря, апрѣля, іюля и октября, если не было сдѣлано, при заключеніи найма, другаго условія. Однако же если время вступленія въ услуженіе придется на день воскресный или праздничный, то слуга долженъ за день предъ тѣмъ, въ день буденный, вступить въ услуженіе.

§ 43. Время вступленія въ услуженіе опредѣляется, для сельскихъ слугъ, прежде всего нарочнымъ соглашеніемъ, при заключеніи найма послѣдовавшимъ. Если такого условія сдѣлано не было, то сперва должно при этомъ слѣдовать мѣстному обычаю. Гдѣ же это рѣшается обычаемъ неопредѣли-

шельно, равно какъ и во всякомъ случаѣ по истеченіи 5 лѣтъ, законнымъ временемъ вступленія въ услуженіе полагается 2 генваря. Присемъ дѣйствуетъ правило, касательно воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ предъидущемъ параграфѣ изложенное.

§ 44. Законное или, по § 43, на обычаѣ основанное время вступленія въ услуженіе для новыхъ слугъ есть вмѣстѣ и время оставленія службы со стороны прежнихъ слугъ. Ни одинъ слуга не долженъ прежде этого времени оставлять своихъ господъ, развѣ бы время его служенія, по особенному взаимному соглашенію, уже до этого времени окончилось.

Прим. 1. Условное отступленіе отъ мѣстнаго обычая, въ разсужденіи времени отхода слугъ, должно быть всегда означаемо въ свидѣтельствѣ о службѣ имъ выдаваемомъ. Если такого означенія нѣтъ, то должно принимать, что служеніе оканчивается въ дни обычные. Въ эти дни слуги должны вступать въ новое свое служеніе, или, по просьбѣ новыхъ господъ, должны быть къ нимъ начальствомъ отсылаемы; а прежнимъ господамъ предоставляется право, просить о вознагражденіи убытковъ, такимъ сокращеніемъ времени служенія имъ причиненныхъ. Публикація К. Кенигсбергскаго Правленія 24 февр. 1821 г.

Прим. 2. Если слуга оставитъ службу до срока, безъ предварительнаго о томъ извѣщенія своего господина, то господинъ долженъ тотчасъ извѣстить объ этомъ полицію. Предписаніе К. Мюнстерскаго Правленія 13 сент. 1816 г.

Прим 3. Безъ извѣщенія мѣстнаго начальства никто никого не долженъ принимать къ себѣ въ услуженіе или въ домъ, подъ страхомъ законнаго наказанія. Предписаніе К. Мюнстерскаго Правленія 11 авг. 1820 г.

§ 45. Послѣ того, какъ будетъ дана и принята наемная плата, господинъ обязанъ принять къ себѣ слугу, а слуга вступить въ услуженіе въ опредѣленное время.

§ 46. Ни та ни другая сторона не могутъ отъ этой обязанности освободиться тѣмъ, что господинъ откажется отъ своихъ денегъ, а слуга отдастъ назадъ наемную плату.

§ 47. Если господинъ откажется принять къ себѣ слугу, то онъ теряетъ наемную плату, и обязанъ также точно вознаградить убытки, отъ того слугѣ причиненные, какъ постановлено въ § 160 и слѣд. на случай, если слуга будетъ отпущенъ прежде срока найма безъ законной причины.

§ 48. Однако же господинъ можетъ, прежде нежели слуга вступитъ къ нему въ услуженіе, отпустить слугу до истеченія срока найма (см. § 117 и слѣд.).

§ 49. Господинъ и тогда на то имѣетъ право, если слуга прежде отказывался отъ вступленія къ нему въ услуженіе.

§ 50. Въ обоихъ случаяхъ господинъ можетъ требовать обратно отданную имъ наемную плату.

§ 51. Если слуга отказывается вступить въ услуженіе, то начальство должно употребить про-

шивъ него принудительныя средства. Если эти средства не подѣйствуютъ, и если отъ того господинъ принужденъ будетъ нанять другаго слугу: то слуга обязанъ не только вознаградить причиненный тѣмъ господину убытокъ, и возвратить наемную плату, но сверхъ того онъ подвергается наказанію, которое, по мѣрѣ вины, простирается отъ 2 до 10 талеровъ, или, въ случаѣ несостоятельности, соотвѣтственному тюремному заключенію.

§ 52. Если же слуга можетъ доказать, что господинъ въ истекшемъ служебномъ году оказался виновнымъ въ такихъ поступкахъ, которые уполномочиваютъ его, т. е. слугу, на основаніи §§ 136—140, оставить служеніе безъ предварительнаго о томъ извѣщенія: то онъ не можетъ быть принужденъ ко вступленію въ услуженіе, а только обязанъ возвратить наемную плату.

§ 53. Если слугѣ воспрепятствуетъ ко вступленію въ услуженіе какой-либо случай, безъ его собственной вины, то господинъ долженъ удовольствоваться только возвращеніемъ наемной платы.

§ 54. Если служанкѣ, предъ вступленіемъ ея въ услуженіе, представится случай выйти замужъ, то она можетъ вмѣсто себя поставить другое лицо, годное къ отправленію службы.

§ 55. Если она этого не можетъ сдѣлать, то она должна сама вступить въ услуженіе въ городахъ на $\frac{1}{4}$ года, а въ сельскихъ хозяйствахъ на полгода.

8. Обязанности слугъ по своему служенію.

§ 56. Слуги могутъ быть нанимаемы только для дозволенныхъ услугъ.

§ 57. Простые слуги, которые нанимаются не для особенныхъ исключительно какихъ-либо услугъ, должны исправлять всѣ домашнія работы по волѣ господъ своихъ.

§ 58. Таковыя работы должны они исправлять для всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ семейству господъ своихъ, также для всѣхъ лицъ, принятыхъ въ семейство въ качествѣ гостей или въ другомъ особенномъ какомъ-либо качествѣ.

§ 59. Главѣ семейства принадлежитъ право, опредѣлять образъ и порядокъ, въ которомъ лица, къ семейству принадлежащія или въ семейство принятыя, могутъ пользоваться такими услугами.

§ 60. Даже слуга, принятый для извѣстныхъ только работъ или услугъ, долженъ, по желанію господъ своихъ, принять на себя и другія домашнія услуги, если болѣзнь или другое что воспрепятствуетъ на время отправлять должность особеннымъ, нарочно для того назначеннымъ слугамъ.

§ 61. Споръ между слугами о томъ, кто изъ нихъ долженъ, по своему назначенію, исправлять ту или другую работу, рѣшается одною только волею господъ.

§ 62. Слуга не можетъ, безъ позволенія своихъ господъ, въ отношеніи возложенныхъ на него дѣлъ, замѣнять себя кѣмъ-либо другимъ.

§ 63. Если слуга отрекомендуетъ своимъ господамъ вмѣсто себя другое неспособное или подо-

зрительное лицо, и объ этомъ будетъ имѣть свѣдѣніе, то онъ долженъ отвѣчать за убытки, отъ этого лица произшедшіе.

§ 64. Слуга обязанъ исполнять свою должность съ вѣрностію, раченіемъ и внимательностію.

§ 65. Если слуга причинитъ убытокъ господину намѣренно, или по грубой или обыкновенной (средней) неосторожной винѣ, то онъ долженъ вознаградить этотъ убытокъ.

§ 66. За легкую неосторожную вину слуга тогда только обязывается къ вознагражденію убытка, когда онъ поступилъ противно нарочному приказанію господъ своихъ.

§ 67. Также и въ томъ случаѣ, если слуга принятъ для такого рода услугъ, которыя предполагаютъ высшую степень внимательности и искуснва.

§ 68. Убытки, которые слуга долженъ вознаградить, можетъ господинъ вычесть изъ наемной платы.

§ 69. Если убытокъ не можетъ быть покрытъ ни слѣдуемою слугѣ наемною платою, ни прочимъ его имуществомъ, то слуга долженъ его вознаградить безденежною службою, въ продолженіе соотвѣтственнаго убытку времени производимою.

9. Обязанности слугъ внѣ ихъ служенія.

§ 70. И внѣ своего служенія слуга обязанъ споспѣшествовать ко благу своихъ господъ, и предотвращать отъ нихъ, сколько это отъ него зависитъ, убытки и ущербы.

§ 71. Онъ обязанъ извѣщать господъ своихъ о замѣченной имъ невѣрности прочихъ слугъ.

§ 72. Если онъ объ этомъ промолчитъ, то онъ обязанъ, въ случаѣ если главный виновникъ окажется несостоятельнымъ, самъ отвѣчать за всѣ убытки, которые могли бы быть предотвращены его извѣщеніемъ.

§ 73. Онъ долженъ покоряться всѣмъ домашнимъ распоряженіямъ и приказаніямъ господъ своихъ.

§ 74. Безъ предварительнаго извѣщенія и дозволенія господъ своихъ, онъ не долженъ отлучаться изъ дому по собственнымъ дѣламъ своимъ.

§ 75. Данное на то позволеніе господъ не должно быть преступаемо.

Прим. Если слуга сдѣлаетъ привычку, отлучаться долѣе нужнаго для дѣла или дозволеннаго ему времени, также если въ ночное время будетъ уходить изъ дому: то надлежитъ полиціи произвесть слѣдствіе и наказать виновнаго. Берл. пол. уст. 12 сент. 1832 г., § 12.

§ 76. Приказанія и выговоры господъ своихъ слуга долженъ принимать съ почтительностію и вѣжливостію.

§ 77. Если слуга, своимъ неприличнымъ поведеніемъ, возбудитъ противъ себя гнѣвъ господъ своихъ, и если въ гнѣвѣ будетъ отъ господина обруганъ, или даже господинъ причинитъ ему легкое насиліе: то слуга не можетъ требовать за то никакого судебнаго удовлетворенія.

Прим. 1. Упреки и выговоры, дѣлаемые господами слугамъ, не считаются личною обидою.

То же самое разумѣется и касательно умѣренныхъ наказаній. Если мѣра въ обоихъ случаяхъ будетъ преступлена, то начальство, по просьбѣ обиженнаго, должно ввесть опять обидчика въ границы, и, по обстоятельствамъ, наказать его оффиціально. Если при этомъ пострадаетъ гражданская честь обиженнаго, то начальство должно имѣть попеченіе о доставленіи приличнаго ему удовлетворенія. Обиды, нанесенныя господамъ въ лицѣ ихъ слугъ, разсматриваются какъ обиды, прямо самимъ господамъ причиненныя. Легкія личныя обиды переходятъ въ тяжкія, если онѣ будутъ нанесены господамъ со стороны ихъ слугъ. Прусское земское право, II, 20, §§ 557 — 560, 566 и 580; II, 2, §§ 86 — 91; II, 5, § 76 и слѣд., § 97, § 132 и слѣд., §§ 145 и 185; II, 7, § 227 и слѣд.; II, 8, § 298 и слѣд.; § 356 и слѣд.; § 559.

Прим. 2. Господа должны удерживаться отъ такихъ наказаній, которыя нарушаютъ чувство стыда, особенно въ женскомъ полѣ. Прусск. зем. пр. II, 7, § 230.

Прим. 3. Тѣмъ, которымъ дозволено употреблять легкое наказаніе, запрещается производить его противъ беременныхъ служанокъ, подъ страхомъ соразмѣрнаго денежнаго штрафа или тюремнаго заключенія. Законное право наказанія не должно переходить въ намѣренное тѣлесное поврежденіе, которое разсматривается уже не какъ личная обида, а какъ поврежденіе. При опредѣленіи слугѣ тѣлеснаго наказанія, въ судебныхъ актахъ должно быть означаемо всё то, что относится къ личности слуги, въ особенности же касательно

степени его образованности; потому что и въ слугахъ встрѣчается иногда такая степень образованности, которая этотъ родъ наказанія (въ случаѣ если законъ прямо его не повелѣваетъ, а только употреблять дозволяетъ) дѣлаетъ несообразнымъ. Рескр. 31 дек. 1831 г.

Прим. 4. Лица женскаго пола, свыше 10-лѣтняго возраста, ни въ какомъ случаѣ не должны быть наказываемы плѣсно. Высочайшее кабинетное повелѣніе 29 мар. 1833 г.

Прим. 5. Господамъ нигдѣ не дается право наказывать своихъ слугъ. Рескр. Мин. вн. д. и п. 7 нояб., 1833 г.

Прим. 6. Солдатъ, состоящихъ, во время отпуска, домашними слугами, виновныхъ въ лѣности, безпорядочности и непокорности, господа имѣютъ право, не испрашивая дозволенія начальства, наказывать тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 3 сутокъ; но это тюремное заключеніе не должно быть въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для лишенныхъ чести преступниковъ. Другимъ же образомъ наказывать ихъ никакъ господамъ не дозволяется. Рескр. 10 дек. 1816 г.; 26 апр. 1819 г. и 28 окт. 1822 г.

Прим. 7. Полиціи принадлежитъ право слѣдствія и наказанія въ томъ случаѣ, если слуги окажутся виновными въ непокорности и пагломъ обращеніи въ отношеніи къ своимъ господамъ, также если заводятъ брани и драки съ прочими слугами. Полиціи принадлежитъ также право, дѣлать выговоры и наказывать господъ, если они преступятъ данное имъ противъ слугъ право исправленія.

§ 78. Также такого рода выраженія и дѣйствія, которыя между другими лицами признаются знаками презрѣнія, не основываютъ еще противъ господъ предположенія, что они тѣмъ хотѣли чести слугъ своихъ нанести оскорбленіе.

§ 79. Кромѣ случая, когда жизни или здоровью слугъ угрожается со стороны господъ ихъ настоящая и неизбѣжная опасность, слуги не должны имъ нѣлесно сопротивляться.

§ 80. Поступки слугъ противъ господъ своихъ наказываются, по началамъ уголовнаго права, нюремнымъ заключеніемъ или публичною принудительною работою.

Прим. Полиція можетъ наказывать такого рода проступки, безъ апелляціи, до 14-дневнаго нюремнаго заключенія или до 5 талеровъ штрафу. Рескр. Мин. юстиц. и пол. 17 апр. 1812 г.

§ 81. На всё время, въ которое слуги, по причинѣ претерпѣваемаго ими наказанія, не могутъ отправлять службу, господа имѣютъ право, на счетъ наказываемыхъ слугъ, нанимать другихъ для исполненія тѣхъ же услугъ.

10. Обязанности господъ.

§ 82. Господа обязаны давать своимъ слугамъ безотлагательно, въ опредѣленные сроки, наемную плату и одежду.

§ 83. Если обѣщано давать имъ и пищу, то она должна быть даваема до насыщенія. Слуги не могутъ быть принуждены къ пищѣ, явно для здоровья вредной и отвратительной. Въ случаѣ, если

возникнетъ споръ о содержаніи, рѣшаетъ, какъ въ § 33 сказано, въ недостаткѣ опредѣленнаго соглашенія, полицейское начальство, равно какъ и о количествѣ и качествѣ пищи.

§ 84. Господа обязаны давать слугамъ своимъ время, потребное для принятія участія въ общественномъ богослуженіи; даже господа должны къ тому слугъ своихъ нелѣпостно побуждать.

§ 85. Господа не должны возлагать на слугу своего работъ болѣе и тяжелѣе того, какъ сколько онъ можетъ исправить по своему тѣлосложенію и своимъ силамъ, безъ потери своего здоровья.

§ 86. Если слуга сдѣлается болѣнъ чрезъ службу или по случаю службы, то господа обязаны имѣть попеченіе объ его леченіи и о хожденіи за нимъ во время болѣзни.

§ 87. За это ничего не должно быть вычитаемо у слуги изъ наемной его платы.

§ 88. Впрочемъ, господа тогда только обязаны имѣть попеченіе о слугахъ во время ихъ болѣзни, когда у слуги нѣтъ вблизи такихъ родственниковъ, которые были бы обязаны по законамъ или могли бы принять его къ себѣ.

§ 89. Если родственники откажутся отъ такой обязанности, то ее должны навремя, до рѣшенія дѣла, принять на себя сами господа; по нимъ предоставляется право, отыскивать вознагражденія за то, что они издержали на слугу своего во время его болѣзни.

§ 90. Если есть общественныя заведенія, въ которыхъ такого рода больные могутъ быть при-

няпы, и если господа распорядятся о помѣщеніи тамъ больнаго слуги, то слуга долженъ на то согласиться.

§ 91. Въ случаѣ, означенномъ въ § 88, господа могутъ вычесть изъ наемной платы, приходящейся за это время слугамъ, издержки на леченіе ихъ употребленныя.

§ 92. Если такая болѣзнь продолжится за срокъ служенія, то съ истеченіемъ этого срока оканчивается для господъ юридическая обязанность, имѣть попеченіе о леченіи и хожденіи за больнымъ слугою.

§ 93. Но объ этомъ господа должны заблаговременно извѣстить мѣстное начальство, дабы оно могло взять на себя попеченіе о пристройкѣ такого оставленнаго всѣми больнаго.

Прим. 1. Община, къ которой принадлежитъ слуга по мѣсту жительства своихъ господъ, должна въ такомъ случаѣ принять на себя попеченіе о больномъ. Предписаніе К. Кенигсбергскаго Правленія 20 фев. 1822 г.

Прим. 2. Община не имѣетъ обязанности имѣть попеченіе о такихъ больныхъ слугахъ, которые имѣютъ свое собственное хозяйство. Рескр. 21 іюл. 1831 г.

Прим. 3. Обязанность вознаградить издержки, на леченіе и хожденіе за больнымъ слугою употребленныя, прежде всего лежитъ на самомъ лицѣ больнаго; въ случаѣ же его несостоятельности, на его родителяхъ, дѣтяхъ и родныхъ братьяхъ и сестрахъ, а въ недостаткѣ ихъ на общинахъ. Господа же обязаны къ тому только въ особенныхъ случа-

ахъ, выше въ уставѣ опредѣленныхъ. Предписаніе К. Маріенвердерскаго Правленія 6 апр. 1824 г.

Прим. 4. Кассы, для бѣдныхъ учрежденныя, и въ такомъ случаѣ обязаны несть издержки, на леченіе и хожденіе за больными слугами употребленныя, если слуги хотя и имѣютъ маленькое недвижимое имущество, но вознагражденіе помянутыхъ издержекъ повело бы къ ихъ разоренію. Рескр. Мин. в. д. 8 дек. 1824 г.

Прим. 5. Если между слугами появится заразительная болѣзнь, то господа обязаны содержать въ готовности особенныя комнаты для больныхъ. Предписаніе К. Бреславскаго Правленія 9 марта 1832 г.

Прим. 6. Въ пользу особенныхъ больницъ, для слугъ учрежденныхъ, каждый слуга обязанъ, при перемѣнѣ службы, взносить, по распоряженію мѣстнаго начальства, установленную пошлину, непревышающую, впрочемъ, 5 серебр. гр. (около 15 коп. сер.). Именной указъ 9 авг. 1827 г.

§ 94. Въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, когда довѣритель долженъ вознаградить тѣлесное поврежденіе, его повѣренному въ дѣлахъ при исправленіи этихъ дѣлъ случайно приключившееся, и господа обязаны также имѣть попеченіе о слугахъ даже за срокъ ихъ служенія; а именно въ томъ случаѣ, если имъ приключится какое-либо тѣлесное поврежденіе въ службѣ или по случаю службы.

Прим. Несчастныя приключенія, которыя постигнутъ слугу при отправленіи службы, должны быть вознаграждены господами ихъ какъ тогда, когда они подали къ тому поводъ самою малѣйшею

со стороны своей неосторожностію, такъ и въ томъ случаѣ, когда слуга не могъ исполнить опредѣленнаго приказанія своихъ господъ, не подвергаясь опасности такого тѣлеснаго поврежденія.

§ 95. Эта обязанность, впрочемъ, простирается только на издержки леченія и на самое необходимое содержаніе слугъ, и притомъ до тѣхъ только поръ, пока они не придутъ въ состояніе заслуживать опять сами собою хлѣбъ свой.

§ 96. Но если слуга, безъ собственной своей тяжкой вины, потерпитъ поврежденіе въ своемъ здоровьѣ отъ дурнаго обращенія съ ними господъ своихъ, то онъ можетъ требовать отъ нихъ полнаго вознагражденія, на основаніи общихъ законовъ.

§ 97. Слугѣ также предоставляется искать по суду удовлетворенія за такія ругательства и дурныя рѣчи, которыя могутъ причинить ему затрудненіе въ томъ, чтобы послѣ пристроиться ему къ новому мѣсту.

§ 98. Въ какой мѣрѣ господа отвѣчаютъ за дѣйствія своихъ слугъ во время или внѣ службы, это означено въ приличномъ мѣстѣ. (Прусское земское право, I, 6, § 20 и слѣд.).

Прим. 1. За причиненный слугами вредъ господа обыкновенно не подлежатъ отвѣтственности. Но кто сознательно попускаетъ, чтобы слуга его причинилъ другому вредъ, тотъ разсматривается какъ соучастникъ слугою учиненнаго преступленія. Кто сознательно принимаетъ къ себѣ въ службу или удерживаетъ у себя въ службѣ такихъ слугъ, которые могутъ быть опасны для другихъ преоб-

ладающею въ нихъ наклонностію къ грубымъ порокамъ, высокою степенью безумія или сумасшествія, или заразительными болѣзнями, тотъ отвѣчаетъ за всю опасность, отъ того произойти могущую. Кто сознательно поручитъ какое-либо дѣло слугѣ, къ тому неспособному, тотъ отвѣчаетъ за вредъ, который при отправленіи дѣла отъ неспособности слуги постороннему лицу воспослѣдуетъ. Во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ господа отвѣчаютъ только въ той мѣрѣ, въ какой вознагражденіе вреда изъ имущества самаго вредителя послѣдовать не можетъ. Если очевидно, что вредъ воспослѣдуетъ отъ чьихъ-нибудь слугъ, а господа не могутъ указать именно на лицо вредителя, то господа обязаны вознаградить вредъ. Кто сознательно что-либо попускаетъ такое, чему бы могъ или былъ обязанъ воспрепятствовать, тотъ за то отвѣчаетъ точно такъ, какъ будто-бы онъ самъ далъ на то приказаніе. Если отъ вины или отъ неосторожности слуги произойдетъ пожаръ, и его господинъ будетъ уличенъ въ пренебреженіи надлежащаго за слугою надзора, то господинъ долженъ нести половину того наказанія, какому подвергнутъ будетъ неосторожный слуга. Если господинъ зналъ о привычкѣ слугъ своихъ обходиться неосторожно съ огнемъ, и не смотря на то, тому законнымъ образомъ не воспрепятствовалъ: то онъ подвергается тому же наказанію, какому будетъ подверженъ виновный слуга. Прусское земское право, I, 6, §§ 60, 61, 64, 67, 68 и 59; II, 20, §§ 1563 и 1564.

Прим. 2. За уголовное преступленіе, учиненное слугами, тогда только господа ихъ отвѣчаютъ,

когда они сами были въ томъ участниками или совѣтниками, или участвовали въ выгодахъ, отъ преступленія происшекающихъ. Прусское земское право, II, 20, § 1550.

Прим. 3. Въ случаѣ преступленія таможенныхъ законовъ, господа отвѣчаютъ за слугъ своихъ такъ точно, какъ если бы они сами непосредственно въ томъ оказались виновными. Прусское земское право, II, 20, § 286.

Прим. 4. За преступленія акцизныхъ законовъ, со стороны слугъ учиненныя, господа ихъ, въ томъ неучаствовавшіе, не подлежатъ отвѣтственности. Именной указъ 6 окт. 1821 г.

§ 99. Господа ни въ какомъ случаѣ не обязаны несть издержекъ, на погребеніе слугъ употребленныхъ.

11. Уничтоженіе договоровъ въ случаѣ смерти.

§ 100. Если слуга умретъ, то его наслѣдники могутъ требовать за него наемной платы и содержанія, сколько придется съ господъ до времени болѣзни умершаго.

§ 101. Если умретъ глава семейства, то его наслѣдники не обязаны слугъ держать долѣе ближайшаго срока, для отхода слугъ опредѣленнаго (въ §§ 32—34), даже и въ томъ случаѣ, если бы, по особенному условію, назначенъ былъ долгайшій срокъ.

§ 102. Однако же если смерть послѣдуетъ уже послѣ срока, для извѣщенія объ отходѣ слугъ опредѣленнаго, то слуга, назначенный только для домашнихъ услугъ, имѣетъ право получить, вмѣсто

вознагражденія за запоздалое извѣщеніе, наемную плату за слѣдующую четверть года, но безъ содержанія и безъ денегъ, на содержаніе назначенныхъ. Слуга же, употребляемый въ сельскомъ хозяйствѣ, долженъ быть удержанъ на слѣдующій годъ, развѣ послѣдовало бы другое какое-либо добровольное соглашеніе.

§ 103. Если слуги будутъ приняты только для услугъ отдѣльнымъ членамъ семейства, то по смерти этихъ послѣднихъ, въ отношеніи такихъ слугъ, дѣйствуютъ правила, въ предъидущемъ § постановленныя.

§ 104. Слуги мужескаго пола, прослужившіе умершимъ своимъ господамъ полгода или болѣе, удерживаютъ за собою обыкновенную ливрею.

§ 105. Если они этого времени еще не выслужили, то должны возвратить господамъ свой фракъ, жилетъ и шляпу.

§ 106. Когда слуга нанимаемъ былъ только помѣсячно, то онъ получаетъ наемную плату и деньги на содержаніе, если господинъ умеръ прежде 15 числа мѣсяца, только за истекшій мѣсяцъ, а если 15 числа или позже, то и за слѣдующій мѣсяцъ.

§ 107. Если надъ имуществомъ господина учрежденъ будетъ конкурсъ, то дѣйствуютъ правила, въ §§ 101 — 106 изложенныя.

§ 108. День открытія конкурса имѣетъ, въ этомъ отношеніи, одинаковое дѣйствіе со днемъ смерти.

§ 109. Въ такомъ случаѣ, касательно недоплаченной наемной платы, дѣйствуютъ правила, въ уставѣ о конкурсѣ изложенныя.

12. Уничтоженіе договора, по предварительномъ извѣщеніи объ отходѣ и отпускѣ слуги.

§ 110. Кромѣ вышеозначенныхъ случаевъ, договоръ о личномъ наймѣ не можетъ быть, во время самаго служенія, односторонно уничтоженъ.

§ 111. Та сторона, которая, по истеченіи времени служенія, не хочетъ продолжить дѣйствія договора, должна заблаговременно извѣстить о томъ въ опредѣленный срокъ.

§ 112. Срокъ извѣщенія полагается для городовыхъ слугъ за 6 недѣль до истеченія срока служенія, а для сельскихъ за 3 мѣсяца, развѣ при наймѣ что-либо другое будетъ условіемъ постановлено. Если, впрочемъ, гдѣ-либо другіе сроки для сельскихъ слугъ до-сихъ-поръ были въ употребленіи, то пусть тамъ такъ и остается.

§ 113. Для слугъ, помѣсячно нанимаемыхъ, назначается срокомъ извѣщенія 15 число каждаго мѣсяца.

§ 114. Если извѣщеніе не послѣдовало, то договоръ считается продолженнымъ.

§ 115. Для городовыхъ слугъ считается договоръ продолженнымъ на четверть года, а для сельскихъ на весь годъ.

§ 116. Для слугъ, помѣсячно нанимаемыхъ, договоръ считается продолженнымъ только на одинъ мѣсяцъ.

13. Уничтоженіе договора со стороны господъ, безъ предварительнаго извѣщенія.

§ 117. Господа могутъ тотчасъ отпустить своихъ слугъ, безъ предварительнаго извѣщенія:

1) Если слуга оскорбитъ господъ или ихъ семейство дѣломъ, ругательнымъ словомъ или рѣчами, до чести касающимися, также если онъ старается возбудить въ семействѣ ссоры и несогласія.

§ 118. 2) Если онъ окажется виновнымъ въ упрямой непокорности и сопротивленіи приказаніямъ своего господина.

§ 119. 3) Если онъ будетъ противиться, дѣломъ или грубыми ругательными словами, оффиціантамъ, поставленнымъ для надзора надъ простыми слугами, при отправленіи ими своей должности.

§ 120. 4) Если онъ будетъ подущать ко злу дѣтей господина, или будетъ имѣть съ ними подозрительное обращеніе.

§ 121. 5) Если онъ окажется виновнымъ въ воровствѣ или невѣрности противъ своихъ господъ.

§ 122. 6) Если онъ къ такимъ порокамъ будетъ подущать своихъ сослуживцевъ.

§ 123. 7) Если онъ, безъ предварительнаго соизволенія господъ своихъ, будетъ на ихъ имя забирать въ долгъ деньги или товары.

Прим. Тотъ, кому человѣкъ подозрительный или неизвѣстный, не занимающійся публично торговлею этими именно вещами, будетъ предлагать, не хочетъ ли онъ купить какія-либо вещи или взять ихъ подъ закладъ, обязанъ изслѣдовать, имѣетъ ли предлагающій право располагать предлагаемыми вещами. Это правило въ особенности должно быть соблюдаемо въ томъ случаѣ, если продавецъ или дающій подъ закладъ будетъ находиться у кого либо въ услуженіи, а предлагаемая вещь будетъ такого рода,

что она, по всей вѣроятности, принадлежитъ господамъ его. Въ такомъ случаѣ покупатель или принимающій закладъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что объ этомъ скажетъ слуга, но долженъ распросить самихъ господъ. Прусское земское право II, 20, §§ 1231—1233.

§ 124. 8) Если онъ невыслуженную еще ливрею, всю или часть ея, кому либо продастъ или заложитъ.

§ 125. 9) Если онъ разъ, безъ предварительнаго извѣщенія и соизволенія господина, проводилъ ночь внѣ дома.

§ 126. 10) Если онъ съ огнемъ обходится неосторожно, не смотря на напоминанія, со стороны господина послѣдовавшія.

§ 127. 11) Даже хотя бы предварительнаго напоминанія о томъ и не послѣдовало, но если отъ такой неосторожности на самомъ дѣлѣ произошелъ пожаръ.

§ 128. 12) Если слуга своимъ безнравственнымъ поведеніемъ навлекъ на себя заразительную или омерзительную болѣзнь.

§ 129. 13) Если слуга, безъ позволенія господина, будетъ отлучаться изъ дому для своего удовольствія, или безъ нужды оставаться внѣ дома долѣе дозволеннаго или для исправленія дѣла потребнаго времени, или если онъ какимъ либо образомъ будетъ пренебрегать своею службою, и отъ всѣхъ этихъ погрѣшностей не отстанетъ, не смотря на повторенныя ему увѣщанія.

Прим. Такъ какъ жалобы на усиливающуюся порчу слугъ находятъ предлогъ въ доступности для нихъ общественныхъ удовольствій, то дозволеніе посѣщать мѣста, для общественныхъ удовольствій назначенныя, должно быть даваемо съ большою осторожностію; равно какъ должно строго смотрѣть за тѣмъ, чтобъ общественныя удовольствія непремѣнно въ точности оканчивались въ предписанное время. Рескр. К. Мерзебургскаго Правленія 2 нояб. 1827 г.

§ 130. 14) Если слуга преданъ пьянству или игрѣ, или ссорами и драками съ своими сослуживцами нарушаетъ домашній миръ, и, не смотря на увѣщанія господина, въ поведеніи не исправится.

§ 131. 15) Если слугѣ совсѣмъ недостаетъ того особеннаго знанія, о которомъ онъ тогда, когда при заключеніи найма его спрашивали, именно говорилъ, что онъ это знаніе имѣетъ.

§ 132. 16) Если слуга будетъ начальствомъ подвергнутъ тюремному заключенію долѣе одной недѣли.

§ 133. 17) Если служанка сдѣлается беременною. Въ этомъ случаѣ однако же господинъ долженъ объ этомъ объявить мѣстному начальству, и отпускъ этой служанки долженъ послѣдовать уже тогда, когда начальствомъ будутъ приняты всѣ законныя мѣры для предотвращенія всякаго несчастія.

Прим. Надъ женщиною, подозрѣваемою въ беременности, должны имѣть надзоръ родители, въ особенности мать, или тѣ, которые заступаютъ

ихъ мѣсто. Равная обязанность лежитъ на господахъ или тѣхъ оффиціантахъ, которымъ порученъ надъ служанками особенный надзоръ. Всѣ эти лица, какъ скоро будутъ имѣть подозрѣніе въ беременности, обязаны распросить объ этомъ въ подозрѣніи находящуюся, и когда она въ томъ сознается, то должны принять мѣры, къ предотвращенію преступленія служить могущія. Если онѣ не хотятъ сами этимъ заняться, также въ томъ случаѣ, если подозрѣваемая въ беременности упорно будетъ отъ того отрѣкаться: то онѣ должны о своемъ подозрѣніи и объ его основаніяхъ извѣстить мѣстное начальство для дальнѣйшаго изслѣдованія. Каждый родственникъ и вообще всякій благомыслящій гражданинъ имѣетъ право взять на себя попеченіе о беременной, и потомъ истребовать вознагражденіе издержекъ отъ того, кто собственно къ тому обязанъ. Прусское земское право, II, 20, §§ 917, 918, 920, 921 и 898.

§ 134. 18) Если господинъ будетъ при наймѣ обманутъ своимъ слугою чрезъ предъявленіе ложнаго свидѣтельства о его поведеніи.

§ 135. 19) Если слуга, служа у ближайшихъ прежнихъ господъ, окажется виновнымъ (по §§ 117—123) въ такихъ поступкахъ, за которые онъ могъ бы тогда еще быть удаленъ изъ службы, и объ этомъ прежній господинъ ничего не упомянулъ въ выданномъ имъ слугѣ свидѣтельствѣ, да и самъ слуга, при вступленіи въ службу къ новымъ господамъ, въ этомъ имъ откровенно не сознался.

14. Уничтоженіе договора со стороны слугъ.

§ 136. Слуга можетъ оставить службу безъ предварительнаго извѣщенія:

1) Если отъ дурнаго обращенія господъ жизнь его или здоровье подвергались опасности.

§ 137. 2) Хотя бы и не было такой опасности, но если господинъ обращался со слугою съ чрезмѣрною и необычайною жестокостію.

§ 138. 3) Если господинъ хотѣлъ его завлечь въ поступки, противные закопамъ или добрымъ правамъ.

§ 139. 4) Если господинъ не защитилъ слугу своего отъ недозволенныхъ требованій, послѣдовавшихъ со стороны лицъ, къ семейству принадлежащихъ или часто въ домѣ бывающихъ.

§ 140. 5) Если господинъ совсѣмъ не отдаетъ денегъ, на содержаніе слугѣ назначенныхъ, или же отказываетъ ему въ необходимой пищѣ.

§ 141. 6) Если господинъ предпринимаетъ путешествіе на время, долѣе служебнаго срока простирающееся, и на разстояніе болѣе 6 миль (42 верстъ), или вообще на это разстояніе перемѣняетъ свое до-сихъ-поръ обыкновенное мѣсто жительства, а между тѣмъ не хочетъ принять на себя обязанности, на свой счетъ доставить обратно слугу послѣ истеченія служебнаго срока. Если господинъ имѣетъ одинаковое обыкновеніе жить въ разныхъ мѣстахъ, то разстояніе 6 миль считается отъ того мѣста, гдѣ онъ послѣднее время дѣйствительно проживалъ.

§ 142. 7) Если тяжкая болѣзнь слуги дѣлаетъ его неспособнымъ къ продолженію службы.

15. Уничтоженіе договора прежде срока, но послѣ предварительнаго извѣщенія со стороны господъ.

§ 143. Прежде служебнаго срока, но послѣ предварительнаго извѣщенія, могутъ господа отпустить слугу:

1) Если ему недостаетъ знанія, потребнаго для производства работъ, соотвѣтственныхъ его назначенію.

§ 144. 2) Если по заключеніи договора хозяйственныя дѣла господина придутъ въ такое положеніе, что онъ или совсѣмъ долженъ обходиться безъ слугъ, или же по-крайней-мѣрѣ ограничить число ихъ.

16. Уничтоженіе договора прежде срока, но послѣ предварительнаго извѣщенія со стороны слугъ.

§ 145. Слуги могутъ прежде служебнаго срока, но однако же послѣ предварительнаго извѣщенія, оставить службу:

1) Если господинъ въ опредѣленные сроки неисправно выдаетъ наемную плату.

§ 146. 2) Если господинъ своевольно предаетъ слугу публичному поруганію.

§ 147. 3) Если слуга вступленіемъ въ бракъ или другимъ какимъ-либо образомъ имѣетъ выгодный случай завестись собственнымъ хозяйствомъ, а этотъ случай онъ пропустилъ бы, еслибъ оставался служить до срока.

§ 148. Во всѣхъ случаяхъ, когда договоръ можетъ быть уничтоженъ до служебнаго срока, хотя и послѣ предварительнаго извѣщенія, всегда однако же должно дослужить текущую четверть года, а для нанимаемыхъ помѣсячно — текущій мѣсяцъ.

§ 149. Если родители слуги, по причинѣ происшедшей въ ихъ обстоятельствахъ послѣ найма перемѣны, не могутъ безъ него обойтись въ своемъ хозяйствѣ, или если слуга будетъ принужденъ предпринять по своимъ дѣламъ далекое путешествіе: то хотя онъ можетъ требовать отпуска, но въ такомъ случаѣ обязанъ поставить вмѣсто себя другаго способнаго слугу, и съ нимъ условиться касательно наемной платы, содержанія, или денегъ на содержаніе, и ливреи, и притомъ безъ ущерба для господина.

17. Какъ въ такихъ случаяхъ поступать должно въ отношеніи наемной платы и ливреи?

§ 150. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда господа имѣютъ право отпустить слугу до служебнаго срока, по предварительномъ о томъ извѣщеніи или безъ него, слуга можетъ требовать наемную плату, содержаніе или деньги на содержаніе за то только время, въ продолженіе котораго онъ дѣйствительно состоялъ на службѣ (§§ 117—135; 143 и 144).

§ 151. То же самое правило имѣетъ дѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда слуга хотя и можетъ оставить службу до срока, но не иначе, какъ послѣ предварительнаго о томъ извѣщенія (§§ 145—147).

§ 152. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слуга имѣетъ право тотчасъ оставить службу, безъ предвари-

тельнаго о томъ извѣщенія, ему должны быть выданы наемная плата и деньги на содержаніе за текущую четверть года, а если онъ нанятъ помѣсячно — за текущій мѣсяцъ (§§ 136—142).

§ 153. Если законная причина къ отходу отъ службы настанетъ уже по истеченіи срока, для извѣщенія назначеннаго, то господа обязаны дать слугамъ наемную плату и деньги на содержаніе и за слѣдующую четверть года; а когда слуга будетъ нанятъ помѣсячно, то и за слѣдующій мѣсяцъ.

§ 154. Обыкновенно слуга удерживаетъ всю ту ливрею, которая принимается за часть наемной платы, если онъ оставитъ службу по причинамъ, въ §§ 136—142 означеннымъ.

§ 155. Если слуга отойдетъ отъ службы только по причинамъ, въ §§ 143 и 144 означеннымъ, и если онъ еще не выслужилъ полгода, то онъ долженъ отдать назадъ фракъ и шляпу.

§ 156. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слуга будетъ отпущенъ господиномъ на основаніи §§ 117—135, 143 и 144, слугѣ обыкновенно предоставляется право удержать за собою всю ливрею.

§ 157. Если слуга выслужилъ уже полгода, и оставилъ службу только по причинамъ, въ §§ 143 и 144 означеннымъ, тогда ему предоставляется право, удержать за собою только мелкія вещи изъ своего одѣянія.

§ 158. Если слуга отходитъ отъ службы по причинамъ, въ §§ 145 и 146 означеннымъ, и притомъ по предварительномъ о томъ извѣщеніи, тогда имѣютъ дѣйствіе правила, въ §§ 154 и 155 изложенныя.

§ 159. Если слуга отойдетъ только по причинѣ, въ § 147 означенной, то онъ долженъ довольствоваться только мелкими вещами изъ своего одѣянія.

18. Законныя слѣдствія незаконнаго отпуска слугъ.

§ 160. Господа, отпускающіе слугъ своихъ до служебнаго срока и неимѣющіе къ тому законной причины, могутъ быть принуждены мѣстнымъ начальствомъ, взять ихъ къ себѣ обратно на службу и продолжить дѣйствіе наемнаго договора.

§ 161. Если господа упорно будутъ тому противиться, то, не обязываясь взять къ себѣ обратно слуги, они должны отдать ему всю слѣдуемую до служебнаго срока наемную плату и ливрею.

§ 162. Въ этомъ случаѣ они обязаны также имѣть попеченіе объ его содержаніи.

§ 163. Впрочемъ, если слуга еще до служебнаго срока пріищетъ себѣ другое мѣсто, то упомянутая обязанность господъ простирается только до этого времени; однако же и послѣ эта обязанность не прекращается въ томъ случаѣ, если слуга будетъ принужденъ довольствоваться у новыхъ господъ меньшею платою.

§ 164. Если господа захотятъ опять принять къ себѣ на службу отпущеннаго слугу, то слуга обыкновенно не можетъ требовать никакого вознагражденія.

§ 165. Но если слуга не захочетъ опять служить, и представитъ законную причину, по которой онъ можетъ оставить службу, то ему слѣдуетъ вознагражденіе, въ § 152 и слѣд. означенное.

§ 166. Если слуга не можетъ опять вступить въ прежнюю службу потому, что между тѣмъ онъ приспособился уже къ другому мѣсту, то въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ правило, въ § 163 изложенное.

19. Оставленіе службы.

§ 167. Слуга, безъ законной причины оставляющій службу до служебнаго срока, можетъ быть принужденъ къ ея продолженію.

§ 168. Но если господа не захотятъ опять взять къ себѣ на службу такого слугу, то они имѣютъ право нанять вмѣсто него другаго; отошедшій же слуга не только обязанъ вознаградить убытки, отъ того господамъ происшедшіе, но еще подвергается денежному штрафу, соразмѣрно степени вины, отъ 2 до 10 талеровъ, а въ случаѣ несостоятельности — тюремному заключенію.

§ 169. Слуга, оставляющій службу, обязанъ въ исправности возвратить своимъ господамъ всё, что ими ему было ввѣрено для употребленія при его занятіяхъ, или вообще что ему было отдано на сохраненіе.

§ 170. Если его виною будетъ причиненъ этимъ вещамъ какой-либо вредъ, то слуга долженъ вознаградить его господамъ своимъ.

20. Отпускъ слугъ.

§ 171. Господа обязаны при отпускѣ слугъ дать имъ письменный видъ и свидѣтельство объ ихъ служеніи, по чистой справедливости составленное.

Прим. Письменные отпуски должны быть засвидѣтельствованы въ городахъ магистратами и

мѣстною полиціею, а въ селеніяхъ сельскими старостами. Рескр. Мин. в. д. и п. 2 авг. 1824 г.

§ 172. Если въ этомъ отпускѣ будетъ слугѣ поставляемо въ вину что-либо такое, что можетъ воспрепятствовать ему пристроиться опять къ мѣсту, то онъ можетъ просить о полицейскомъ изслѣдованіи дѣла.

§ 173. Если по изслѣдованію обвиненіе окажется неосновательнымъ, то мѣстное начальство должно принудить господина выдать новой отпускъ, на его уже счетъ составленный, и притомъ запретить господину, подъ страхомъ наказанія, разсѣевать о слугѣ дурные слухи.

§ 174. Если же, напротивъ, господинъ сознательно дастъ слугѣ, виновному въ грубыхъ порокахъ и невѣрности, свидѣтельство, противное истинѣ, то господинъ обязанъ отвѣчать за весь вредъ, отъ того другому лицу произойти могущій.

§ 175. Новый господинъ можетъ поэтому требовать вознагражденія отъ прежняго за причиненный ему такимъ слугою убытокъ.

§ 176. Кромѣ того, господинъ долженъ взнести въ пользу мѣстной кассы для бѣдныхъ денежный штрафъ, отъ 1 до 5 талеровъ.

Прим. 1. 1) Полицейское начальство обязано постановлять предварительныя рѣшенія и приводить ихъ въ исполненіе, если дѣло идетъ:

а) Объ отказѣ къ принятію слуги на службу, со стороны господъ послѣдовавшемъ (уставъ для домашнихъ слугъ, § 47).

b) Объ отказѣ со стороны слуги вступить въ услуженіе (тамъ же, § 51).

c) Объ отказѣ со стороны господъ удержать у себя слугу въ услуженіи (тамъ же, § 160).

d) Объ отказѣ со стороны слуги остаться въ услуженіи (тамъ же § 167), и

e) Объ отказѣ отпустить слугу и отойти отъ службы.

Тѣ лица, которыя не будутъ довольствоваться рѣшеніями полицейскаго начальства, хотя и могутъ прибѣгнуть къ судебнымъ мѣстамъ, но онѣ обязаны, до рѣшенія судебнаго мѣста, исполнить рѣшеніе, полиціею постановленное.

2) Опредѣленіе наказанія въ случаяхъ, въ §§ 12, 17, 20 и 31 устава означенныхъ, даже и тогда, когда оно превышаетъ 5 талеровъ, принадлежитъ полицейскому начальству. Противъ такого рѣшенія нельзя въ судебныя мѣста подавать аппелляціи, а только можно жаловаться Правленію.

3) Наказанія, въ §§ 151 и 168 устава означенныя, предоставляется также постановлять и исполнять самой полиціи, такъ, что противъ ея рѣшенія нельзя подавать аппелляціи.

4) Если идетъ дѣло объ исполненіи, во время самаго служенія, обязанностей, между господами и слугами договоромъ постановленныхъ, то полиціи предоставляется право предварительнаго рѣшенія и приведенія его въ исполненіе, пока судебнымъ порядкомъ не будетъ постановлено другаго рѣшенія.

Полиція можетъ наказывать слугъ за обиды, ими господамъ нанесенныя, денежнымъ штрафомъ

до 5 талеровъ или тюремнымъ заключеніемъ до 2 недѣль. Въ этомъ случаѣ аппелляція не имѣетъ мѣста.

5) Упомянутыя въ §§ 33, 37 и 38 устава рѣшенія, касательно ливреи и содержанія, предоставляются исключительно одной только полиціи, такъ, что аппелляція и въ томъ случаѣ не имѣетъ мѣста.

6) Равнымъ образомъ полиціи исключительно предоставляется право рѣшенія въ случаяхъ, въ §§ 10, 13, 173 и 176 означенныхъ.

Публикація К. Бромбергскаго Правленія 9 авг. 1817 г.

Прим. 2. Полицейскимъ начальствамъ предоставляется право слѣдствія и наказанія въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ случаѣ проступковъ со стороны маклеровъ и маклершей слугъ.

2) Противъ тѣхъ, которые оговариваютъ слугъ служить у настоящихъ господъ своихъ.

3) Противъ слугъ, которые возмутъ двойную наемную плату.

4) Полиція обязана принуждать слугъ, не въ надлежащее время поступающихъ въ услуженіе къ тѣмъ господамъ, у которыхъ они нанялись, исполнить эту ихъ обязанность. Полиція обязана употреблять принудительныя мѣры противъ тѣхъ слугъ, которые не хотятъ перенести въ домъ своихъ господъ свои сундуки, ящики и т. п., въ которыхъ сохраняются ихъ пожитки; а въ случаѣ сопротивленія, можетъ даже наказать ихъ.

5) Противъ тѣхъ слугъ, которые забираютъ что-либо въ долгъ на имя своихъ господъ.

6) Противъ тѣхъ слугъ, у которыхъ обратилось въ привычку, оставаться внѣ дома долѣе времени, для исправленія дѣла потребнаго, или долѣе дозволеннаго господами времени, или же отлучаться изъ дому въ ночное время.

7) Противъ тѣхъ слугъ, которые окажутся виновными въ сопротивленіи своимъ господамъ, въ оскорбительномъ съ ними обращеніи, въ ссорахъ и дракахъ со своими сослуживцами.

8) Противъ тѣхъ слугъ, которые продадутъ или заложатъ ливрею, или часть ея, для употребленія въ службѣ назначенную.

9) Полиціи предоставляется право, дѣлать господамъ выговоры и наказывать ихъ, если они преступятъ данную имъ надъ слугами исправительную власть.

10) Полиція должна принять мѣры, чтобъ обратить, по желанію господъ, опять въ услуженіе того слугу, который оставитъ службу безъ законной причины.

11) Пока дѣло не перейдетъ въ судебное мѣсто, полиція обязана стараться о примиреніи господъ съ ихъ слугами, когда слуги оставляютъ службу до служебнаго срока, равнымъ образомъ и въ случаѣ требованія вознагражденія съ той или другой стороны.

12) Полиція обязана употреблять принудительныя мѣры противъ тѣхъ господъ, которые ошказываются выдать слугѣ письменный отпускъ.

13) Полиціи принадлежитъ наказаніе тѣхъ, которые даютъ слугамъ случай къ какому-либо распутству, или вступаютъ съ ними въ недозволенныя и для господъ вредныя связи.

14) Полиціи предоставляется наказаніе тѣхъ лицъ, которыя отъ слугъ покупаютъ или принимаютъ въ залогъ ливрею или ея часть. Берл. полиц. уст., 12 сент 1822 г., § 12.

Прим. 3. Если начальство потребуетъ, чтобы слуга явился къ нему какъ обвиняемый или какъ свидѣтель, также если начальство задержитъ слугу, то во всѣхъ этихъ случаяхъ оно должно увѣдомить о томъ господъ. Рескр. Мин. пол. 3 апр. 1816 г.

Прим. 4. Къ числу лицъ, которыя хотя и допускаются во свидѣтели, но показанія которыхъ не могутъ имѣть полной достовѣрности, принадлежатъ всякаго рода слуги, въ дѣлахъ, противъ ихъ господъ производимыхъ. Изъ этого правила исключаются слѣдующіе случаи:

1) Если свидѣтель оставилъ уже службу обвиняемаго, и притомъ не можетъ быть доказано, что онъ это сдѣлалъ только для виду, дабы своимъ показаніямъ придать болѣе достовѣрности.

2) Если дѣло производится между господиномъ и прочими слугами, которые состоятъ еще въ услуженіи, или которые состояли прежде въ услуженіи вмѣстѣ со свидѣтелемъ. Прус. уст. судопроизводства, X, стр. 279 — 286; Прус. зем. право, II, 18, §§ 145 и 146.

Прим. 5. Если, при объявленіи рѣшенія, со стороны полицейскаго начальства постановленнаго,

господинъ или слуга объявитъ, что подастъ противъ рѣшенія аппелляцію или жалобу: то, прежде передачи дѣла въ другое вѣдомство, полицейское начальство должно спросить его, что онъ, въ поддержаніе своей просьбы или жалобы, можетъ еще привесть. Предп. К. Мерзебургскаго Правленія 1823 г.

Прим. 6. Господинъ можетъ, въ случаѣ подозрѣнія на своего слугу, просить полицію, чтобъ она его обыскала, и полиція имѣетъ право сдѣлать такой осмотръ. Но безъ позволенія полиціи господинъ тогда только можетъ обыскать жилище, сундуки и прочія вещи, слугѣ принадлежащія, когда нельзя будетъ дожидаться полицейской помощи потому, что всякое замедленіе было бы въ такомъ случаѣ препятствіемъ къ открытію истины. Рескр. Мин. вн. д. и п. 2 дек. 1824 г.

Прим. 7. Дозволяется мѣстнымъ начальствамъ завесть кассу для награжденія хорошихъ слугъ, въ пользу которой каждый слуга, при перемѣнѣ господъ, обязанъ вносить по 5 сер. гр. Рескр. Мин. вн. д. 16 сент. 1827 г.

Прим. 8. 1) Слуги, которые уже были въ Берлинѣ въ услуженіи у господъ, оставляя службу, должны, не позже 48 часовъ по полученіи письменнаго отпуска отъ господъ своихъ, представить его надзирателю того квартала, гдѣ живутъ господа, отъ которыхъ слуги отошли. Квартальный надзиратель, повѣривъ этотъ видъ, свидѣтельствуетъ своею подписью, за что получаетъ $\frac{1}{4}$ сер. гр. (около 5 коп. сер.).

2) Слуги, которые въ Берлинѣ уже состояли въ службѣ и впредь хотятъ служить тамъ, или

которые для службы прибыли въ Берлинъ, обязаны, не позже 48 часовъ по оставленіи ими прежней службы или по прибытіи въ Берлинъ, явиться въ контору, для найма слугъ учрежденную, и вписаться въ заведенную тамъ книгу. Потомъ слуга получаетъ изъ конторы письменный видъ, за который платитъ $2\frac{1}{2}$ сер. гр. (около 10 коп. сер.). Начальникъ конторы, прежде выдачи такого вида, имѣетъ право и обязанность освѣдомиться по аттестатамъ о томъ, какъ до-сихъ-поръ велъ себя слуга, и если онъ найдетъ въ чемъ-либо сомнѣніе, то долженъ объ этомъ представить начальству.

3) Слуга, состоящій на службѣ и до оставленія службы ищущій другаго мѣста, долженъ явиться для этого въ упомянутую контору, и представить видъ отъ своихъ господъ, квартальнымъ надзирателемъ засвидѣтельствованный, въ томъ, что его служба именно оканчивается въ опредѣленное время, и что послѣ того онъ будетъ отпущенъ.

4) Если слуга наймется къ кому въ службу или чрезъ контору, или чрезъ маклера, или собственнымъ своимъ стараніемъ, то онъ долженъ явиться въ контору, гдѣ безденежно и безотказательно означено будетъ на видѣ, имъ отъ конторы полученномъ, что онъ нанялся.

5) Если слуга нарушитъ это предписаніе, то, по степени вины, онъ наказывается задержаніемъ на сутки и даже до недѣли. Къ господамъ можно имѣть довѣренность, что они не примутъ къ себѣ никого въ услуженіе, кто не имѣетъ вида отъ конторы; въ противномъ случаѣ весь вредъ и всѣ не-

пріятности, отъ того произойти могущія, они должны будутъ приписать собственной своей винѣ. Предписаніе Берлинской Полиціи 22 маія 1822 г.

Прим. 9. Приходящіе изъ другихъ мѣстъ въ Берлинъ и ищущіе тамъ наняться въ услуженіе не иначе могутъ быть къ тому допущены, какъ имѣя при себѣ полный паспортъ со всѣми отмѣтками. Предписаніе Берлинской Полиціи 14 іюля 1822 г.

Прим. 10. 1) Приходящимъ изъ другихъ мѣстъ въ Берлинъ и ищущимъ тамъ наняться въ услуженіе тогда только дозволяется пребываніе въ Берлинѣ, когда они представятъ надлежащее свидѣтельство объ ихъ личности; докажутъ, что имъ не препятствуетъ вступить въ услуженіе то, что означено въ § 5 устава для домашнихъ слугъ; и удалятъ всякое сомнѣніе о добромъ своемъ поведеніи въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Тѣ, которые этого доказать не въ состояніи, должны тотчасъ же оставить Берлинъ; въ противномъ случаѣ будутъ высланы полиціею. Это же правило распространяется и на тѣ лица, которыя, приходя изъ другихъ мѣстъ въ Берлинъ для найма въ услуженіе, въ продолженіе недѣли отъ своего прибытія не пріищутъ тамъ себѣ мѣста.

2) Тѣ, которые хотя и не принадлежатъ по мѣсту жительства къ Берлину, но уже состояли здѣсь въ услуженіи, если останутся двѣ недѣли безъ мѣста, должны быть отсюда немедленно удаляемы, развѣ воспрепятствуетъ имъ въ томъ болѣзнь, или они законнымъ образомъ припишутся по мѣсту жительства къ Берлину. Предписаніе Берлинской Полиціи 28 окт. 1833 г.

Прим. 11. Оффиціантами называются тѣ слуги, которые нанимаются для извѣстнаго опредѣленнаго рода занятій въ хозяйствѣ, или для надзора надъ опредѣленною его частію. Они должны быть нанимаемы не по словесному, а по письменному договору; словесные же договоры не дѣйствительны. Они обязаны отправлять тѣ только службы, для которыхъ именно поступили въ услуженіе. Въ отправленіи ихъ должности они отвѣчаютъ за обыкновенную (среднюю) и за грубую неосторожную вину. Они имѣютъ право отойти отъ господъ и до служебнаго срока въ случаѣ, если господа обругаютъ ихъ безвинно грубыми словами, или причинятъ имъ тѣлесное насиліе. Обыкновенно подразумѣвается, что оффиціанты нанимаются на годъ, развѣ особеннымъ условіемъ другое что-либо будетъ постановлено. Срокомъ предварительнаго извѣщенія объ оставленіи ими службы полагается для нихъ четверть года, развѣ въ договорѣ другой срокъ будетъ постановленъ. Вмѣшательство полиціи, относительно продолженія службы, не распространяется на оффиціантовъ. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ оффиціанты имѣютъ равныя права и обязанности съ простыми слугами. Прусское земское право II, 5, §§ 177, 179, 182, 184—186, 193 и 195.

VIII. О причинахъ преступленій и о средствахъ противодѣйствовать ихъ умноженію (1).

I. *О причинахъ преступленій.*

Тщательное разсмотрѣніе источниковъ преступленій въ Пруссіи легко убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно различать извѣстныя преходящія причины умноженія преступленій, какъ слѣдствія особенныхъ обстоятельствъ, и общія, постоянныя причины, которыя болѣе или менѣе вездѣ появляются.

А. *Объ особенныхъ и преходящихъ причинахъ умноженія преступленій.*

Онѣ скрываются въ весьма различныхъ обстоятельствахъ, основанныхъ большею частію на особливыхъ отношеніяхъ лицъ или мѣстностей. Сюда преимущественно относятся:

(1) Эта статья, имѣющая преимущественно въ виду Пруссію, переведена, безъ всякихъ измѣненій, изъ маленькой брошюры, изданной въ 1840 г. въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: Ueber die Ursachen der Verbrechen und die Mittel, der Vermehrung derselben zu steuern, von Dr. C. F. H. Strass, früherem Stadtgerichts-Director und Kreis-Justiz-Rathe, Justiz-Commissarius etc.

1. Особенность мѣстности. Поселенія на Одерѣ, Варшѣ, Нецѣ и Вислѣ, особливо нѣкоторые округи, также уединенныя пустынныя поселенія, напр. страна Альтъ-Карбы, Дризена, суть, можно сказать, гнѣздилища преступленій. Жители этихъ мѣстъ большею частію стеклись изъ весьма различныхъ странъ, и многіе происходятъ отъ лицъ, которыя въ своемъ отечествѣ не принадлежали къ числу лучшихъ гражданъ. Опытъ показываетъ, что между этими колонистами много людей безпокойныхъ и злонамѣренныхъ. Къ недостатку первоначальныхъ нравственныхъ основаній въ большей части изъ нихъ еще присоединяется и то, что зимою они обыкновенно имѣютъ мало дѣла. Они особенно воздѣлываютъ овесъ и сѣно, занимаются скотоводствомъ, бьютъ масло и т. п. Овесъ они вымалачиваютъ скоро, сѣномъ они занимаются только въ извѣстныя времена года, а скотоводство ежедневно беретъ только нѣсколько часовъ времени. Такимъ образомъ остается имъ много досуга, который они не умѣютъ употребить какъ должно; потому что не имѣютъ, повидимому, никакой охоты къ прядению, ткацкому и т. п., почти всю работу возлагаютъ на женщинъ, а пчеловодствомъ, садоводствомъ и подобными отраслями промышленности не занимаются. Вотъ почему они чрезмѣрно предаются праздности, шатаются по кабакамъ, безпрестанно дерутся и ссорятся между собою, и до невѣроятности обременяютъ начальство своими жалобами. Нѣтъ нужды доказывать, что безпрестанными процессами нравственность не улучшается, а напротивъ все болѣе и болѣе охуждается. Для тѣхъ, которыхъ нравственность постепенно

испортилась, положеніе колоній представляется удивительно выгоднымъ. Домы въ этихъ колоніяхъ выстроены въ такомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, что не только правительственнымъ мѣстамъ чрезвычайно трудно завѣдывать ими, но даже сами сосѣди мало могутъ замѣчать другъ за другомъ. Все это въ высшей степени справедливо въ отношеніи къ отдѣльнымъ степнымъ поселеніямъ, разсѣянно лежащимъ въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. около Дризена, гдѣ поселенцы, не имѣя никакой охоты честно снискивать себѣ пропитаніе, ищутъ для себя мѣста укрывательства, и начинаютъ свое поприще покражею дровъ и дичи. Гдѣ мѣстные сельскіе старосты живутъ нерѣдко въ разстояніи $\frac{3}{4}$ мили (около $5\frac{1}{2}$ верстъ), тамъ ворамъ легко скрывать свое отсутствіе изъ колоніи по ночамъ, незамѣченно прятать въ безопасномъ мѣстѣ краденыя вещи и совершать преступленія безъ свидѣтелей. Скорые и неожиданные обыски въ домахъ рѣдко могутъ имѣть благопріятный успѣхъ въ поселеніяхъ, которыя иногда отдалены отъ мѣстопребыванія полиціи на нѣсколько миль; потому что трудно приблизиться къ домамъ, не будучи замѣченнымъ. Кромѣ того сараи и многія другія мѣста, находящіяся близъ жилищъ и невидимыя для сосѣдей, представляютъ удобство скрываться и прятать краденыя вещи.

Доказательствъ сказаннаго можно найти множество въ актахъ городскихъ судовъ Кюстрина, Ландеберга, Дризена и Фридеберга (въ Новой Маркѣ, что въ Бранденбургіи). Число домовитыхъ жителей послѣдняго города простирается до 9000 чел.;

между ними находится около 4000 колонистовъ; слѣдов. колонисты относятся къ другимъ лицамъ какъ 4 къ 5, какъ $\frac{4}{9}$ къ $\frac{5}{9}$ Въ 1835 году, изъ числа уголовныхъ преступниковъ, подвергнувшихся суду во Фридербергѣ, 84 принадлежали къ колонистамъ, только 52 къ жителямъ города, а 21 были изъ другихъ мѣстъ.

2. Весьма часто недостатокъ строгости при задержаніи преступниковъ содѣйствовалъ къ умноженію уголовныхъ слѣдствій. Я знаю многіе суды, которые арестовали преступниковъ далеко не съ тою строгостію, какая въ такихъ случаяхъ необходима. Часто такъ поступали изъ неумѣстной кротости и милосердія или излишней робости, часто изъ желанія пощадить казенныя и удѣльныя имѣнія, часто для того, чтобы не лишить семейство преступника способовъ существованія, а часто и потому, что боялись новыхъ личныхъ арестовъ и хотѣли производить слѣдствіе съ наименьшимъ трудомъ и на досугѣ. А всякій практикъ знаетъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на общество, если завѣдомые преступники пользуются полною свободою; какъ трудно открыть истину, когда соучастники въ преступленіи имѣютъ сношенія между собою; какъ свобода преступниковъ замедляетъ слѣдствіе и въ особенности выполненіе приговора.

3. Главная причина умноженія преступленій состояла, во многихъ мѣстахъ, въ слабомъ исполненіи наказаній. Къ сожалѣнію, я зналъ суды, гдѣ, правда, обыкновенно приговаривали преступниковъ къ наказанію по законамъ, но совершеніе наказанія от-

кладывалось невѣроятно долго, такъ, что преступниковъ или вовсе не наказывали, или наказывали по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, и то не въ одинъ, а въ нѣсколько разъ. Весьма естественно, что тамъ уголовное правосудіе должно было потерять всякое уваженіе, и въ короткое время между всѣми преступниками прослыть дремлющимъ, вялымъ и слабымъ.

4. Въ иныхъ округахъ обремененіе судей посторонними занятіями сдѣлалось одною изъ главныхъ причинъ умноженія преступленій. Я могъ бы назвать суды, гдѣ весьма хорошіе, впрочемъ, судьи часто потому не начинали слѣдствій, что боялись обременить себя слишкомъ большой работой, или потому, что при предварительныхъ изслѣдованіяхъ, по недостатку времени, они такъ поверхностно приступали къ дѣлу, что позднѣе, для начатія формальнаго слѣдствія, недоставало уже нужнаго основанія. Но и тамъ, гдѣ начинали слѣдствія, нѣкоторые судьи, отвлекаемые посторонними занятіями, часто производили эти слѣдствія такъ слегка и такъ не настойчиво, что не достигали никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Разумѣется, при такихъ судахъ, страхъ къ уголовной юстиціи скоро долженъ былъ исчезнуть: величайшій преступникъ могъ считать себя совершенно внѣ опасности. Лѣтъ за 10 или 12 тому назадъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже когда совершались весьма важныя поджигательства, судьи приступали къ дѣлу такъ непростительно-поверхностно, такъ ненастойчиво, что чрезъ то обнаружились самыя вредныя послѣдствія въ обществѣ. Нечего распространять-

ся здѣсь о томъ, что иные суды нерѣдко съ тру домъ начинаютъ слѣдствія, чтобъ избѣжать издержекъ.

5. Часто неурожаи оказывали немалое вліяніе на умноженіе преступленій. Въ особенности это доказывается 1835 годомъ: въ колоніяхъ Нецы и Варты, отъ большой засухи, урожай былъ очень дуренъ; колонисты обнищали, и многіе изъ нихъ прибѣгли къ воровству, чтобы пріобрѣсти для своихъ семействъ и для скота нужное пропитаніе.

6. Нерѣдко дурные примѣры духовенства, учителей, полицейскихъ чиновниковъ, судей и другихъ лицъ, которыя имѣютъ извѣстное вліяніе на общество, весьма много содѣйствуютъ къ умноженію преступленій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лица духовнаго званія и учители имѣли безстыдство совершать плотскія преступленія, или по-крайней-мѣрѣ обнаруживать правила, къ явному поруганію христіанскаго ученія ведущія. Разумѣется, нравственность прихожанъ не могла отнюдь преуспѣвать. Если нѣкоторые изъ нихъ и не избѣгали заслуженнаго наказанія, то часто случалось, что оно постигало ихъ тогда, когда вредныя сѣмена уже были во множествѣ ими разсѣяны; другіе, напротивъ, еще не подпали подъ уголовное правосудіе, и втайнѣ продолжаютъ, часто съ неменьшею силою, дѣйствовать по прежнему разрушительно.

B. *Объ общихъ и постоянныхъ причинахъ преступленій.*

Многія общія причины, болѣе или менѣе важныя, имѣли въ совокупности вліяніе на умноженіе

преступленій. Естественно, эти причины должны были значительно усилиться съ увеличеніемъ народонаселенія, уже потому, что число жителей сдѣлалось больше. Но объ этомъ не стану я теперь распространяться. За то постараюсь, въ возможно-краткомъ очеркѣ, изложить общія основныя причины преступленій. Первою и главною причиною я считаю:

1. Слишкомъ слабыя наказанія за нѣкоторыя преступленія. Многолѣтнимъ тщательнымъ наблюденіемъ, производимымъ въ различныхъ провинціяхъ, особливо въ странахъ при Вислѣ, Одерѣ, Варшѣ и Нецѣ, я убѣдился, что было бы гораздо менѣе преступленій, если бы нѣкоторыя наказанія, напр. за воровство, не были такъ слабы; если бы съ преступниками не поступали съ излишнею кротостію. Исправительные домы и крѣпости не устрашаютъ уже обыкновенныхъ преступниковъ. Часто лѣнивцы обвиняютъ сами себя въ преступленіи, чтобы только снова найти себѣ убѣжище въ тюрьмѣ. Многія слѣдствія, на которыя я бы могъ указать, доказываютъ, что по особеннымъ обстоятельствамъ претерпѣвшіе неожиданно-большое и строгое наказаніе за первое преступленіе не такъ скоро совершали послѣ новое преступленіе. Ближайшее разсмотрѣніе этого чрезвычайно-важнаго пункта изложено нами ниже.

Потомъ

2. Увеличивающаяся бѣдность во многихъ мѣстахъ является также особенно-важною причиною умноженія преступленій.

Что и въ Пруссіи во многихъ судебныхъ округахъ существуетъ большая бѣдность, этого, къ сожалѣнію, отрицать нельзя. Эйхсфельдъ, нѣкоторыя области Вестфаліи, Западной Пруссіи и Герцогства Познанскаго, даже города Эрфуртъ, Эльбингъ, Фридебергъ, доказываютъ это; но теперь должно надѣяться, что благодѣтельный германскій торговый союзъ и нѣкоторыя новыя распоряженія отвратятъ это зло отъ прусской монархіи, гдѣ, говоря вообще, господствуетъ благосостояніе. Впрочемъ, многіе обѣднѣли по собственной винѣ; но еще большее число пришло въ бѣдность и отъ несчастныхъ случаевъ, отъ недостатка въ капиталахъ, отъ особенныхъ временныхъ обстоятельствъ и т. п. Такъ напр. городъ Фридебергъ долженъ былъ бороться со многими бѣдствіями войны; тягости военныя были огромны, и еще до-сихъ-поръ жители этого города обременены долгомъ въ 42000 талеровъ. Вотъ почему такъ тяжелы подати для нѣкоторыхъ малыхъ городовъ, какъ напр. Дризена, Фридеберга; для многихъ платить эти подати тѣмъ труднѣе, что онѣ, будучи разложены по классамъ, падаютъ на каждаго прямо и неизбѣжно. Къ тому же, нѣкоторыя необходимыя жизненныя потребности достать трудно, напр. соль, которая конечно могла бы быть дешевле, частію же дрова, особливо послѣ новаго распоряженія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланнаго, въ силу котораго лѣсъ изъ королевскихъ имѣній не можетъ быть продаваемъ иначе, какъ въ большомъ количествѣ, въ извѣстные сроки, тому, кто предлагаетъ высшую цѣну. При этомъ вниманія заслуживаетъ дороговизна вещей.

Страсть къ процессамъ во многихъ мѣстахъ есть въ одно и то же время и слѣдствіе и причина бѣдности. Нерѣдко въ малыхъ городахъ способовъ пропитанія весьма немного; часто фабрикъ нѣтъ вовсе, и большей части жителей, напр. въ Фридебергѣ, Дризенѣ, остается только одно земледѣліе, скотоводство, поденная работа, наемъ и мелочной торгъ. Эскадронъ кавалеріи или батальонъ пѣхоты часто содѣйствуютъ къ оживленію благосостоянія; но нерѣдко и этотъ желанный источникъ дохода есть только преходящій. Нѣкоторыя отрасли пропитанія, которыя прежде поддерживали много семействъ въ малыхъ городахъ, теперь такъ распространились по селеніямъ, что крестьяне лишь изрѣдка добываютъ имъ нужное въ городѣ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что доведенная до крайности дробность имуществъ, безъ сомнѣнія, увеличила бѣдность и такимъ образомъ косвенно содѣйствовала къ умноженію преступленій. Въ нѣкоторыхъ областяхъ часто продаются по-одиначкѣ моргены (мѣра земли: около $2\frac{1}{2}$ прусскихъ моргеновъ приходится на нашу десятину), половины домовъ, даже отдѣльно комнаты и каморки. Такіе пріобрѣтатели вмѣсто того, чтобы снискивать себѣ пропитаніе работою у мастера или поденною работою, спѣшатъ завести свой уголокъ, но, по недостатку способовъ существованія, прибѣгаютъ наконецъ къ непозволительнымъ средствамъ для предохраненія себя и своихъ отъ нищеты.

Примѣры воровства, изъ крайней нужды и бѣдности (чему въ особенности доказательствомъ слу-

житъ, что покраденъ былъ большею частію картофель и т. п.), находимъ мы въ актахъ каждаго суда, и я бы могъ легко, въ случаѣ нужды, представить нѣсколько примѣровъ такого рода; при всемъ томъ надобно замѣтить объ этихъ случаяхъ, что если бы обвиняемые и въ самомъ дѣлѣ находились въ нуждѣ, то они могли бы конечно помочь себѣ и безъ воровства. Ниже мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

3. Слишкомъ большая дешевизна хлѣбнаго вина есть также главная причина умноженія преступленій. Ни одинъ внимательный практикъ не станетъ отрицать важнаго значенія, какое имѣетъ водка въ исторіи современной цивилизаціи; какое пагубнѣйшее вліяніе она имѣетъ на общество, какъ физически, такъ и морально. Въ странахъ Нецы и Варты, въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ, въ Западной Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ вредныя послѣдствія ея употребленія уже весьма замѣтны, и внимательный наблюдатель опустошительныхъ дѣйствій этого зла, нравственныхъ и физическихъ, конечно не станетъ насмѣшливо и гордо улыбаться, когда рѣчь идетъ объ американскихъ обществахъ умѣренности, противодѣйствующихъ излишнему употребленію крѣпкихъ напитковъ. Если бы подобныя общества образовались въ Пруссіи, только безъ посторонней примѣси піэтизма и т. п.: то они конечно произвели бы благодѣтельныя дѣйствія, и были бы приняты, какъ того заслуживаютъ. Въ весьма многихъ уголовныхъ дѣлахъ водка имѣетъ особенное и важное значеніе. Тщательное разсмотрѣніе актовъ городоваго суда въ Ф., въ

округѣ котораго находится 9000 душъ, показало, что тамъ, въ 1835 году, въ 13 уголовныхъ случаяхъ обвиняемые употребленіемъ водки были возбуждаемы, если не побуждаемы, къ содѣланнымъ ими преступленіямъ. Такъ напр. бывшій мясникъ С. говоритъ: „Мы проводили время въ карточной игрѣ и пьянствѣ. Отъ излишняго употребленія водки голова у меня отяжелѣла. Въ 9 часовъ пришли мы отъ Л. (который торгуетъ москательными товарами и ликёромъ) въ мой домъ, гдѣ снова начали пить и т. д.“ Потомъ вмѣстѣ съ Ф. онъ укралъ изъ конюшни корову, принадлежавшую матери этого самаго Ф., продалъ ее въ Л. и почти всѣ вырученныя деньги пропилъ съ своими сотоварищами и проигралъ. Сообщникъ его Б., споившій его, былъ прежде въ Ф. булочникомъ и велъ свои дѣла очень хорошо, но игра и пьянство раззорили его совершенно. Также М., содержатель гостинницы, приговоренный къ трехгодичному заключенію за поджигательство съ корыстною цѣлью, доведенъ до нищенскаго посоха тѣмъ, что онъ, и въ особенности его жена, предались пьянству. То же должно сказать о поденщикѣ К., нѣкогда хорошемъ и честномъ человѣкѣ. Жена его, еще молодая и здоровая женщина, въ высшей степени предана пьянству; сама имѣетъ обыкновеніе поить уже виномъ своихъ дѣтей, какъ то многіе дѣлаютъ и въ иныхъ мѣстахъ; мужа своего также пріучила къ пьянству, и теперь, за многія насильственныя покражи, онъ нѣсколько лѣтъ долженъ проседѣть въ исправительномъ домѣ. Колонисты И. Р. и Л., осужденные къ многолѣтнему заключенію за то, что ворвались въ церковь Ф., нашли смѣ-

лость въ винѣ. Е., сынъ пастуха, мальчикъ 15 лѣтъ, увѣряетъ, что товарищъ его, другой крестьянскій мальчикъ, убѣдилъ его выпить съ нимъ полфунта водки, и потомъ уговорилъ украсть часы у часоваго мастера С. Дворникъ Г. на ярмаркѣ въ Ф. укралъ пару сапогъ; по его словамъ, онъ былъ тогда пьянъ, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ справедливости его показанія. Дворникъ Б. отъ пьянства совсѣмъ раззорился, почти никогда не бываетъ въ трезвомъ видѣ и наконецъ кралъ даже водку. Эрнестина Г. увѣряетъ, что она сдѣлала покражу по увѣщанію любовника Е., который украденныя ею деньги пропилъ. Слуга С. среди бѣлаго дня, возвращаясь на-веселѣ изъ кабака, ворвался въ лавку своего господина чрезъ окно для того, чтобы тамъ достать себѣ денегъ на новое пьянство. Такъ по-крайней-мѣрѣ представилось дѣло, хотя предварительно онъ былъ оправданъ, потому что противъ него показывали одни Евреи, — обстоятельство, которое, замѣчу мимоходомъ, конечно заслуживаетъ вниманія потому, что нерѣдко встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Эти примѣры, къ которымъ можно было бы присовокупить и многіе другіе, достаточно показываютъ гибельныя дѣйствія водки, которая дурна такъ же, какъ низка ея цѣна. Цѣлая кварта стоитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только два сер. гр. (около 6 коп. сер.), а низшаго достоинства и полтора гроша; напротивъ, въ деревняхъ мало пива, а какое есть, весьма низкаго разбора и сравнительно дорого. Потому-то всѣ пьютъ водку, и пой тѣмъ охотнѣе напивается до-пьяна, что по-крайней-мѣрѣ въ

пьянствѣ забываются нужда и заботы. Моральныя слѣдствія мы уже объяснили примѣрами; о физическихъ и говорить нѣтъ надобности. То, что народъ становится ежедневно слабѣе и мелче, говоритъ за себя слишкомъ ясно. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развратъ значительно увеличивается отъ праздности и пьянства, равно какъ и отъ уединенности мѣстоположенія; а слишкомъ раннее и частое удовлетвореніе чувственныхъ пожеланій, особенно въ пьянствѣ, конечно содѣйствуетъ упадку поколѣній.

Запѣмъ

4. Излишняя свобода вступать въ бракъ есть также основная причина умноженія преступленій.

Всѣ знаютъ, какое важное значеніе имѣетъ бракъ для государства. Онъ есть въ государствѣ одно изъ лучшихъ средствъ обезопасенія отъ преступленій и обузданія ихъ; а какъ основа благоустроеннаго семейнаго быта, бракъ заслуживаетъ, по справедливости, высокое, благоговѣйное уваженіе. Но такое благодѣтельное дѣйствіе брака на жизнь государственную только тамъ можетъ имѣть мѣсто, гдѣ супружество заключаетъ въ себѣ элементы хорошаго семейнаго быта. Обыкновенно, только счастливый отецъ семейства есть вмѣстѣ и добрый гражданинъ: онъ не принадлежитъ къ числу людей безпокойныхъ, мятежныхъ; онъ твердо и вѣрно привязанъ къ своему пепелищу, дому, семейству и собственности, къ своему государю и отечеству. Напротивъ, браки, въ которыхъ нѣтъ условій хорошаго семей-

наго быта, только вредятъ государству: они развращаютъ не только обоихъ супруговъ, но гибельно дѣйствуютъ на домашнее воспитаніе, и производятъ обыкновенно дѣтей никуды-негодныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Много преступленій совершается людьми, легкомысленно вступившими въ бракъ или происшедшими отъ такихъ браковъ. Весьма многіе вступаютъ въ бракъ, слѣдуя минутному влеченію, не думая о будущемъ, и производятъ множество дѣтей, не имѣя средствъ снискивать для нихъ и для себя пропитаніе. Затѣмъ слѣдуетъ недостатокъ и заботы, пьянство и отчаяніе, а наконецъ преступленіе со всѣми его послѣдствіями. Доказательствъ тому множество въ судебныхъ актахъ. Здѣсь ограничимся нѣсколькими примѣрами. Владѣлецъ С., уроженецъ изъ колоніи Н., короткое время работалъ у нѣсколькихъ хозяевъ, на 20 году женился и сдѣлался отдѣльнымъ хозяиномъ — мясникомъ, не смотря на то, что всё его имѣніе состояло въ 40 талерахъ (около $36\frac{1}{2}$ руб. сер.). Онъ имѣетъ уже троихъ дѣтей, и мало по малу пришелъ въ такое состояніе, что долженъ былъ прибѣгнуть къ воровству. Почти въ такомъ же положеніи находится товарищъ его Г., бывшій прежде булочникомъ и вступившій въ бракъ на 23 году отъ роду. Поденщикъ Г., который женился на 22 году, который сталъ отцомъ 8 дѣтей, и наконецъ, чтобъ избавиться отъ нищеты, прибѣгнулъ къ воровству, служитъ также яснымъ доказательствомъ сказаннаго нами. Равнымъ образомъ и дворникъ Г., который женился на 23 году, и вскорѣ потомъ дѣлалъ покражу, чтобъ пропи-

тать себя и свое семейство. Такъ въ Берлинѣ позолотный мастеръ Д., еще несозрѣвшій молодой человѣкъ, женился на 22 году, прижилъ троихъ дѣтей, и теперь, вмѣстѣ съ женою, отъ нужды сдѣлался воромъ и обманщикомъ. Не удивительно, что отъ раннихъ браковъ, чрезмѣрнаго разврата и безпрерывнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, число молодыхъ стариковъ увеличивается, и что люди сорока и пятидесяти лѣтъ зачисляются въ старики. Юные сыновья ихъ принуждены, для хозяйства, также рано вступить въ бракъ; такимъ образомъ зло растетъ изъ рода въ родъ. Выгоды, предоставляемыя престарѣлымъ владѣльцамъ, уступающимъ свое владѣніе новому (Altentheil — особенное прусское учрежденіе), нерѣдко подаютъ поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Всего покойнѣе жить нахлѣбникомъ на счетъ другаго, не думая о войнѣ, падежѣ скота, пожарахъ, наводненіяхъ, засухѣ, и какъ-бы стоя военнымъ постоемъ въ непріятельской землѣ! Поэтому часто молодые люди лѣтъ сорока перестаютъ заниматься хозяйствомъ, и, передавая его другому на выгодныхъ для себя условіяхъ, остаются жить у новаго хозяина праздно, на покоѣ. Новые хозяева сперва слишкомъ мало оцѣняютъ тягость условій передачи хозяйства, а потомъ слишкомъ рано приходятъ въ совершенную нищету. Ихъ вводитъ въ заблужденіе цѣна, съ перваго взгляду дешевая, а они не довольно обдумываютъ, какъ длинны статьи о содержаніи по смерть прежняго хозяина, что значитъ при этомъ поддерживать строенія и уплачивать подати, часто тяжелыя. Поэтому въ такихъ дѣлахъ было бы не-

обходимо, строго требовать на такую передачу согласіе правительства, дабы юные хозяева, которые вскорѣ потомъ дѣлаются и семейными, не стремились такъ легкомысленно къ неизбѣжной своей погибели.

Какъ несчастные браки дѣйствуютъ и на дѣтей, это мы видимъ слишкомъ часто. Примѣровъ я видѣлъ много. Фридерика Б., родные братья и сестры М. и Эмилія Г., всѣ происшедшіе отъ необдуманныхъ браковъ, развратные въ высшей степени и нѣсколько разъ наказанные за воровство, извѣстные мнѣ по актамъ и лично, подтверждаютъ вполнѣ мои слова. То же поденщики П. К. Г. и ихъ дѣти. Эти, нѣкогда хорошіе и крѣпкіе здоровьемъ люди, женились рано, произвели на свѣтъ кучу дѣтей, наконецъ, мучимые нищетою, вдались въ воровство.

Съ разсмотрѣннымъ нами основнымъ источникомъ умноженія преступленій въ тѣсной связи находится другой источникъ:

5. Дурное домашнее воспитаніе. Необдуманные браки между людьми, которыхъ нравственность стоитъ на низшей ступени, разумѣется, препятствуютъ хорошему воспитанію. Какъ могутъ родители дать то, чего сами не имѣютъ! Отецъ неопытный, незрѣлый, двадцатилѣтній крестьянскій сынъ, и мать, шестнадцатилѣтняя, ветренная крестьянская дѣвка, какъ могутъ воспитывать дѣтей, наставлять ихъ къ добру и руководствовать примѣромъ! Слишкомъ часто случается, что родители съ разбитыми головами ищутъ въ судахъ защиты противъ своихъ избалованныхъ дѣтей. Мно-

гіе преступники были бы конечно честными, хорошими людьми, если бы получили строгое и правильное домашнее воспитаніе. Акты многихъ извѣстныхъ мнѣ судовъ убѣдительно доказываютъ, что многіе преступники, въ особенности дурнымъ домашнимъ воспитаніемъ, были доведены до преступленій. Таковы напр. въ Ф. братья и сестры М., которые рано лишились отца и имѣютъ безпорядочную мать, вводящую ихъ во зло. Такова дѣвица Г., у которой родители вѣчно ссорятся между собою. То же доказываетъ и бочарный подмастерье Г. Онъ сынъ подобознаго коммиссара надъ полковыми фурами, который мало могъ объ немъ заботиться, а мать была слишкомъ слаба, чтобы руководить его какъ слѣдуетъ. Въ короткое время испытавъ различныя званія у различныхъ мастеровъ, онъ совершенно предался разврату и бродяжничеству, наконецъ, съ однимъ закоренѣлымъ воромъ, обокралъ даже свою мать. Подобную участь имѣла дѣвица Фридерика Б., которая рано лишилась отца, а у развратной матери училась только злу. Еще ребенкомъ отданная актерамъ, она получила весьма недостаточное религіозное воспитаніе, и на 16 году отъ роду возвратилась въ домъ матери, которая сама научила ее распутству и воровству. Изъ слѣдствія, произведеннаго городскимъ судомъ въ Ф. о дворникѣ Б., видно, какъ онъ самъ хотѣлъ склонить къ воровству свою несовершеннолѣтнюю дочь; а слѣдствіе о дворникѣ С. показываетъ, какъ привелъ онъ свою дочь къ разврату. Еслибъ этихъ примѣровъ не было достаточно, то можно было бы привести и многіе другіе.

Въ близкомъ отношеніи съ этою и предъидущею причиною находится слѣдующая:

6. Недостатокъ въ хорошомъ школьномъ и религіозномъ обученіи часто былъ также источникомъ преступленій. Что сдѣлано въ Пруссіи для улучшенія образованія, для разумнаго просвѣщенія и истиннаго облагороженія народа, это признано даже Англіею и Франціею. Но одного ученія недостаточно: для низшихъ классовъ народа возбужденіе нравственнаго чувства и оживленіе морали всё еще остается главнымъ дѣломъ. И въ этомъ отношеніи прусское правительство уже издавна служило образцомъ для другихъ государствъ. Сдѣлано много. Есть провинціи, гдѣ народъ проникнутъ такимъ духомъ, который возбуждаетъ отраду; есть страны, гдѣ обитаютъ въ большей части жителей вѣра и вѣрность, надежность, состраданіе, чувствительность, миролюбіе, трудолюбіе и благотворительность; но, къ сожалѣнію, есть еще округи, гдѣ особенно распространены зло и безнравственность. Особливо въ нѣкоторыхъ колоніяхъ порочность развита въ высокой степени. Подкупъ свидѣтелей, клятвопреступленіе, обманъ и т. п. для многихъ тамъ вовсе не кажутся такимъ злымъ дѣломъ, если только тѣмъ безнаказанно достигнута цѣль. Святыня часто предается тамъ дерзкому поруганію, и слѣдствіе, произведенное о дѣвицѣ Генріеттѣ Е., доказываетъ, что и самыя женщины не стыдятся ужаснымъ, возмутительнымъ образомъ отвергать святость клятвы. Ограбленіе церкви въ Ф., гдѣ сынъ колониста Л. обрѣзалъ сукно съ проповѣдничей каѳедры и унесъ подсвѣчники съ алта-

ря; поруганіе Святаго причащенія поденщикомъ Б.; нанесеніе вреда по злобѣ и мщенію, какъ напр. разрѣзаніе и сняніе кожи со лба у лошади, принадлежащей вдовѣ Б., разломаніе дверей и садовой ограды, сожженіе стоговъ сѣна, вырѣзываніе вымя у коровъ, ужасныя порчи и покражи лѣсовъ, и многія тому подобныя безчинства ясно доказываютъ, какъ много негодяевъ въ колоніяхъ при Н. Правда, и тамъ правительство всячески заботится о хорошемъ школьномъ и религіозномъ обученіи и улучшеніи нравственности; но, къ сожалѣнію, эти благодѣтельныя мѣры не равно распространяются на всѣхъ дѣтей.

У самой границы Ландебергскаго и Фридебергскаго округовъ еще недавно болѣе 300 дѣтей совсѣмъ не учились въ школахъ. Но и въ другихъ странахъ не всѣ получаютъ нужное воспитаніе. Многіе родители почитаютъ посѣщеніе школъ излишнимъ; для другихъ дѣти необходимо нужны, а, что главное, иные не въ состояніи платить за ученіе въ школахъ. Если бы въ деревняхъ было больше благосостоянія, и дѣти не были необходимо-нужны своимъ родителямъ, то послѣдніе, конечно, охотнѣе бы посылали ихъ въ школы. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, наказаніе за непосыланіе дѣтей въ школы мало приноситъ пользы. Кромѣ того, не всѣ школьные учители одушевлены тѣми чувствами, которыя такъ необходимы въ ихъ званіи; нѣкоторые изъ нихъ подаютъ даже собою дурной примѣръ, и своимъ вліяніемъ вдвойнѣ вредятъ дѣтямъ.

Скудная плата многимъ учителямъ и необходимость, въ которой они часто находятся прибѣгать къ судебной помощи для полученія этой платы, содѣйствуютъ къ совершенному истребленію всякаго довѣрія и расположенія, такъ что многіе всегда находятся съ ними какъ-бы во враждебныхъ отношеніяхъ, что также вредитъ ученію. Пока способъ выдачи имъ жалованья не измѣнится и жалованье не увеличится, до-тѣхъ-поръ школьное ученіе никогда не возвысится въ селеніяхъ на ту степень, которой такъ легко достигнуть. Каково должно быть впечатлѣніе, когда священникъ сегодня долженъ склонять къ снисходительности и кротости того, съ кѣмъ вчера, по крайней нуждѣ, тягался предъ судомъ за недоплаченную колбасу? Или, съ какимъ стараніемъ долженъ учитель учить ребенка, за котораго онъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не получалъ ни гроша, по безразсудству или бѣдности, когда въ то же самое время его мучитъ мысль, что ему неоткуда взять насущнаго хлѣба для своихъ шестерыхъ дѣтей? Къ тому присоединяется, что, по свидѣтельству суперинтендентовъ, нѣкоторыя школы такъ наполнены учащимися, что одинъ учитель не можетъ надъ всѣми надсматривать, всѣми завѣдывать и близко узнавать ихъ: часто собраны сотни учениковъ, какъ овцы, въ низкой и дымной комнатѣ.

Наконецъ, не должно забывать, что многія дѣти не ходятъ въ школы потому, что не имѣютъ чѣмъ прикрывать наготу свою; что отмѣтки о неприсутствіи въ школахъ много имѣютъ въ себѣ отвратительнаго; что наказанія за отсутствіе не

могутъ быть строго приводимы въ дѣйствіе. Сверхъ того, должно замѣтить, что большая часть дѣтей слишкомъ рано оканчиваютъ школьное и въ особенности религіозное образованіе, часто не достигнувъ еще надлежащей зрѣлости для пониманія ученія и истинъ религіи, и всё это для того только, чтобы скорѣе вступить въ службу и т. п. Но часто также случается, что безразсудные учители внушаютъ молодымъ людямъ ложныя понятія о ихъ будущемъ назначеніи, и многіе крестьянскіе дѣти стыдятся пахать землю.

Занѣмъ

7. Чрезмѣрная роскошь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господствующая, можетъ быть разсматриваема какъ очень важный источникъ умноженія преступленій. Въ малыхъ городахъ прусскаго государства щегольство еще не такъ сильно: тамъ одинъ такъ хорошо знаетъ другаго и его состояніе, что сосѣду показалось бы страннымъ, еслибъ его согражданинъ вздумалъ обманывать его и отличаться передъ нимъ чрезмѣрною роскошью. Другое въ большихъ городахъ, въ столицахъ, а особливо въ Берлинѣ, гдѣ каждая кухарка желаетъ по временамъ играть роль важной дамы, гдѣ дочь портнаго рада, что можетъ хоть на часъ казаться благородной дѣвицей и слушать любезности референдарія. Тамъ случается, что простая служанка даетъ портному девять талеровъ за платье, чтобы блеснуть передъ своимъ любовникомъ; тамъ бываетъ, что кухарка крадетъ палашку или боа, чтобъ услужить гордому унтеръ-офицеру въ партикулярномъ платьѣ, который не захочетъ итти съ нею, если она не до-

вольно-щеголевато одѣта. Тамъ-то случается, что надворныя совѣтницы и ихъ дочери крадутъ кружева и платки, чтобы принарядиться какъ должно; что племянницы знатныхъ особъ отпираютъ комоды и шкатулки, и на деньги, покраденныя у богатыхъ пріятельницъ, покупаютъ модныя платья. Примѣровъ много, sed sunt odiosa.

Кромѣ того,

8. Страсть къ игрѣ есть немаловажная причина умноженія преступленій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ужасно развита страсть къ большой игрѣ, и правительство, при всей своей бдительности, не можетъ ее обуздать. Но, къ сожалѣнію, часто высшіе, даже полицейскіе чиновники, подаютъ собою дурной примѣръ. Многіе сдѣлались преступниками потому, что слишкомъ предавались игрѣ и чрезъ то впали въ бѣдность; другіе потому, что хотѣли достать денегъ для игры. Такъ напр. булочникъ К. въ М. сдѣлался нищимъ и подвергся уголовному наказанію чрезъ пьянство и игру; кузнечный подмастерье К., который проигралъ всѣ свои деньги и укралъ часы, чтобы продолжать игру на вырученныя деньги. Далѣе,

9. Невозможность отпущеннымъ преступникамъ найти себѣ мѣсто представляется важнымъ источникомъ усиленія преступленій. Нерѣдко преступники, выпущенные изъ темницъ, смирительныхъ домовъ и т. п., находятся въ крайней бѣдности, и снова обращаются къ преступленіямъ потому, что въ самомъ дѣлѣ трудно найти имъ мѣсто, или они не имѣютъ никакихъ средствъ, чтобъ опять при-

бѣгпуть къ честному способу пропитанія. Примѣрами тому служитъ дворникъ Л. изъ Г., поденщикъ Б., бывшій егерь М. и многіе другіе. Конечно въ Пруссіи, какъ и во многихъ другихъ государствахъ, выпущеннымъ преступникамъ должна быть доставлена возможность честно снискивать себѣ пропитаніе; но общее отвращеніе чрезвычайно затрудняетъ правительство въ попеченіи о доставленіи имъ необходимаго крова и работы. Оно и не можетъ никого принудить, принять къ себѣ въ домъ для работы человѣка ненадежнаго, быть можетъ и опаснаго. Общественныя работы, напр. постройка дорогъ и т. п., бываютъ рѣдко и въ маломъ объемѣ. Наконецъ, должно упомянуть о

10. Недостаткѣ въ заведеніяхъ для преступниковъ больныхъ, беременныхъ и т. п. Всѣ практики знаютъ, что исполненіе наказаній встрѣчаетъ часто большія затрудненія, особенно когда должно наказывать женщинъ. Онѣ умѣютъ устроить такъ, что находятся въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, когда должны подвергнуться казни; потомъ кормятъ ребенка, а потомъ опять дѣлаются беременными. Такимъ образомъ онѣ долго избѣгаютъ наказанія. Примѣромъ служатъ слѣдствія городскаго Ф... суда о Г. и С., замужнихъ женщинахъ, которыя слишкомъ полтора года замедлили выполненіе казни. Еще хуже иногда управляться съ мужчинами, приговоренными къ продолжительному наказанію. Такъ напр. Ф., каменщикъ - подмастерье, за многократныя и насильственныя покражи приговоренъ къ 15-лѣтнему заключенію въ исправительномъ домѣ, и уже давно живетъ на волѣ потому, что такъ

заражепъ венерическою болѣзнію, что ни одно заведеніе не хочетъ принять его. Легко можно представить, какое нравственное впечатлѣніе производитъ на простую публику, знающую о преступленіи, безнаказанность такихъ преступниковъ.

II. *О средствахъ уменьшенія преступленій.*

А. *О средствахъ противодѣйствовать причинамъ, которыя содѣйствуютъ размноженію преступленій.*

Къ главнѣйшимъ средствамъ уменьшенія преступленій относится, по собственному моему опыту, слѣдующія:

1. Усиленіе большей части наказаній. Изъ многихъ опытовъ я убѣдился, что нужда и бѣдность обыкновенно менѣе подавали поводъ къ преступленіямъ, нежели распутство, нравственная испорченность, пьянство, соблазнъ, отсутствіе страха къ начальству и наказанію. Часто въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, была крайняя нищета, я хотѣлъ раздать картофель и другія естественныя произведенія натурою; но многіе нищіе отвергли ихъ, даже многіе объявили, что они ни во что считаютъ картофель, если имъ не дадутъ денегъ. Многіе молодые ребята, наказанные за покражу, имѣли часто случай работать; но изъ лѣни не хотѣли, какъ то доказало внимательное изслѣдованіе. Выше (В. I.) мы уже замѣтили, что преступники, немедленно и строго наказанные, не скоро рѣшались на новое преступленіе.

Всё это доказываетъ, что наши законы, наши наказанія часто бываютъ слишкомъ легки, что

бы ни разсказывали неумѣренные филантропы о необходимости смягченія уголовныхъ законовъ; они не должны только быть такъ жестоки, чтобы судьи боялись ихъ приложенія, какъ въ Англіи. При совѣщаніяхъ о проектѣ новаго саксонскаго уголовнаго уложенія, нѣкоторые объявили, что оно слишкомъ слабо, и явилось многими десятками лѣтъ раньше времени. Это, во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть сказано и о нѣкоторыхъ изъ прусскихъ уголовныхъ законовъ. По-крайней-мѣрѣ многіе судьи вѣрно согласятся со мною, когда я, имѣя самъ отвращеніе ко всѣмъ тѣлеснымъ наказаніямъ и охотно склоняясь къ человѣколюбію, буду утверждать, что чрезмѣрное ограниченіе этихъ наказаній и безусловное уничтоженіе ихъ въ отношеніи къ женщинамъ появилось еще слишкомъ, слишкомъ рано. Эта мысль покажется еще болѣе справедливою, если мы подумаемъ, какъ наши наказательныя заведенія мало соотвѣтствуютъ своей цѣли. Извѣстно, что многіе негодяи совершаютъ новыя преступленія, чтобы найти прибѣжище въ темницахъ и исправительныхъ домахъ. И для чего же нѣтъ? Слишкомъ часто имъ у себя дома хуже, чѣмъ здѣсь. Зимою находятъ они въ тюрьмѣ теплыя комнаты, всегда хорошую пищу, какъ никогда у себя дома, мало или почти никакой работы, и часто назидательную бесѣду въ разсказахъ своихъ многоопытныхъ товарищей. Чего имъ недостаетъ — свободы? Конечно нѣкоторымъ, но большая часть людей испорченныхъ не такъ высоко цѣнятъ свою свободу, какъ думаютъ многіе мечтатели, воспитанные на однихъ теоріяхъ, ко-

торые охотно бы заставили обращаться съ преступниками, какъ съ падшими ангелами, со всевозможною нѣжностію и кротостію. Слѣдовать этимъ черезъ-чуръ филантропическимъ взглядамъ значитъ просто грѣшить противъ публики и ругаться надъ всѣми уголовными законами. Да ихъ и не нужно, если кто не хочетъ въ самомъ дѣлѣ наказывать. Поэтому въ недавнее время хорошо сдѣлали, что удержали въ Саксоніи смертную казнь, не смотря на различныя возраженія такихъ филантроповъ, и постановили строгія начала.

Наказанія за повторяемое воровство болѣе всѣхъ другихъ кажутся слабыми. Люди, какихъ бы я могъ назвать много, отъ 6 до 8 разъ совершившіе покражу, не наказываются даже 4-лѣтнимъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, тогда какъ они давно заслужили навсегда быть извергнутыми изъ общества. Но если и случится, что уголовные сенаты приговорятъ къ относительно-строгому наказанію, то высшая инстанція, по неумѣстному милосердію, обыкновенно его смягчаетъ. Въ какой мѣрѣ часто-наказываемые преступники должны были бы наконецъ подвергаться ссылкѣ, этого конечно я не могу здѣсь излагать подробно. Знаю, какія попытки уже прежде были сдѣланы по этому предмету; но всё однако же думаю, что эта мѣра, именно для Пруссіи, совсѣмъ не такъ невыполнима, особливо теперь, при такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею. Одна мысль объ отправленіи въ Сибирь многихъ удержала бы отъ преступленій. Изъ восточныхъ провинцій можно было бы ссылать въ Сибирь, изъ западныхъ въ Алжиръ. Россія

и Франція вѣрно приняли бы на себя охотно издержки отправленія отъ границы.

Что государство имѣетъ право ссылать, этого, конечно, не нужно доказывать; а что эта мѣра была бы благодѣтельна, въ этомъ легко можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что чрезъ ссылку государство освободилось бы отъ множества людей неисправимыхъ, вводящихъ только въ соблазнъ другихъ; а капиталъ для издержекъ на уголовныхъ преступниковъ назначенный (Malefizfonds), казенныя и частныя имѣнія освободились бы на будущее время отъ значительныхъ издержекъ на такихъ негодяевъ. Сверхъ того, чрезъ это число слѣдствій умепьшилось бы, и суды не нуждались бы безпрестанно въ новыхъ помощникахъ.

Издержки транспорта не могутъ быть слишкомъ велики. Можно отъ извѣстнаго мѣста посылать многихъ преступниковъ вмѣстѣ, приковывая ихъ къ одной цѣпи или пруту, и въ сопровожденіи двухъ или трехъ человѣкъ. Теперь во Франціи постановлено отвозить на галеры въ хорошихъ повозкахъ! Но и то много, что не избрали для этого покойныхъ носилокъ!

Если боятся возвращенія изъ Сибири, то не трудно пріобрѣсти отдаленный, пустынный островъ, и отъ времени до времени посылать туда самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Корабль, употребляемый на это, могъ бы быть вмѣстѣ и купеческимъ судномъ, особливо если бы выборъ палъ на страну, близкую къ малообразованному берегу Африки, гдѣ легкія и маловажныя произведенія нѣмец-

кихъ фабрикъ могли бы породить желанную мѣновую торговлю.

Безъ сомнѣнія, самое благодѣтельное вліяніе имѣло бы возможно-скорое выполненіе наказаній и большая строгость въ исправительныхъ домахъ и тюрьмахъ. Особливо, когда уже нѣтъ рѣчи о простомъ арестѣ на время слѣдствія, было бы благодѣтельно ограничить всю пищу хлѣбомъ и водою, только въ нѣкоторые дни недѣли давать лучшую. Также должно бы не слишкомъ пещись о покойныхъ постеляхъ, а о возможно-тяжелой работѣ: всячески всегда нужно напоминать преступникамъ, что они должны терпѣть наказаніе, что они должны каяться.

Не такъ несообразно съ цѣлью, какъ думаютъ, тѣлесное наказаніе предъ принятіемъ и отпускомъ изъ исправительныхъ домовъ, какъ это дѣлалось прежде. Да и возстановленіе тѣлеснаго наказанія для женщинъ низшихъ классовъ народа вѣрно имѣло бы хорошія слѣдствія. Чувство чести въ нихъ отъ этого не пострадаетъ, здоровье также, не смотря на то, что слишкомъ человѣколюбивые врачи утверждаютъ противное, даже о posterioribus. Корсеты дѣлаютъ гораздо болѣе вреда, но еще не запрещены же. Даже т. н. испанская шпиль, желѣзный ошейникъ и т. п., по моему мнѣнію, отмѣнены слишкомъ рано, и возстановленіе ихъ принесло бы большую пользу.

Арестантскія роты есть превосходное учрежденіе; но онѣ существуютъ только для преступниковъ изъ военнаго званія. Смирительные домы не могутъ производить тѣхъ же дѣйствій; а поэтому

было бы желательно найти для преступниковъ не солдатскаго званія соотвѣтствующее учрежденіе, какъ напр. понудительныя работы при постройкахъ шоссе, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Затѣмъ, важнѣйшимъ средствомъ предотвращать и уменьшать число преступленій является

2. Оживленіе благосостоянія. Хотя уже много говорено о томъ, что относительно менѣе преступленій совершено по дѣйствительной, безвинопроизшедшей нуждѣ и крайности; совсѣмъ тѣмъ нельзя отрицать, и уже показано нами, что многія преступленія, хотя и не прямо, произошли отъ недостатка въ способахъ пропитанія, отъ нужды и бѣдности. Многіе крали въ самомъ дѣлѣ по бѣдности; многіе хотѣли предохранить себя отъ недостатка въ способахъ пропитанія пріобрѣтеніемъ страховаго капитала посредствомъ поджигательства; многіе, не находя работы, предались отчаянію и пьянству, пренебрегли воспитаніемъ дѣтей, хожденіемъ въ школы и религіознымъ образованіемъ ихъ; потому что не имѣли средствъ, потому что нуждались въ дѣтяхъ для пріобрѣтенія куска хлѣба. Поэтому остается неоспоримой истиной, что оживленіе благосостоянія не мало можетъ противодѣйствовать преступленію. Но вотъ вопросъ: какъ возвысить благосостояніе? Если разсмотримъ причины его упадка, частію уже изложенныя нами, то увидимъ, что важнѣйшія средства суть слѣдующія:

а) Ограниченіе торговаго и ремесленнаго промысла въ селеніяхъ. Всѣмъ извѣстны преимущества свободной промышленности; но всякій практиче-

скій юристъ найдетъ, что нѣкоторыя ограниченія необходимы. Кто хорото знаетъ состояніе малыхъ и среднихъ городовъ, тотъ согласится, что многіе изъ нихъ большею частію обѣднѣли уже потому, что почти всѣ промыслы находятся вездѣ развитыми въ селеніяхъ. Не только пивовареніе и винокуреніе въ наибольшемъ размѣрѣ, но даже торговлю москательными и красными товарами, маслобойни, суконныя фабрики и т. п. можно найти во многихъ деревняхъ; сапожники, портные, столяры, стекольщики, мясники, булочники, словомъ, всякаго рода ремесленники завели тамъ свои мастерскія. Даже многіе мелкопомѣстные владѣльцы, побуждаемые лѣнью, пренебрегаютъ земледѣліемъ, и ведутъ торгъ съѣстными припасами, дровами, торфомъ и москательнымъ товаромъ, заводятъ гостинницы, трактиры, и раздробляютъ свою землю, прежде такъ отлично обработываемую, вдаваясь нерѣдко въ неудачныя фабричныя спекуляціи. Чрезмѣрное усиленіе ремесленной промышленности въ селеніяхъ было причиною обѣдненія малыхъ городовъ:

aa) Потому что эти люди переманили къ себѣ, даже изъ городовъ, многихъ покупателей;

bb) Потому что сельскіе жители получаютъ отъ нихъ то, что имъ нужно, а не изъ городовъ;

cc) Потому что сельскіе жители теперь гораздо рѣже пріѣзжаютъ въ города, истрачиваютъ въ нихъ менѣе, нежели прежде, въ особенности мало посѣщаютъ рынки собственно для закупокъ. Къ этому присоединяется

dd) Что сельскіе промышленники, истрачивая на прожитье менѣе въ деревняхъ, наполняютъ го-

родъ своими дешевыми произведеніями, и чрезъ то лишаютъ послѣдняго сбыта бѣдныхъ городскихъ производителей.

Эти неблагопріятныя послѣдствія тѣмъ тягостнѣе для городскихъ жителей, что не вездѣ они въ состояніи открыть себѣ источники продовольствія въ земледѣліи, скотоводствѣ и т. п. — въ отрасли промышленности, въ отношеніи которыхъ сельскіе жители болѣе покровительствуются, чѣмъ городскіе. Поэтому необходимо-нужно прекратить это зло. Есть слухи, что объ этомъ много уже было говорено на земскихъ сеймахъ, и можно надѣяться, что прусское мудрое правительство все будетъ находить болѣе и болѣе средствъ къ отклоненію большихъ невыгодъ неограниченной свободы промышленности, не уничтожая благодѣтельныхъ слѣдствій свободнаго занятія промыслами. Не должно только позволять всякому подмастерью, сбѣжавшему отъ своего хозяина, всякому еще недоучившемуся мальчишкѣ обзаводиться самостоятельно тамъ, гдѣ ему полюбится. Такіе люди пускаютъ въ ходъ свою работу за безцѣнокъ, и, раззоривши другихъ чрезмѣрно низкими цѣнами, обыкновенно раззоряются наконецъ сами, оставляя по себѣ нѣсколькихъ дѣтей, какъ бы въ воспоминаніе ихъ скоропреходящаго существованія.

Эти положенія, почерпнутыя изъ многихъ наблюденій, я бы легко могъ, въ случаѣ нужды, доказать множествомъ примѣровъ.

b) Ограниченіе чрезмѣрной благотворительности. Излишнее вспомоществованіе бѣднымъ умно-

жаетъ число нхъ, заставляя мало надѣяться на себя и слишкомъ много на другихъ, и вмѣсто, тяжелой работы, предаваться покойной лѣни. Бывши долго городовымъ депутатомъ и членомъ коммиссіи о бѣдныхъ въ одномъ провинціальномъ городѣ, я имѣлъ возможность наблюденіями убѣдиться въ справедливости этой мысли. Поэтому необходимо ограничить вспомоществованіе одними, въ самомъ дѣлѣ неимущими. Помогать деньгами, часто опасно. Въ голодные годы хорошо, если правительство закупитъ картофелю и станетъ выдавать на прокормъ и посѣвъ, также если оно будетъ брать въ наемъ землю для бѣдныхъ съ тѣмъ, чтобъ они ее сами обработали, нанимать имъ жилища и т. п. Даже слабые и старые могли бы еще воздѣлывать и собирать картофель. Такое вспоможеніе имѣетъ ту выгоду, что предохраняетъ отъ лѣни и не даетъ такого повода пропивать вырученныя деньги, какъ тѣ, которыя пріобрѣтаются скоро и легко подаяніемъ. Послѣднее относится и къ найму квартиръ, и къ другимъ вспомоществованіямъ натурою.

c) Заведеніе сохранныхъ кассъ и заемныхъ банковъ. Сохранныя кассы доставляютъ много выгодъ. Онѣ не только возбуждаютъ и оживляютъ охоту къ бережливости, но и доставляютъ нуждающимся сбереженное на время нужды. Онѣ оказались, во многихъ отношеніяхъ, полезными во Франціи, гдѣ заведены сохранныя кассы для солдатъ, также и въ Берлинѣ. Такія кассы были бы и во многихъ другихъ странахъ, если бы многія правительственныя мѣста не боялись новыхъ, необходимыхъ по этому предмету занятій и отвѣтственности. Многіе поден-

щики и ремесленники, которые теперь пропиваютъ и проигрываютъ остатки барыша, безъ сомнѣнія, относили бы остальныя деньги въ сохранныя кассы, особливо однажды положивши начало такому сбереженію. Не одна бѣдная служанка спала бы заботишься объ умноженіи сохраненныхъ ею пфеннговъ (около копѣйки мѣдью) для того, чтобы показать своимъ пріятельницамъ и будущему супругу, по книгамъ сохранныхъ кассъ, что она умѣетъ копить и сохранила излишекъ.

Весьма важно было бы рѣшить вопросъ: можетъ ли быть оправдано заведеніе принудительныхъ сохранныхъ кассъ для слугъ и работниковъ? О кассахъ сбереженія для работниковъ и другихъ людей низшаго званія, которые хотятъ вступать въ бракъ, мы будемъ говорить ниже нѣсколько подробнѣе.

Если бы было можно съ сохранными кассами соединить различные заемные банки, особливо въ провинціяхъ, или, если бы можно было основать послѣдніе хотъ и отдѣльно отъ первыхъ: то это была бы благодѣтельная мѣра потому, что въ малыхъ городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ и проч. многіе разоряются отного, что не могутъ вдругъ, по недостатку въ кредитѣ, достать наличныхъ денегъ; что должны попасться въ руки къ жидамъ или христіанамъ-ростовщикамъ, и платить имъ огромные проценты, или распродать свои вещи за безцѣнокъ.

d) Вспомогательные капиталы для вспомоществованія обѣднѣвшимъ ремесленникамъ и поденщи-

камъ. Благодѣтельныя дѣйствія берлинскаго заведенія для спасенія гражданъ (Bürger-Rettungs-Institut) извѣстны всѣмъ. Въ малыхъ городахъ подобное заведеніе еще лучше достигало бы своей цѣли потому, что здѣсь можно подробно знать дѣла каждаго. Гдѣ существуютъ такіе капиталы и съ необходимою предосторожностію употребляются какъ слѣдуетъ, т. е. во время, для вспомоществованія разорившимся гражданамъ, особливо посредствомъ покупки инструментовъ, матеріаловъ и т. п., тамъ касса для бѣдныхъ учрежденная скоро почувствуетъ благодѣтельныя дѣйствія этихъ мѣръ, потому что этимъ конечно будутъ предотвращены обѣдненіе и праздность. Въ М. живутъ четыре краснльщика; двое изъ нихъ, обремененные большимъ семействомъ и работящіе люди, уже были близки къ разоренію по недостатку въ капиталѣ, когда мнѣ удалось доставить имъ кредитъ у одного богатаго купца, торгующаго индигомъ. Чрезъ это они поставлены въ возможность снова продолжать обширный промыселъ, и теперь находятся въ весьма хорошемъ состояніи. Также знаю я въ Е. одного токаря, которому помогъ одинъ лундоръ (около 5 руб. сер.), во время подаренный тамошнимъ женскимъ обществомъ, и далъ возможность снова достигнуть прежняго благосостоянія. Подобныя вспоможенія можно бы оказывать, когда жестокосердые отдаватели въ наемъ домовъ удерживаютъ, за неплатежъ наемной платы, ремесленные инструменты, и во многихъ такихъ случаяхъ, когда недостатокъ въ небольшомъ капиталѣ, напр. послѣ болѣзни, отнимаетъ силу у самаго дѣятельнаго человѣка. Если на двѣнадцать

случаевъ въ десяти пропадетъ незначительный капиталъ, чего, впрочемъ, допустить нельзя: то сколько же выигрываетъ государство, если даже и въ двухъ только случаяхъ нѣсколько талеровъ спасутъ трудолюбивыхъ отцовъ семействъ; и что значатъ для государства, для всѣхъ подданныхъ, нѣсколько тысячь талеровъ, когда имъ покупается спасеніе добрыхъ гражданъ?

е) Освобожденіе бѣднѣйшихъ жителей отъ класной (родъ подушной) подати. Мы уже прежде замѣтили, какъ вредно дѣйствуетъ въ Пруссіи на низшія состоянія неизбѣжная т. н. класная подать, какъ она часто повергаетъ ихъ въ нищету, портитъ нравственность и нерѣдко отнимаетъ довѣріе къ правительству; потому что, при всемъ желаніи быть справедливымъ, оно не всегда можетъ производить оцѣнку совершенно правильно. Кромѣ того, по своему свойству — служить отчасти замѣною уничтоженной подати съ съѣстныхъ припасовъ и за убой скота, она часто взыскивается удивительно-несоразмѣрно. Иной булочникъ и мясникъ въ маломъ городѣ платилъ прежде въ одинъ часъ болѣе податей съ съѣстныхъ припасовъ и за убой, нежели сколько теперь уплачиваетъ класной подати въ цѣлый мѣсяцъ. И наоборотъ, я знаю многихъ горожанъ и небогатыхъ сельскихъ хозяевъ, которые, въ продолженіе цѣлаго года зарѣзавши одну только свинью, напередъ ищутъ себѣ соучастниковъ, чтобы продать имъ окорокъ и сало, сами же довольствуются остатками, лишь бы сказать, что и они -де зарѣзали свинью, а вмѣстѣ, чтобы заплатить класную подать. У многихъ людей изъ этого клас-

са хлѣбъ относится къ статьямъ роскоши; потому что одинъ картофель и сельдяной разсолъ составляютъ ежедневную ихъ пищу. Поэтому было бы очень полезно, бѣднѣйшихъ жителей, если возможно, совсѣмъ освободить отъ класной подати; именно потому, что она неизбѣжна, она тяготитъ многихъ.

f) Обузданіе страсти къ тяжбамъ. Мы говорили выше, что страсть къ тяжбамъ есть часто вмѣстѣ и дѣйствіе и причина бѣдности. Невозможно себѣ представить, какія огромныя суммы уплачиваютъ многіе за судебныя издержки, сколько людей разоряются тяжбами. Теперь спрашивается: какія средства для обузданія страсти къ тяжбамъ? Я не могу исчерпать здѣсь этого важнаго предмета, а укажу на нѣкоторыя только средства:

aa) Всевозможное поощреніе мировыхъ — хорошее, безъ сомнѣнія, средство. Судьи должны имѣть право, въ случаѣ миролюбивыхъ согдашеній, при извѣстныхъ обстоятельствахъ не взыскивать никакихъ издержекъ, или требовать уплаты однихъ дѣйствительныхъ издержекъ, или, если это уже необходимо, постановить количество издержекъ гуртомъ.

bb) Полезное во многихъ случаяхъ учрежденіе посредниковъ третейскаго суда въ Пруссіи — расширить, назначая въ эту должность, по возможности, юристовъ, и не допуская вчинать искъ по нѣкоторымъ дѣламъ, безъ представленія свидѣтельства о безуспѣшности попытокъ примириться передъ посредникомъ. Подъ эту статью подходятъ, пре-

имущественно, иски о личныхъ оскорбленіяхъ между лицами низшихъ классовъ, споры между домашними слугами и долговые процессы цѣною ниже 10 талеровъ (около 9 руб. сер.).

cc) Право, подавать аппелляцію на рѣшенія низшей инстанціи, должно ограничить, особливо по отношенію къ дѣламъ о личныхъ обидахъ. Правило, въ § 217 прибавленія къ уставу о судопроизводствѣ (въ которомъ значится слѣдующее: „Рѣшеніе нижней инстанціи должно немедленно по объявленіи приводимо быть въ исполненіе, если рѣшеніемъ присуждаются виновные къ денежному штрафу не свыше 5 талеровъ, или же люди низшаго состоянія къ тюремному заключенію не болѣе какъ на 24 часа. Въ такомъ случаѣ аппелляція не имѣетъ мѣста), должно быть распространено до 10 талеровъ и до однонедѣльнаго заключенія, кромѣ личныхъ обидъ не словомъ, а дѣломъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно дозволить, просить объ увеличеніи наказанія; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ достаточно одно дозволеніе жаловаться на явно-неосновательное рѣшеніе.

dd) Весьма справедливо принято въ Пруссіи уменьшать сумму заклада предъ тяжбою даваемаго, также плату за путевыя и покормныя издержки. Многіе суды, напр. въ Маріервердерѣ, Ландсбергѣ, Дризенѣ, Кюстринѣ, Фридебергѣ, могутъ засвидѣтельствовать, что путевыя издержки, проѣзди и закладныя деньги обратились въ простой способъ пріобрѣтенія. Вчиняются поклепныя иски и часто нарочно тягаются для того только, чтобы пріобрѣсть значительную плату за путевыя издержки; точно также вчиняются безчисленные и значитель-

ные закладные иски, даже выигрываются, между тѣмъ какъ весь убытокъ не свыше какихъ-нибудь двухъ грошей.

ее) Даже въ маловажныхъ дѣлахъ должно бы строже взыскивать деньги, въ залогъ уплаты судебныхъ издержекъ даваемыя. Иной одумается и отстанетъ отъ пустаго иска, когда требуемый отъ него довольно-значительный закладъ напомнитъ ему на самомъ дѣлѣ о большой суммѣ, которую, можетъ же статься, придется и ему уплачивать. Когда я былъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, директоромъ одного судебнаго мѣста, меня часто спрашивали, нельзя ли обойтись безъ заклада, и на отрицательный отвѣтъ объявляли, что они лучше возмутъ назадъ свою просьбу.

ff) Также и страсть къ перемѣнамъ, кой-гдѣ еще одушевляющая молодыхъ юристовъ, желаніе переобразовать существующее, измѣнять приговоры нижнихъ судовъ, часто содѣйствовало къ усиленію страсти къ процессамъ. Иной довольствовался бы рѣшеніемъ, а подаетъ аппелляціонную жалобу, разсуждая такъ: „во второй инстанціи такъ часто перемѣняютъ рѣшенія; почему же бы не перемѣнить и моего?“ Подобныхъ разсужденій слыхалъ я много. Поэтому каждый юристъ долженъ бы вмѣнить себѣ въ обязанность, перемѣнять рѣшеніе только въ особенныхъ, несомнѣнныхъ случаяхъ, когда первый судья очевидно ошибся. Такое удержаніе первыхъ рѣшеній обуздало бы охоту вести тяжбы, увеличило бы вообще уваженіе къ судамъ и притомъ уменьшило бы много работы, слѣд. вообще имѣло бы благодѣтельныя послѣдствія.

g) Учрежденіе фабрикъ, также казенныхъ подрядовъ и поставокъ. Въ многихъ мѣстахъ множество фабрикъ, въ другихъ ихъ вовсе нѣтъ. Такъ напр. ихъ почти нѣтъ въ Западной Пруссіи, въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ и во Фридебергскомъ округѣ. Бываютъ случаи, что новыя заведенія такого рода чрезвычайно затрудняются самими правительственными мѣстами, даже при очевидной въ нихъ потребности. Я знаю, что фабричные часто ѣдятъ черствый кусокъ хлѣба, а фабриканты живутъ въ изобиліи. Во многихъ мѣстахъ было бы много сдѣлано для бѣднѣйшаго класса народа уже и тѣмъ, если бы фабрика открыла имъ новый способъ существованія. Поэтому было бы благодѣтельно, если бы государство, какъ и прежде, еще болѣе возбуждало и поощряло заведеніе фабрикъ въ бѣдныхъ странахъ. Есть много небольшихъ городовъ, гдѣ нѣсколько трудолюбивыхъ людей занимаются обширнымъ промысломъ, напр. каретники, мѣдники, далеко сбывающіе свои произведенія. Въ этомъ родѣ еще много осталось сдѣлать, и напрасно думаютъ, что въ одномъ только земледѣліи все спасеніе. Тысячи другихъ людей могли бы снискивать себѣ пропитаніе посредствомъ механическихъ и искуственныхъ занятій. Особенное вниманіе должно бы обратить на малые города, въ которыхъ нѣтъ военныхъ постоевъ. И они взносятъ въ центральныя мѣста государства свою лепту на жалованье войску и вообще на государственныя издержки; но ни одинъ грошъ не возвращается къ нимъ назадъ. Они заслуживали бы полнаго вниманія; потому что часто въ нихъ мы находимъ самыхъ лучшихъ, самыхъ вѣр-

ныхъ гражданъ, на которыхъ твердо можетъ положиться отечество во время нужды.

Подрядами и поставками для государства можно бы благопріятно дѣйствовать на многіе округи и возвысить ихъ благосостояніе. Должно бы позаботиться о томъ, чтобы часть поставокъ удержать для тѣхъ мѣстъ, гдѣ много бѣдныхъ ремесленниковъ. Во Фридебергѣ, Дризенѣ, Вольденбергѣ, Аріевальдѣ и другихъ малыхъ городахъ Новой Марки находится много обѣднѣвшихъ суконниковъ, сапожниковъ и портныхъ; имъ можно бы сдѣлать какую-нибудь ссуду, хоть, по прежнему, посредствомъ шерстяныхъ магазиновъ, содержимыхъ правительствомъ, и постоянно отдавать этимъ бѣднымъ людямъ извѣстную часть подрядовъ.

h). Ограниченіе дробленія имуществъ. Мы уже говорили выше, какъ разрушительно дѣйствовало и дѣйствуетъ на благосостояніе чрезмѣрное дробленіе имѣній: оно порождаетъ ложныя понятія о своей какой-то самостоятельности, ведетъ къ безразсуднымъ бракамъ, и производитъ множество семействъ, которыя, наконецъ, впадаютъ въ нищету и бѣдственное состояніе, и суть не благословеніе, не сила, а язва и гибель для государства. Не правда, что въ Пруссіи увеличивающееся народонаселеніе должно быть преимущественно обращено къ земледѣльческимъ занятіямъ; безъ сомнѣнія, какъ мы уже замѣтили, еще многія тысячи людей могутъ пріобрѣтать себѣ кусокъ хлѣба механическими занятіями всякаго рода, и для поощренія этихъ отраслей промышленности можно бы придумать еще многія облегчительныя мѣры. Ко-

нечно, притомъ правительственнымъ мѣстамъ должно бы наблюдать, чтобъ одни способные люди самостоятельно занимались промысломъ. При этомъ многія фабричныя произведенія изъ шерсти, дерева, стали, желѣза обезпечивали бы обширный сбытъ, какъ это бываетъ, хотя и въ маломъ размѣрѣ, въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ. Противодѣйствуя такимъ образомъ чрезмѣрному раздробленію недвижимой собственности, поставляя ему извѣстныя границы, и чаще предоставляя эти дѣла благоусмотрѣнію присутственныхъ мѣстъ, правительство увеличило бы число богатыхъ земледѣльцевъ, которые составляютъ лучшую опору государствъ. Человѣкъ привязанъ къ землѣ; клочокъ земли, которую онъ обрабатываетъ изъ года въ годъ, есть его кукла, его дѣтище, къ которому онъ привязывается всё съ большею и большею любовью; чѣмъ больше земелька, тѣмъ болѣе усиливается его привязанность къ ней; потому что эгоизмъ, эта сильная пружина человѣческой природы, играетъ при этомъ важную роль.

Кто хочетъ видѣть живую картину того, какъ вредно чрезмѣрное раздробленіе поземельныхъ участковъ, и бѣдность, отсюда происшекающую, тотъ пусть взглянетъ на нѣкоторыя колоніи, напр. по берегамъ Нецы. Тамъ увидитъ онъ множество т. н. землевладѣльцевъ, которые иногда не имѣютъ крѣпкаго сюртука, рубашки, а чванятся и хотятъ разыгрывать роль самостоятельныхъ землехозяевъ.

Нѣмецъ всегда былъ склоненъ къ дѣлежу поземельной собственности и въ большомъ и въ маломъ размѣрѣ: всякъ хочетъ имѣть что-нибудь. По

началамъ, по теоріи это хорошо и справедливо; но куда эта мысль завела людей въ практической жизни, показываютъ безчисленныя печальныя послѣдствія. Раздробленіе никогда не бываетъ хорошо. Итакъ, чтобы предотвратить оскудѣніе и обезсиленіе народа, должно остановить дробленіе, хотя, по мѣстамъ, обработка почвы допускаетъ нѣкоторыя исключенія. Затруднять только дробленіе, этого недостаточно. Пусть мѣстное начальство изслѣдуетъ внимательно, можетъ ли участокъ пропитать хозяина, и если можетъ, то пусть даетъ на то свое согласіе: для государства важно имѣть не многихъ, но хорошихъ землевладѣльцевъ. Наспоящее поземельное имущество должно быть возвышено, кредитъ землевладѣльцевъ усиленъ. На кого будетъ надѣяться отечество во время опасности? Конечно, не на безсильныхъ бродягъ, не на мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которые перебиваются со дня на день, и также мало на услужливость немногихъ милліонщиковъ. Во всѣ времена, когда нужно было необыкновенное напряженіе силъ, отечеству помогали въ крайности мужественное сословіе горожанъ, почетный классъ сельскихъ жителей изъ средняго сословія. Но и при обыкновенномъ порядкѣ вещей, истинное внутреннее спокойствіе, порядокъ и довольство можетъ быть основано только на возвышеніи этой главной составной части народа.

Далѣе, важное средство уменьшить преступленія есть

3. Наложеніе большихъ пошлинъ на водку, при низкихъ цѣнахъ на пиво. Выше мы покаааали вредное вліяніе водки; и поэтому никто не станетъ сомнѣ-

ваться въ томъ, что найти средство, какъ остановить чрезмѣрное ея употребленіе, значитъ противодѣйствовать безнравственности и умноженію преступленій. Если бы хорошее пиво было дешевле и доступнѣе, и если бы многіе люди не находили свою выгоду распространять водку: то она бы употреблялась въ меньшемъ количествѣ. Но, къ сожалѣнію, есть господа, которые никогда не даютъ бѣдному ни хлѣба ни денегъ, а чарку водки, и даже не думаютъ, какъ они тѣмъ вредятъ. Вдругъ обложить водку слишкомъ большимъ налогомъ, было бы неудобно въ двоякомъ отношеніи: вопервыхъ, для производителей, которые расположились къ большому торгу водкой; вовторыхъ, для потребителей, которые успѣли уже такъ сильно къ ней пристраститься. У Римлянъ простой народъ говорилъ: panem et circenses (подавай намъ хлѣба и игръ), а у Нѣмцевъ бѣдные говорятъ: хлѣба и чарку водки! Внезапное лишеніе водки, хотя и косвеннымъ образомъ, можетъ поэтому произвести большое недовольство. Итакъ было бы благоразумно за нѣсколько времени объявить, что налоги на пиво будутъ значительно уменьшены, а на водку отъ году въ годъ будутъ увеличиваться. Да и выгоды государства того требуютъ, чтобы не было сдѣлано внезапныхъ измѣненій въ податяхъ и налогахъ. Впрочемъ, нельзя опасаться убытка: усиленный налогъ на водку служилъ бы замѣною, тѣмъ болѣе, что усилившееся потребленіе пива количествомъ собранныхъ налоговъ замѣнило бы прежнюю величину ихъ. Сверхъ того, доказано многими опытами, что уменьшеніе податей и налоговъ часто было причи-

ною умноженія доходовъ. Такъ Прейсъ говоритъ (въ Жизнеописаніи прусскаго короля Фридриха II, 2 изд., т. II, стр. 14): „Когда Лоне (Launay) такъ значительно уменьшилъ подать съ кофе, кофейные акцизы отъ 300000 талеровъ, при чрезмѣрно-большой подати, быстро возвысились до 574,000 талеровъ ежегодно, служа убѣдительнымъ, но уже позднѣе понятымъ доказательствомъ того, что уменьшеніе податей приноситъ много пользы государственнымъ доходамъ и нравственности народа.“ Во всякомъ случаѣ, одни финансовыя соображенія и причины, представляемыя благосостояніемъ отдѣльныхъ производителей, не могутъ препятствовать ограниченію водочной продажи, когда дѣло идетъ о предохраненіи государства отъ поколѣній, испорченныхъ и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи. Конечно, можно упиваться и пивомъ; но оно никогда не можетъ быть такъ вредно, какъ водка. Нѣкогда пиво было въ Германіи народнымъ напиткомъ; пусть же оно будетъ такимъ и теперь. Баварецъ съ своимъ пивомъ и свѣжъ и силенъ. Если бѣдный человѣкъ на три пфеннинга (около 4 коп. сер.) можетъ купить кварту хорошаго полпива, то онъ легко можетъ, при своей тяжелой работѣ, ежедневно выпивать нѣсколько кварнъ пива, и при этомъ еще чарку водки. Такъ сохранилъ бы онъ свои силы и разсудокъ.

4. Важнымъ средствомъ уменьшенія преступленій является затрудненіе браковъ въ низшихъ классахъ. Выше мы показали, какъ вредно дѣйствуютъ, и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи, преждевременные и безразсудные браки. По-

этому было бы полезно имъ препятствовать. Положимъ, что отъ этого народонаселеніе ежегодно увеличивалось бы нѣсколькими тысячами людей менѣе; это не потеря, а напротивъ выгода. Сто здоровыхъ людей лучше тысячи пигмеевъ, и сто хорошихъ людей, лучше тысячи бездѣльниковъ. Настоящая сила государства покоится на сильныхъ и честныхъ гражданахъ; ихъ размноженіе для него важно. Сволочь не составляетъ его благосостоянія и силы. Судя по количеству обрабатываемой земли и источникамъ пропитанія, многія страны Германіи, а именно Саксонія, Тюрингенъ, Баварія, Вюртембергъ, страны при Варшѣ и Нецѣ, слишкомъ населены.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что въ затрудненіи браковъ лежитъ чрезмѣрное ограниченіе личной независимости. Но развѣ государство во многихъ другихъ случаяхъ не обязано ограничивать ее въ пользу общаго блага? Право на такое ограниченіе основывается на достиженіи высшихъ цѣлей государства.

Другіе думаютъ, что чрезъ ограниченіе браковъ усилится безнравственность; что будетъ больше разврата, незаконныхъ браковъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Но это опасеніе неосновательно и преувеличено. Если кой-гдѣ отъ запрещенія брака родится иногда одно незаконнорожденное дитя, то зло еще не такъ велико, какъ если отъ безразсуднаго, несчастнаго брака произойдутъ 6, 7, 8 законныхъ дѣтей, которыя, вслѣдствіе дурнаго воспитанія и нужды, сдѣлаются калеками, нищими, бродягами и преступниками. Поэтому было бы весьма благоразумно, поставивъ необходимымъ условіемъ

браковъ между крестьянами, ремесленниками и слугами предварительное согласіе со стороны полицейскаго начальства, и вмѣнить ему, равно какъ и опекунскимъ судамъ, въ строжайшую обязанность, только тогда давать согласіе на вступленіе въ бракъ, когда они убѣждены, что оба брачущіяся лица вмѣстѣ могутъ существовать и по всѣмъ вѣроятіямъ будутъ жить счастливо.

Много содѣйствовало бы къ уменьшенію несчастныхъ браковъ, если бы было болѣе ограничено заведеніе молодыми ремесленниками самостоятельнаго мастерства. Справедливость моего мнѣнія подтвердятъ большая часть магистратовъ и судовъ. Стоитъ только спросить Берлинскій городовой судъ о коренныхъ причинахъ почти всѣхъ несчастныхъ браковъ и разводовъ. Недостатокъ въ средствахъ пропитанія тамъ главный корень зла; тоже почти вездѣ въ малыхъ городахъ и селеніяхъ. Лишь только ремесленнику минетъ 24 года, а часто и ранѣе; лишь только слуга станетъ совершеннолѣтнимъ; лишь только 22-лѣтній сынъ крестьянина принялъ хозяйство,—онъ заводитъ свой домъ, и женится, не заботясь о томъ, какъ пропитать семейство. Въ самомъ Берлинѣ я знаю много людей, физически и морально недостигшихъ зрѣлости, особливо красильщиковъ, мастеровъ золотыхъ рамъ, т. п. рабочихъ мальчиковъ (Arbeits-Jungen), которые еще нѣсколько лѣтъ должны бы работать у своихъ хозяевъ; но уже имѣютъ женъ и дѣтей, которые терпятъ съ ними нужду и умираютъ въ бѣдственномъ состояніи. Эти люди скоро предаются всѣмъ порокамъ и преступленіямъ. Во Фридебергѣ, въ Новой Маркѣ,

при 4000 жителей находится 10 мясниковъ, 5 горшечниковъ, 7 токарей, 8 сѣдельниковъ, 68 сапожниковъ, 28 суконныхъ мастеровъ, 28 портныхъ, 7 содержателей трактировъ, 12 хлѣбниковъ, 9 слесарей, 25 мѣлочныхъ торговцевъ; ясно, что многіе изъ нихъ должны имѣть самое скудное пропитаніе, потому что въ деревняхъ, кромѣ нихъ, находится много такихъ же ремесленниковъ, напр. въ Алтенфлисѣ, самомъ близкомъ отъ города селеніи, 8 портныхъ. И не смотря на то, ежедневно обзаводятся тамъ молодые люди подобными самостоятельными ремесленничествами, и съ безконечнымъ легкомыслiемъ или геройствомъ вступаютъ въ супружество. Свобода промысловъ, какъ мы сказали выше, имѣетъ въ себѣ много добраго; но большее ограниченіе, по примѣру прежнихъ цеховъ, принесло бы гораздо болѣе пользы.

Безъ сомнѣнія, весьма благодѣтельно было бы требовать отъ ремесленниковъ, работниковъ, поденщиковъ, новыхъ мастеровъ, крестьянъ, домашнихъ слугъ и пр. п., когда они хотятъ жениться, какъ отъ офицеровъ, объявленія капитала и внесенія въ принудительную сохранную кассу по-крайней-мѣрѣ 30 талеровъ. Эта сумма должна бы приносить проценты; проценты должны бы причитаться къ капиталу, и какъ то, такъ и другое сохраняться на время нужды. Преміи многодѣтнымъ должны быть совсѣмъ уничтожены. Онѣ возбуждаютъ какую-то манію къ размноженію народонаселенія, которое можетъ только вредить государству. Какъ мы выше замѣтили, мудрое правительство заботится о качествѣ, а не о количествѣ подданныхъ.

5. Улучшеніе домашняго воспитанія (какъ мы видѣли подъ буквою B. 5) есть, очевидно, дѣйствительное средство уменьшать преступленія; потому что упадокъ этого воспитанія есть сильный источникъ умноженія преступленій.

Теперь въ духѣ времени какая-то наклонность къ опозиціи и упорству, стремленіе отрицать связи, отказывать въ уваженіи и послушаніи. Часто виноваты въ томъ сами начальники, отцы семействъ, опекуны и другія лица, облеченныя извѣстною властью; потому что не живо сочувствуютъ правилу: „principiis obsta“, и лишаются уваженія по своей дурной жизни, излишнему человѣколюбію, панибратству и т. п. Средства, указанныя мною въ 4 и 6 статьяхъ этого отдѣла, должны, по моему мнѣнію, имѣть благодѣтельное вліяніе и на домашнее воспитаніе. Сверхъ того, въ низшихъ классахъ народа и въ деревняхъ можно, кажется, ввести лучшее домашнее воспитаніе публичными похвалами, объявленными въ церквахъ съ проповѣдничей кафедры, преміями, или особливыми вспоможеніями. Съ другой стороны, было бы, можетъ статься, хорошо, поставлять окружными цензорами, или судьями о нравахъ, наилучшихъ людей въ общинѣ, и давать имъ право, вмѣстѣ съ полицейскимъ начальствомъ и духовенствомъ, наставлять совѣтами отцевъ семейства, забывшихъ свой долгъ, и, въ случаѣ нужды, подвергать ихъ наказанію. Если лучшіе люди будутъ добровольно избираемы въ такую почетную должность прочими выборными всего округа, то нечего опасаться злоупотребленій, тѣмъ болѣе, что они не должны имѣть права, обвинять кого-

либо сами собою безъ доклада: духовныя лица и полицейскіе чиновники подлежали бы, вмѣстѣ съ ними, отвѣтственности за каждое нарушеніе этихъ правилъ.

6. Улучшеніе школьнаго и религіознаго образованія. Чѣмъ болѣе недостатокъ въ надлежащемъ школьномъ образованіи дѣйствуетъ на умноженіе преступленій, тѣмъ необходимѣе отвратить этотъ недостатокъ. Это отчасти и достигалось бы тѣмъ, что, чрезъ уменьшеніе или уничтоженіе платы за ученіе для бѣдныхъ, образованіе сдѣлалось бы доступнѣе ихъ дѣтямъ; отчасти же заведеніемъ воскресныхъ школъ для дѣтей тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ нуждаются въ прочіе дни недѣли, и поощреніемъ заведеній дѣтскихъ пріютовъ, въ которыхъ дѣти, безъ піэтизма, рано пріучаются къ порядку, опрятности, послушанію и полезнымъ занятіямъ, и предохраняются отъ изуродованія. Много бы принесло пользы, если бы, чрезъ увеличенье жалованья, постепенно старались пріобрѣтать истинно хорошихъ учителей, и устранили бы непріятныя отношенія къ членамъ общины, проистекающія изъ способа уплаты имъ жалованья. Установленіе постояннаго казеннаго жалованья духовенству и школьнымъ учителямъ кажется не такъ невозможнымъ. Увеличеніе подати, сдѣланное съ этою цѣлью, не было бы слишкомъ обременительно для частныхъ лицъ. Мысль о пользѣ облегчила бы введеніе этой подати. Она имѣла бы ту выгоду, что холостякъ и бездѣтный должны бы платить ее, что и справедливо. Заслуживаетъ также вниманія, что наказанія за неприходъ въ школу, по которымъ

отмѣтки теперь много имѣютъ въ себѣ ненавистнаго, не могутъ быть исполняемы начальствомъ казенныхъ имуществъ и земскими совѣтами (Landräthe) какъ бы слѣдовало. Довольно часто приводятся теперь оправданія по бѣдности, сами въ себѣ ничтожныя, и начальникамъ школъ, занятымъ дѣлами, требующими поспѣшности, нѣтъ времени доискаться истины. Также было бы благодѣтельно, если бы съ ученіемъ, для приготовленія себя къ принятію Святаго причащенія, соединено было преподаваніе главнѣйшихъ положеній уголовнаго права. Разумѣется, при этомъ нужна величайшая осторожность, чтобы, вмѣсто пользы, не сдѣлать вреда; это ученіе могло бы ограничиться самыми существеннѣйшими основными началами, и вовсе не касаться нѣкоторыхъ преступленій. Чтобъ отвратить вредныя послѣдствія, можно бы ввести преподаваніе началъ уголовнаго права по руководству, одобренному правительствомъ. Авторъ предлагаемой статьи давно имѣлъ въ виду написать такое руководство; но многочисленныя занятія тому воспрепятствовали (2). Вспомнимъ напр. о недозволенномъ самоуправствѣ, о насильственномъ сопротивленіи, о продажѣ вещей, состоящихъ подъ запрещеніемъ, о распечатаніи чужихъ писемъ, объ уклоненіи отъ податей и тому подобныхъ проступкахъ; всякій практикъ подтвердитъ, что въ такихъ слу-

(2) Президентъ верхняго земскаго суда, г-нъ А. . . . . выполнилъ эту задачу въ Прусской юридической газетѣ. Остается только желать, чтобъ его сочиненіе было отпечатано отдѣльно и роздано оффиціально для руководства.

чаяхъ, особливо когда не дано необходимаго понятія о преступленіяхъ, часто многіе дѣлаются преступниками по незнанію законовъ. Даже самоуправство наказывается нерѣдко въ такихъ случаяхъ, которые, по мнѣнію даже образованнѣйшихъ людей, не подлежатъ ни малѣйшему взысканію.

7. Обузданіе роскоши и страсти къ игрѣ; потому что онѣ служатъ обильнымъ источникомъ преступленій, особливо воровства. Какъ противодѣйствовать страсти къ игрѣ, сказать трудно. Что при этомъ бдительный полицейскій надзоръ можетъ оказать много пользы, это очевидно. Еще труднѣе задача, какъ противодѣйствовать роскоши. Уставы объ одеждѣ не исполнимы. Одна строгость и установленіе тѣсной связи между господами, мастерами и отцами семейства, по возбужденію начальства, могли бы принесть нѣкоторую пользу; но и при всемъ этомъ выполненіе будетъ трудно. Сверхъ того, ограниченіе роскоши имѣетъ свою нехорошую сторону, останавливая развитіе промышленности. Но всё-таки много можно сдѣлать уставомъ объ одеждѣ служанокъ, какъ это давно уже замышляли въ Помераніи. Заботливой мастери семейства и дочерямъ ея нечего бы тогда было соспязаться съ своею служанкою въ роскоши. Такой уставъ не можетъ быть почитаемъ нарушеніемъ ихъ естественныхъ правъ; потому что онѣ и безъ того, для общаго блага, необходимо подчинены строгому полицейскому надзору, и благо государства, да и ихъ собственная выгода, вполнѣ оправдываютъ такое ограниченіе. Для слугъ мужскаго пола благодѣтельное ограниченіе роскоши состоитъ въ ливреѣ,

и я не знаю, почему бы не установить родъ ливреи для служанокъ. Въ Лейпцигѣ служанка рѣдко одѣвается свыше своего состоянія, а между тѣмъ весело видѣть тамъ опрятность женской прислуги. Еслибъ это было принято за образецъ въ другихъ странахъ, то порядокъ и чистота выиграли бы много. Еще необходимѣе

8. Обращать большее вниманіе на добровольное признаніе. Именной указъ блаженныя памяти короля прусскаго Фридриха Вильгельма III, о преимуществахъ откровеннаго признанія, заслуживаетъ живѣйшую благодарность всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества: имъ отстранено по-крайней-мѣрѣ непріятное положеніе, въ которомъ такъ часто находились совѣстливые судьи. Но и теперь еще грустно имъ видѣть нравственное впечатлѣніе, производимое тѣмъ, что многіе, полагаясь на выгоды, имъ предоставляемыя откровеннымъ признаніемъ, послѣ узнаютъ, что они подвергаются гораздо большему наказанію, нежели тѣ, которые постоянно запирались. Конечно, справедливо присуждать къ полному наказанію того, кто уличенъ въ преступленіи, и къ меньшему—неуличеннаго; но спрашивается, нельзя ли дать судьямъ право, въ случаѣ откровеннаго признанія, присуждать къ наказанію, которое было бы еще гораздо ниже обыкновеннаго, чтобы такимъ образомъ предотвратить упомянутое вредное впечатлѣніе. Практика представляетъ намъ множество примѣровъ, какъ необходимо обращать большое вниманіе на чистосердечное признаніе, особливо въ противоположность дерзкому запирательству. Такъ напр. въ — с — было наряжено слѣдствіе о двор-

никъ С. за кровосмѣшеніе съ родною своею дочерью. Дѣвушка созналась, и наказана, потому что ей минуло уже 18 лѣтъ, однолѣтнимъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ; напротивъ, отецъ дерзко запирался, и предварительно освобожденъ отъ суда. Подобно тому, городской судъ въ — р — приговорилъ къ 16-мѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ дѣвицу Фридерику Б., которая созналась въ насильственной покражѣ; а замужняя женщина Г., хитрая жидовка, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, главная зачинщица преступленія, получившая отъ него наиболѣе выгодъ, предварительно освобождена отъ суда уголовнымъ сенатомъ въ — а —, на основаніи ея безстыднаго запирательства. Далѣе,

9. Облегченіе доказательствъ было бы, по моему мнѣнію, необыкновенно сильнымъ средствомъ противодѣйствовать умноженію преступленій.

Для того, чтобъ уничтожить упомянутое дерзкое запирательство, и удобнѣе освобождать общество отъ негодяевъ, было бы полезно измѣнить нѣсколько нашу теорію доказательствъ. Въ случаѣ важныхъ преступленій это сомнительно, а въ маловажныхъ—учрежденіе родъ суда присяжныхъ (какъ я ни далекъ отъ мысли говорить въ его пользу) было бы чрезвычайно полезно. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ о малоцѣнныхъ предметахъ введено у насъ въ Пруссіи такое облегченіе доказыванія; почему бы не допустить то же въ процессахъ о маловажныхъ проступкахъ? Если вполнѣ-достовѣрный свидѣтель обвинитъ уже наказаннаго вора въ новомъ воровствѣ, напр. объявитъ, что поймалъ его на дѣ-

лѣ, и это показаніе чѣмъ либо подтвердится, то весьма желательно, чтобы, въ такомъ случаѣ, наша теорія доказательствъ признавала воровство вполнѣ доказаннымъ. Такой легчайшій способъ доказыванія можетъ быть приложенъ къ преступникамъ уже наказаннымъ, также къ тѣмъ, которые уличены въ дерзкой лжи предъ судомъ. Это также справедливо, какъ справедливо болѣе строгое наказаніе людей, уже наказанныхъ за преступленія, и завѣдомодурныхъ. Особенно должно бы имѣть большое довѣріе къ показаніямъ безпорочныхъ чиновниковъ, даннымъ подъ присягою, объ обидахъ, имъ нанесенныхъ, и неповиновеніи. Необходимость этого доказываетъ напр. слѣдствіе о владѣльцѣ Г. въ городскомъ Ф. судѣ. Этотъ владѣлецъ вытолкалъ за дверь, билъ и заперъ въ конюшнѣ экзекутора, человѣка тихаго и вполнѣ правдиваго, который хотѣлъ взять подъ арестъ его имѣніе. За такіе поступки онъ былъ предварительно освобожденъ отъ суда, не смотря на то, что экзекуторъ подтвердилъ свое показаніе чиновнической присягой. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это происшествіе въ округѣ; какъ усилило сопротивленіе начальству, опасности для экзекуторовъ, опасеніе и число безполезныхъ экзекуцій. Каждый слѣдователь, каждый судъ долженъ бы прилагать къ актамъ свое мнѣніе о достовѣрности свидѣтелей, и на это должно бы обращать особенное вниманіе.

Я не рѣшаю здѣсь вопроса, въ какой степени должно болѣе вѣрить, даже въ слѣдствіяхъ, тѣмъ Евреямъ, которые получили хорошій аттестатъ отъ полиціи; но, по собственному опыту, думаю,

что полезно было бы болѣе довѣрять Евреямъ. Многія преступленія не оставались бы совершенно безнаказанными.

Далѣе,

10. Ограниченіе выпуска тѣхъ преступниковъ, которые содержатся до исправленія и до предъявленія честнаго способа пропитанія, сильно бы содѣйствовало къ достиженію вышеозначенной цѣли.

Всѣмъ уже извѣстно, какъ легко начальства нѣкоторыхъ наказательныхъ заведеній отпускаютъ преступниковъ. Большею частію они принимаютъ за объявленіе честнаго промысла, если преступникъ самъ скажетъ, что вообще хочетъ вступить въ услуженіе. То же должно сказать и объ исправленіи; преступникъ знаетъ, что проступки его въ наказательномъ заведеніи помѣшаютъ ему освободиться изъ заключенія; сверхъ того, обыкновенно, онъ не имѣетъ тамъ случаевъ къ воровству и т. п. Итакъ должно бы въ этомъ отношеніи принять строгія мѣры, и каждый разъ съ большимъ іщаніемъ, нежели было доселѣ, удостовѣряться въ честномъ промыслѣ и новомъ мѣстопребываніи посредствомъ мѣстнаго начальства. Преступниковъ, много разъ наказанныхъ, какъ людей неисправимыхъ и опасныхъ гражданскому обществу, всего полезнѣе было бы и послѣ наказанія навсегда оставлять подъ полицейскимъ надзоромъ въ наказательныхъ заведеніяхъ; можно только улучшить, въ сравненіи съ прежнимъ, ихъ положеніе. Если бы публика увидала, какое различіе дѣлаетъ такимъ образомъ правительство между тяжкими и менѣе виновными преступ-

никами, то положеніе послѣднихъ въ гражданскомъ обществѣ скорѣе могло бы измѣниться къ ихъ пользѣ.

11. Большее попеченіе объ отпущенныхъ преступникахъ предотвратило бы, безъ сомнѣнія, множество преступленій. Впрочемъ, эта статья, тѣсно связанная съ предъидущею, уже не разъ обращала на себя вниманіе многихъ обществъ; но, къ сожалѣнію, эти общества не вездѣ находили поощреніе, котораго заслуживали. Многіе преступники по освобожденіи остаются совершенно безъ всякой помощи, какъ будто заклейменные и изгнанные изъ общества. Никто не принимаетъ ихъ и предлагаемыхъ ими услугъ, и нужда часто побуждаетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. При самомъ освобожденіи тотчасъ же давать имъ въ руки большой капиталъ, нельзя совѣтовать; почти всѣ, отъ минутной радости, что опять свободны, пропили и промотали бы его. Поэтому должно бы, при самомъ освобожденіи, давать имъ сколько нужно, не менѣе, денегъ на путевыя издержки; а капиталъ, изъ котораго бы начальство того мѣста, куда освобожденный отправляется, могло помогать дѣйствительно-нуждающимся небольшими ссудами, принесъ бы большую пользу. Для такихъ безпомощныхъ преступниковъ, у которыхъ нерѣдко и послѣднее продано въ уплату издержекъ на судопроизводство, также для тѣхъ, которые не могутъ тотчасъ же найти себѣ мѣста, и отпого легко могутъ прибѣгнуть къ преступленіямъ, были бы чрезвычайно полезны домы трудолюбія, но облагороженные, по неимѣющіе характера принужденія; этимъ были бы отвращены многія преступленія. По моему мнѣнію,

одного общаго дома трудолюбія для двухъ, иногда даже для трехъ округовъ устроеннаго, по возможности, въ ихъ центрѣ, было бы весьма достаточно. Сельскіе домы для бѣдныхъ (Landarmenhäuser) недостаточны. Принятіе людей завѣдомо-лѣнивыхъ нерѣдко слишкомъ тамъ затруднено, и считается чѣмъ-то позорнымъ. Поэтому совершенно необходимъ приличный домъ трудолюбія, уважаемый тѣми, которые въ нуждѣ, и не налагающій на нихъ печати позора. Такой окружной домъ трудолюбія могъ бы обойтись и безъ слишкомъ большихъ издержекъ, хорошо-управляемый земскимъ совѣтомъ (Landrath), выборными изъ полицейскихъ чиновниковъ и лучшими домохозяевами. Это почетныя должности, на которыя нашлись бы знающіе люди. Одного хорошаго полицмейстера, съ нѣсколькими смотрителями на жалованьѣ, было бы достаточно. Они могутъ быть опредѣляемы изъ неспособныхъ къ военной службѣ чиновниковъ, состоящихъ на пенсіи; имъ можно бы дать казенную квартиру, небольшое содержаніе и участокъ земли. Двухэтажное строеніе, о 12 или 16 комнатахъ, выстроенное въ срединѣ округа, къ которому приписано нѣсколько десятинъ земли, можно теперь легко выстроить за нѣсколько тысячъ талеровъ. Государство много бы выиграло малыми, только кажущимися пожертвованіями, необходимыми для такихъ вспомогательныхъ капиталовъ и домовъ трудолюбія: число бѣдныхъ и преступниковъ, безъ сомнѣнія, уменьшилось бы; расходы на упомянутыя заведенія покрылись бы, даже съ избыткомъ, сбереженіями въ капиталахъ, назначенныхъ для издержекъ на преступниковъ, для поли-

цейскаго управленія и для попечительства о бѣдныхъ. Капиталъ для такихъ домовъ могъ бы легко составиться изъ части вкладовъ, назначенныхъ для бѣдныхъ сельскихъ жителей, употребляемыхъ теперь на постройку имъ домовъ, и чрезъ раскладку недостающей суммы на окружныхъ домохозяевъ. Послѣдніе тѣмъ охотнѣе согласились бы на такія пожертвованія, что они совершенно отстранили бы себя отъ заботы и попеченія о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя принимаются въ рабочіе домы, и освободились бы отъ всѣхъ прочихъ издержекъ и безполезныхъ заботъ.

Существующее нынѣ въ Пруссіи провинціальное общество для бѣдныхъ осталось бы по прежнему; оно уступило бы только часть своего дохода. Эти заведенія, сколько извѣстно, находятся въ такомъ положеніи, что ихъ финансы не много потерпятъ отъ упомянутаго пожертвованія. Ихъ существованіе было бы необходимо потому, что много находится лицъ, которыя, по опредѣленію королевско-прусскаго патента 1804 г., почитаются за неимѣющихъ отечества, и, на этомъ основаніи, предоставляются ихъ попеченію.

Если заведенія для бѣдныхъ сельскихъ жителей могутъ быть со временемъ совершенно уничтожены, тѣмъ лучше.

Окружныя заведенія такого рода имѣютъ то преимущество, что отдача людей, сюда годныхъ, производится легче; домохозяева ежедневно и ближе видятъ хорошій успѣхъ, и потому получатъ живѣйшій интересъ къ самому дѣлу.

Главнымъ правиломъ должно быть притомъ постановлено, что въ эти заведенія будутъ принимаемы исключительно тѣ только лица, которыя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, принадлежатъ къ округу.

Слѣдовательно:

1) Всякій житель округа, котораго найдутъ просящимъ милостыню. Нищіе изъ другихъ округовъ должны быть немедленно отсылаемы къ мѣстному ихъ начальству.

2) Всѣ завѣдомо-лѣнивые.

3) Всѣ тѣ лица, которыя, подвергшись наказанію, освобождаются изъ смирительныхъ домовъ, и на время, по недостатку въ мѣстѣ или въ способахъ пропитанія, не могутъ или не хотятъ о себѣ заботиться.

4) Дѣйствительно-слабые люди, или мѣстные нищіе, которые еще способны къ работѣ, и потому хотя легко могутъ найти себѣ занятіе въ заведеніи, но общины, не имѣя къ тому способовъ, весьма охотно станутъ давать заведенію нужное вспомоществованіе.

Если къ такому заведенію присоединить больницу, то она принесетъ очевидную пользу; потому что окружныя лекари и хирурги, и безъ того получая жалованье въ качествѣ медицинскихъ чиновниковъ, охотно примутъ на себя леченіе въ упомянутой больницѣ за небольшое добавочное жалованье. Далѣе, этимъ можетъ быть замѣненъ недостатокъ въ наказательныхъ заведеніяхъ для больныхъ и беременныхъ, о которомъ мы упомянули въ стр. 10.

Такія лица могутъ тогда лечиться подъ присмотромъ. К., работникъ изъ К., почти цѣлый годъ только потому не подвергался наказанію, присужденному за воровство, что былъ болѣнъ чесоткою. Наконецъ, его помѣстили въ домѣ одного частнаго человѣка и тамъ лечили, что обошлось общинѣ очень дорого.

Также мѣстные нищіе были бы охотно отдаваемы общинами въ такіе домы; потому что издержки леченія были бы вчетверо меньше. Домашнія работы могли бы быть отправляемы женщинами и слабыми людьми, содержащимися въ такихъ заведеніяхъ, равно какъ и хожденіе за больными. Занятій представляютъ довольно общественныя работы въ округѣ: поспройка дорогъ, мощеніе улицъ, разведеніе деревьевъ и т. п.

Должно бы пріучать общины, чтобъ онѣ, для полевыхъ работъ, употребляли въ дѣло извѣстное число работниковъ, состоящихъ подъ присмотромъ, изъ такого заведенія. Легко ввести и другія занятія: пряденье, вязанье, дѣланье одѣялъ, плетенье корзинъ и т. п. Распорядителями работъ охотно вызвались бы поступить изъ всякаго города старые, обѣднѣвшіе суконщики и т. п., еслибъ они нашли обезпеченіе скудной своей жизни въ теплой компатѣ и пищѣ, даваемой заведеніемъ; потому что состояніе этого несчастнаго класса гражданъ въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дошло до крайности.

Безъ затрудненій ничего не дѣлается въ мірѣ, особливо теперь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы пріискать необходимыя средства для достиженія общеполезной цѣли. Такъ и выполненіе этого про-

эта встрѣтитъ множество затрудненій, особливо потому, что домы для бѣдныхъ сельскихъ жителей должны уступить часть своего дохода. Но эта уступка необходима; эти домы всё же найдутъ свой счетъ, и тѣмъ лучше, если, какъ сказано выше, приведеніе въ исполненіе этого проэкта сдѣлаетъ ихъ совершенно ненужными.

Чѣмъ ближе и скорѣе подобное учрежденіе будетъ дано народу, чѣмъ значительнѣе будетъ его непосредственное участіе въ такихъ заведеніяхъ, чѣмъ наглядпѣе будетъ доказанъ успѣхъ ихъ, тѣмъ живѣйшее участіе приметъ народъ въ этомъ дѣлѣ.

Затѣмъ послѣдовало бы очевидное доказательство на дѣлѣ. Сегодня заплатила община небольшую сумму на заведеніе, и уже завтра она очищается отъ лѣнивой сволочи, освобождается отъ тягостныхъ попеченій о бездомовныхъ, которые изъ полученія мѣста по предписанію и даже на счетъ общины и т. п. сдѣлали родъ промысла.

Но дирекція такого заведенія не должна быть связана опасливыми, затрудняющими формами; она должна быть поставлена въ такое положеніе, чтобы могла вездѣ дѣйствовать скоро и сильно.

Преступленій данной власти нельзя ожидать тамъ, гдѣ окружной земскій совѣтъ и нѣсколько дѣльныхъ полицейскихъ чиновниковъ имѣютъ начальство; гдѣ они подлежатъ отвѣтственности; гдѣ имъ усердно помогаютъ уважаемые, безпристрастные, осмотрительные люди изъ всѣхъ трехъ сословій окружныхъ домохозяевъ. Такъ образуется чисто-патріархальное управленіе.

Дальнѣйшее развитіе этого плана, посредствомъ окружнаго выборнаго собранія, не можетъ быть и не будетъ уже такъ трудно; на немъ можно опредѣлить, могутъ ли, если не теперь, то послѣ, быть умножены доходы заведенія принятіемъ лицъ, состоящихъ на пенсіи, которой уплата производится всею общиною вмѣстѣ или частными лицами въ отдѣльности. И въ этомъ отношеніи участниковъ найдется много, такъ, что, имѣя болѣе средствъ, заведеніе еще болѣе будетъ соотвѣтствовать своей цѣли.

Я твердо увѣренъ, что немногіе земскіе совѣты, конечно не тѣ, которые боятся трудовъ, немногіе полицейскіе чиновники, господа и общинныя власти будутъ противъ такого учрежденія; почти всѣ охотно станутъ ему содѣйствовать.

Въ самомъ дѣлѣ, такіе домы трудолюбія были бы лучшими исправительными заведеніями для освобожденныхъ преступниковъ, пока не найдутъ себѣ другаго, лучшаго мѣста. Для своего собственнаго блага каждое правительство должно бы непремѣнно заботиться ревностно о такихъ домахъ. Чрезъ то, отъ большихъ сбереженій, финансы, хотя и не прямо, выиграли бы чрезвычайно много.

Здѣсь упомянемъ еще, что было бы, кажется, очень полезнымъ заведеніе въ самой Пруссіи колоній для того, чтобы селить тамъ преступниковъ, почти неисправимыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, они требовали бы строгаго надзора; но общество освободилось бы отъ порочныхъ и вредныхъ членовъ.

Далѣе,

12. Надлежащее объявленіе присужденныхъ наказаній, безъ сомнѣнія, сильно содѣйствовало бы къ уменьшенію преступленій.

§ 574-й Прусскаго уголовнаго устава для многихъ судовъ какъ-бы не существуетъ (3). Обыкновенно, вся публика узнаетъ о совершившемся преступленіи, а наказаніе, если только оно не слишкомъ велико, извѣстно немногимъ. Я по опыту знаю, что практически необыкновенно важно надлежащими объявленіями напоминать публикѣ, что уголовное правосудіе не дремлетъ и караетъ неумолимо. Когда законъ именно не дозволитъ, не должно объявлять имени преступниковъ. Другой вопросъ, не должно ли чаще дозволять именованіе преступниковъ, чтобъ отвращать отъ преступленій? Уголовный судъ въ Берлинѣ, котораго я нѣсколько времени былъ членомъ, часто приводитъ въ исполненіе упомянутый § 574, и здѣсь-то можно было наблюдать, какъ эти объявленія обращаютъ на себя вниманіе публики. Позднѣе, будучи директоромъ городскаго суда, я нерѣдко, посредствомъ суда старостъ (Schulzengericht), публиковалъ о наказаніяхъ за воровство, поджигательство и сопротивленіе власти, въ то время, когда эти преступленія слишкомъ усилились, не означая имени преступниковъ, а объявляя только для предостереженія. Чтобъ усилить впечатлѣніе, особливо поставлялъ я на видъ самыя тяжкія наказанія, и вскорѣ узналъ о благодѣтельномъ дѣйствіи

(3) Имъ повелѣвается публиковать уголовные приговоры и ихъ исполненіе въ извѣстныхъ случаяхъ.

этихъ мѣръ, посредствомъ суда старостъ, что число преступленій уменьшилось.

Еще другой способъ публикаціи могъ бы содѣйствовать къ уменьшенію преступленій. Часто случается, что много разъ наказанные преступники переходятъ въ другія мѣста, тамъ совершаютъ новыя преступленія и присуждаются къ легкому наказанію, по незнанію прежнихъ; тогда какъ если бы судъ зналъ о прежнихъ наказаніяхъ, то приговорилъ бы къ многолѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, и на долгое время сдѣлалъ бы такихъ людей безвредными для общества. Поэтому должно вмѣнить полицейскому начальству въ обязанность, подъ страхомъ строгаго наказанія, добросовѣстно означать въ отпускныхъ аттестатахъ поведеніе лица, отправляющагося въ другое мѣсто, или въ особливой перепискѣ между присудственными мѣстами сообщать объ немъ свѣдѣнія.

Чтобы наблюдать за преступниками, часто наказанными, и сдѣлать извѣстными наказанія, которымъ они подверглись, должно бы, кажется, предписать всѣмъ судамъ, чтобъ они представляли Министерству юстиціи алфавитные списки, за каждые четыре мѣсяца, о тѣхъ преступникахъ, которые, въ продолженіе этого времени, подверглись наказанію по приговору суда. Всѣ спеціальные списки нужно потомъ сводить въ одинъ общій алфавитный списокъ, печатать каждые полгода и сообщать всѣмъ окружнымъ полицейскимъ начальствамъ. У нихъ стали бы справляться суды при каждомъ новомъ слѣдствіи, не былъ ли преступникъ наказанъ и прежде. Я знаю многія лица, которыя давно перестали бы вредить

другимъ, если бы существовало подобное учрежденіе. Въ нѣкоторыхъ судахъ свѣдѣнія о тѣхъ преступникахъ, которые ими самими приговорены были къ наказанію, часто такъ недостаточны, что многіе опасные люди наказаны сравнительно слишкомъ легко. Для этого должно бы по временамъ подтверждать о веденіи исправныхъ списковъ наказаннымъ преступникамъ.

Далѣе,

13. Заведеніе списковъ домашнихъ слугъ имѣло бы благодѣтельное вліяніе на уменьшеніе преступленій.

Въ Готскомъ герцогствѣ, въ Берлинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ введенъ обычай, вмѣсто особливыхъ аттестатовъ для домашнихъ слугъ, вносить свидѣтельства о нихъ въ особливыя книги. Мнѣ кажется, это полезно и заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что испорченность большей части домашнихъ слугъ порождаетъ множество преступленій. Улучшеніе ихъ состоянія уже поэтому представляется весьма важнымъ. Лучшимъ средствомъ для исправленія домашней прислуги суть упомянутыя книги. Онѣ сдѣлаются родовыми книгами, безпрерывнымъ curriculum vitae (какъ-бы жизнеописаніемъ), фамильнымъ памятникомъ въ честь хорошихъ слугъ, подобно книгамъ о переходѣ подмастерьевъ отъ одного хозяина къ другому (Wanderbücher). Мальчикъ или дѣвочка, вступая въ услуженіе, должны достать себѣ такую книгу, вносить въ нее аттестаты господъ, у которыхъ служили, и немедленно просить полицію о засвидѣтельство-

ваніи и приложеніи печати. Всего лучше завести книги съ печатными пробѣлами. Съ одной стороны должно напечатать краткое извлеченіе изъ указаній, и строго внушить господамъ, какова ихъ отвѣтственность предъ совѣстью и закономъ, если они несправедливо аттестуютъ слугу. Затѣмъ, — имя, мѣсторожденіе, возрастъ и примѣты слуги. Негодяи часто будутъ увѣрять въ потерѣ книгъ, за то возвысятся въ цѣнѣ и увидятъ всю пользу хорошаго поведенія тѣ, которые отличатся книгою, наполненною хорошими аттестатами. Хорошія указанія объ этомъ предметѣ можно найти въ сочиненіи заслуженнаго полицейскаго совѣтника Меркера (Merker), Объ источникахъ преступленій въ Берлинѣ, стр. 216 и слѣд.

Наконецъ,

14. Усовершействованіе полиціи въ малыхъ городахъ и въ селеніяхъ было бы важнымъ средствомъ уменьшенія преступленій.

Полицію, въ настоящемъ смыслѣ слова, находимъ мы только въ большихъ и весьма рѣдко въ среднихъ городахъ; въ малыхъ же городахъ и селеніяхъ эта часть оставлена безъ должнаго вниманія. Какъ ни хорошо городовое положеніе, но нѣкоторыя измѣненія въ отношеніи къ полицейскому управленію совершенно необходимы. Правитель магистрата, избранный лишь на нѣсколько лѣтъ, обыкновенно изъ среды своихъ согражданъ, находясь поэтому отъ нихъ въ зависимости, не можетъ имѣть довольно твердости характера или, лучше сказать, довольно равнодушія къ себѣ и своему семейству,

чтобы строгимъ выполненіемъ не главной своей обязанности, полицейской, подвергнуть себя опасности, нажить враговъ, которые могутъ вредить ему при первыхъ выборахъ. Я знаю въ малыхъ городахъ многихъ, впрочемъ отличныхъ правителей магистратовъ, которые вполнѣ подтверждаютъ эту мысль: они слишкомъ часто смотрятъ сквозь пальцы, и ослабѣваютъ въ своей сильной, впрочемъ, энергіи, когда дѣло идетъ о полицейской ихъ обязанности.

Полицейское управленіе принадлежитъ государству; поэтому на немъ одномъ и лежитъ обязанность употреблять средства, необходимыя для того, чтобы полиція могла дѣйствовать съ надлежащею силою. Если полиція будетъ управляема какъ слѣдуетъ, т. е. безъ малѣйшаго пристрастія, съ необходимою строгостію, то уголовнымъ и даже гражданскимъ судьямъ мало останется дѣла. У насъ и въ другихъ государствахъ эту мысль высказали уже многіе знаменитые люди; и мнѣ не только удалось убѣдиться въ этой истинѣ самому, состоя въ различныхъ службахъ, но я даже слышалъ подтвержденіе ея отъ многихъ свѣдущихъ практиковъ.

Вникая въ сельское полицейское управленіе, легко убѣдиться, что оно, находясь въ рукахъ сельскаго старосты, имѣющаго собственно исполнительную власть, не такъ производится, какъ бы слѣдовало. Сельскій староста тотъ же мужикъ, и рѣдко имѣетъ достаточное личное значеніе; страхъ часто воздерживаетъ его отъ необходимой строгости потому, что случается, что строгіе старосты наживаютъ враговъ и бываютъ преслѣдуемы.

Къ тому же почти всѣ они занимаются земледѣліемъ, и, стараясь нажить себѣ кусокъ хлѣба, обременные другими должностями, обыкновенно вовсе не имѣютъ времени заботиться о полицейскомъ управленіи. Сельскій совѣтъ, съ котораго также взыскиваютъ такъ много, никакъ не можетъ, на такомъ обширномъ пространствѣ, обратить должное вниманіе на эту важную отрасль государственнаго управленія. Полицейское начальство въ удѣльныхъ и казенныхъ деревняхъ также не можетъ. Я знаю дѣльнаго и дѣятельнаго чиновника, котораго округъ содержитъ въ себѣ около 60 мѣстечекъ, селеній и деревень и нѣсколько миль въ поперечникѣ. Тамъ надлежащее управленіе полиціи, этой второстепенной его обязанности, отняло бы, по его словамъ, все время у него и у дѣятельнаго его помощника; но, при всемъ своемъ прилежаніи и при высокомъ понятіи о важности полицейскаго управленія, онъ не можетъ смотрѣть на нее иначе, какъ на огромное посторонее занятіе, чтобы каждую минуту не подвергаться строгой отвѣтственности по всѣмъ другимъ частямъ обширнаго своего управленія. Притомъ онъ не получаетъ ни малѣйшаго дохода, въ качествѣ полицейскаго чиновника, и никакого пособія для содержанія своихъ подчиненныхъ. Вся исполнительная власть и особенный надзоръ за исполненіемъ его приказаній надъ 20000 душъ слишкомъ находятся въ рукахъ двухъ жандармовъ, которыхъ, кромѣ того, часто отвлекаютъ отъ этихъ должностей военныя упражненія, смотры и т. п. То же встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Можетъ быть, достаточно было бы учрежденія уѣздныхъ ком-

миссаровъ, для полицейскаго и, пожалуй, вмѣстѣ общиннаго управленія. Тогда на 3 до 6 мѣстечекъ можно бы назначать одного коммиссара изъ порядочныхъ фелдьфебелей, заслужившихъ пенсію, съ оставленіемъ за нимъ этой пенсіи. Имъ можно бы предоставить взиманіе класной подати и налоговъ съ промысловъ, которые понынѣ такъ неисправно сбираются въ селеніяхъ, и за это назначить имъ въ награду четыре процента. Если къ этому доходу прибавить еще небольшое постоянное жалованье, то они имѣли бы достаточное содержаніе, а сельскіе старосты не потерпѣли бы существеннаго убытка потому, что такое постановленіе значительно облегчило бы ихъ занятія; притомъ они и безъ того получаютъ небольшое жалованье частью отъ землехозяевъ, частью отъ общины. Тогда мы имѣли бы по-крайней-мѣрѣ настоящихъ чиновниковъ, могущественную и независимую опору въ сельскомъ управленіи, и многое бы улучшилось.

Я далекъ отъ мысли, что эти указанія исчерпываютъ предметъ; но мнѣ кажется, что важнѣйшіе пункты не были опущены изъ виду и по-крайней-мѣрѣ довольно разсмотрѣны для того, чтобы заставить другихъ практиковъ, высказать свое мнѣніе. Многія изъ моихъ положеній встрѣтятъ, можетъ быть, сильныя возраженія и даже опроверженія. Пусть такъ; лишь бы выиграла отъ того истина и доброе дѣло. По-крайней-мѣрѣ я знаю, что дѣйствовалъ добросовѣстно и охотно желалъ принесть свою лепту на олтарь человѣчества.

IX. Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской народной жизни.

Нравами и обычаями управлялись всѣ народы прежде, нежели усвоили себѣ твердыя и опредѣленныя законоположенія; потому что всякій народъ, прежде соединенія своего въ политическое тѣло, раздѣляясь на поколѣнія, племена и сословія общины, основываетъ всѣ свои связи на взаимныхъ отношеніяхъ семействъ. Главы семействъ соединяли въ себѣ всѣ условія верховной власти; ихъ мнѣнія, рѣшенія или приговоры, служа правилами и образцами для общинъ и потомковъ, получали обязательную силу законовъ; хранясь изустнымъ преданіемъ, они всего чаще переходили изъ рода въ родъ пословицами, въ какія обыкновенно облекались эти приговоры (1).

Хотя, при постепенномъ переходѣ каждаго народа изъ состоянія семейственнаго въ гражданское общество, въ государство, пробуждается необходимость въ законахъ письменныхъ; однако и тогда законодательство почерпаетъ въ правахъ и обычаяхъ свои основныя и путеводныя идеи, свою вѣрную опору. Такимъ образомъ и самые законы, развива-

(1) Опытъ исторіи росс. законовъ, соч. *А. Рейца*, изд. *Ѳ. Морошкина*. М., 1836, въ 8. Изслѣдованіе главныхъ положеній основныхъ законовъ Россійской Имперіи, сочин. *М. Клобуцкаго*. Харьковъ. 1839.

ясь изъ правовъ и обычаевъ, посятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ и другихъ. Сначала произведенные необходимостію, они потомъ переходятъ въ нравственную жизнь человѣка, и развиваются по мѣрѣ распространенія понятій и общественныхъ отношеній. Въ глазахъ народа только то правосудіе кажется неложнымъ и какъ бы священнымъ, которое заимствуется изъ древнихъ его преданій и обычаевъ. Давность ихъ освящаетъ, привычка усвоиваетъ, какъ необходимыя условія внутренней жизни. *Обычай не клѣтка*, говорятъ Русскіе, *не переставишь его.* Когда Греки и Римляне, пріѣхавшіе въ Москву съ Софіею, супругою Іоанна III, ввели новые иноземные обычаи: тогда голосъ народный отозвался, что *которая земля переставливаетъ свои обычаи, та недолго стоитъ.* Этому голосу возражало въ это время слово государево: *обычаи царьскіе и земьскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству* (2).

Обычай, какъ нравственный элементъ жизни народа, служитъ для него закономъ; да и самое слово *законъ*, происходя отъ *конца*, такъ какъ и *поконъ*, въ древнемъ русскомъ языкѣ значитъ обычай. По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, у Козаровъ принятый обычай назывался *ζάκανον, ζάκανα.* Несторъ Печерскій давніе обычаи и преданія именуетъ *законами отецъ*, для отличенія ихъ отъ письменныхъ уставовъ, *грамотъ*, которыя въ древнемъ русскомъ законоположеніи означаютъ всякое постановленіе, предписаніе, документы, на которыхъ правительство или частные люди основываютъ свои

(2) Сборникъ князя Оболенскаго. N 3, Москва. 1838.

права. Что нынѣ разумѣютъ подъ словомъ *законъ*, то прежде извѣстно было подъ именемъ *устава, правды, суда, ряда и наряда.* Условіежъ, докончаніе, договоръ, уговоръ и соглашеніе между лицами и городами выражается въ древнемъ языкѣ *пословицею*, а предварительное совѣщаніе, помолвка — *поговоркою* (3). Въ письменныхъ памятникахъ XV и XVI вѣка *новгородскими пословицами* называется нарѣчіе новгородское.

Впослѣдствіи *пословицѣ* дано значеніе употребительнаго умнаго изрѣченія народа изъ его семейной и общественной, нравственной, религіозной и политической жизни, а *поговоркѣ*, какъ идіотизму, сообщено знаменованіе употребительнаго оборота рѣчи, состоящаго, по большей части, изъ сравненій, подобій, единозвучій и тождесловій. По мнѣнію Вико (4), пословицы составляютъ важнѣйшее свидѣтельство о народныхъ обычаяхъ въ тѣ времена, когда образовывались языки. То рѣомованныя, то рѣомическія, онѣ нерѣдко составляютъ коренныя формулы древняго юридическаго языка; содержатъ въ себѣ приговоры мірскіе, вѣчевые и судные, во всей силѣ, простотѣ и грубости древнихъ общинъ. Когда еще народы не знали ни книгъ, ни письменныхъ законовъ: тогда они руководствовались въ жизни здравымъ смысломъ и отеческими обычаями, выражая

(3) „Не бяше *пословицы* Псковичамъ съ Новгородцы.“ Супрасльская лѣтопись, стр. 82. — „А кто ти ся будетъ проданъ *пословицею* в одеръ (изъ) Новоторжанъ, тѣхъ ни отпустити.“ Древняя росс. вивл., I, 78. — „Нѣмцы прислаша на Псковъ святымъ словомъ, чтобы нашему послу добровольно пріѣхать на *поговорку*.“ *Карамз.* Истор. гос. росс., VI, пр. 4.

(4) Principes de la philosophie de l'histoire par J. B. *Vico*, traduit par J. *Michelet*. Paris. 1827.

немногіе свои уставы краткими мѣткими изрѣченіями, которыя хранились преданіемъ и переходили въ наслѣдіе отъ предковъ къ потомкамъ, то въ пѣсняхъ, то въ пословицахъ (5). Галлы и Германцы увѣковѣчивали ихъ пѣснями. Англосаксы называли ихъ *думами* (dooms), изъ которыхъ Альфредъ Великій составилъ doombooks, т. е. книгу думъ, приговоровъ, рѣшеній, которая утратилась. Позднѣе изданное *Саксонское зерцало* почерпнуто изъ живыхъ преданій народа и практическаго употребленія права; почему издатель его говоритъ: „Это право не самъ я выдумалъ, но его издревле предали намъ добрые наши предки.“ Говоря о свеоготскихъ пословицахъ, Ире приводитъ слѣдующее сказаніе Готовъ: „Старинныя пословицы, вошедшія въ общее употребленіе, часто служатъ намъ законами (6).“ Тоже самое подтверждаетъ Я. Гриммъ изслѣдованіями своими о древнемъ нѣмецкомъ правѣ (7). Германскіе законы, прежде чѣмъ были записаны, вѣроятно заключались въ пословицахъ, которыми довольствовались въ бытѣ своемъ Германцы до-шѣхъ-поръ, пока жили между собою въ простыхъ отношеніяхъ (8). И при письменныхъ законахъ, старыя пословицы имѣли свою силу; когда въ какомъ случаѣ недоставало закона, тогда рѣшалъ судный обычай, пословица: *по старой памяти*, *какъ по грамотѣ*.

---

(5) Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen, von *W. Körte*. Leipzig. 1837.

(6) *Ihre*, Glossarium Suiogothicum.

(7) Deutsche Rechtsaltethümer von I. *Grimm*. Göttingen. 1828.

(8) Handbuch der germanischen Alterthumskunde von I. *Klemm*. Dresden. 1836.

Нѣмцы о своихъ пословицахъ говорятъ: Schprichwörter sind wahre Wörter, т. е. пословицы суть правдивыя слова, а Русскіе называютъ ихъ умными словами: *Глупая рѣчь не пословица.* Умъ высказываетъ въ нихъ правду ясно и кратко; потому что *Правда свѣтлѣе солнца* и что *На правду мало словъ.* Долговѣчны, памятны и дѣйственны онѣ отъ того, что правдивы, а, по пословицѣ, *Всё минется, а правда остается.* Этотъ языкъ оракуловъ, мудрецовъ, судей, патріарховъ, сивиллъ *гласъ* цѣлаго *народа*, русская пословица, единогласная съ пословицею всѣхъ европейскихъ народовъ, именуетъ *гласомъ Божіимъ. Гласъ народа — гласъ Божій.* Какъ *правда* въ древнемъ языкѣ значитъ законъ, нераздѣльный отъ исполненія, судный обычай: то и выражающая ее пословица имѣетъ одинакое знаменованіе. *Правда* называется также *Божіею* (9).

Какъ во всякомъ явленіи жизни общественной, такъ особенно въ юридическихъ символахъ и пословицахъ хранятся многія преданія древности; ими высказывается бытъ и духъ народа, со всѣми особенностями и оттѣнками историческаго его развитія; жизнь семейственная и государственная съ ея отношеніями къ исторіи, нравственности, религіи и праву. Это зеркало народности и человѣчности. Въ пословицахъ славяно-русскаго міра, сколько онѣ намъ извѣстны, удержались многіе древніе судебные обычаи, которые не вошли въ составъ законодательства; но для народа онѣ составляютъ право, освященное давностію, и часто, гдѣ молчитъ

(9) Юридическіе акты, т. I.

законъ, тамъ говоритъ пословица. Нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ усвоены себѣ даже государственнымъ законодательствомъ.

Вико, называя пословицы *мудростію народа*, даетъ имъ важное мѣсто въ народномъ образованіи.

Нюрупъ и Гедегордъ съ успѣхомъ пользовались датскими, а Эйзенгардтъ и Я. Гриммъ — нѣмецкими пословицами для объясненія древнихъ правъ и законовъ скандинавскихъ и старонѣмецкихъ, разсматривая эти народныя изрѣченія, какъ остатки неписьменныхъ и основанія письменныхъ законовъ, какъ богатые матеріалы для жизни народа и начáлъ древняго права. Многіе нѣмецкіе и голландскіе ученые писали диссертаціи на нѣкоторыя свои отечественныя пословицы въ юридическомъ ихъ значеніи. Въ такомъ точно отношеніи находятся къ древнему русскому праву и его древностямъ русскія юридическія пословицы и поговорки, донынѣ употребительныя въ народѣ, или уцѣлѣвшія въ древнихъ юридическихъ актахъ и лѣтописяхъ. Произнесенныя въ семействѣ главами его, въ общинѣ *старшими, добрыми*, *нарочитыми людьми*, при совѣстномъ рѣшеніи важнѣйшихъ случаевъ жизни семейственной и общественной, онѣ сообщились и усвоились народу, увѣковѣчились въ его памяти и переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ завѣщаніе предковъ. Разсадникомъ ихъ были семейный кругъ, народное вѣче, княжескій съѣздъ, мірская сходка, стоянка, торгъ, ярмарка. Какъ по нѣсколькимъ оставшимся костямъ допотопныхъ животныхъ естествоиспытатели заключаютъ о цѣломъ ихъ составѣ и строеніи: такъ точно изъ этихъ звучныхъ отголосковъ древняго

права и суда юристъ-археологъ можетъ составить полное обозрѣніе проявленій внутренней жизни народа и юридическихъ ея отношеній. Хотя, повидимому, эти заповѣдныя изрѣченія не имѣютъ между собою органической связи и нерѣдко одинъ другимъ противорѣчатъ; однако, при повѣркѣ съ исторіею, съ мѣстностію и бытомъ народа, они во многихъ случаяхъ представляютъ стройное сочетаніе живущаго слова съ жизнію, прошедшаго съ настоящимъ, заимствованнаго съ самобытнымъ, и вмѣстѣ разительное доказательство, что пословицы живутъ съ народами и переживаютъ ихъ; или, какъ гласитъ сама пословица: *Старая пословица не мимо молвится — Старая пословица не сломится.* Въ теченіе вѣковъ, съ перемѣною нравовъ, обычаевъ и правленія, смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ или совершенно утратился, или исказился; иным изъ нихъ привито новое, несродное имъ значеніе, которое не иначе открывается, какъ соображеніемъ ихъ съ древними обрядами, старинными памятниками письменности и съ самымъ бытомъ народа. Такъ съ записанной оригинальной картины если сниметъ искусная рука слои позднѣйшихъ красокъ: то откроетъ намъ первопачальныя ея черты, превосходнѣйшія самыхъ поновленій. Нерѣдко пословица дополняется и поясняется грамотой и лѣтописью, и наоборотъ. Нѣкоторыя судебныя пословицы почерпнуты изъ сказаній и сказокъ, напр. *Шемякинъ судъ.* — *Вселился какъ ершъ (ракъ) въ Ростовскомъ озерѣ.* — *Тягаяся какъ лещь съ ершомъ и т. д.*

Разныя эпохи бытія Россіи: языческая и христіанская, періоды удѣловъ, порабощенія монгольскаго, самодержавія, семибоярщины и перехода къ

самодержавію положили свои отпечатки на пословицы тѣхъ вѣковъ; такъ равно и вліяніе чуждыхъ народовъ: Грековъ, Монголо-Татаръ, Нѣмцевъ, Поляко-Литовцевъ. Послѣднее открывается въ сходствѣ русскихъ пословицъ съ пословицами, заимствованными отъ сближенія съ этими племенами, и вмѣстѣ съ принятіемъ судебныхъ обрядовъ, какъ напр. испытанія огнемъ и водою, поля, или судебнаго поединка, правежа, пытки и т. п. (10). Отголосокъ же общаго славянскаго духа явственъ во многихъ пословицахъ славянскихъ, сродственныхъ съ русскими (11).

Но, кромѣ существеннаго, нельзя не замѣтить въ нихъ и случайнаго сходства съ пословицами другихъ племенъ, происходящаго не отъ заимствованія и не отъ сродства, по оттого, что одна и та же мысль можетъ быть достояніемъ природы человѣческой, особливо о предметахъ касающихся до общественныхъ отношеній, и только въ устахъ различныхъ народовъ принимаетъ различныя формы (12).

Какъ издревле разные народы, населявшіе Русь, по свидѣтельству лѣтописца, „имѣяху обычаи свои и законъ отецъ и преданья кождо свой нравъ“, то эта различность на Руси выразилась въ старинной пословицѣ: *что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.* При сличеніи новгородскихъ и псковскихъ пословицъ съ суздальски-

(10) Origines du droit français par M. *Michelet*. Paris. 1837.

(11) Slavische Rechtsgeschichte von M. A. *Macieiowski*, 3 und 4-er Th. Stuttgart und Leipzig. 1839.

(12) Principes de la philosophie de l' histoire, par. J. B. *Vico*, traduit par *J. Michelet*. Paris. 1827.

ми и московскими, городскихъ съ сельскими, мѣстность и народность отпечатываются рѣзкими чертами, а вмѣстѣ съ тѣмъ открываются естественныя и нравственныя причины различія жителей.

Поэтому въ пріурочиваніи пословицъ важны ихъ вѣкъ и мѣстность; то и другое, объясняя намъ прямое ихъ отношеніе и значеніе, даютъ имъ право гражданства въ исторіи. Еслибъ собрать, съ хронологическою точностію, всѣ судебныя русскія пословицы XII, XIII, XIV и XV вѣковъ: то онѣ представили бы намъ живую подлинную картину семейной и общественной жизни Россіи въ тогдашнемъ ея видѣ; она сказала бы все сама собою, не требуя пособія отъ краснорѣчія и остроумія, которыми, обыкновенно, историки дополняютъ недостатки знанія и событій. Что можетъ быть умнѣе и питательнѣе самихъ источниковъ, пропитекшихъ изъ жизни народа! Въ нихъ заключаются ростки его убѣжденій и мнѣній, воспоминаній о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, указанія на нравы, обычаи, праздники и занятія народа, однимъ словомъ, все его самобытное и былое. Особливо онѣ важны, какъ мы уже замѣтили, для древняго славянорусскаго законовѣдѣнія и судопроизводства; по заключающейся въ нихъ опытности, знанію и сужденію, онѣ полезны и при изученіи и приложеніи къ важнѣйшимъ предметамъ новѣйшаго права, тѣмъ болѣе, что онѣ встрѣчаются въ законахъ россійскаго государства.

Руководствуясь этими источниками, попытаемся изъ нихъ развить и изложить обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской народной жизни.

Всѣ славянскія племена издревле, въ патріархальномъ своемъ состояніи, жили подъ начальствомъ своихъ *отцовъ*, или *отцевъ*, какъ земледѣльцы и пастухи; въ нынѣшней Россіи онѣ рано ощутили необходимость законнаго правленія и верховной власти — *наряда*, когда, по свидѣтельству древняго лѣтописца, „не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы"; когда единодушно и единогласно онѣ сознали: „вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ (13)." Такое же сознаніе выражаютъ припѣвка пѣвца Игорева похода: „тяжко ти головы, кромѣ плечу, зло ти тѣлу, кромѣ головы," и народная пословица: *Овцы безъ пастуха не стадо.* Призванные *для наряду и правды* правители именовались *князьями;* они были главами государства, которое давало имъ дань и повиновалось ихъ суду. У Словаковъ *кнѣзство*, у Чеховъ *кнезство* значило священство, и въ русскомъ приказномъ языкѣ, употребительномъ въ Литвѣ до 1669 года, латинскій священникъ именовался *княземъ*, а греческаго обряда — *попомъ.* Въ язычествѣ у Славянъ князь въ лицѣ своемъ соединялъ власть духовную и гражданскую, а въ христіанствѣ онъ сдѣлался защитникомъ и блюстителемъ вѣры. На этомъ основаніи утвердился союзъ церкви съ государствомъ, посредничество духовенства между главою государства и народомъ. Изъ этого проистекалъ *земскій нарядъ.* Что опредѣлялъ или кого избиралъ князь, то принималъ и народъ: *князь всхочетъ, и людье* (14). Когда владимірскій князь Андрей Боголюбскій уси-

(13) *Карамз.* Исп. гос. росс., III, 18.
(14) Тамъ же III, 81.

лилъ свою власть, и волю свою поставилъ закономъ, тогда мнѣніе народное о его правленіи высказалось въ пословицѣ, сохраненной намъ лѣтописью: *Идѣ же законъ, тутъ и обидъ много*, — то же почти, что Summum Jus, summa injuria, т. е. до крайности доведенное право есть крайняя несправедливость.

Думцами, совѣтниками князя, были его *дружина и старцы градскіе и людскіе;* съ ними онъ судилъ и рядилъ дѣла. Дружина сбирала ему дани, составляла его опору, его думу, *коментъ* (15), какъ видно изъ словъ Владиміра I, повторенныхъ въ притчахъ Даніила Заточника: *Сребромъ и златомъ не имамъ налезти дружину, а дружиною налезу сребро и злато.* Изъ повѣсти первыхъ вѣковъ русскаго государства открывается, что княжескіе думцы бывали орудіями добра и зла. Изъ этого Заточникъ выводитъ притчу: *Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думьцею и малаго стола лишенъ будетъ.*

Старцевъ князь выбиралъ въ совѣтники по общему изконному въ славянорусскомъ мірѣ уваженію къ старѣйшинству, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ слова древняго лѣтописца: „Новгородцы же изначала, Смоляне и Полочане и вся власти, егда на вѣчѣ сходятся, что старѣйшіе здумаютъ, на томъ и пригороды станутъ.“ *Красота граду старые мужи*, повторяетъ патріархъ Гермогенъ въ 1611 г. слово *старыхъ* людей. Какъ общее мнѣніе полагало, что *Гдѣ старья, тамъ и статья;* потому

(15) См. Исторія Льва діакона калойскаго. СПБ. 1820.

имъ и представлялись судъ и вѣдѣніе, какъ представителямъ и предстоятелямъ земли, міра. *Старыми, старѣйшими* назывались также и заслуженые, *бывалые*, т. е. опытные, которыхъ мнѣніе уважалось. *Не спрашивай стараго, а бывалаго* — подтверждаетъ пословица.

За старыми, старѣйшими слѣдовали *добрые люди, лучшіе, лѣпшіе, великіе, нарочитые* (16), которые вѣроятно сопменны съ *гудами*, упоминаемыми въ договорахъ Русскихъ съ Греками, и съ homines bona fama въ договорѣ между Вурстепомъ и Бременомъ 1304 г. *Добрые люди*, по выраженію юридическихъ грамотъ, „душею прямы и животомъ проживочны (17).“ Они-то, какъ-бы присяжные, бывали судьями и посредниками въ тяжбахъ, послухами въ дѣлахъ. Ихъ мнѣніе и свидѣтельство столь уважались, что обратилось въ поговорки:

Что скажутъ добрые люди?

Оно такъ, да добрые люди скажутъ какъ?

Кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорщикъ.

Старшинство, какъ государственное право, наблюдалось между владѣтельными князьями и городами. Какъ удѣлы дѣлились на большіе и малые: то владѣтели первыхъ назывались *старшими*, а владѣтели послѣднихъ *младшими* князьями. Великій князь, въ отношеніи къ удѣльнымъ, какъ младшимъ братьи-

(16) У Еллиновъ *μινύαι* значатъ добрые люди первобытнаго человѣчества. Готское gudja значилъ жрецъ и судія. Boni у Цицер. pro Sext. 66, первостепенные, знатные.

(17) Юридическіе акты, т. I.

ямъ, именовался *старшимъ*. Право первыхъ выражается древнею юридическою пословицей: *Чья воля старъ, та и правъ*. По старой памяти, *младшіе братья должны были брата своего старѣйшаго имѣти въ отцево мѣсто*. И Владиміръ Мономахъ дѣтямъ своимъ завѣщеваетъ: „старыхъ чтить, яко отца, а молодыхъ яко братью."

Старшинствомъ считались и братались самые города. Новгородъ называлъ себя *старшимъ братомъ* Пскова, какъ младшаго его брата. Ростовцы и Суздальцы величались своимъ *старшинствомъ и давностію*, признавая Владимірцовъ *новыми и мизинными*. „Не разумѣша—говоритъ лѣтопись—правды Божья исправити Ростовцы и Суждальцы давніи, старшіи творяшесь; новіи же людіе и мизенніи Володимирстіи уразумѣвше, яшась за правду крѣпко."

Въ періодъ удѣльнаго разновластія, когда братъ брату говорилъ *се мое, а то мое же* и „князи сами на себе крамолу коваше"; тогда для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ, о мирѣ и войнѣ, для рѣшенія споровъ и раздоровъ, для распредѣленія удѣловъ, учреждены *съѣзды*, или *сеймы*, которые Волынская лѣтопись называетъ *сонмами*. Они похожи на новѣйшіе конгрессы. На такихъ съѣздахъ княжескихъ присутствовали иногда и духовныя власти, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. *Сидя на одномъ коврѣ*, князья судили свою братью и рядили дѣла земскія, *по старой памяти, какъ по грамотѣ*. Таковъ былъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ княжескій съѣздъ въ Кіевѣ 1095 г., для утвержде-

нія безопасности государства; въ Любечѣ 1097 г., для заключенія мира, гдѣ князья Святополкъ, Владиміръ, Давидъ и Василько клялись, что „оиныиѣ кто изъ нихъ возстанетъ на собрата, тому противникомъ будетъ честный крестъ.“ Владиміръ Мономахъ, еще не бывъ великимъ княземъ, хотѣлъ прекратить усобицы княжескимъ сопмомъ; но онъ кончился не *пословицею*, т. е. не примиреніемъ, но ослѣпленіемъ Василька и братоубійствомъ Глѣба Рязанскаго. Какъ въ XII, такъ въ XIII и XIV вѣкахъ такіе съѣзды бывали въ Золотчѣ, въ Суздалѣ, въ Дмитровѣ и Москвѣ. Въ 1340 г., по свидѣтельству Троицкой лѣтописи, „бысть великъ съѣздъ на Москвѣ всѣмъ княземъ рускимъ.“ Княжескіе съѣзды иногда окапчивались и пиршествомъ, какое ознаменовало появленіе Москвы въ исторіи 1147 г.

Постановленія и договоры, сдѣланные на съѣздахъ, именовались *рядами*, которые основывались, по большей части, на древнихъ обычаяхъ, и служа правилами для руководства въ дѣйствіяхъ, нерѣдко переходили въ народъ пословицами или принимали ихъ характеръ; мнѣнія и приговоры князей утверждались иногда *на словахъ, слышанныхъ ими отъ отцевъ и дѣдовъ, отъ старыхъ людей.*

Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ *рядовъ*, похожихъ на пословицы, или перешедшихъ въ пословицы:

На начинающаго Богъ.
Богъ послухъ, т. е. свидѣтель.
Съ правымъ на виноватаго, т. е. иити.
Другу не дружити, а недругу не мстити.

По ряду—*Вольному волл*—боярин и боярский сын могли переходить отъ одного князя къ другому на службу.

Боярамъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ быти.

Задняго не поминати или *Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.*

Еже ся князь извинитъ, то волость, а мужъ голову, т. е. по переводу Карамзина, боярин отвѣтствуетъ въ винѣ головою, а князь удѣломъ. За ослѣпленіе Василька Давидъ Игоревичь лишенъ былъ области своей.

Великимъ княземъ въ обчій судъ не вступатись.

Миръ стоитъ до рати, а рать до мира — говорили Давидовичи о прекращеніи междоусобій, прибавляя, что „сіе слово слыхали они отъ отцевъ своихъ и дѣдовъ.“

Гдѣ имутъ, тутъ и судятъ (18).

Судовъ не пересужати, т. е. какъ судилъ одинъ князь, другой да не пересуживаетъ.

Гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сѣсти (19).

Виноватый предъ правымъ поклонится, а взятое отдастъ (20).

Тянуть по водѣ и по землѣ.

Такъ шло въ русскомъ мірѣ до нашествія Монголовъ, а отчасти и при нихъ продолжалось. Когда же Русь *стояла на пошлинѣ у хановъ*, которые были верховными судіями распрей и споровъ между русскими князьями: иногда послѣдніе, получая

(18) О татьѣ и разбойникѣ. Акт. арх. эксп. I, N. 14.

(19) Тамъ же N. 10.

(20) Догов. грам. 1368 г.

въ Ордѣ ярлыки на отчины дѣдни и отни, являлись туда на судъ истцами и отвѣтчиками, или, по ихъ позыву, изъ Орды посылаемы были ханскіе послы судить и рядить князей. Судъ оканчивался или примиреніемъ ссорившихся, или наказаніемъ виновнаго. Въ томъ и другомъ случаѣ монгольскій или татарскій судья *бралъ съ праваго и виноватаго*, съ праваго за оправданіе, а съ виноватаго за вину. Такого суда никто не смѣлъ пересуживать — *У хана руки долги*. Орда, собственно толпа, въ тотъ вѣкъ порабощенія имѣла значеніе двора и судилища кочевыхъ владыкъ, которые тогда еще именовались *царями*. Пословица *Гдѣ царь, тамъ и орда*, то же знаменовала, что у Греко-Римлянъ: *Ἐκεῖ τε ἡ Ῥώμη, ὅπου πότ' ἂν ὁ Βασιλεύς*, или Roma est, ubi imperator est, или, по польской пословицѣ, Gdie Papież tam Rzym; потому что римскіе императоры и папы давали свои указы не только въ сенатѣ и въ конклавѣ, но и на пути. Русскіе князья, отправляясь въ Орду на судъ, какъ на смерть, дѣлали духовныя завѣщанія (21); отсюда въ народѣ родилась пословица, относящаяся къ татарскому періоду — *Близь царя близь смерти* — перешедшая потомъ въ слѣдущую — *Близь Царя близь чести*. Противоположная ей пословица, происшедшая отъ частныхъ обстоятельствъ того времени — *Хоть въ ордѣ, да въ добрѣ* — соотвѣтствуетъ латинской: Ubi bene, ibi patria.

Хотя Монголо-Татары и не вмѣшивались въ гражданскій судъ; но владычествомъ своимъ произ-

(21) *Карамз.* И. Г. Р. II. пр. 227.

вели перемѣну въ публичномъ правѣ русскомъ, важную по своему вліянію и послѣдствіямъ: при взысканіи дани ввели свою расправу, дотолѣ неизвѣстную на Руси, *правежъ*, который далъ поводъ къ пословицамъ и поговоркамъ, объясненнымъ нами отдѣльно; вмѣсто опредѣленной законами и обычаями пени и присяги, въ важныхъ преступленіяхъ, употребили заимствованные отъ Татаръ *пытки*, *кнутъ*, *нагайки*. Политическое наказаніе замѣнилось тѣлеснымъ. Но *поле*, или *судебный поединокъ*, и *крестное цѣлованіе* не теряли своей силы въ судебныхъ дѣйствіяхъ, равно какъ и право старшинства; потому что, по старой пословицѣ, *старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ*. Народная жизнь, хотя извнѣ подавлялась, однако внутри струилась, какъ стержень рѣки, текущей подъ землею до-тѣхъ-поръ, пока не откроетъ себѣ привольнаго русла.

Подобно княжескимъ съѣздамъ, граждане въ славянорусскомъ мірѣ, по древнему обычаю, сбирались на совѣщаніе о земскихъ дѣлахъ на вѣче, которое свидѣтельствовало объ ихъ участіи въ правленіи по постоянномъ, по случайномъ. Такіе сходы должны были общими всѣмъ славянорусскимъ городамъ, пригородамъ и общинамъ. По сказанію лѣтописей, они случайно бывали въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Бѣлгородѣ, Брянскѣ, Нижнемъ Новгородѣ, во Владимірѣ Волынскомъ и Залѣскомъ, въ Торжкѣ, Твери, Ростовѣ, Костромѣ, Суздалѣ, Звенигородѣ и даже въ Москвѣ; но преимущественно въ вольныхъ городахъ, какими являются, съ древнихъ временъ, Новгородъ и Псковъ съ ихъ пригородами, гдѣ народное собра-

піе представляло верховную власть и гдѣ духъ правленія выражается въ государственной ихъ пословицѣ: *Новгородъ и Псковъ судятся своимъ судомъ.* Такая самосудность проявляется въ нихъ *вѣчѣ.*

По мнѣнію Ходаковскаго, въ городкахъ или городищахъ славянской земли бывали богослужебныя и народныя собранія, изъ которыхъ первыя назывались *снемами, сеймами, съемами, суіомами*, а другія *ветами, вечами и вѣчами* (22); потому, вѣроятно, что въ древности судопроизводство соединено было съ богослужебными обрядами: жертвами, жребіями и присягами. На вѣчахъ чинился судъ и расправа, подобно англосаксскому Vitena Gemot, древнему народному собранію свободныхъ людей, фризскому Warf, Werf (вервь?) и старонѣмецкому, сродному съ славянскимъ, Wette, Witze, Wettgericht, Wettamot, которымъ, по свидѣтельству Гейнекція, въ его время именовался въ Госларіи городской судъ (23). У Чеховъ и Сербовъ процессъ, тяжба, извѣстны подъ названіемъ wice и wéz, во множественномъ числѣ wieci, а въ Польшѣ судъ вопчинныхъ дѣлъ и вообще собраніе для суда — wieca. Это слово, въ корнѣ своемъ, имѣетъ связь съ глаголомъ *вѣщать*, который въ новгородскомъ нарѣчіи былъ *вѣчать.* Въ простонародномъ языкѣ Московской Губерніи *вѣщать* значитъ кричать, голосить, а *свѣчать*, въ старинномъ языкѣ — уговориться, совѣщаться (24). Какъ *вѣча*, или *вѣче* и

(22) Вѣстникъ Европы 1820 г. N. 17 и 18.

(23) *Heineccii* Elementa juris Germanici. II. Halae. 1737.

(24) Въ хронографѣ софійской библіот., оканчивающемся 1629 годомъ: „свѣчалися съ черниговскими князьми."

суіомъ, сопровождались шумомъ: то и онѣ употребляются въ смыслѣ крика, какъ видно изъ лѣтописей и пословицы народной: *Гдѣ суіомъ, тамъ и содомъ*, т. е. безпорядочный крикъ, гамъ, шумъ. *Вѣчники* впослѣдствіи получили такой же смыслъ, какъ горланы, крикуны, тогда какъ прежде они значили сродное съ *вѣчею* — народные *вѣтіи*, или *витіи*.

Въ древнемъ Новгородѣ вѣче представляется въ полномъ его развитіи и постоянной силѣ, какъ сеймъ народа *добровольнаго*, *самовластнаго*, *самосуднаго*, который столько вѣковъ управлялся своими старыми обычаями, освященными незапамятною давностью, или такъ называемою имъ *стариною*, *съ тѣхъ-поръ*, по выраженію ихъ вѣчевыхъ грамотъ, *какъ въ землѣ судъ стоитъ*. Волю его спасали отъ монгольской неволи топкія болота, ржавины и непроходимые лѣса, какими издревле окруженъ былъ великій градъ; онъ богатѣлъ отъ торговли съ заморскими союзными съ нимъ городами, отъ молодечества своихъ удалыхъ поляницъ, ушкуйниковъ и шильниковъ, величался своею *стариною и волею* предъ Кіевомъ, разгромленнымъ то Монголами, то Литвою, не ломалъ шапки предъ Москвою, стоявшею на пошлинѣ у хановъ. Олицетворяя свое государство Новгородъ, онъ именовалъ его *государемъ*, *господиномъ*, а судъ свой — *правдою новгородскою*, за которую граждане его цѣловали крестъ на вѣчахъ: „стати всѣмъ за одинъ, любо животъ, любо смерть.“ Народнымъ ихъ правомъ была *Новогородская правда*, уголовнымъ и частнымъ — *Русская правда*. Первую называли они *Божьею правдою*, какъ бы сочетаніемъ истины и мудрости (Софіи). Духъ, самобытность и могущество

этого древняго вольнаго *государства* въ славяно-русскомъ мірѣ, гдѣ возникла идея гражданственности и первое законоположеніе, выражаются въ его юридическихъ и политическихъ формулахъ, обратившихся въ народныя поговорки: *Новогородская душа, новогородское слово, новгородское имя, новгородская воля, новгородская честь.* О самосудности этого вольнаго города, союзника Ганзы, также гласитъ собственная его пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ.* Форма такого суда содержится въ новгородской судной грамотѣ 1471 г. Иностранные писатели XVI и XVII вѣковъ: Крантцъ, Купе и Одерборнъ, передали намъ его пословицу, выражающую всю Новгородскую самонадѣянность: *Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?* (25), а Новгородскій лѣтописецъ еще сообщаетъ другую: *Не бывать Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ.* Невидимою своею правительницей и представительницей онъ признавалъ *Святую Софію*, какъ-бы Аѳину, символъ градоправительственной мудрости, себя ея *паствою*, а младшій братъ его Псковъ — *Святую Троицу*. Кто посягалъ на Новгородъ и Псковъ, тотъ почитался супротивникомъ Святой Софіи и Троицы. *Гдѣ Святая Софія, тамъ и Новгородъ*, говорили Новгородцы. Вольный городъ самъ *промышлялъ*, избиралъ и приводилъ къ крестному цѣлованію своихъ правителей *на всей своей волѣ*; призванные имъ князья цѣловали на вѣчѣ крестъ на томъ, что будутъ держать Новгородъ *въ старинѣ, какъ изкони пошло*, или *по старой по-*

(25) Novogradia, metropolis Russiae, tam potens, ut in proverbio efferent cives ejus: *Quis potest contra Deum et magnam Novguardiam?* v. *Krantz* Wandalia, p. 601.

шлишь. Недовольный ими, онъ изгонялъ ихъ по произволу приговоромъ: *Промышляй о себѣ! Не хочемъ тебе, поиди камо хочеши!* Тамъ случалось то же, что и во Владимірѣ Волынскомъ, въ XI вѣкѣ: его граждане грозились отворить ворота своему князю и сказать: *промышляй о себѣ*, какъбы: *вонъ тебѣ Богъ, вонъ и двери!* Въ 1270 г. своевольные люди, оставленные княземъ своимъ, говорили: „у насъ князь пѣшутъ, но *Богъ и правда и святая Софья* (26)." Буйное самоуправство Новгородцевъ и Псковичей выразилось пословицей: *Коли худъ князь, такъ его въ грязь*. Но первые въ 1284 г. цѣловали крестъ князю Андрею Александровичу: „живонъ или смерть великому князю съ Новгородомъ, а Новгородцемъ съ нимъ." Такъ шло въ Новгородѣ до XIV вѣка, когда усилилась Москва.

Какъ Новгородъ изкони раздѣлялся на пять концевъ (а по числу ихъ и вся новгородская область на пять пятинъ), примыкавшихъ къ срединѣ города, дѣтинцу: но каждый конецъ, подъ начальствомъ своего старосты, имѣлъ свою сходку, *конъ* (нѣмец. Kant), начало, предѣлъ, чередъ; отсюда *и копать*, вершить, дѣлать; потому что нами к о п а л и с ь, вершились дѣла. Воспоминаніе о *конѣ* сохранилось въ новгородской пословицѣ: *Вся бѣда на коню*, т. е. быть на чередѣ, вершить дѣла. Кончанскій совѣтъ, разсудивъ дѣло, нерѣдко переносилъ его на вѣче для окончательнаго рѣшенія (27).

(26) Новгородская лѣтопись въ Полномъ собраніи русск. лѣтописей, т. III.

(27) Россія въ истор., статистич., геогр. и литерат. отношеніяхъ, соч. *Ѳ. Булгарина*, ч. 2. СПБ. 1827.

Позорищемъ этихъ новгородскихъ комицій и какъ-бы святилищемъ правъ народныхъ было за рѣкою на торговой сторонѣ *Ярославово дворище*, *дворъ Ярославовъ*, *Княжь дворъ*, который называютъ лѣтописи *дворищемъ у Святаго Николы*, или *площадью Софійскою;* иногда ставили вѣче и въ другихъ концахъ города, какъ увидимъ, и *на поли*, гдѣ созвалъ его, въ 1015 г., Ярославъ. Мѣстомъ же пребыванія и суда княжескаго было Городище, на правой и луговой сторонѣ Волхова, отдаленное отъ города.

Граждане иногда раздѣлялись на два вѣча, какъ то случилось среди усобицъ при князѣ Святославѣ Мстиславичѣ: одно вѣче *копилось* у Николы Дворищенскаго, другое въ Неревскомъ концѣ у Сорока Мучениковъ. Въ 1254 и 1342 году, торговая сторона, *меншіе*, поставила свое вѣче на Ярославовомъ Дворищѣ, а *вятшіе* граждане въ дѣтинцѣ у Софіи; сторона славянская возстала противъ софійской. Въ 1359 году, одна изъ нихъ стала на вѣче, какъ на рать, въ доспѣхахъ, подобно древнимъ Германцамъ и Галламъ, которые сбирались на свои сходки вооруженные (28), а другая безъ доспѣховъ. Нерѣдко распри между противными сторонами рѣшались битвою, какъ то бывало, по свидѣтельству Льва Калойскаго, у Тавроскиѳовъ. То же самое приключилось въ 1385 году, когда коварный князь литовскій Патрикѣй, вошедшій въ новогородскую поговорку подъ именемъ *лисы патрикѣевны*, посѣялъ крамолу между Новгородцами: тогда Славянскій конецъ сталъ за Патрикѣя, а Софійскій про-

(28) *Taciti* Germania, c. 22: Germani ad negotia procedunt armati. Cf. *Caesaris* de B. G. VIII, 21; T. *Livii* XXI, 20: armati, ut mos gentis, in concilium venerunt.

шивъ него. Софійскій временникъ называетъ вѣчниковъ *крамольницами и суровыми человѣками* (29); упрямство, съ какимъ они отстаивали свою старину, сохранилось до-сихъ-поръ въ народной московской поговоркѣ: *упрямъ какъ Новгородецъ*.

Трибуномъ вѣча были *степени*, или возвышенный помостъ со ступенями, родъ лобнаго мѣста, на которыя всходили и садились степенные посадники и тысяцкіе, получившіе отъ нихъ свое наименованіе *степенныхъ*. Во время вѣча, вѣроятно, посадникъ стоялъ или сидѣлъ на высшей степени, управляя порядкомъ собранія. Отсюда и новогородскія поговорки: *возвести на степень*, т. е. облечь кого какимъ-либо саномъ, *сопхнуть кого со степени*, лишить должности, снять санъ. Во Псковѣ, для устрашенія преступниковъ, была повѣшена у вѣча палица, которою ихъ наказывали и убивали.

Органомъ вѣча былъ вѣчевой колоколъ, которымъ сзывались граждане на вѣче; онъ названъ въ лѣтописяхъ и грамотахъ то *вѣчевымъ*, то *вѣщимъ* и *вѣчнымъ*, то *вѣстимъ* и *вѣчникомъ*. Новгородскій вѣчникъ висѣлъ на Ярославовомъ дворѣ на башнѣ, какіе были вѣроятно въ дѣтинцѣ и въ концахъ, а псковской — на колокольнѣ у Троицы (30), такъ какъ владимірскій принадлежалъ храму Богородицы. Это самое показываетъ изконное сближеніе правленія съ религіею и смежность вѣчи съ церковью: такъ до Карла Великаго суды производились во Франціи у церквей и въ церквахъ (31). *Позвонить*, *созво-*

(29) Софійскій временникъ. изд. П. Строева, М. 1820, ч. II.
(30) *Арцыбашева* Повѣствованіе о Россіи, II.
(31) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von *Klemm*. Dresden. 1836.

пить, *повѣстовать вѣче* значило созвать его звономъ колокола.

Право созывать вѣче имѣли посадники, иногда князья и нерѣдко самъ народъ, когда требовали того земскія дѣла, а послѣдній во время крамолъ своихъ. Они посылали конныхъ вѣстовыхъ по всѣмъ улицамъ звать на совѣтъ *земскую думу думати* (32). Тамъ первенствовали степенный посадникъ и степенный тысяцкій, которые обязаны были *стеречи правду*, присутствовали старые посадники и тысяцкіе, бояре, житые люди, купцы, черные люди, и, какъ выражались новгородскія грамоты, „всѣ пять концевъ отъ всего Великаго Новгорода.“ Изъ Новгородской лѣтописи видно, что на вѣче народъ приходилъ и *со стягами*, или значками своими (33). Вѣроятно, что не всѣ граждане на вѣчахъ могли судить и рядить; но преимущественно старѣйшіе, или нарочитые были *вѣчниками*. Впрочемъ, на вѣчѣ, бывшемъ во Владимірѣ, присутствовала „вся дружина, отъ мала до велика (34).“ Въ важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ бывало вѣче *большое* или *общее* на дворищѣ Ярославовомъ, а въ менѣе важныхъ и при разногласіи, *малое* или *частное* на улицахъ концевъ Новгорода; въ междоусобіяхъ *пятиихъ* съ *меншими* оно походило на возстаніе и заговоръ, оканчивалось побоищемъ. Иногда оно продолжалось цѣлую недѣлю, какъ то случилось въ 1218 году, по удаленіи Мстислава изъ Новгорода (35).

(32) Русскій историческій сборникъ, изданный Обществомъ исторіи и древн. росс. III, 71.

(33) Новгор. I лѣтопись, стр. 107 въ Пол. собр. русс. лѣт. 111.

(34) *Карамз.* II. Г. Р., I, пр. 495.

(35) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. III.

По собраніи народа, глашатаи объявляли причину, зачѣмъ онъ созванъ. Разсужденіе сперва происходило по частямъ городскихъ концевъ, а потомъ рѣшали всѣ совокупно. Ни посадники, ни княжіе намѣстники не мѣшались въ рѣшеніе дѣлъ; потому что вѣчевой судъ былъ народнымъ судомъ: *Новгородъ судится своимъ судомъ.*

Но въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ призываемъ былъ и самъ *являлся* на вѣче владыка новгородскій. Когда пришла вѣсть въ Новгородъ о нашествіи Мамая: тогда Новгородцы просили у владыки своего Евѳимія благословенія итти на помощь къ Дмитрію Донскому. Владыка велѣлъ имъ собрать вѣче, и самъ, прибывъ туда, сталъ на степени, и приказалъ „уставивши народы отъ молвы“, увѣщевалъ ихъ ополчиться за вѣру Христову. Такъ въ 1423 г., по случаю ссоры людина съ боярином, когда вѣча окончилась битвою между противными сторонами, архіепископъ новгородскій Симеонъ появленіемъ своимъ прекратилъ народную крамолу и битву. Еще когда великій князь Василій Васильевичь, въ 1460 г., пріѣхалъ въ свою отчину съ сыновьями своими Юріемъ и Андреемъ, и когда Новгородцы на софійскомъ вѣчѣ положили убить ихъ: тогда владыка Іона пришелъ въ сонмище и остановилъ злодѣйское покушеніе (36).

Предметами разсужденія на вѣчѣ были земскія дѣла: миръ и война, ежегодное назначеніе чернаго бора великому князю (37), избраніе князей и посадниковъ для управленія городомъ, тысяцкихъ и соц-

(36) *Карамз.* II. Г. Р. V, 212 и 213.

(37) Акты а. э. I, N 32.

кихъ для предводительствованія войскомъ, пословъ и даже владыкъ Великому Новгороду. По избраніи послѣднихъ жребіями, нарекали ихъ на владычество и *возводили на сѣни*, *на Архіепископьскій степень*, т. е. торжественно вводили ихъ въ архіепископскія палаты, гдѣ, поднеся имъ хлѣбъ и соль, *какъ избраннымъ Богомъ и Святою Софьею*, поручали управленіе епархіею еще прежде рукоположенія ихъ митрополитомъ. Въ 1385 г. всѣ пять концевъ отложились отъ церковнаго суда московской митрополіи, присягнувъ на вѣчѣ: ни въ какихъ тяжбахъ не относиться къ митрополиту, по рѣшать ихъ, по греческому Номоканону, архіепископу новгородскому съ посадникомъ, тысяцкимъ и четырьмя посредниками. Самосудный Новгородъ самовольно перемѣнялъ своихъ князей, которыхъ принималъ къ себѣ по условію, *на пошлинѣ*, до временъ Іоанна Калиты; съ того времени онъ, не имѣя своихъ пошлинныхъ князей, подчиненъ сталъ великому князю московскому, который управлялъ имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ, какъ своей *отчиной и дѣдиной*.

Вѣчевымъ приговоромъ Новгородъ изгонялъ владыкъ своихъ; не только опрѣшалъ своихъ посадниковъ и тысяцкихъ, но даже осуждалъ ихъ на казнь, а домы ихъ и животы отдавалъ на разграбленіе народу, который нерѣдко прямо съ вѣча бросался грабить, жечь и разрушать домы обвиненныхъ, иногда сталкивалъ ихъ съ моста въ Волховъ. Самосудное вѣче иногда отвергало рѣшеніе своего князя, какъ свидѣтельствуетъ намъ Новгородскій лѣтописецъ. Князь ихъ Святославъ Мстиславичъ требовалъ смѣны посадника Твердислава въ 1218 г. „Князь же Святославъ присла свой тысяцькій на вѣче, рече: „не могу быти

съ Твердиславомъ, и отнимаю отъ него посадничество.“—Рекоша Новгородци: „ели вина его?“— Опъ же рече: „безъ вины.“— Рече Твердиславъ: „тому есмь радъ, оже вины моей нѣту, а вы, братье, вольны въ посадничествѣ и въ князѣхъ.“— Новгородцы же отвѣщаша: „Княже, оже вины его нѣту, ты къ намъ крестъ цѣловалъ: безъ вины мужа не лишити, а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ.“ Своевольные люди поставили на своемъ.

Рѣшительнымъ словомъ на вѣчахъ было *такъ*, которое сходствуетъ съ скандинавскимъ taka, что значитъ: утверждать, принимать присягу (38). Это вѣчевое *такапье* дало поводъ къ московской пословицѣ: *Новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали.*

Нѣкоторые вѣчевые приговоры, нерѣдко переходившіе въ народъ пословицами, сохранились въ вѣчевыхъ грамотахъ, въ Русской правдѣ, въ лѣтописяхъ и въ памяти народа. Приведемъ тѣ изъ нихъ, которые походятъ на пословицы:

Гдѣ Святая Софія, тамъ и Новгородъ.

Что честно, то грозно, и на оборотъ: *Что грозно, то честно*, или: *Гдѣ страхъ, тамъ и благочестіе.*

Новгородцы цѣловали крестъ на томъ, чтобы держать на себѣ имя великаго князя *честно и грозно*; а онъ присягалъ въ томъ, чтобы держать Новгородъ *честно* и *безъ обиды, въ старинѣ* и *по пошлинѣ.*

Слово законъ. Правое слово. Не давши слова, крѣпись, а давши, не вертись. Гдѣ рука, тамъ и голова. Изъ судной грамоты новгородской 1471 г. видно, что послухъ или истецъ долженъ былъ ска-

(38) Deutsche Rechtsälterhümer v. *Grimm.* Götting. 1828.

зать *правое слово* и *руку дать* по крестному цѣлованію въ справедливости своего показанія.

За нарушеніе вѣчевыхъ грамотъ *давалось* Великому Новгороду *въ стяну* сто рублей; у Холмогорцевъ донынѣ ведется поговорка: *давать въ стяну деньги*, или *собирать въ стяну деньги*, т. е. взыскивать безъ упущенія, или заплатить въ казну денежный окладъ или пягло (39).

До суда силы не дѣять (40).

Что Новгородцевъ, то Новгородцемъ, а что пошло князю, то княже (41).

Безъ посадника князь суда не судитъ.

Для суда за рубежъ не выходить.

Како си будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ.

Кто кого въ суду посадитъ, инъ тотъ съ тѣмъ въ суду и вѣдается (42), или, какъ выражаетъ позднѣйшая пословица: *Кто въ судъ съ кѣмъ, тотъ и споруется съ тѣмъ.*

Что въ желѣзныхъ посулъ, то не въ посулъ.

Истцу на истца наводки не наводить.

Цья земля, того и хлѣбъ (43).

Послуху на послуха не быть.

Послушество на холопа не вскладывай.

Холопу на правду не вылезати (44).

Грамотъ не посуживати.

Всякъ бо злый злъ да погибнетъ (45).

(39) Ист. росс. іерарх., II, 390.
(40) Новгор. суд. гр. 1471 г.
(41) Собр. гос. гр., I, гр. 1265 г.
(42) Акты а. э., т. I. Новг. суд. гр. 1471 г.
(43) Ист. росс. іер. III, 362.
(44) Русская правда.
(45) Такъ сказано въ Новг. лѣтоп. объ умерщвленіи посадника Михалки. *Карамз.* II. Г. Р., VI, пр. 96 и 97.

Повинную голову и мечь не сѣчетъ.
Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ.
Промиловался еси, оже еси послуховъ не ставилъ.
А въ дачи не холопъ, и ни по хлѣбъ раба.
А въ холопъ и рабъ виры нѣтъ.

Употребительная донынѣ поговорка: *ни думали, ни гадали*, есть вѣчевая XIV вѣка, какъ видно изъ словъ Супрасльской рукописи (46).

Воля занесла Новгородцевъ *въ неволю*, хотя они того *ни думали, ни гадали.* У нихъ сильные угнетали слабыхъ, богатые бѣдныхъ; отъ угнетеній возникли крамолы и раздѣленія: съ упадкомъ ихъ самобытности одни тянули къ Литвѣ, другіе къ Москвѣ. Когда великій князь московскій стоялъ съ войскомъ у стѣнъ Новгорода: они клялись держать его имя честно и грозно, приносили повинныя головы; когда же онъ прощалъ ихъ и удалялся съ войскомъ: они, забывая крестное цѣлованіе, возставали противъ него на мятежныхъ вѣчахъ и *сами выступили изъ своей старины.* Шелонская битва рѣшила жребій вольнаго города и привела его *на всю волю* московскаго государя. Тогда-то, вмѣстѣ съ освобожденіемъ Россіи отъ ханскаго ига, шумное и крамольное ихъ *вѣче* уничтожилось; *вѣчникъ* ихъ снятъ и свезенъ въ Москву; мѣсто *Новгородской правды* заступила *Московская правда.*

Псковъ также называлъ себя *государемъ*, а права свои *Псковскою правдою и стариною*, которую онъ удержалъ долѣе Новгородцевъ. Съ-тѣхъ-поръ, когда призналъ онъ старшинство надъ собою Вели-

(46) Супрасльская рукопись, изд. кн. М. Оболенскаго. М. 1838.

каго Новгорода, его вѣче принуждено было принимать повелѣнія отъ новгородскаго, которое иногда насылало въ Псковъ своихъ посадниковъ и князей; паряжало своихъ повѣренныхъ *для* разбора споровъ и распрей между гражданами; звало ихъ къ суду и отвѣту въ Новгородъ. Псковское вѣче сопровождалось часто такимъ же своеволіемъ и буйствомъ, какъ и новгородское: въ 1460 г. оно *сопхнуло со степени* и выгнало изъ города князя Владиміра Андреевича (47). Его изображаетъ намъ Псковской лѣтописецъ въ слѣдующихъ чертахъ: „На большой грѣхъ превратихомся, на злые поклепы и лихія дѣла и *вечь* кричаніе, а *не вѣдущи глава, что языкъ говоритъ*, и не умѣюще своего дома строити, а градомъ содержати хощемъ: сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны.“ Итакъ народная пословица, донынѣ употребительная: *Языкъ мелетъ, а голова не вѣдаетъ*, прежде относилась къ говору вѣча. Когда же Псковъ приведенъ былъ на всю волю великаго князя московскаго, вѣче уничтожено и вѣчникъ снятъ: тогда его лѣтописецъ говоритъ, что „Псковичи до того не вѣдали, какова *правда Московская*; она съ крестнымъ цѣлованіемъ улетѣла на небо, а кривда начала ходить по землѣ (48).“ Эта отчина и дѣдина государя московскаго плакала о своей старинѣ и волѣ, какъ плачетъ баловливое дитя о своей пенькѣ.

---

(47) Исторія Княжества Псковскаго, соч. *митрополита Евгенія*. 2 ч. Кіевъ, 1831.

(48) Псковск. лѣт. изд. М. *Погодинымъ*, М., 1837., стрр. 179 и 180.

До присоединенія своего къ Москвѣ основанный Новгородцами Хлыновъ руководствовался ихъ уставами, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ: „И тако начаша общежительствовати, самовластвующе, правими и обладаемы своими жители, и правы своя отеческія и законы новгородскія имѣяху на лѣта многа до обладанія великихъ князей русскихъ.“

Примѣръ вольныхъ договоровъ, въ эпоху удѣловъ, дѣйствовалъ и на другіе, особливо когда слабость князя и его отсутствіе давали къ тому поводъ, или когда, среди безначалія и крамолъ, городъ искалъ себѣ спасенія въ употребленіи собственной власти. Такъ жители Владиміра, Суздаля и Ростова, въ 1262 г., не стерпѣвъ притѣсненія бесермен-скихъ откупщиковъ, возстали на нихъ вѣчею и приговорили однихъ изъ этихъ лихоимцевъ изгнать, а другихъ умертвить. И въ Москвѣ народъ позвонилъ вѣче въ 1392 г., когда великій князь удалился изъ города, а шапарскія полчища подступали къ нему (49). Иногда вѣче бывало *походное*, какое князь Даніилъ созвалъ въ 1231 г. предъ битвою съ Венграми; оно повершилось пословицею соцкаго Микулы: *Не погледши пчелъ, меду не ясти.*

Русскія лѣтописи и грамоты не сообщаютъ намъ подробностей о времени, порядкѣ и мѣстѣ, какія наблюдались на вѣчахъ въ другихъ городахъ, гдѣ они, повидимому, были слѣдствіемъ произвола и возстанія, а не правилъ, случайныя, вызванныя чрезвычайными обстоятельствами, а не постоянныя; но упоминаютъ о *вѣчевыхъ грамотахъ*, хранившихся у Новгородцевъ

(49) *Карамз.* И. Г. р. V, 79, пр. 91.

въ ларѣ у ларечника, о *вѣчевомъ дьякѣ*, который записывалъ приговоры, и о *вѣчевыхъ приставахъ*, которые брали истца въ городѣ и селѣ.

Существованіе вѣчь въ городовомъ правленіи торговыхъ государствъ возможно было, какъ показалъ опытъ, только при раздѣленіи и угнетеніи Россіи съ X по XV вѣкъ и зависѣло отъ мѣстныхъ причинъ и особенныхъ обстоятельствъ; но и тогда, какъ мы показали, оно соединено было съ необузданностію, насиліемъ и кривдою, которую кичливость новгородская именовала *правдою*, *волею*, *стариною:* часто вѣчи начинались и оканчивались мятежемъ, убійствами и грабительствомъ. Наконецъ, *и добрые* граждане Новгорода убѣдились, что *Овцы безъ пастуха не стадо*, или: *Общая овечка волку корысть.*

Міромъ, въ тѣсномъ смыслѣ у Русскихъ, слыветъ общество, община, собраніе жителей, міряпъ какого-либо селенія, округъ. Земскій соборъ называется также *міромъ*. Слово *міръ* (mir, mirza) встрѣчается въ чешскихъ и силезскихъ грамотахъ XIII вѣка, въ значеніи подати, вѣроятно такъ названной потому, что она сбиралась съ міра (50). Какъ нравственное *лице*, міръ усвоиваетъ себѣ право суда и расправы въ своемъ кругѣ и въ той мѣрѣ, какая дозволяется государственными законами. О своемъ значеніи и силѣ онъ самъ высказываетъ въ своихъ пословицахъ:

---

(50) Такъ въ грамотѣ Премисла Оттокара II, короля чешскаго, 1273 г., § 28. Tributum, quod *mir* vocatur et alias exactiones, quae terrae incolis consueverunt, et pernoctationes sicut eis a primordio sunt concesse, sic eis in perpetuum indulgemus. v. Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprunges der Städte etc. von Tzschoppe und Stenzel. Hamburg. 1832.

Міръ велико дѣло.

Міръ тонокъ, да дологъ.

Міръ силенъ какъ вода, а глупъ какъ свинья.

Міръ волна.

Мірская шея толста.

Вали на міръ, все снесетъ.

Мірская слеза жидка, да пдка.

Міръ судитъ одинъ Богъ.

Міръ гинетъ, камень лопнетъ, или *Міръ гинетъ, такъ лѣсъ гинетъ.*

Какъ вспѣмъ міромъ вздохнутъ, такъ и времещикъ издохнетъ.

Въ лѣсу рубятъ, а въ міръ щепы летятъ.

Съ міру по шипкѣ, голому рубаха.

Никакой мірянинъ отъ міру не прочь.

Что міру, то и бабьему сыну.

Что міромъ положено, тому и быть такъ.

Мірская сходка, этотъ остатокъ древняго славянскаго правленія, есть судъ сельскаго, деревенскаго, волостнаго міра, гдѣ міряне судятъ, рядятъ и вершатъ дѣла свои по внушенію совѣсти, здраваго смысла и по старымъ обычаямъ. Пословицею своей: *Умъ хорошо, а два лучше*, признавая необходимость общаго единодушнаго совѣщанія въ дѣлахъ общественныхъ, народъ сходится на сужденіе, собирая *съ головы по мысли, съ языка по словечку*. Разнообразныя и разносторонніе мысли приводятся тамъ въ единство, которое утверждается общимъ преобладающимъ голосомъ: тамъ правда выражается часто пословицей. Кромѣ мірскихъ сходовъ, или сходокъ, въ сельскомъ мірѣ бываютъ малыя сходки, или *столики*, сродныя, по сущности и названію сво-

ему, съ готскими staua или stôjan, судъ (51). У Малороссіянъ и Поляковъ сходки называются *громадами и сеймами*; сходны съ ними были существовавшіе до 1805 года у Козаковъ Уральскихъ *круги* и древнія славянскія *колы*. Въ древнихъ юридическимъ грамотахъ XV вѣка встрѣчается пословичное выраженіе: *Братщина судитъ какъ судья*. Подъ именемъ *братщины* разумѣются праздничныя пиршества въ складчину; этотъ судъ объясняется словами грамоты 1477 г.: „Кто съ ними на пьяни помѣнится чимъ, или что купитъ, а потомъ проспятся, и одному иному не любо будетъ, ино имъ размѣниться, а въ иномъ цѣлованія нѣтъ, не присуживать“ (52).

Сходки соединяютъ въ себѣ власть судебную съ исполнительною; потому что въ нихъ бываетъ судъ и расправа. Онѣ сбираются звономъ колокола, или повѣсткою чрезъ выборныхъ и соцкихъ, по какому-нибудь особенному случаю, напр. для раскладки податей и повинностей, для обнародованія указовъ, касающихся до поселянъ, для раздѣла и отвода земли, и для сужденія и соразмѣрнаго наказанія виновныхъ. Ихъ приговоромъ удаляется изъ общества на поселеніе негодный крестьянинъ, какъ *худая трава изъ поля вонъ*. Случается, что сходку сбираютъ для принятія мѣръ во время голода, мора и другихъ напастей. На такихъ сходкахъ наблюдается первенство, какое дается начальнику селенія, который является туда съ палкою, или подпиральнымъ батогомъ въ рукѣ, какъ знакомъ своего начальства и управленія. Въ вотчинномъ управленіи мірской сходъ со-

(51) Deutsche Rechtsalterthümer von *I. Grimm*. Götting. 1828.
(52) Акты а. э., ч I.

бираетъ старосша въ селѣ; но, по дальному разстоянію волости въ уѣздѣ, волостной голова на ярмаркѣ, вмѣстѣ со старостами всѣхъ вотчинъ, рѣшаетъ дѣла каждой изъ нихъ, если онѣ требуютъ личнаго его присутствія. На сходкахъ предлагаетъ дѣло на сужденіе и спрашиваетъ мнѣнія старосша, голова, или бурмистръ; разбирая голоса, свидѣтельствуютъ, судятъ и рѣшаютъ болѣе старшины и добросовѣстные — *добрые люди, добрые крестьяне* (53). Допынѣ въ Кіевской Губерніи, недалеко отъ Канева, въ селѣ Мокшанахъ, три старика, избранные міромъ творятъ судъ и правду всенародно на площади. Словесное рѣшеніе на сходкѣ и вообще договоръ называется *мірскимъ приговоромъ*; въ Сольвычегодскѣ — *языкомъ на сговоръ* (54); что имъ положено, то остается непреложнымъ. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, когда на мірской сходкѣ кто-либо захочетъ принять на себя главное дѣйствующее лицо и станетъ говорить повелительно: тогда его останавливаютъ, обыкновенно, тамошнею поговоркою: *Тебя не слушаемъ, ты вѣдь не важской воевода*, или: *А ты что за воевода повелѣваешь* (55)? Также и въ Московской Губерніи, если кто на сходкѣ будетъ похваляться и грозить какимъ-либо значительнымъ лицомъ: то смышленые ему говорятъ: *Полно тебѣ мертвымъ соколомъ воронъ пугать.* Подобныя притчи, выходки ума народнаго, поговорки и пословицы можно услышать на сборищахъ народныхъ въ жи-

(53) Юридическіе акты, т. I, стр. 106.

(54) Ист. росс. іерарх., т. II.

(55) Свѣдѣнія о народныхъ праздникахъ и пословицахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ, соч. *И. Мясникова.* 1829 г. (рукопись).

вомъ и мѣшкомъ ихъ примѣненіи, и въ полномъ ходу и силѣ; тамъ *русскій умъ* находитъ себѣ *просторъ*.

Сходки бываютъ лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, у церквей, у погоста, на улицѣ, на барскомъ дворѣ, иногда и у кабака, ежели онъ есть въ селеніи, а зимою въ мірской избѣ, конторѣ и въ приказахъ, гдѣ староста и старшіе сидятъ за столомъ и обсуживаютъ дѣла мірскія, а прочіе стоятъ и слушаютъ. Обыкновенно, онѣ собираются послѣ обѣдни, особливо въ рабочую пору, когда народъ сходится на молитву. Въ иныхъ случаяхъ приглашается на сходку и приходскій священникъ, который даетъ свое мнѣніе о дѣлахъ, отдаваемыхъ ему міромъ на сужденіе.

Частныя сходки по деревнямъ, или предварительныя совѣщанія у крестьянъ, называются, какъ мы замѣтили, *столяками и стойками*, а дни ихъ — *сходными*. На этихъ *поговоркахъ* никто не начальствуетъ, какъ по торгу, котораго, по пословицѣ, *пить волынье*, и начальникъ селенія тамъ равенъ съ прочими, только беретъ преимущество голосъ старшаго лѣтами и заслужившаго довѣренность своею честностью: тогда какъ на сходкѣ перевѣсъ остается нерѣдко на сторонѣ зажиточныхъ и тѣхъ, за которыми не стоятъ повинности, міроѣдовъ *и горлановъ*, которые, какъ ихъ изображаетъ деревенская пословица, *берутъ не горбомъ, а горломъ*. Но какъ на сходкѣ, такъ и на стоянкѣ не имѣютъ голоса бобыли, захребетники, младшіе, неженатые и неисправные въ платежѣ податей. На стоянкѣ, обыкновенно, разговоръ начинается новостями, а продол-

жается и оканчивается разсужденіями о предметахъ, близкихъ къ быту крестьянскому: о нуждахъ селенія, о поляхъ, о посѣвѣ и жатвѣ, о подводахъ, оброкахъ, о выполненіи полицейскихъ повинностей и т. п. Иногда обиженный кѣмъ-либо въ селеніи, избѣгая тяжбъ, шамъ отдаетъ свою обиду на судъ добрымъ людямъ; какъ они разсудятъ, тѣмъ, по большей части, и остаются доволенъ обиженный и обидчикъ; по ихъ приговору, одинъ проситъ прощенія, а другой прощаетъ, говоря: „Коли ужъ такъ приговорили добрые люди, Богъ тебя проститъ.“ А міръ примолвитъ: *Худой миръ лучше доброй брани.*

На сходкѣ особенно достойно вниманія уваженіе къ старшимъ, которое строже наблюдается, чѣмъ на сходкѣ. Младшій предъ старшимъ не смѣетъ вымолвить слова, иначе онъ подвергнется худому о себѣ мнѣнію всего селенія; оттого, если о комъ хотятъ сказать въ дурную сторону, то, обыкновенно, приговариваютъ: „онъ и старикамъ не даетъ вымолвить слова.“ На сельской сходкѣ, какъ нѣкогда бывало на Красной площади въ Москвѣ, старики пристыжаютъ и усовѣщиваютъ безпутнаго и развратнаго, *колотъ его не въ бровь, а прямо въ глазъ*, приводя въ примѣръ внуку честнаго его дѣда, а сыну отца, грозятъ ему, если не уймется, *батогами и красною шапкою*, т. е. солдатчиной. Добрый крестьянинъ не столько боится тѣлеснаго наказанія, сколько суда всего жила, или міра; отъ безчестнаго и дурнаго поступка удерживаетъ его одна мысль: „что скажутъ на сходкѣ, на улицѣ?“ Нерѣдко начальникъ волчины, не сбирая мірскаго схода, или самъ ходитъ на сходку для выслушанія мнѣ-

ній, или поручаютъ это выборному или десятскому того жила; по этому приготовляется рѣшительный приговоръ сходки. Здравый смыслъ, добрая совѣсть, старые обычаи и приговоры прежнихъ стариковъ, замѣняя у нихъ положительные законы, выражаются въ нихъ судныхъ пословицахъ, которыя служатъ имъ формулами закона и приговорами. Хотя онѣ большею частію просты, какъ образъ жизни крестьянъ, и грубы, какъ одежда ихъ; но не лишены ума, здраваго смысла и смѣтливости, которые составляютъ коренное достояніе русской народности. Русскіе крестьяне сами сознаютъ въ себѣ умъ и человѣчность, говоря: *Мужикъ сѣръ, а умъ у него не волкъ съѣлъ*, или *Шуба овечья, а душа человѣчья.* Какъ нравственно-юридическія пословицы деревенскаго быта высказываютъ намъ внутреннюю жизнь русскаго народа, коренныя его понятія о правѣ и правдѣ, символическія дѣйствія и формулы: то мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе употребительныя на сходкахъ и сходкахъ сельскаго міра:

Выше лба уши не ростутъ.
Воля Божія, а судъ Царевъ.
Голова въ голову (въ порукахъ).
Грѣхъ да бѣда на кого не жила.
Горе идущему, горе и ведущему.
Докащику первый кнутъ.
Всякъ Еремѣй про себя рузумѣй.
Возмешь лычко, отдашь ремешекъ.
Долгъ платежемъ красенъ.
Вора помиловать, добраго погубить.
Вору висѣлица, да кнутъ.
Виноватаго кровь вода, а невиннаго бѣда.

Виноватъ волкъ, что козу ободралъ, виноватъ и коза, что въ лѣсъ зашла.

Плохо лежитъ, брюхо болитъ.

Всего не переймешь, что по рѣчкѣ плыветъ.

Въ дуракѣ и Богъ не воленъ.

Денежка не Богъ, а милуетъ.

Дорога борозда къ загону.

Десятая вина виновата.

Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Кто силенъ, тотъ и воленъ.

Дракою правъ не будешь.

Жена на мужа не докацица.

Куда мужъ, туда и жена.

Знай баба гребень, да кривое веретено.

Знаетъ сила правду, да не любитъ сказывать.

И показалъ Богъ, да не далъ.

И собака не лаетъ на того, чей хлѣбъ ѣстъ.

Каково аукнется, таково и откликнется.

Кто дѣла не знаетъ, напрасно и разсуждаетъ.

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Кумъ сказалъ кумѣ, кума свиньѣ, свинья сказала борову, а боровъ всему городу.

Курицу яйцы не учатъ.

Кровь путь кажетъ. Кровь путаетъ.

Кто правды не скажетъ, тотъ многихъ свяжетъ.

Другу дружи, а недругу не груби.

На правду мало словъ.

Кто кого смога, тотъ того и въ рога.

Кто ручится, тотъ и мучится.

Хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь.

Кому быть повѣшену, того и громомъ не убьетъ.

До слова крѣпись, а давши слово, держись.

Лихо одну бѣду нажить, и та бѣда другую родитъ.

Худой миръ лучше доброй брани.

Люби ссору, люби и миръ.

Кобыла съ медвѣдемъ тягалась, только хвостъ, да грива осталась.

Собака съ воломъ тягалась, одна лишь шкура осталась.

Мужикъ что мѣшокъ: что положишь, то и несетъ.

Не бей мужика дубьемъ, а бей его рублемъ.

Баринъ за барина, а мужикъ за мужика.

На старосту не челобитчикъ, а отъ міру не прочь.

На пѣтъ и суда нѣтъ.

Не всяко лыко въ строку.

Не въ свои сани не садись.

Не положа, не ищутъ.

Не засаливай усъ на чужой кусъ.

Не надѣйся на чужой коровай, а свой запѣвай.

Видя яму, не вались, а съ ворами не вяжись.

Не падѣйся, Романъ, на чужой карманъ.

Не душа лжетъ, а мошна.

Казенна копѣечка на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ.

Не велика бѣда, коли на деньгу пошла.

Не суди по пріѣзду, суди по отъѣзду.

Не спросясь броду, не суйся въ воду.

Назвавшись груздемъ, полезай въ кузовъ.

Не хлѣбъ за брюхомъ ходитъ, а брюхо за хлѣбомъ.

Ни къ селу, ни къ городу.

Не тотъ воръ, кто крадетъ, а кто ворамъ потакаетъ.

Не пойманъ, не воръ.

Ни воръ, ни тать, а на ту же стать.

Хошь голъ, да правъ.

На чужой роток не накинешь платокъ.

Не ищи стараго, а спрашивай бывалаго.

Не купи села, а купи прикащика (*или* сосѣда).

Не мудрено голову срубить, да мудрено ее приставить.

Обожешься на молочкѣ, будешь дуть и на водицу.

Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристанетъ.

Отъ добра добра не ищутъ.

Одинъ другому не указъ.

Отъ худаго сѣмя не жди добраго племя.

Плетью обуха не перебьешь.

Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить.

Повинную голову и мечь не сѣчетъ.

Подбери губы, городничій ѣдетъ.

Посади дурака за столъ, а онъ и ноги на столъ.

Про одни дрожди не говорятъ прожди.

Хмѣль не плачетъ, что пьяницу бьютъ.

Пьянъ, да глупъ, такъ больше бьютъ.

Пьянъ, да уменъ, два угодья въ немъ.

Прискакала кума бить челомъ, сама не знаетъ о чемъ.

По зайчему слѣду доходятъ до медвѣжей берлоги.

Привыкай коровка къ ржаной соломкѣ.

Ржаная каша сама себя хвалитъ.

Разумный свиснетъ, а догадливый смыслитъ.

Руби дерево по себѣ.

Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Сама себя раба бьетъ, что печисто жнетъ.

Свѣтъ не нами начался, не нами кончится.

Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.

Силою милъ не будешь.

Спѣгу пѣтъ и слѣду пѣтъ.

Малъ грѣхъ, да велика причина.

Стыдно сказать, а грѣхъ утаить.

Суженаго ряженаго конемъ не объѣдешь.

Сухая ложка ротъ деретъ.

Съ чужаго коня среди грязи долой.

Смердомъ жить не хочется, а дворянином не можется.

Съ одного вола двѣ кожи не дерутъ.

Сила солому ломитъ.

Сильную руку Богу судитъ.

Свой своему по неволѣ другъ.

Самъ пекъ, самъ и ѣшь.

Тихо не лихо, а смирное прибыльнѣе.

Твой домъ, твоя и воля.

Ужъ коли взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.

Уговоръ лучше денегъ.

У богатаго теляти, а у скуднаго ребяти.

Худая трава изъ поля вонъ.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Что написано перомъ, то не вырубишь и топоромъ.

Чего Богъ не дастъ, того никто не возметъ.
Что съ возу упало, говори, то пропало.
Что взято, то и свято.
Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе.
Чья сильнѣе, та и правѣе.
Что бережно, то не доложно.
Щей горшокъ и самъ большой.

И. Снегиревъ.

X. Объ уголовномъ правѣ по судебнику царя Іоанна Васильевича.

Въ какомъ отношеніи находились между собою гражданское и уголовное право во времена судебника? — вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго необходимо для того, чтобъ опредѣлить значеніе самаго судебника въ системѣ нашего древняго уголовнаго права.

Обозрѣвая юридическіе памятники періода удѣловъ и позднѣйшаго времени, нельзя не замѣтить, что въ нихъ выражается переходное состояніе русскаго законодательства отъ неопредѣленнаго смѣшенія различныхъ сферъ права къ сознанію отдѣльности и самостоятельности по-крайней-мѣрѣ важнѣйшихъ изъ его частей. Это состояніе продолжается въ теоріи до Уложенія, гдѣ уже находимъ довольно вѣрное дѣленіе различныхъ частей права (вслѣдствіе вліянія Литовскаго статута), а на практикѣ — до преобразованія Россіи Петромъ Великимъ. Ограничиваясь предметомъ нашего разсужденія, мы постараемся опредѣлить въ особенности то отношеніе, въ которомъ гражданское и уголовное право находились между собою въ эпоху Іоанна IV.

Нѣтъ сомнѣнія, что законодатель не сознавалъ еще ясно различія этихъ двухъ отдѣльныхъ сферъ въ области права Отсюда объясняется, съ одной

стороны, та тѣсная, почти безразличная связь, которою соединены въ источникахъ различные предметы гражданскаго и уголовнаго права (заемъ, поклажа стоятъ рядомъ съ грабежемъ, смертоубійствомъ, воровствомъ и зажигательствомъ), съ другой — ихъ единство по отношенію къ порядку судопроизводства. Второе обстоятельство особенно важно, показывая намъ настоящую точку зрѣнія нашихъ предковъ на уголовное право. Въ самомъ дѣлѣ, преобладаніе въ уголовномъ судопроизводствѣ гражданской формы процесса открываетъ, какъ нельзя лучше, тѣсную связь гражданскаго и уголовнаго права во времена Судебника.

Но если дѣйствительно, съ своей стороны, законодатель не имѣлъ яснаго сознанія о различіи въ предметахъ того и другаго права: то нѣкоторыя дѣйствія человѣческаго произвола, особенно опасныя и вредныя для благосостоянія общества, должны были невольно обратить на себя вниманіе верховной власти, какъ скоро она стала сознавать свое значеніе въ государствѣ, равно какъ свои права и обязанности въ отношеніи къ подданнымъ. Раннее утвержденіе этой власти въ нашемъ отечествѣ было причиною, что уже въ глубокой древности многія дѣйствія человѣческаго произвола были отнесены къ сферѣ преступленій и запрещены подъ угрозою различныхъ наказаній. Но то же самое должно было повториться и въ отношеніи къ судопроизводству; потому что, въ примѣненіи къ преступленіямъ, древняя форма гражданскаго процесса должна была оказываться не всегда удовлетворительною, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея при-

ложеніе было даже и невозможно. Такимъ образомъ само собою начинается отдѣленіе уголовнаго отъ гражданскаго права еще въ то время, когда ни народъ, ни законодатель не имѣютъ яснаго сознанія о различіи того и другаго. Въ древнемъ русскомъ правѣ это отдѣленіе выразилось сначала въ особенной подсудности, назначенной для нѣкоторыхъ преступленій, въ противоположность подсудности собственно-гражданской, по-крайней-мѣрѣ тамъ, гдѣ этого отдѣленія нельзя удовлетворительно объяснить вліяніемъ византійскаго права или какихъ-либо мѣстныхъ обстоятельствъ на развитіе нашего законодательства. Но еще болѣе, нежели въ различіи органовъ судопроизводства, отдѣленіе уголовнаго права отъ гражданскаго замѣтно въ новомъ (слѣдственномъ) порядкѣ процесса, отъ котораго приходитъ въ зависимость древняя гражданская форма судопроизводства. Наконецъ, то же самое подтверждаютъ дополненія и измѣненія, которыя получила эта форма въ примѣненіи къ различнымъ предметамъ уголовнаго права тамъ, гдѣ она еще сохраняла прежнюю силу. Судебникъ Іоанна IV засталъ уже не только опредѣленныя понятія относительно преступленій и наказаній, но также различіе въ органахъ гражданскаго и уголовнаго процесса, равно какъ новый порядокъ судопроизводства.

Изъ сказаннаго легко опредѣлить значеніе Судебника въ системѣ нашего древняго уголовнаго права. Какъ памятникъ законодательства, почти исключительно относящійся къ судопроизводству, онъ представляетъ древнюю общую форму гражданскаго и уголовнаго процесса. Но какъ, кромѣ этой фор-

мы, такъ называемой гражданской или обвинительной, въ эпоху составленія Судебника былъ также извѣстенъ собственно-уголовный или слѣдственный порядокъ судопроизводства: то очевидно, что и въ то время, она уже относилась болѣе къ гражданскому, нежели къ уголовному праву. Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ причина, почему законодатель, останавливаясь преимущественно на предметахъ гражданскаго процесса, только мимоходомъ касается предметовъ процесса уголовнаго, и, довольно подробно излагая порядокъ перваго, почти вовсе не опредѣляетъ особенностей послѣдняго. Итакъ вся важность Судебника, относительно уголовнаго права, измѣряется значеніемъ обвинительнаго или гражданскаго порядка судопроизводства, въ примѣненіи къ предметамъ собственно-уголовнымъ; а для этого необходимо опредѣлить отношеніе, въ которомъ, въ то время, находились между собою обѣ противоположныя формы процесса. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію уголовнаго судопроизводства, бросимъ взглядъ на уголовное право въ тѣсномъ смыслѣ, для того, чтобъ объяснить значеніе различныхъ преступленій и наказаній, которыя встрѣчаются въ Судебникѣ, равно какъ взаимное отношеніе тѣхъ и другихъ въ примѣненіи къ практическимъ случаямъ.

А. *Уголовное право въ тѣсномъ смыслѣ.*

1. О преступленіяхъ.

Что должно разумѣть подъ именемъ преступленія? — на это нѣтъ яснаго отвѣта въ источникахъ древняго права. Въ нихъ исчисляются толь-

ко различныя дѣйствія, подлежащія различнымъ наказаніямъ: это единственный признакъ, по которому можно судить о томъ или другомъ нарушеніи права. Такое же несовершенное понятіе находимъ въ источникахъ и относительно *тяжести* преступленій; потому что законодатели, большею частію, измѣряли виновность подсудимаго матеріальнымъ вредомъ, произшедшимъ отъ его дѣйствія — общій недостатокъ въ законодательствахъ всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей ступени образованія.

Но кромѣ такого взгляда на преступленія, общаго нашимъ предкамъ съ другими младенчествующими народами, мы замѣчаемъ въ ихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ и нѣкоторыя особенности, которыя объясняются, преимущественно, вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ на развитіе нашего древняго права. Сюда относится, съ одной стороны, раздѣленіе преступленій, съ другой — особенный взглядъ на различныя условія преступленія и, вслѣдствіе этого, на степень виновности подсудимаго.

Не останавливаясь на раздѣленіяхъ преступленій, извѣстныхъ въ новѣйшихъ законодательствахъ, мы ограничимся только указаніемъ на особенное ихъ раздѣленіе, ясно выраженное въ нашихъ древнихъ источникахъ, и тѣмъ болѣе важное, что оно имѣло живое примѣненіе на практикѣ. Я говорю о раздѣленіи преступленій, основанномъ на различіи подсудности или различіи органовъ судопроизводства, которымъ принадлежало право судить тѣ или другія преступленія. На этомъ основаніи, всѣ преступленія раздѣлялись, первоначально, на два главные ви-

да, и подлежали суду намѣстниковъ или духовенства. Первые, по валовому характеру своего управленія, завѣдывали всѣми дѣлами гражданскими и уголовными, слѣд. ихъ суду подчинены были всѣ преступленія, кромѣ тѣхъ, которыя, постановленіями верховной власти, были именно отнесены къ суду духовенства. Что касается до послѣдняго, то оно получило право суда на основаніи Номоканона, который Св. Владиміръ, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрой, заимствовалъ отъ Византійцевъ; поэтому, кромѣ такъ называемыхъ преступленій противъ вѣры, духовенству принадлежала также судебная власть надъ нѣкоторыми преступленіями, которыя, въ наше время, относятся къ суду свѣтской власти. Таковы были ссоры (*пошибанье*) между мужемъ и женою, нарушеніе святости супружескаго союза, похищеніе женъ и дѣвицъ, укушеніе (*зоубъжа*), оскорбленіе дѣтьми родителей, ограбленіе мертвыхъ, скотоложство, умерщвленіе матерью незакопорожденныхъ дѣтей и проч. Что духовенство дѣйствительно имѣло право суда надъ исчисленными преступленіями, въ томъ нельзя сомнѣваться, не смотря на возраженія, которыя дѣлаютъ противъ подлинности духовныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава; потому что оба они имѣли полную силу, по-крайней-мѣрѣ въ позднѣйшее время, повторяясь въ кормчихъ книгахъ XV столѣтія, такъ что самъ Іоаннъ IV не только ссылается на уставъ Св. Владиміра, но даже отъ слова до слова выписываетъ его въ своемъ извѣстномъ Стоглавѣ (1).

(1) См. духовные уставы Владиміра и Ярослава въ Исп. госуд.

Кромѣ намѣстниковъ и духовенства, въ періодъ удѣловъ право суда стали получать различныя общины и лица, свѣтскія и духовныя, частію какъ привилегіи, частію, какъ увидимъ ниже, для прекращенія злоупотребленій со стороны намѣстниковъ и волостелей. Вслѣдствіе этого, отъ суда послѣднихъ отошла большая часть преступленій, такъ что они удержали исключительное право суда только въ дѣлахъ по душегубству, разбою и татьбѣ съ поличнымъ (2). Наконецъ, и въ этомъ отношеніи судебная власть намѣстниковъ была ограничена съѣхъ-поръ, какъ дѣла *вѣдомыхъ разбойниковъ* и вообще *вѣдомыхъ лихихъ людей* были отданы въ вѣдомство губныхъ старостъ и цѣловальниковъ (3).

росс. (2 изданія), т. I, прим. 506. и т. II, прим. 108, гдѣ исторіографъ опровергаетъ также ихъ подлинность. Напротивъ, митрополитъ Евгеній, въ Описаніи Кіевософійскаго собора (стрр. 5—14), защищаетъ ихъ довольно удовлетворительно. Того же мнѣнія держится баронъ Розенкампфъ, въ Обозрѣніи кормчей книги въ историческомъ видѣ, основываясь между прочимъ на томъ, что уставъ Св. Владиміра помѣщался уже въ кормчихъ XIII и XIV вѣка (стр. 135 и 136). Справедливость его словъ подтверждается отчасти донесеніемъ члена археографической коммиссіи Бередникова о рукописи XV ст., принадлежащей г-ну Бальзеру (см. протоколъ засѣданія археограф. коммиссіи въ Журналѣ Министр. народ. просв. 1837, Апрѣль). Наконецъ, см. рукописный Стоглавъ.

(2) См. Юридическія записки, т. I. стрр. 108 и 109; Акты арх. эксп., т I, N. 183, 201, 159, 208, 240 и пр.; Собран. госуд. грам. и догов, т. I, N. 128, и Акты историческіе, изданные арх. комм., т. I, N. 155 (выписки изъ Стоглава). Иногда духовенство пользовалось даже правомъ суда въ дѣлахъ по душегубству, разбою и татьбѣ съ поличнымъ; но тогда это было исключеніе, которое всегда обозначалось въ жалованныхъ грамотахъ. Ср. Акты истор., т. I, N. 13, 24, 29, 81, 215 и др.

(3) О правахъ и обязанностяхъ губныхъ старостъ мы будемъ

Въ царствованіе Іоанна IV это раздѣленіе преступленій на четыре вида, по различію подсудности, существовало во всей силѣ и получило даже новое основаніе, вслѣдствіе различныхъ узаконеній, изданныхъ отъ имени этого государя (4).

Что касается до причинъ, побудившихъ законодателей раздѣлить преступленія на четыре вида и для каждаго изъ нихъ назначить особенныхъ органовъ судопроизводства: то онѣ очевидны. Духовенство получило право суда на основаніи Номоканона. Намѣстники пользовались сначала правомъ судить всѣ преступленія (исключая тѣхъ, которыя подчинены были духовенству), какъ органы судопроизводства вообще, потомъ удержали судъ надъ извѣстными преступленіями по особенной ихъ тяжести и, можетъ быть, частію по выгодамъ, соединеннымъ съ такимъ судомъ. Привилегированныя лица и судьи привилегированныхъ общинъ получили право суда надъ тѣми преступленіями, которыхъ законодатели не отличали еще отъ предметовъ гражданскаго права, а губные старосты были введены, какъ необходимое средство для прекращенія разбоя и грабежа. Впрочемъ, подробнѣйшее изложе-

---

говорить ниже, въ статьѣ объ органахъ уголовнаго судопроизводства.

(4) Т. е. Судебника, Розбойнаго устава, Стоглава и другихъ болѣе частныхъ узаконеній. Замѣтимъ кстати, что подобное раздѣленіе преступленій было отчасти извѣстно и въ древнемъ германскомъ правѣ, гдѣ верховная власть также неохотно уступала право суда надъ важнѣйшими преступленіями: смертоубійствомъ, зажигательствомъ, разбоемъ и проч. (Handbuch des Criminalrechts etc. v. Henke, Th. IV, § 3, стр. 16).

ніе этого предмета относится къ уголовному судопроизводству, гдѣ мы по преимуществу должны обратить вниманіе и на различные органы уголовнаго процесса.

Другая особенность въ понятіяхъ нашихъ предковъ о преступленіяхъ выражается въ ихъ взглядѣ на различныя условія преступленія, а вслѣдствіе этого, и на степень виновности подсудимаго. Постараемся объяснить и эту особенность нашего древняго права.

Кромѣ общаго условія *лица* преступника, первымъ и важнѣйшимъ условіемъ преступленія считалась *народная молва*, или мнѣніе общества о свойствахъ обвиняемаго, такъ что всѣ другія условія подчинялись рѣшенію вопроса: есть ли обвиняемый человѣкъ *добрый* или *лихой*? Средствомъ для рѣшенія этого вопроса служилъ *обыскъ*. Если изъ обыска открывалось, что обвиняемый человѣкъ добрый, то *внѣшнее дѣйствіе* было вторымъ необходимымъ условіемъ для обвиненія подсудимаго; если же, напротивъ, въ обыскѣ *оговаривали* обвиняемаго въ извѣстномъ преступленіи, какъ вѣдомаго лихаго человѣка, то внѣшнее дѣйствіе считалось нужнымъ только для того, чтобъ опредѣлить степень наказанія, которому, во всякомъ случаѣ, подвергался *облихованный*, или оговоренный въ обыскѣ (5). Что касается до *противозаконности* и *свободы дѣйствія*,

(5) См. такъ называемыя *губныя грамоты*, особенно выписки изъ Уставной книги Розбойнаго приказа, помѣщенныя въ Акт. истор., т. III, N. 167. Ср. статью Рейца, въ Dorpater Jahrbücher 1835, Von dem Beweise etc. стрр. 198 и 204.

то на нихъ нѣтъ ясныхъ указаній въ источникахъ. Не смотря на то, мы можемъ догадываться, что первое имѣло значеніе не только какъ нарушеніе писаннаго права (закона въ тѣсномъ смыслѣ), но и обычнаго, тѣмъ болѣе, что важнѣйшимъ условіемъ преступленія считалась молва народная, которая называетъ лихимъ всякаго человѣка вреднаго для благосостоянія общества, а свобода дѣйствія, судя по аналогіи съ гражданскимъ правомъ, принималась и въ уголовномъ правѣ по-крайней-мѣрѣ какъ второстепенное доказательство.

На основаніи различныхъ условій преступленія и по мѣрѣ значенія каждаго изъ нихъ, въ нашемъ древнемъ законодательствѣ опредѣлялась большая или меньшая виновность подсудимаго, которая слѣд. зависѣла не столько отъ злонамѣренной воли преступника, сколько отъ его внѣшняго дѣйствія, участія въ извѣстномъ преступленіи, или народной о немъ молвы. На этомъ основаніи, преступники раздѣлялись, съ одной стороны, на *лихихъ людей съ доводомъ*, когда одно или многія преступленія обвиняемаго были показаны имъ самимъ, обвинителемъ или народной молвою, и *лихихъ людей безъ довода*, т. е. безъ означенія ихъ преступленій; съ другой— и это раздѣленіе относится преимущественно къ грабежамъ и разбоямъ — *на становщиковъ* (приставодержателей), ѣздившихъ *станомъ* на разбой, и на тѣхъ, которые оказывались виновными въ *подводѣ* или *поповровѣ*. Сюда же должно отнести и тѣхъ участниковъ разбоя, которые принимали *поклажу*, извѣстную имъ за *разбойное и татиное*, равно тѣхъ, которые *продавали* извѣстную имъ разбойную ру-

хлядь, хотя тѣ и другіе считались не столь виновными, какъ первые, принимавшіе непосредственное участіе въ преступленіи (6). Напротивъ, гораздо менѣе опредѣлено въ источникахъ различіе преступленій по степени ихъ *совершенія*. Виновный наказывался, большею частію, только за тотъ матеріальный вредъ, который причинилъ своимъ дѣйствіемъ, и потому не подвергался наказанію за *покушеніе*, какъ скоро оно не было самостоятельнымъ преступленіемъ. Исключеніе составляло только покушеніе на жизнь государя, за которое преступникъ, часто даже по одному неосновательному подозрѣнію, подвергался тому же наказанію, какъ и за совершеніе внѣшняго дѣйствія. Наконецъ, по *степени участія свободной воли*, преступленія раздѣлялись на *хитростныя* (совершенныя *хитростію*, злонамѣренно), и на *безхитростныя*; но подъ именемъ послѣднихъ, большею частію, разумѣлись только дѣйствія *случайныя*, притомъ часто такія, которыя были произведены различными явленіями природы и потому нисколько не зависѣли отъ воли человѣка, какъ то: убіеніе громомъ или деревомъ, съѣденіе звѣремъ и проч. (7).

Бросивъ взглядъ на понятія, выраженныя въ источникахъ о преступленіяхъ вообще, мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ въ часть-

---

(6) Акты истор. т III N. 167, стат. 30, 31—34.

(7) См. Судебникъ, ст. 90; Акты арх. эксп. т. I N. 273, 208 и 217; Акты истор. т. I, N. 147, 178 и 188, и другія жалованныя и уставныя грамоты.

пости, и для того разсмотримъ сначала преступленія государственныя, потомъ гражданскія (8).

а) *Преступленія государственныя.*

Не исчисляя преступленій государственныхъ *личныхъ*, имѣвшихъ во времена судебниковъ то же значеніе, какъ и въ наше время, мы ограничимся опредѣленіемъ *измѣны* и *лихоимства*, какъ преступленій, на которыя наши предки смотрѣли съ особенной точки зрѣнія.

Особенное понятіе *объ измѣнѣ*, въ самодержавное правленіе Іоанна IV, является еще остаткомъ прежняго порядка вещей. Извѣстно, что, въ періодъ удѣловъ, бояре, пользуясь личною независимостію, могли, по желанію, вступать въ службу того или другаго удѣльнаго князя, также свободно переходить отъ одного къ другому („а бояромъ межи насъ вольнымъ воля“ — неизмѣнное выраженіе въ грамотахъ между великими и удѣльными князьями). При такомъ отношеніи подданныхъ къ верховной власти, очевидно, что измѣна, относительно лицъ высшаго сословія, означала не болѣе какъ нарушеніе обѣта вѣрности, даннаго князю тѣмъ или другимъ боярином касательно службы. Со времени универ-

(8) Мы оставляемъ безъ вниманія третій родъ преступленій (см. вышеприведенное сочиненіе Генке ч. I, т. I, отд. 3, гл. 4, и стрр. 385—387 и ч. III этого сочиненія), непосредственно нарушающихъ какъ права верховной власти, такъ и частныхъ лицъ (Verbrechen gegen das Gemeinwesen), ограничиваясь изложеніемъ только тѣхъ преступленій, которыя имѣютъ особенное значеніе въ нашемъ древнемъ правѣ, и на которыя есть какія-либо указанія въ источникахъ.

жденія единовластія, это понятіе о зависимости должно было, разумѣется, измѣниться въ пользу великихъ князей; но бояре долго не могли привыкнуть къ новой для нихъ подчиненности, и, по прежнему, переходили своевольно изъ Россіи въ Литву и Польшу, а изъ Литвы и Польши въ Россію. Самъ Іоаннъ IV не могъ не признавать этого обычая, и потому обязывалъ къ себѣ въ вѣрности переходившихъ къ нему вновь или даже измѣнившихъ ему бояръ посредствомъ такъ называемыхъ *клятвенныхъ записей*. Въ этихъ запискхъ они обѣщались служить государю вѣрно, не перебѣгать къ иноземнымъ монархамъ и даже не имѣть съ ними никакихъ сношеній, объявлять все то, что услышатъ о *добрѣ* или *лихѣ* государя и его дѣтей, и въ удостовѣреніе своего обѣта, цѣловали крестъ, въ то же время представляя за себя порукъ, которые отвѣчали за ихъ вѣрность денежной суммой, иногда весьма значительной (9). Итакъ, во времена Судебника, измѣна, относительно лицъ высшаго сословія, означала, преимущественно, нарушеніе клятвенной записи, или обѣта вѣрности данному государю. Но и настоящее значеніе этого преступленія, какъ видно изъ источниковъ, было уже извѣстно правительству Іоанна IV, и еще болѣе распространилось съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ окончательнымъ утвержденіемъ самодержавной власти государей (10).

---

(9) См. клятвенныя и поручныя записи, помѣщенныя въ Собр. госуд. грам. и дог. ч. I, N. 149, 152, 153, 154, 113, 157, 161 и др.

(10) См. Сказанія князя Курбскаго (изд. проф. Устряловымъ), ч. II, третье посланіе Курбскаго, стр. 124.

Другое изъ разсматриваемыхъ нами личныхъ государственныхъ преступленій, именно *лихоимство*, хотя и было строго запрещаемо законодателями, но, на практикѣ, очевидно имѣло тѣснѣйшее значеніе, нежели въ наше время; потому что правительство не только довольно слабо смотрѣло за нарушеніемъ постановленій о взяткахъ, но даже, по свидѣтельству иностранныхъ современныхъ писателей, явно дозволяло лихоимство въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ судьи могли принимать безнаказанно подарки (не дороже 8 рублей), привѣшиваемые къ иконамъ, которыя въ большомъ количествѣ украшали ихъ жилища; также, въ продолженіе 8 дней послѣ Пасхи, вмѣстѣ съ яйцами, имъ позволялось дарить нѣкоторыя малоцѣнныя вещи. Наконецъ, безпрерывныя жалобы на лихоимство намѣстниковъ и другихъ судей доказываютъ ясно, что они слишкомъ часто употребляли во зло свое право и, напротивъ, мало опасались наказаній, которыми угрожали имъ законы, какъ видно потому, что угрозы оставались часто безъ исполненія въ случаѣ дѣйствительнаго нарушенія законовъ о лихоимствѣ (11).

---

(11) Ист. гос. росс., т. VII, стр. 203. Вотъ какъ объясняетъ это Герберштейнъ (въ Rerum moscoviticarum commentarii): „Fortasse tantae avaritiae ac improbitatis causa est ipsa egestas, qua suos cum sciat princeps oppressos, ad illorum facinora atque improbitatem quasi impunitate proposita connivet (см. Rerum moscoviticarum auctores varii, Francofurti, 1600, стр. 40). См. также Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, ч. III (записки Маржерета), стр. 36. Въ Юридическихъ актахъ сохранилась весьма любопытная роспись расходовъ слуги Прилуцкаго монастыря при хожденіи его по дѣламъ въ Московскихъ приказахъ, N. 376.

Что касается до преступленій государственных *вещныхъ*, то и объ нихъ наши предки имѣли отчасти особенное понятіе, причисляя сюда не только противозаконныя дѣйствія, извѣстныя подъ этимъ именемъ въ новѣйшее время, но вообще всякій ущербъ, наносимый имуществу государя, которое еще не отличалось тогда отъ собственности государственной. Къ преступленіямъ этого рода можно также отнести нарушеніе различныхъ привилегій, принадлежавшихъ верховной власти (jura regalia minora), какъ то: уставовъ таможенныхъ о продажѣ вина (корчемство), о вѣнечныхъ пошлинахъ, о пятнаніи лошадей и проч. (12).

b) *Преступленія гражданскія.*

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ преступленій, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ *гражданскихъ*, имѣли то же значеніе и во времена Судебника: это доказываетъ частію ихъ особенная подсудность, частію тяжкія наказанія, которыя назначаются за нихъ въ источникахъ. Но едва ли не большая ихъ часть составляла еще предметъ гражданскаго права и судопроизводства, такъ что преступникъ не подвергался никакому наказанію за свою вину, если только до суда мирился со своимъ истцемъ: такъ напр. увѣчье, грабежъ и даже зажигательство были, въ этомъ отношеніи, сравнены съ поклажею и займомъ. Другая особенность въ понятіяхъ нашихъ предковъ, относительно этого рода

(12) Судеб., стр. 96; Акт. арх. эксп. т. I, N. 234, 244 и 250; Акты истор., т. I, N. 155 и др.

преступленій заключается въ томъ, что назначаемыя за нихъ наказанія состояли, большею частію, въ денежныхъ взысканіяхъ, которыхъ количество въ нѣкоторыхъ случаяхъ было именно опредѣлено законодателемъ, а въ другихъ — зависѣло отъ усмотрѣнія судьи *по дѣлу и лицу* преступника, какъ сказано въ Судебникѣ (13). Правда, что эта особенность нашего древняго права объясняется отчасти финансовымъ управленіемъ того времени, по которому правительство, не назначая намѣстникамъ жалованья, вмѣсто того предоставляло въ ихъ пользу опредѣленныя денежныя взысканія съ преступниковъ; но преимущественно она основывалась на несовершенномъ понятіи законодателей о тяжести гражданскихъ преступленій. Исключеніе изъ этого правила составляли только нѣкоторыя преступленія, которыя были особенно опасны *для* благосостоянія общества, обличая явную злонамѣренность виновнаго, повторялись не одинъ разъ, или производились какъ ремесло: они, напротивъ, подвергали преступника самой строгой отвѣтственности и самымъ тяжкимъ наказаніямъ. Изъ этого видно, что кругъ гражданскихъ преступленій, извѣстныхъ во времена Судебника, былъ весьма ограниченъ. Сюда относились: смертоубійство (душегубство) и преимущественно ташьба съ поличнымъ, зажигательство (пожога), ябедничество, насиліе, подписка и всякій подлогъ во вредъ другаго, лихопецъ, игра въ зернь и кости, въ которой виновные, называемые зернщиками и костарями, были особенно строго преслѣ-

(13) Судебникъ, стат. 25, 26, 70 и проч.

думы правительствомъ. Но и изъ этихъ преступленій мы обратимъ вниманіе только на тѣ, которыя имѣли особенное значеніе въ древнемъ русскомъ правѣ; и потому разсмотримъ исключительно: разбой, татьбу съ поличнымъ, ябедничество и насиліе.

Розбой въ древнѣйшихъ источникахъ есть общее названіе не только для грабежа и всякого насильственнаго завладѣнія чужимъ имуществомъ, но и для смертоубійства вообще. Въ этомъ значеніи онъ, очевидно, принимается въ Русской правдѣ, помѣщенной въ кормчей XIII столѣтія, и въ другихъ спискахъ этой книги, въ извѣстномъ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландіею и нѣмецкими городами, и даже въ памятникахъ XIV столѣтія (14). Впослѣдствіи, когда гражданскія преступленія получили болѣе опредѣленное значеніе, разбой отдѣлился отъ смертоубійства, названнаго душегубствомъ, равно отъ грабежа, какъ менѣе тяжкаго преступленія, и сталъ преимущественно означать открытое нападеніе, производимое какъ ремесло шайкою злодѣевъ, все равно, соединялось ли оно съ смертоубійствомъ, или ограничивалось непосредственнымъ достиженіемъ своей цѣли — отнятія чужаго имущества. Смутныя обстоятельства, въ которыхъ долго находилась Россія, способствовали опасному развитію этого преступленія; и потому, современи утвержденія верховной власти, великіе князья обратили особенное вниманіе на разбой, назначили для него особен-

(14) Ист. гос. росс., т. I, прим. 478, т. II, прим. 72, т. III, прим. 248. Акты арх. эксп., т. I, N. 7.

ную подсудность и даже опредѣленныя правила судопроизводства, служившія основаніемъ ко введенію слѣдственнаго порядка въ уголовномъ процессѣ; почему подробнѣйшее развитіе этого предмета будетъ представлено въ статьѣ объ уголовномъ процессѣ.

Татьбою съ поличнымъ назывался исключительно тотъ особенный видъ воровства, когда преступникъ похищалъ чужую собственность, находившуюся *подъ замкомъ* (15). Хозяинъ вещи, заставъ вора на мѣстѣ преступленія, пользовался правомъ самозащищенія въ томъ случаѣ, когда жизни его угрожала опасность, такъ что ночью могъ безнаказанно убивать преступника (16). Но, съ другой стороны, строго запрещалось всякое самоуправство, и самовольная сдѣлка, имѣвшая цѣлію освобожденіе виновнаго отъ наказанія, считалась также преступленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *самосуда*. Въ этомъ случаѣ самъ владѣлецъ вещи подвергался денежному взысканію въ пользу намѣстника или волостеля, которые имѣли исключительное право суда надъ татьбою съ поличнымъ (17).

---

(15) „А *поличное* то, что вынмутъ изъ клѣти изъ-за замка; а найдутъ что во дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное.“ Акты арх. эксп., т. 1, N. 123, 145, 150 и др.

(16) Такое постановленіе читаемъ уже въ Русской правдѣ. См. Древнѣйшее русское право соч. Эверса, перев. Платонова, стрр. 363 и 384.

(17) „А самосуда наши намѣстники и ихъ тіуни емлютъ два рубля: а *самосудъ* то, кто поимаетъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ и ихъ тіуномъ не явя,

Ябедничество. Частое злоупотребленіе въ тяжбахъ, состоявшее въ томъ, что истцы обвиняли отвѣтчика на большую сумму, нежели имѣли у себя наличной собственности, или, какъ сказано въ источникахъ, искали *исковъ великихъ безлѣпичными поклепы*, обратили на себя особенное вниманіе законодателей, которые, для пресѣченія такихъ злонамѣренныхъ исковъ, объявили ихъ преступленіемъ, получившимъ названіе *ябедничества.* Преступникъ подвергался казни, какъ скоро изъ *разметныхъ* (окладныхъ) книгъ, въ которыхъ записывалось имущество городскихъ и сельскихъ жителей и тѣ подати, которыя платилъ каждый изъ нихъ въ казну, открывалось, что онъ имѣлъ менѣе, нежели искалъ: за первую вину онъ подвергался денежному взысканію; но за неоднократное повтореніе ябедничества—и другимъ, болѣе тяжкимъ наказаніямъ: сѣченію кнутомъ, высылкѣ изъ мѣста жительства и даже смертной казни (18). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику ябедничество получило еще другое, болѣе обширное значеніе.

Насиліемъ называлось всякое самовольное или съ силою соединенное нарушеніе различныхъ правъ общинъ и частныхъ лицъ. Такимъ считалось не только нарушеніе правъ собственности и владѣнія, какъ то: *напздъ и грабежъ въ земномъ дѣлѣ*, сѣченіе границей и межевыхъ знаковъ, завладѣніе чужими

а его въ томъ уличатъ, что то самосудъ; а опричь того самосуда нѣтъ." Акты арх. эксп., т. I, N. 13, 123, 145 и 150.

(18) Судеб., стат. 59 и 72. Акты арх. эксп., т. I, N. 242, 250 и 257. Акты истор., т. I, N. 165.

полями и покосами и пр.; но также самоуправство, или насильственная расправа съ ответчикомъ до рѣшенія иска и тяжбы судебной властью. Сюда же можно отнести одинъ случай, о которомъ часто упоминается въ источникахъ, именно когда кто-либо *незванный* приходилъ въ селенія и волости на *пиры* и *братчины:* за насиліе въ этомъ случаѣ преступникъ подвергался денежному взысканію и, кромѣ того, если крестьяне терпѣли отъ того какой-либо убытокъ *(гибель)*, былъ обязанъ платить за него безъ *суда* (19).

2. О наказаніяхъ.

Понятіе *о наказаніи*, какъ о возмездіи верховной власти преступнику за его дѣйствіе, противное благосостоянію государства, можетъ образоваться только съ твердымъ установленіемъ верховнаго правительства. Въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе ранняго развитія монархической власти, эта идея о существѣ наказанія должна была довольно рано сдѣлаться общею, тѣмъ болѣе, что удѣльная система не могла препятствовать ея развитію, что, напротивъ, удѣльные князья могли строже смотрѣть за преступленіями подданныхъ и подвергать ихъ надлежащей казни. Въ самомъ дѣлѣ, уже Русская правда свидѣтельствуетъ, что еще въ то время, когда дозволялась частная расправа, верховная власть считала долгомъ наказывать преступника въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не подвергался такъ называемой

(19) Акты арх. эксп., ч. I, N. 13, 92 и 123. Акты истор., ч. I, N. 59, III и др.

кровной мести со стороны родственниковъ убитаго или оскорбленнаго (20). Отсюда видно, что въ древней Россіи правительство сознало первоначально свою обязанность по отношенію къ уголовному праву только какъ исключеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда частная расправа не могла имѣть мѣста. Такъ дѣйствительно бываетъ въ началѣ государствъ; потому что верховная власть, для собственной безопасности, не можетъ однимъ разомъ уничтожить обычай, освященный древностію и тѣсно связанный съ личнымъ убѣжденіемъ каждаго. Но съ постепеннымъ развитіемъ ея значенія, съ распространеніемъ образованія въ народѣ, частная расправа можетъ быть ограничена и наконецъ запрещена какъ *самоуправство*, противное благосостоянію государства. Такъ еще Ярославъ Великій не осмѣлился уничтожить кровной мести, между тѣмъ какъ его дѣти отложили *убіеніе за голову*, возложивъ на преступника обязанность выкупаться деньгами (21). Современи запрещенія частной расправы, по-крайней-мѣрѣ въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ, верховная власть могла дѣйствовать рѣшительно; и если прежде преступникъ подвергался опредѣленной казни или пенѣ только въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ: то теперь законодатель могъ не только увеличить строгость въ средствахъ наказанія, но и ввести новыя, которыя доселѣ употреблялись только вслѣдствіе фактическаго произво-

(20) См. Русскую правду, ст. 2 (въ Древнѣйшемъ правѣ Эверса, стр. 309).

(21) Тамъ же, стр. 370.

ла князя. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ въ періодъ удѣловъ не только умноженіе различныхъ средствъ наказанія, но и въ этихъ средствахъ видимъ постепенное увеличеніе строгости: между тѣмъ какъ Русская правда знаетъ только пени, виру и выдачу преступника и его имѣнія на разграбленіе князю, удѣльные князья ввели въ употребленіе смертную казнь, клейменіе преступника, отсѣченіе рукъ и другихъ членовъ и проч. Зато, съ другой стороны, употребленіе тѣхъ или другихъ наказаній въ данномъ случаѣ стало зависѣть не отъ одного произвола князя, но преимущественно отъ степени и свойства преступленія. Масштабомъ для опредѣленія степени наказанія было принято *возмездіе*, хотя это возмездіе, по обычаю народовъ необразованныхъ, имѣло цѣлію не столько формальное, сколько матеріальное уравненіе наказанія съ преступленіемъ, т. е. преступникъ подвергался тому же злу, какое причинилъ или думалъ причинить другому своимъ преступленіемъ. Это понятіе о существѣ наказанія не только выражалось на практикѣ въ безчисленныхъ примѣрахъ, но сами законодатели въ своихъ постановленіяхъ говорили ясно, что преступникъ долженъ подвергаться наказанію *по мѣрѣ* своей вины. Іоаннъ III выразилъ это начало въ своемъ Судебникѣ, а Іоаннъ IV, вопреки своей жестокости торжественно хвалившійся справедливостію своего суда, поставилъ въ обязанность судьямъ, не взирая ни на какія отношенія, подвергать преступника заслуженной имъ казни (22). Замѣтимъ однако,

(22) Судеб., стп. 61. Ист. гос. росс., т. IX, стр. 159 и прим. 31.

что, кромѣ возмездія, законодатели, назначая наказаніе преступнику, имѣли также въ виду другія, болѣе частныя цѣли, между которыми важнѣйшее мѣсто занимала цѣль *устрашенія*, для чего наказанія, большею частію, совершались публично и чему преимущественно должна была способствовать жестокость ихъ исполненія, особенно при Іоаннѣ IV (23).

Объяснивъ существо наказанія по понятіямъ нашимъ предковъ, мы обозримъ различныя средства ихъ внѣшняго проявленія, употреблявшіяся въ древней Россіи; но какъ подробное ихъ исчисленіе, съ одной стороны, завело бы насъ слишкомъ далеко, съ другой—было бы излишнимъ: то мы постараемся опредѣлить прежде изъ стороны нашего предмета, на которыя исключительно должны обратить вниманіе.

Всѣ разнообразныя *средства наказанія*, которыя встрѣчаются въ источникахъ, можно подвести къ двумъ главнымъ видамъ: *казнь* и *опала*. Въ обширномъ смыслѣ оба выраженія совершенно тождественны, и потому нерѣдко одно употреблялось вмѣсто другаго. Но въ смыслѣ болѣе тѣсномъ *опала* означала преимущественно гнѣвъ царскій, удаленіе виновнаго отъ двора, *съ глазъ государя*, и преступ-

(23) Исп. гос. росс., т. II, прим. 72, гдѣ приводятся слѣдующія слова кормчей книги: „парочитіи разбойницы на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху, повѣшени да будутъ, *да видѣвшія ради убоятся начинающіи таковая*, и да будетъ упѣшеніе сродникомъ убіенныхъ отъ нихъ (градскаго закона глава 39)“ т. V, 44 и прим. 37; т. IX, прим. 3 и стр. 159. Акты истор., т. I, N. 155 (выписки изъ Стоглава), гдѣ назначаются различныя казни несправедливымъ судьямъ, *да и прочіи страхъ пріимутъ таковая не творити*.

нику угрожала потерею довѣренности царской, лишеніемъ знатной должности при дворѣ, службою въ отдаленномъ городѣ (24). Напротивъ, *казнь* подвергала виновнаго вреду болѣе матеріальному, и состояла въ лишеніи жизни (смертная казнь) или свободы, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, денежныхъ штрафахъ и проч. Очевидно, что царская опала, падая главнымъ образомъ на приближенныхъ къ престолу и особенно чувствительная для царедворцевъ, по пылкой любви къ монарху, которой издревле отличались Русскіе, теряла свою силу въ областяхъ, отдаленныхъ отъ центра управленія, гдѣ могла угрожать преступнику только гнѣвомъ государя. Напротивъ, казнь, равно падая на всякого преступника, преимущественно выражала права и обязанности верховной власти въ сферѣ уголовнаго права. По этой причинѣ мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на царской опалѣ, какъ на средствѣ наказанія, зависѣвшемъ болѣе отъ произвола государя, а обратимъ вниманіе только на различные виды *казни*, имѣющей опредѣленное значеніе и непосредственно относящейся къ уголовному праву.

Исторія временъ, предшествующихъ Іоанну IV, особенно же его царствованія, представляетъ намъ примѣры почти всѣхъ средствъ наказанія, извѣстныхъ въ наше время. Но, подобно всѣмъ явленіямъ въ различныхъ государствахъ, сходныхъ въ общихъ чертахъ и представляющихъ видоизмѣненія въ част-

(24) Истор. Сборникъ, т. II, стрр. 247, 260, 340 и др. Ист. гос. росс. т. IX, прим. 143, стр. 121. Акты арх. эксп., т. I, N. 172.

постяхъ, средства наказанія, извѣстныя въ древней Россіи, имѣютъ также свои оттѣнки, сообразно съ характеромъ и понятіями нашихъ предковъ, и вслѣдствіе различныхъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, при которыхъ тѣ или другія средства наказанія получили свое начало и развитіе. Итакъ, при исчисленіи различныхъ наказаній, мы ограничимся, съ одной стороны, изложеніемъ ихъ начала и развитія, съ другой—указаніемъ на ихъ особенное значеніе въ нашемъ древнемъ уголовномъ правѣ. Съ этой точки зрѣнія мы разсмотримъ сначала средства наказанія *личныя*: смертную казнь, тѣлесныя наказанія, лишеніе свободы и чести, ссылку и отрѣшеніе отъ должности, потомъ — *вещныя*: конфискацію имуществъ и денежные штрафы.

а) *Смертная казнь.*

Съ-тѣхъ-поръ какъ кровная месть была запрещена, какъ самоуправство, и лишеніе жизни преступника сдѣлалось исключительнымъ правомъ верховной власти и ея органовъ въ отношеніи къ уголовному судопроизводству. Но съ своей стороны верховная власть, сознавая существо наказанія, не могла уже такъ произвольно, какъ прежде, пользоваться столь важнымъ правомъ, тѣмъ болѣе, что для предупрежденія злоупотребленій со стороны ея органовъ было также необходимо опредѣлить тѣ случаи, въ которыхъ они могли бы виновнаго подвергать лишенію жизни. Такое опредѣленіе преступленій, подлежащихъ смертной казни, встрѣчается первоначально въ жалованныхъ и договорныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей; но здѣсь число

ихъ весьма ограничено, и притомъ самое право наказанія, предоставленное судьямъ, въ большей части случаевъ поставлено въ непосредственную зависимость отъ рѣшенія государя, безъ чего они не могли ни миловать, ни лишать жизни преступника, подлежащаго по законамъ смертной казни. Вообще великіе князья боялись злоупотребленія этой власти, а нѣкоторые, по особеннаго рода набожности того времени, считали грѣхомъ подвергать смертной казни даже обличенныхъ преступниковъ (25). Впрочемъ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ не встрѣчается подробностей касательно лишенія жизни, какъ наказанія, опредѣленнаго законами, до-тѣхъ-поръ, когда въ рукахъ московскихъ князей стала усиливаться верховная власть, униженная междоусобіями удѣльныхъ князей и игомъ монгольскимъ. Извѣстно, что въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго смертная казнь совершалась уже публично на древнемъ Кучковѣ полѣ, хотя, безъ сомнѣнія, это былъ не первый примѣръ всенароднаго наказанія (26). Еще большее развитіе смертная казнь должна была получить при преемникахъ этого государя, которые, современи единовластія, могли точнѣе опредѣлить нѣкоторыя государственныя преступленія (измѣну, разбой и проч.) и строже преслѣдовать виновныхъ. Наконецъ, въ Судебникѣ Іоанна III лишеніе жизни признается уже общимъ наказаніемъ *для всѣхъ вѣдомыхъ ли-*

(25) См. Лѣтопись Несторову, изд. п. Тимковскаго, стр. 90, Ист. гос. росс., т. II, 162 (духовная Владиміра Мономаха).

(26) Ист. гос. росс., т. V, прим. 44.

лихъ людей, за всякое *лихое дѣло*, особенно за душегубство (смертоубійство), разбой, татьбу, ябедничество и подписку (27); а Іоаннъ IV умножилъ этотъ списокъ преступленій, включивъ въ число преступниковъ, подлежащихъ смертной казни, бунтовщиковъ (коромольниковъ), измѣнниковъ, церковныхъ и головныхъ татей (похитителей чужихъ людей), убійцъ своихъ господъ, подмепчиковъ и зажигателей (зажигальщиковъ) (28). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ уголовные судьи не имѣли права ни казнить, ни отпускать лихаго человѣка безъ доклада государю. Исключеніемъ пользовались только губные старосты и, по свидѣтельству Флетчера, намѣстники отдаленныхъ областей: смоленской, новгородской, псковской и казанской (29).

Смертная казнь совершалась публично, на площади, въ присутствіи многочисленнаго народа, который отвсюду стекался на ужасное зрѣлище, не только привлекаемый любопытствомъ, но также принуждаемый правительствомъ, которое жестокостію казни думало устрашить зрителей. Такъ Іоаннъ IV приказывалъ сгонять на мѣсто казни Москвитянъ, уже привыкшихъ къ самымъ ужаснымъ мученіямъ, не смотря на то, что государь, неистощимый въ

---

(27) См. Судеб. Іоанна III, въ статьѣ о татьбѣ (изд. Спросева и Калайдовича, стр. 5) и Герберштейна въ Rerum mosc. etc. стр. 39.

(28) Судебникъ Іоанна IV, стт. 60, 61 и 71.

(29) Судебникъ, ст. 71. Ист. гос. росс., т. IX, стр. 444, прим. 776 и 777. Ср. Герберш., въ приведенномъ выше изданіи, стрр. 36 и 38.

жестокости, всякій разъ изобрѣталъ новыя муки и казни. Въ особенности Москва, въ царствованіе Грознаго, оглашалась воплями дѣйствительныхъ и мнимыхъ преступниковъ, наказываемыхъ по одиначкѣ или толпами. Въ день, назначенный для казни, въ опредѣленномъ мѣстѣ (сперва на Кучковѣ полѣ, потомъ на площади въ Китаѣ городѣ или на Москвѣ рѣкѣ) приготовлялись орудія смерти: зажигали костры, ставили висѣлицы и котлы съ кипящей и холодной водой и т. п. Потомъ, приводили обвиненныхъ. Наконецъ, являлся царь, окруженный толпою опричниковъ, — и начиналось исполненіе казни. Думный дьякъ государевъ произносилъ сперва имена казнимыхъ, потомъ вызывалъ каждаго по имени, читалъ ему его вины и приговоръ. Затѣмъ немедленно совершалась опредѣленная казнь. Когда царь не присутствовалъ лично, то въ Москвѣ мѣсто его заступали тіуны московскій и дворецкій. Если же преступленіе было совершено въ областномъ городѣ или въ уѣздѣ, то казнь происходила *на мѣстѣ преступленія*, и тогда при ея исполненіи присутствовали намѣстники и волостели, а въ разбойныхъ дѣлахъ губные старосты. Но въ случаяхъ, неопредѣленныхъ законами, или сомнительныхъ — и это было очень часто — преступниковъ привозили въ Москву, гдѣ произносился окончательный надъ ними приговоръ и совершалась казнь (30).

Что касается, наконецъ, до самаго *исполненія* смертной казни, то оно было весьма разнообразно.

---

(30) Ист. гос. росс., IX, стрр. 158—160, прим. 303. Herberstein, стр. 38.

Въ древней Россіи были извѣстны не только *простые* способы лишенія жизни: отсѣченіе головы, разстрѣляніе и висѣлица; но также множество *сложныхъ*: преступниковъ колесовали, разсѣкали на части, разрѣзывали по составамъ, перетирали тонкими веревками, засѣкали до смерти, сажали на колъ, распинали на крестѣ. Подозрѣваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ: при Іоаннѣ IV' извѣстный докторъ Бомелій составлялъ губительное зелье съ такимъ искуствомъ, что отравляемый умиралъ въ назначенную минуту. Далѣе, преступниковъ топили въ рѣкахъ (зимою пускали подъ ледъ) — родъ казни, бывшій особенно въ употребленіи въ Новгородѣ, гдѣ, какъ въ Римѣ съ Тарпейской скалы, преступниковъ свергали съ моста въ Волховъ; сжигали на кострахъ и въ желѣзныхъ клѣткахъ — обыкновенная казнь для еретиковъ, чародѣевъ и виновныхъ въ смерти государя и членовъ царской фамиліи или только подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи на ихъ жизнь. Вмѣстѣ съ преступниками, смертной казни подвергались часто и невинные: за мужей страдали жены, за родителей дѣти (31).

b) *Тѣлесныя наказанія.*

Оба способа *тѣлесныхъ наказаній: членовредительныя* (отнятіе членовъ) и просто — *болѣзненныя*, были равно извѣстны въ древней Россіи, употребляясь или какъ наказанія самостоятельныя, или въ

(31) Ист. гос. росс. т. II, прим. 141; т. III, прим. 167; т. IV', прим. 42; т. V'. стр. 163 и пр. и 374; т. VI, 243 и 194; IX, стрр. 83, 142, 150, 164, 165, 188, прим. 187, 18, 320 и пр. Судебникъ, стт. 59 и 60.

соединеніи съ другими, и притомъ одинаково падая на всѣхъ преступниковъ, безъ различія состоянія и званій. Мы остановимся на каждомъ изъ этихъ видовъ въ частности.

Членовредительныя наказанія, служа отчасти средствомъ для обозначенія преступника, замѣченнаго въ воровствѣ (32), употреблялись преимущественно вслѣдствіе особеннаго взгляда нашихъ предковъ на возмездіе, какъ на существо наказанія. Въ этомъ отношеніи виновный подвергался лишенію того или другаго члена не только за поврежденіе тѣлеснаго организма, но также за преступленіе, совершенное при содѣйствіи этого члена: за воровство отсѣкали руку; за богохуленіе, за слова, оскорбительныя для государевой чести, за ложные доносы лишали языка и проч. (33). Замѣтимъ однако, что членовредительныя наказанія имѣли большее значеніе на практикѣ, нежели въ системѣ законовъ, гдѣ за преступленія, подлежащія этой казни, назначались преимущественно, даже почти исключительно, наказанія просто-болѣзненныя или денежные штрафы. Итакъ, между тѣмъ какъ исторія представляетъ намъ безчисленные примѣры членовредительствъ— отсѣкали руки, ноги, языкъ и другіе члены, выжи-

(32) Сюда относятся какъ отсѣченіе руки, такъ и клейменіе (пятнаніе) преступника („а всякого вора пятнати"). Ист. гос. росс. т. III, прим. 248. Ср. Собр. гос. грам. и дог. т. II, N. I; Акты арх. эксп., т. I, N. 13 и 224; Акты истор., т. III, N. 167, стр. 38, и Anglorum navigatio ad Moscovitos (въ Rerum moscov. стр. de forum suppliciis).

(33) Ист. гос. росс., т. II, прим. 182; т. III, 33 и прим. 30; т. IV, 77; т. V, 135, 266 и прим. 278, 351 и прим. 365; т. VI, 206 и 276; т. VII, 175; т. VIII, стр. 16 и т. IX, прим. 190.

гали, выкалывали и вырѣзывали глаза—источники (и то позднѣйшіе; потому что Русская правда, какъ справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, не упоминаетъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ) знаютъ только отсѣченіе руки—обыкновенное наказаніе для воровъ, обличенныхъ въ повтореніи преступленія или въ двухъ татьбахъ вмѣстѣ — *и пятнаніе*, или клейменіе (на щекѣ или на лбу), которому подвергались тѣ же преступники (34). Въ Судебникахъ Іоанна III и его внука даже вовсе не упоминается объ этомъ родѣ тѣлесныхъ наказаній.

Гораздо чаще употреблялись наказанія просто-*болѣзненныя*, хотя въ примѣненіи ихъ къ практическимъ случаямъ старались, повидимому, также о матеріальномъ уравненіи наказанія съ преступленіемъ. Стоитъ только вспомнить о тѣхъ мучительныхъ заволокахъ, которыя искусный врачь Строгановъ, по приказанію Іоанна IV, долженъ былъ сдѣлать Ѳеодору Нагому за клевету его на Бориса Годунова. Подобно тому, поддѣльщикамъ и обрѣзчикамъ денегъ лили въ ротъ растопленное олово (35). Вообще однако наказанія болѣзненныя, не смотря на жестокость ихъ исполненія, считались легчайшими, въ сравненіи съ наказаніями членовредительными; и потому на практикѣ употреблялись для преступленій менѣе значительныхъ, а въ законодательствѣ, какъ мы сказали выше, были почти исключительнымъ способомъ наказанія. Са-

(34) Тамъ же, т. II. стр. 66, также выше прим. 32.

(35) Тамъ же, т. IX, стр. 356 и прим. 618; т. VIII, стрр. 42, 43 и прим. 67.

мое исполненіе ихъ было весьма разнообразно, соразмѣряясь со степенью виновности преступника. Мы не станемъ однако исчислять всѣхъ болѣзненныхъ наказаній, а разсмотримъ только важнѣйшіе ихъ виды.

Первое мѣсто, по степени тяжести, занимаетъ *торговая казнь*. Такъ называлось наказаніе кнутомъ, которое совершалось, обыкновенно, среди города, на площади или на торгу, отчего оно получило и самое названіе. Извѣстный путешественникъ Олеарій оставилъ намъ, между прочимъ, описаніе этой казни. Виновный спускалъ съ себя платье и ложился на спину помощнику палача, обвивъ руки около его шеи. Ноги преступника связывались веревкой, которую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него держалъ за концы другой прислужникъ палача, отчего казнимый не могъ даже свободно шевелиться. Самъ палачь, стоя отъ преступника въ трехъ добрыхъ шагахъ, изо всей мочи стегалъ его длинным, толстымъ кнутомъ, такъ что, послѣ каждаго удара, кровь текла ручьями, потому что кнутъ оканчивался тремя ремнями изъ самой грубой кожи, которые рѣзали спину, какъ-бы ножемъ. Иногда несчастный издыхалъ подъ ударами палача, хотя послѣдній не имѣлъ права превышать назначенное число ударовъ. Для этого судья или недѣльщикъ, присутствовавшіе при совершеніи казни, объявляли число ударовъ, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ, и, по исполненіи казни, кричали палачу: „полно“ или „стой“ (36). Кажется однако, что

(36) См. его Beschreibung der muskowitischen und persischen Rei-

это не былъ единственный способъ торговаго наказанія; потому что въ источникахъ упоминается еще о сѣченіи кнутомъ на *дыбѣ*, также *на козлѣ* — обычай допынѣ сохранившійся въ нѣкоторыхъ деревняхъ.

Батоги. Это наказаніе считалось легче перваго, и потому не было исключительнымъ правомъ судьи, принадлежа и другимъ лицамъ въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ; также въ случаяхъ, смягчающихъ преступленіе, оно замѣняло собою торговую казнь. Оно совершалось слѣдующимъ образомъ. Преступника клали на землю ничкомъ, обнаживъ ему спину до рубахи. Два человѣка держали его, одинъ за ноги, другой за голову, а третій (иногда и нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ) драль ему спину прутьями толщиною въ палецъ до-тѣхъ-поръ, пока не останавливалъ его судья (37). Видомъ этой казни былъ такъ называемый *правежъ*. Передъ Суднымъ или другимъ приказомъ, во время присутствія, недѣльщики били виновнаго прутомъ или тросшью по икрамъ, и это продолжалось каждый день до истеченія назначеннаго срока. Впрочемъ, это наказаніе употреблялось болѣе какъ мѣра взысканія для неисправныхъ плательщиковъ, что называлось *править долги*, отчего и самый правежъ получилъ свое имя (38).

---

se, 2го изд., 1656, 20 главу, стр. 273 и д. Ист. гос. росс., IX, прим. 190.

(37) См. Акты юрид., N. 30; вышеприведенное сочиненіе Адама Олеарія, гл. 20, стр. 273, также Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, часть III, стр. 82.

(38) Акты юрид., N. 316; Истор. взглядъ на правежи въ Россіи (статья Ил. Васильева въ Запискахъ общ. истор. и древ.

Самымъ легкимъ изъ болѣзненныхъ наказаній считалось наказаніе *розгами*. Не смотря на то, въ источникахъ о немъ упоминается не столько какъ о средствѣ частной, но и государственной расправы: такъ князя Михайла Ноздроватаго высѣкли на *конюшнѣ* за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена. Іоаннъ IV пользовался даже этимъ средствомъ наказанія *для* смертной казни: по-крайней-мѣрѣ, по свидѣтельству Таубе и Крузе, князья Щепяповъ и Турупгай-Пронскій были *засѣчены* розгами (39).

с) *Ссылка и лишеніе свободы.*

Въ древнемъ русскомъ правѣ (до Іоанна IV) нѣтъ яснаго различія между *ссылкою и лишеніемъ свободы*. Въ своихъ понятіяхъ современники смѣшивали ихъ значеніе, а на практикѣ (какъ видно изъ множества примѣровъ) они часто соединялись въ одно общее наказаніе—*лишеніе свободы, или заключеніе въ отдаленномъ городѣ*, монастырѣ и проч. Только со времени открытія Сибири, доставившаго Россіи возможность пользоваться *ссылкой* предпочтительно предъ другими государствами, могли образоваться въ этомъ отношеніи болѣе опредѣленныя правила. Если же и до того времени встрѣчаются нѣкоторые примѣры этого наказанія въ настоящемъ его значеніи, то они *являются* не болѣе, какъ слѣдствіе произвола князя или мятежнаго на-

---

росс., часть III, стр. 100 и д.); также Сказанія современниковъ о Димитр. Самоз., часть III, стр. 37 и V (записки Маскѣвича), стр. 64

(39) Ист. гос. росс., т. IX, стр. 272 и прим. 186 (Таубе и Крузе, стр. 207).

рода. Такъ мы знаемъ, что великій князь Мстиславъ (сынъ Мономаховъ) сослалъ полоцкихъ князей въ Грецію (въ 1129 году), и что Новогородцы, а изрѣдка и жители другихъ городовъ, высылали изъ своей области князей, правленіемъ которыхъ были недовольны. Болѣе опредѣленное значеніе ссылка имѣла только по отношенію къ изгнанію преступника изъ мѣста его жительства или мѣста преступленія (изъ города или волости *выбити вонъ*), куда онъ не могъ болѣе возвращаться безъ особенно-вредныхъ для себя послѣдствій; но это наказаніе, главнымъ образомъ, распространялось только на воровъ и ябедниковъ. Что касается до ссылки, какъ способа ограниченія свободы преступника назначеніемъ ему какого-либо отдаленнаго мѣста жительства: то она встрѣчается или въ значеніи опалы, или исключительно какъ мѣра охраненія. Въ первомъ случаѣ виновному поручалась извѣстная служба или обязанность въ городѣ, служившемъ мѣстомъ ссылки; во второмъ — онъ лишался всякой должности и находился подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства (40).

Напротивъ, собственно такъ называемое *лишеніе свободы* было болѣе извѣстно въ древней Россіи, употреблялось или какъ самостоятельное наказаніе, или преимущественно какъ мѣра охраненія. Въ томъ и другомъ значеніи оно часто встрѣчает-

(40) Ист. гос. росс., т. II, стр. 115; т. VII, 176 и 181; т. VIII, 70 и 81; т. IX, 16, прим. 18, 109, прим. 84. О запрещеніи Воротынскому въѣзжать въ Москву упоминаетъ Герберштейнъ (въ Rerum mosc., стр. 50), а въ Актахъ истор. находится отрывокъ изъ дѣла о его ссылкѣ, т. I, N. 174.

ся въ источникахъ (хотя не упоминается еще въ Русской правдѣ), особенно въ Судебникѣ и современныхъ ему памятникахъ юридическихъ.

Какъ самостоятельное наказаніе, лишеніе свободы было или *пожизненное*, или *временное*. Первое (*тюрьма на смерть*) преимущественно употреблялось въ томъ случаѣ, когда преступникъ, подлежащій смертной казни, не признавался въ своемъ преступленіи, что, какъ увидимъ ниже, считалось, въ большей части случаевъ, необходимымъ для того, чтобы подвергнуть его назначенному въ законахъ наказанію (41). Такимъ образомъ темницы наполнялись множествомъ заключенныхъ, число которыхъ увеличивалось еще употребленіемъ тюремнаго содержанія, какъ мѣры охраненія; а отсюда объясняется отчасти обычай ссылать преступника для заключенія въ отдаленныя мѣста. Назначеніе срока временнаго лишенія свободы зависѣло отъ усмотрѣнія верховной власти, которая назначала также мѣсто содержанія преступника. Особеннымъ видомъ этого средства наказанія было *ограниченіе свободы* въ извѣстныхъ только отношеніяхъ. Способы такого ограниченія были весьма различны: иногда свобода виновнаго ограничивалась вслѣдствіе принужденной перемѣны состоянія, когда напр. преступникъ свѣтскаго сословія подвергался невольному постриженію и заключенію въ монастырь; иногда назначеніемъ мѣстопребыванія, высылкою изъ мѣста жительства или преступленія и пр. (42).

---

(41) Акты истор., т. III, N. 167. Судеб., стр. 52.

(42) Ист. гос. росс., т. V, 234 и 265; также выше прим. 40.

Какъ *мѣра охраненія*, лишеніе свободы употреблялось не только для подсудимыхъ, но и для виновныхъ въ извѣстномъ преступленіи. Въ первомъ случаѣ подсудимый подвергался всегда лишенію свободы, когда не могъ представить по себѣ поруки въ томъ, что въ опредѣленный срокъ явится на судъ, заплатитъ долгъ или, вслѣдствіе неуплаты денегъ, будетъ *ставиться на правежѣ*. Такому же заключенію подвергались и обвиненные по суду, когда не могли представить по себѣ порукъ въ томъ, что не окажутся впредь виновными въ учиненномъ ими преступленіи. На этомъ основаніи, судьи не имѣли права заключать въ темницы *(ковать въ желѣза)* подсудимыхъ прежде, нежели имъ будетъ достовѣрно извѣстно, что они не могутъ представить порукъ, и нарушеніе этого правила подвергало ихъ строгой отвѣтственности. Но, съ своей стороны, поруки *(поручники)*, принимая на свою отвѣтственность подсудимаго или виновнаго, вслучаѣ неисполненія съ его стороны возложенной на него обязанности или новаго преступленія, *отвѣчали головою въ его мѣсто*, или принуждены были заплатить сумму денегъ, заранѣе назначенную въ *поручной записи*, которая давалась ими по этому случаю, равно какъ убытки истца и судебныя издержки (43).

Сюда же можно отнести одну мѣру, весьма употребительную въ древнемъ русскомъ правѣ — переселеніе жителей изъ одной области въ другую,

---

(43) Судеб., спис. 49, 54, 55, 56 и пр. Акты истор. т. III, N. 167.

частію въ наказаніе, но преимущественно для предупрежденія возмущеній во вновь покоренныхъ или усмиренныхъ областяхъ. Въ особенности этою мѣрою пользовались Іоаннъ III и его внукъ, хотя она и прежде была извѣстна. Такъ Іоаннъ IV, въ 1569 году, вывелъ изъ Пскова 500 семействъ, а изъ Новгорода 150 въ Москву. Такое переселеніе жителей изъ одной области въ другую называлось *разводомъ* (44).

d) *Лишеніе чести.*

Понятіе о чести въ древней Россіи имѣло свое отличительное значеніе, которое выражалось въ особенномъ взглядѣ нашихъ предковъ, съ одной стороны, на преступленія, или дѣйствія подвергающія безчестію, съ другой — на лишеніе чести, какъ на средство наказанія.

Собственно такъ называемыя преступленія, по господствующему понятію того времени, не лишали чести самого виновнаго, хотя и могли служить основаніемъ для безчестія лица, оскорбленнаго его преступленіемъ. Сюда преимущественно относятся такъ называемыя *личныя обиды*: виновный, нанесшій безчестіе другому, былъ только обязанъ заплатить ему извѣстную сумму денегъ (*безчестіе*), смотря по роду и степени своей вины и по состоянію оскорбленнаго, между тѣмъ какъ самъ оскорбленный подвергался невыгодному мнѣнію или даже всеобщему порицанію, если не искалъ вознагражденія за причиненное ему *безче-*

(44) Ист. гос. росс., т. VI, 140, 192 и 139; т. VII, 42; т. IX. 145, 470 и прим. 282.

стіе (45). Но собственно отличительный взглядъ нашихъ предковъ на понятіе о чести или безчестіи относится къ *мѣстничеству*. Выше, излагая государственное право, мы, между прочимъ, обратили вниманіе и на это особенное явленіе древней Россіи. Оно состояло, какъ мы видѣли, въ томъ, что каждое лицо высшаго сословія, какъ на службѣ, такъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, могло или по-крайней-мѣрѣ должно было занимать по отношенію къ другимъ только извѣстное, принадлежавшее ему по праву мѣсто. Это право опредѣлялось не только прежними мѣстами, которое занимало то или другое лицо въ извѣстныхъ *случаяхъ*; но также значеніемъ его *рода* и *мѣстами* его предковъ, что записывалось исправно въ родословныхъ и розрядныхъ книгахъ. Назначеніе извѣстному лицу низшаго мѣста, нежели ему приходилось по *родословцу* или *разряду*, или даже упрекъ въ томъ, что кто-либо не по праву занимаетъ то или другое *мѣсто*, считалось для него тяжкой обидой и преимущественно называлось *безчестіемъ*, между тѣмъ какъ несправедливое назначеніе ему высшаго мѣста было въ то же время обидой для другихъ, которые должны были отъ него зависѣть или въ сравненіи съ нимъ получили низшія мѣста. Жалобы на такое безчестіе были безпрерывныя и суды весьма продолжительны; потому что, съ своей стороны, отвѣтчики употребляли всѣ средства, чтобы выиграть тяжбу и не лишиться чести по суду. Зато и истецъ, котораго жалоба была приз-

(45) Судеб., ст. 26.

папа справедливой, не могъ уже довольствоваться денежной пеней, назначаемой за личную обиду, и требовалъ наказанія болѣе удовлетворительнаго для его оскорбленной чести, которымъ бы, въ свою очередь, могъ оскорбить честолюбіе своего соперника. Такимъ наказаніемъ была *выдача* виновнаго *головою за безчестіе*. Въ этомъ значеніи выдача головою отличалась, съ одной стороны, отъ выдачи преступника на произволъ или въ собственность истца (выдача головою въ собственномъ смыслѣ), съ другой — отъ выдачи неисправнаго должника заимодавцу въ услуженіе (выдача головою *до искупа*) тѣмъ, что она была не что иное, какъ обрядъ, оскорблявшій чувство чести виновнаго. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Истца или отвѣтчика, обвиненнаго по суду, приводили на дворъ его соперника приставы въ сопровожденіи дьяка или подьячаго. На нижнемъ крыльцѣ онъ долженъ былъ ждать прихода боярина, который, бывъ о томъ извѣщенъ заранѣе, въ этотъ день не выходилъ со двора. Когда онъ, наконецъ, являлся на крыльцѣ, дьякъ или подьячій обращался къ нему съ рѣчью, говоря, что „Великій Государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быть не хотѣлъ, за его боярское безчестіе отвесть къ нему боярину головою.“ Боринъ, поблагодаривъ за *царское жалованье*, отпускалъ соперника, довольствуясь его униженіемъ, и даже одарялъ дьяка или подьячаго, а на другой день ѣздилъ къ самому царю благодарить за его *жалованье* (46). Кромѣ этого наказанія, въ

(46) См. Юридич. записки, т. I, стрр. 75 и 76; также О

дѣлахъ по мѣстничеству употреблялись также опала, тюремное заключеніе и проч. (47).

Къ средствамъ, оскорбляющимъ чувство чести, можно отнести еще два рода наказаній, весьма извѣстные въ древности, которымъ подвергались преступники, обличенные въ *лихоимствѣ* и *ереси*. Первое назначалось для судей и дьяковъ, которые брали подарки (*посулы*) и кривили душею. По извѣстіямъ иностранцевъ, оно состояло въ томъ, что лихоимцу, заслужившему тѣлесное наказаніе, во время его исполненія, привязывали къ шеѣ кошелекъ, серебро, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую имъ въ подарокъ (48). *Еретики*, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, подвергаемые наказанію, опредѣленному за ересь *въ градскихъ законахъ*, или узаконеніяхъ (правилахъ) греческихъ императоровъ, включенныхъ въ Номоканонъ (кормчую книгу), переносили, кромѣ того, наказаніе, оскорбительное для чести. Такъ поступилъ архіепископъ новгородскій Геннадій съ нѣкоторыми обличенными въ ереси, приказавъ ихъ посадить на коней, лицомъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестевыхъ, острыхъ (какіе изображаются на бѣсахъ), съ мочальными кистями, съ вѣнцомъ соломеннымъ и съ надписью: *се есть сатанино воинство!* Также наказанъ былъ при Іо-

---

Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, современное сочиненіе Григорія Кошихина, стрр. 34 и 35.

(47) Историч. сборникъ, т. II, гдѣ собраны различныя дѣла по мѣстничеству.

(48) Сказанія современ. о Димитр. Самозв., часть III, стр 36.

апнъ Грознымъ архіепископъ новгородскій Пименъ: его посадили на бѣлую кобылу въ худой одеждѣ, съ волынкою, съ бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха, возили изъ улицы въ улицу и пр. (49).

Что касается до лишенія чести какъ самостоятельнаго наказанія, то оно было не извѣстно, тѣмъ болѣе, что, по господствующимъ понятіямъ того времени, никакое наказаніе (исключая, можетъ быть, въ дѣлахъ по мѣстничеству) не было соединено съ безчестіемъ для преступника. По словамъ Олеарія, еще въ его время виновный, претерпѣвшій наказаніе, не лишался чрезъ то общественной довѣренности, хотя онъ уже замѣнилъ нѣкоторыя перемѣны, происшедшія, въ позднѣйшее время, во взглядѣ нашихъ предковъ на понятіе о чести (50).

c) *Отрѣшеніе отъ должности.*

Какъ средство, дополнительное къ другимъ наказаніямъ, *отрѣшеніе отъ должности* слѣдовало само собою въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ подвергался смертной казни, лишенію свободы или ссылкѣ. Но, кромѣ того, оно назначалось также за нѣкоторыя другія преступленія, именно опредѣленныя въ законахъ. Такъ, по Судебнику, подъячіе и недѣльщики отрѣшались отъ должности: первые, когда находили у нихъ (за городомъ или на подворьѣ) списки съ судебныхъ дѣлъ, которыя должны были всегда храниться у дьяковъ; вторые, когда

(49) Ист. гос. росс., т. VI, 199 и т. IX, 152.

(50) *Olearius*, Beschreibung der muskovitischen und persischen Reise, гл. 20, стр. 273 и д.

они брали *посулъ* (взятку), хотя бы въ пользу постороннихъ лицъ. Еще яснѣе говорится объ этомъ наказаніи въ Стоглавѣ, гдѣ судьи угрожаются отрѣшеніемъ отъ должности не только за лихоимство (неоднократно повторенное), но также за *продажу* и *насильство*. Послѣднее относится преимущественно къ недѣльщикамъ. Достаточнымъ доказательствомъ въ этихъ преступленіяхъ считалось показаніе *добрыхъ свидѣтелей*, и виновные подвергались наказанію *безъ суда* (51).

f) *Конфискація имуществъ и денежныя взысканія.*

Изъ различныхъ наказаній такъ называемыя *вещныя* — конфискація имуществъ и денежныя пени — являются въ исторіи ранѣе другихъ. Но въ началѣ своего учрежденія они извѣстны не болѣе, какъ средство частнаго вознагражденія, которымъ преступникъ примиряется съ самимъ оскорбленнымъ или его наслѣдниками, для предупрежденія, съ ихъ стороны, частной расправы или кровной мести, и только впослѣдствіи, съ развитіемъ верховной власти, становятся предметомъ уголовнаго права. Можно поэтому думать, что и въ Россіи, до утвержденія монархическаго правленія, вещныя наказанія были извѣстны между племенами славянскими и имѣли то же самое значеніе, хотя, какъ видно изъ позднѣйшихъ источниковъ, при такомъ положеніи общества, они не были въ состояніи уничтожить частной расправы. Напротивъ, раннее развитіе у насъ верховной власти произвело другое явленіе, не

(51) Судебн. стат. 28 и 32. Акты истор., т. I, N. 155.

совсѣмъ, кажется, сходное съ общимъ развитіемъ вещныхъ наказаній въ системѣ гражданскаго и уголовнаго права. Варяго-Руссы еще застали въ нашемъ отечествѣ кровную месть во всей ея силѣ, и потому не могли рѣшиться уничтожить ее вдругъ, довольствуясь постепеннымъ ея ограниченіемъ. Итакъ верховная власть, относительно большей части уголовныхъ преступленій, должна была терпѣть частную расправу; но, сознавая свое значеніе, не могла оставить безъ наказанія тѣхъ преступниковъ, которымъ не угрожала кровная месть со стороны оскорбленныхъ. Отсюда установленіе *виры* объясняется уже какъ право верховной власти, подвергать наказанію преступниковъ за дѣйствія, нарушающія благосостояніе государства. Ниже мы увидимъ, что, дѣйствительно, это учрежденіе въ древней Россіи совершенно сходно съ подобнымъ учрежденіемъ въ германскомъ правѣ, и отличается только тѣмъ, что въ послѣднемъ оно было первоначально явленіемъ гражданскаго общества, и потому преимущественно средствомъ частнаго вознагражденія, между тѣмъ какъ у насъ вещныя наказанія были, главнымъ образомъ, установленіемъ верховной власти, и потому, уже въ самомъ началѣ своемъ, относились болѣе къ уголовному праву. Вмѣстѣ съ *вирою*, верховная власть ввела въ употребленіе *конфискацію имуществъ* для преступленій болѣе тяжкихъ или, по-крайней-мѣрѣ, болѣе предосудительныхъ по понятіямъ древнихъ народовъ (52). Это отличи-

(52) *Эверса* Древнѣйшее русское право, стрр. 370, 371, 372, 374, 380 и др.

тельное свойство учрежденія въ Россіи вещныхъ наказаній тѣмъ болѣе примѣчательно, что, даже съ измѣненіемъ взгляда нашихъ предковъ на важность уголовныхъ преступленій и слѣд. на средства наказанія, которымъ они должны подвергаться, денежныя взысканія не только удержали важнѣйшее мѣсто въ уголовномъ правѣ, но даже, до позднѣйшаго времени, сохраняли характеръ своего первопачальнаго учрежденія.

Опредѣливъ такимъ образомъ точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на вещныя наказанія въ древнемъ русскомъ правѣ, мы разсмотримъ въ частности: α) конфискацію имуществъ и β) денежныя взысканія.

α) *Конфискація имуществъ.*

Въ древнѣйшихъ источникахъ мы уже встрѣчаемъ указанія на *конфискацію имуществъ* какъ на средство наказанія, весьма употребительное для нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій. Еще болѣе, судя по извѣстному мѣсту у лѣтописца, гдѣ онъ говоритъ о казни и вирѣ при великомъ князѣ Владимірѣ, мы имѣемъ право думать (основываясь на сравненіи этого мѣста съ подобнымъ мѣстомъ въ Русской правдѣ), что этотъ способъ наказанія былъ даже извѣстенъ въ самомъ началѣ нашего государства. По-крайней-мѣрѣ, въ Русской правдѣ находимъ уже ясное указаніе на разграбленіе имущества, которому подвергались преступники, уличенные въ разбоѣ, равно какъ въ воровствѣ княжескаго коня или зажигательствѣ княжескаго гум-

на, не смотря на то, что виновный, сверхъ того, выдавался князю головою (53). Въ позднѣйшемъ правѣ конфискація имуществъ встрѣчается также какъ средство весьма употребительное, большею частію въ соединеніи со смертною казнію, хотя и были примѣры, гдѣ преступникъ, не лишаясь жизни, терялъ однако имѣніе, вслѣдствіе произвола князя или мѣстнаго правительства. Изъ различныхъ источниковъ, относящихся къ періоду удѣловъ, видно, что *остатокъ*, или имѣніе преступника, уличеннаго въ душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ, употреблялись частію для удовлетворенія истца, но преимущественно поступали въ руки намѣстниковъ или верховной власти (54). Съ утвержденіемъ единовластія, конфискація имуществъ должна была получить болѣе опредѣленныя правила, что дѣйствительно и было исполнено въ судебникѣ Іоанна III, еще болѣе въ узаконеніяхъ Іоанна IV. Изъ различныхъ статей его судебника видно, что это средство наказанія соотвѣтствовало болѣе тяжкимъ преступленіямъ, обыкновенно подвергавшимъ преступника смертной казни, слѣд. опредѣленіемъ преступленій, подлежащихъ послѣднему наказанію, опредѣляются также и тѣ случаи, въ которыхъ правительство конфисковало имѣніе преступника. Эта конфискація была общая (исключалась только часть имущества, служившая для удовлетворенія истца), и законодатель не обращалъ никакого вниманія на женъ и дѣтей виновнаго, ко-

(53) См. Лѣтопись Несторову, изд. Тимковскаго, стр. 90 и вышеприведенныя статьи Русской правды въ соч. Эверса.

(54) См. уставныя и жалованныя грамоты.

торые, напрошивъ, какъ мы сказали выше, часто испытывали сами злосчастный жребій мужа или отца (55).

β) *Денежныя взысканія.*

Подъ именемъ *денежныхъ взысканій* въ уголовномъ правѣ разумѣются собственно тѣ пени, которыя взимаются верховною властію за дѣйствія, запрещенныя закономъ и противныя благосостоянію государства. На этомъ основаніи, говоря о денежныхъ взысканіяхъ въ древнемъ уголовномъ правѣ, мы должны отличать ихъ отъ вознагражденій натурою или деньгами, которыя получалъ, съ одной стороны, судья за свой трудъ, съ другой — истецъ въ удовлетвореніе понесеннаго имъ убытка или оскорбленія; потому что денежныя взысканія перваго рода суть не что иное, какъ *судебныя пошлины*, а взысканія въ пользу истца — *вознагражденія*, которыя онъ получаетъ въ искахъ *личныхъ* и *вещныхъ*. Оба послѣдніе рода взысканій сюда не относятся: мы уже имѣли случай говорить объ нихъ въ своемъ мѣстѣ, и потому здѣсь ограничимся разсмотрѣніемъ собственно денежныхъ штрафовъ въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ системѣ уголовнаго права.

По различію преступленій, подвергавшихъ виновнаго денежнымъ взысканіямъ, равно какъ по степени ихъ тяжести и по мѣрѣ ихъ опредѣленности, можно раздѣлить денежныя взысканія на три вида. Сюда относятся: 1) вира, 2) продажа и 3) пеня.

---

(55) Судебн. стат. 60 и 61, также губныя грамоты, и особенно Акты истор. т. III, N. 167.

1) *Вира* (вера). Нѣтъ сомнѣнія, что видъ денежныхъ взысканій, извѣстный у насъ подъ этимъ именемъ, имѣетъ свое начало въ германскомъ правѣ; потому что въ славянскихъ законодательствахъ мы не встрѣчаемъ ни названія виры, ни отличительнаго свойства этого учрежденія. Въ источникахъ германскаго и русскаго права слово *вира* или *вера* (Wera, Wehrgeld, verigeldum, virigeldum, vidrigeldum и пр.) означаетъ цѣну, платимую за убіеніе свободнаго человѣка (*за голову* — capitis aestimatio). Она была различна, смотря по состоянію убитаго, и ея уплата была обезпечена круговой порукой (Gesammtbürgschaft) лицъ, жившихъ въ одномъ округѣ, хотя, впрочемъ, они вступали въ такое отношеніе произвольно и могли ограничивать его опредѣленнымъ числомъ лѣтъ, какъ это именно было у Англосаксовъ и, кажется, въ русскомъ правѣ. Лица, связанныя круговой порукой, помогали преступнику въ платежѣ виры, когда виновникъ смертоубійства былъ извѣстенъ и находился налицо, а въ случаѣ его отсутствія или неизвѣстности были обязаны платить всю виру (56). Въ источникахъ нашего права это учрежденіе представляется намъ даже яснѣе, нежели въ германскомъ правѣ. Такъ въ Русской правдѣ мы находимъ нѣкоторыя опредѣленныя правила касательно круговой поруки лицъ, жившихъ въ одномъ округѣ, или *верви* (слово напоминающее собою скандинавское Warph или Warf, и, по толкованію

(56) См. статью митрополита *Евгенія*, въ Трудахъ Общества истор. и древностей, стр. 13 и д., ч. III, кн. I; также *Эйхгорна*, Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, 4 изд., часть I, стр. 423, § 71, также стр. 88.

Адама Бременскаго, соотвѣтствующее германскому слову Thing или Ding) (57), и даже особенное имя для виры, которая платилась *съ ихъ общаго участія*: именно она называлась *дикой вирой*. Подробное изслѣдованіе этого предмета сюда не относится; но, по неопредѣленности его значенія и неудовлетворительности сдѣланныхъ доселѣ объясненій, мы рѣшились, въ краткихъ словахъ, высказать и наше мнѣніе касательно дикой виры. Для того, чтобъ объяснить ея происхожденіе и самое названіе, согласно съ тѣмъ значеніемъ, которое она имѣетъ въ источникахъ, стоитъ только допустить одно учрежденіе, существовавшее въ древнемъ германскомъ правѣ и котораго слѣды сохранились у насъ не только, какъ мы увидимъ ниже, въ такъ называемыхъ *губахъ*, но и въ подобныхъ примѣрахъ круговой поруки позднѣйшаго времени. Я говорю объ общемъ правѣ, принадлежавшемъ отдѣльнымъ владѣльцамъ обработанныхъ участковъ земли на необработанную или *дикую* землю (Allmande). Такъ какъ общее владѣніе этою землею служило главнымъ центромъ соединенія отдѣльныхъ землевладѣльцевъ: то оно могло быть также основаніемъ и для ихъ взаимныхъ обязанностей по отношенію къ ней, и, между прочимъ, для обязанности платить *съ общаго участія* виру въ томъ случаѣ, когда убитый человѣкъ былъ найденъ на общей ихъ землѣ, отчего и самая вира, естественно, получила названіе *дикой*, т. е. платимой за человѣка убитаго въ

(57) См. приведенную выше статью Рейца въ Dorpater Jahrbücher.

дикомъ (необработанномъ) мѣстѣ (58). Но если дѣйствительно таково было первоначальное значеніе дикой виры: то оно должно было, въ послѣдствіи времени, весьма измѣниться, съ одной стороны вслѣдствіе уменьшенія или даже уничтоженія необработанныхъ земель, по мѣрѣ умноженія народонаселенія, съ другой — вслѣдствіе установленія платежа виры и для городскихъ жителей. Вотъ почему самое названіе ея вышло, наконецъ, изъ употребленія, и во времена Судебника уже не встрѣчается въ источникахъ, хотя общее имя виры и первоначальное ея значеніе были извѣстны и въ позднѣйшее время.

Какъ въ германскомъ, такъ и русскомъ правѣ вира была или *полная* (plena vira), или *половинная* (dimidia wera). Первая, въ русскомъ правѣ, состояла изъ 40 и 80 гривенъ, смотря по состоянію убитаго; вторая — изъ 20, полагаемыхъ за убійство женщины и за увѣчье. За убіеніе лицъ низшаго, но свободнаго состоянія платилась еще меньшая сумма (12 и 5 гривенъ). Что касается до несвободныхъ, то господинъ не отвѣчалъ за убіеніе своего раба; а за убійство чужаго, виновный долженъ былъ только заплатить хозяину его цѣну и *продажу* въ казну (59).

---

(58) См. Древнѣйшее русское право, соч. Эверса, стрр. 371 и 372. Объясняя слово *дикая вира*, я старался представить также историческое основаніе этого учрежденія, что недостаетъ у Эверса, хотя онъ справедливо объясняетъ самое значеніе дикой виры (стр. 418).

(59) См. Труды Общ. ист. и древностей, статью митрополита *Евгенія* (ч. III, стр. 13 и д., книга I) и Древнѣйшее право *Эверса*, стрр. 370, 375, 376, 394 и др.

Вотъ значеніе виры въ древнемъ русскомъ правѣ. Оно вполнѣ выражено въ Правдѣ, а впослѣдствіи измѣнилось или, по-крайней-мѣрѣ, ослабѣло въ своей силѣ. Въ самомъ судебникѣ Іоанна IV не встрѣчается ни названія виры, ни даже слѣдовъ этого учрежденія; но въ современныхъ ему источникахъ вира еще употребляется и означаетъ, исключительно, денежное взысканіе въ пользу намѣстниковъ, которому подвергались сами преступники или жители округа, волости или селенія въ томъ случаѣ, когда первыхъ не могли найти или вовсе не знали, за убіеніе лицъ низшаго сословія (крестьянъ и боярскихъ людей). Вмѣсто виры, встрѣчается иногда древне-славянское слово *головщина* (головничество), имѣющее то же самое значеніе.

2) *Продажею* называлось вообще всякое денежное взысканіе въ пользу судей или истца, какъ законное, такъ и несправедливое (взятка); но, въ примѣненіи къ уголовному праву, она означала опредѣленный штрафъ, которому виновный подвергался за свое преступленіе въ пользу князя или намѣстника. Въ Русской правдѣ мы находимъ подробное количественное исчисленіе денежныхъ взысканій въ значеніи продажи, по различію преступленій государственныхъ и гражданскихъ, личныхъ и вещныхъ. Исключеніе и въ этомъ случаѣ составляли люди несвободнаго состоянія, которые были освобождены отъ платежа пени въ казну (60). Опредѣленіе различныхъ родовъ продажи встрѣчается и въ позднѣйшихъ источникахъ; но, не останавливаясь на

(60) Тамъ же, стрр. 376—378, 387, 404, 417, 457 и пр.

нихъ, мы ограничимся объясненіемъ продажи по Судебнику. Изъ различныхъ статей этого памятника видно, что продажа употреблялась болѣе какъ самостоятельное средство наказанія, и взималась за лихоимство, наприм. съ судьи, который, за взятку несправедливо рѣшивъ дѣло, былъ обязанъ заплатить пошлины и убытки судебные *втрое*; за ссѣченіе границъ и межей крестьянъ между собою: въ этомъ случаѣ волостель получалъ съ виновнаго два алтына (вмѣсто барана, какъ это было прежде); за нарушеніе закона о пятнаніи лошадей при ихъ мѣнѣ и покупкѣ: пятнещикъ, намѣстникъ или волостель получали *пропятанья* два рубли; за утайку вѣнечной пошлины, которая поступала въ святительскую казну, и проч. Сюда же относятся взысканія за нарушеніе таможенныхъ уставовъ, за корчемство и вообще за вещныя государственныя преступленія (61). Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ Судебникѣ и современныхъ ему источникахъ не опредѣлено всѣхъ случаевъ, въ которыхъ взималась продажа, и еще менѣе самое количество денежныхъ взысканій, такъ что эта неопредѣленность дополнялась, съ одной стороны, прежними установленіями, съ другой — обычнымъ правомъ.

3) *Пеня*, въ обширномъ смыслѣ, означала всякое денежное взысканіе, и потому даже въ источникахъ употреблялась иногда въ значеніи продажи, т. е. штрафа опредѣленнаго; но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ пеня была особеннымъ видомъ денежнаго

(61) Судебн., стат. 3, 8, 62, 87 и др. Акты арх. экс. т. I, N. 150 и 157. Акты юрид., N. 334, III. Акты истор., N. 137.

взысканія въ уголовномъ правѣ, такъ что виновный былъ иногда присуждаемъ къ ея уплатѣ вмѣстѣ съ продажей. Въ этомъ значеніи количество пени не опредѣлялось въ источникахъ: оно зависѣло, большею частію, отъ усмотрѣнія государя („а въ пени что государь укажетъ"). Въ Судебникѣ означены только нѣкоторые случаи, въ которыхъ взимаема была пеня, именно бой (по суду), грабежъ, ябедничество, самовольное пяшпаніе лошадей и проч. Иногда преступники, присужденные къ уплатѣ пени, присылались въ Москву, какъ это именно было постановлено въ Судебникѣ въ отношеніи къ ябедникамъ (62).

3. О мѣрѣ наказаній по мѣрѣ преступленій.

Говоря о значеніи наказаній, выраженномъ въ источникахъ нашего древняго права, мы сказали, что оно заключается *въ возмездіи:* объяснимъ теперь, въ чемъ состояло это возмездіе и какъ оно примѣнялось на практикѣ къ различнымъ преступленіямъ.

Извѣстно, что возмездіе можетъ быть *формальное* или *матеріальное.* Первое преобладаетъ въ законодательствахъ новѣйшихъ; второе — у народовъ, стоящихъ на низшей ступени образованія, а потому и въ нашемъ древнемъ правѣ. Разсмотримъ то и другое.

Въ значеніи *матеріальнаго* возмездія, оно выражалось у насъ или въ понятіи *родовой мести*,

(62) Судеб., стат. 3, 53, 69, 71, 72 и др.

какъ самоуправствѣ, или въ *наказаніяхъ*, какъ правѣ верховной власти.

Подъ именемъ *родовой* или *кровной мести* (Blut-Rache) разумѣется право, принадлежащее родственникамъ убитаго или оскорбленнаго, мстить убійцѣ или оскорбителю и его родственникамъ — явленіе болѣе или менѣе общее во всѣхъ гражданскихъ обществахъ, гдѣ верховная власть еще не существуетъ или имѣетъ только шаткое основаніе. Въ древней Россіи кровная месть существовала во всей силѣ, такъ что верховная власть должна была признать ее даже какъ право, включивъ этотъ укоренѣлый въ народѣ обычай въ систему законовъ (63). Ее отмѣнили сыновья Ярослава; но примѣры кровной мести, записанные лѣтописцами, свидѣтельствуютъ, что и послѣ того она еще долго продолжалась на практикѣ, какъ между подданными, такъ, преимущественно, между удѣльными князьями, которые въ безконечныхъ междоусобныхъ распряхъ забывали, кажется, единство своего происхожденія. Мы не будемъ утомлять читателей исчисленіемъ фактовъ, которые бросаютъ столь яркую тѣнь на нашу древнюю исторію, и укажемъ только на два примѣра кровной мести, болѣе другихъ близкіе ко временамъ Судебника. Я говорю о убіеніи Димитріемъ Тверскимъ (по прозванію *Грозные очи*) въ Ордѣ дяди его Георгія Даниловича, по навѣтамъ

(63) Подробнѣйшаго изслѣдованія этого предмета мы ожидаемъ отъ г-на Тобина, который уже издалъ сочиненіе о кровной мести до Ярослава, подъ заглавіемъ: Die Blut-Rache nach altem russischem Rechte etc. Dorpat, 1840, 1 r. Th.

котораго былъ лишенъ жизни отецъ Димитріевъ — Св. Михаилъ Тверскій, и объ ослѣпленіи Димитріемъ Шемякою великаго князя Василія, получившаго отъ того названія *Темнаго:* Шемяка мстилъ за ослѣпленіе своего брата Василія Косаго, и потому считалъ это достаточнымъ оправданіемъ своей жестокости въ глазахъ народа и великаго князя (64).

Съ-тѣхъ-поръ какъ кровная месть была признана самоуправствомъ, наказаніе сдѣлалось исключительнымъ правомъ верховной власти; но и въ ея *наказаніяхъ* мы замѣчаемъ если не преобладаніе, то, по-крайней-мѣрѣ, значительное вліяніе матеріальнаго взгляда. Сюда относятся, съ одной стороны, наказанія, подвергающія преступника тому же злу, какое онъ причинилъ или думалъ причинить своимъ преступленіемъ, съ другой — лишеніе членовъ, которые служили орудіемъ для исполненія тѣхъ или другихъ преступленій: за воровство отсѣкали руки, за клевету и злорѣчіе языкъ, за ослѣпленіе лишали зрѣнія, за отравленіе умерщвляли ядомъ и пр. (65). Замѣтимъ однако, что не всѣ членовредительныя наказанія могутъ быть объяснены началомъ матеріальнаго возмездія; потому что кругъ ихъ былъ еще обширнѣе и самое ихъ употребленіе основывалось на жестокомъ обычаѣ, заимствованномъ, кажется, нашими предками у Византійцевъ.

Что касается до такъ называемаго *формальнаго возмездія,* или приблизительнаго уравненія тяжести наказанія со степенью преступленія: то и

(64) Ист. госуд. росс., т. IV, стр. 200, и т. V, стр. 319.
(65) См. прим. 34.

оно было равно извѣстно въ глубокой древности, частію по невозможности, во многихъ случаяхъ, матеріальнаго возмездія, частію по явной его несправедливости тамъ, гдѣ даже возможно его приложеніе. Но, кромѣ этихъ двухъ причинъ, служившихъ основаніемъ для формальнаго возмездія, нельзя оставить безъ вниманія и другихъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ ко введенію у насъ денежныхъ штрафовъ какъ наказаній, относящихся къ этому способу возмездія даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приложеніе возмездія матеріальнаго было не только возможно, но, можетъ быть, даже и справедливо, какъ напр. за смертоубійство. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ заключается, кажется, въ томъ, что кровная месть существовала у насъ еще во всей силѣ даже тогда, когда верховная власть имѣла уже довольно твердое основаніе. По этой причинѣ, она первоначально воспользовалась своимъ правомъ наказывать преступниковъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ они не подвергались кровной мести. Но замѣняя собою родственниковъ убитаго, верховная власть удовольствовалась, какъ это дѣлали иногда и члены родовъ, взысканіемъ съ виновнаго пени. Впослѣдствіи денежныя взысканія за преступленія остались въ обычаѣ и по уничтоженіи права мести, тѣмъ болѣе, что они соотвѣтствовали финансовымъ цѣлямъ и средствамъ правительства.

Исключеніе изъ этого правила дѣлалось, большею частію, только по отношенію къ преступникамъ, угрожавшимъ особенною опасностію благосостоянію государства, какъ въ томъ случаѣ, когда они были извѣстны какъ вѣдомые лихіе люди, такъ

и въ томъ, когда самое преступленіе ясно свидѣтельствовало о злонамѣренной волѣ виновнаго. Сюда же относятся нѣкоторыя преступленія противъ должности, которыхъ основаніемъ было лихоимство, и нарушеніе закономъ опредѣленнаго порядка судопроизводства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ денежныя взысканія дополнялись или замѣнялись болѣе тяжкими наказаніями, основанными на матеріальномъ или формальномъ возмездіи. Когда послѣднее служило для законодателя мѣрою наказанія, то онъ опредѣлялъ его, частію основываясь на степени злонамѣренной воли, выраженной въ преступленіи, но, преимущественно, обращая вниманіе на опасность, которою преступникъ угрожалъ благосостоянію общества, и на матеріальный вредъ, произшедшій отъ его преступнаго дѣйствія (66).

Объяснивъ общее понятіе нашихъ предковъ о примѣненіи возмездія, какъ существа наказанія, къ преступленіямъ въ данныхъ случаяхъ, мы укажемъ также на различныя *обстоятельства*, служившія основаніемъ къ *увеличенію* или *уменьшенію* наказанія, ограничиваясь однако и здѣсь опредѣленіемъ того значенія, которое они имѣли во времена Судебника.

Къ *обстоятельствамъ*, *увеличивавшимъ* наказаніе, могутъ быть отнесены слѣдующія: 1) *повтореніе преступленія*. Такъ за воровство, учиненное въ первый разъ, преступникъ наказывался только торговой казнію и отдавался на крѣпкую поруку; но за второе и третье — подвергался пыткѣ и

(66) Судебн., стат. 28, 32, 44, 47 и др.

смертной казни. Подобно тому, за одинъ или за два разбоя виновный освобождался иногда отъ смертной казни, между тѣмъ какъ признаніе въ трехъ разбояхъ, во всякомъ случаѣ, подвергало его лишенію жизни (67). 2) *Стеченіе преступленій.* Въ томъ случаѣ, когда преступникъ оказывался виновнымъ въ двухъ или болѣе одинаковыхъ преступленіяхъ, онъ подвергался за нихъ большему наказанію, нежели какое было назначено въ законахъ за одно изъ этихъ преступленій: такъ за два воровства преступникъ подвергался не только торговой казни, но и отсѣченію руки, а за три, четыре и болѣе татьбы — смертной казни. Если, напротивъ, изъ двухъ преступленій одно превышало другое: то виновный подлежалъ только наказанію, опредѣленному въ законахъ за большее преступленіе. Такъ преступникъ, признавшійся въ разбоѣ, соединенномъ со смертоубійствомъ и зажигательствомъ, осуждался прямо на смертную казнь (68). 3) *Учиненіе преступленія вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ*, чему основаніемъ служило, вѣроятно, частію предположеніе, что онъ долженъ былъ учинить преступленіе злонамѣренно, частію то, что онъ оказывался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ, какъ скоро былъ уже извѣстенъ за лихаго человѣка. Ниже мы увидимъ, что это обстоятельство было однимъ изъ важнѣйшихъ не только для назначенія наказанія, но и для опредѣленія порядка уголовнаго судопроизводства. 4)

---

(67) Судебн, спп. 55 и 56. Акты истор, III, N 167, спп. 10 и 37.

(68) Акты исп., т. III, N. 167, спп. 10, 38 и 39.

Степень лица, физическаго или нравственнаго, права котораго были нарушены преступленіемъ. Чѣмъ выше было состояніе этого лица, тѣмъ больше было и наказаніе. Сюда относится не только различіе въ вирахъ, еще въ Русской правдѣ и въ позднѣйшихъ источникахъ опредѣленныхъ за смертоубійство, но и наказаніе, назначенное за ссѣченіе граней и порчу межевыхъ знаковъ. Если преступленіе относилось къ землѣ царской, боярской или монастырской, то виновный подвергался наказанію кнутомъ, между тѣмъ какъ за тотъ же вредъ, причиненный крестьянину, былъ только обязанъ заплатить два алтына въ пользу сельскаго волостеля. На этомъ основаніи, господинъ могъ безнаказанно убивать своего холопа, стоявшаго наряду съ вещами, хотя Гербершгейнъ свидѣтельствуетъ, что въ его время этотъ обычай уже утратилъ прежнюю силу (69). Церковные тати за всякое воровство подвергались смертной казни (70).

Въ противоположность этимъ обстоятельствамъ, въ источникахъ упоминаются также *обстоятельства*, служившія основаніемъ къ *уменьшенію, отсрочкѣ* или *отмѣненію* наказанія. Сюда относятся: 1) *помилованіе*. Оно зависѣло единственно отъ

(69) Судебн., стр. 87. О безотвѣтственности господина, убившаго своего *холопа*, говорится такъ: „а кто господарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, а случится смерть, и въ томъ намѣстники не судятъ, но вины не емлютъ.“ Акты арх. экс., т. I, N. 13. Напротивъ, Гербершгейнъ говоритъ: „ultimo supplicio *solus* princeps servos et alios afficere potest (въ Rer. moscov. etc., стр. 36).

(70) Акты ист., т. III, N. 167, стр. 40.

воли государя, который назначалъ его или по собственному усмотрѣнію, или по ходатайству другихъ. Особенно митрополитъ и вообще духовенство пользовались часто своимъ вліяніемъ на великихъ князей для испрошенія у нихъ помилованія или облегченія казни преступникамъ. 2) *Давность.* Срокъ давности въ уголовномъ правѣ неизвѣстенъ; но что онъ дѣйствительно имѣлъ вліяніе на забвеніе преступленій и освобожденіе ихъ отъ наказаній, это видно изъ различныхъ случаевъ, особенно изъ дѣлъ по мѣстничеству. Насильственное завладѣніе землею погашалось, кажется, сорокалѣтней давностію. 3) *Мировая сдѣлка.* Относительно большей части преступленій, по-крайней-мѣрѣ тѣхъ, которыя во времена Судебника считались предметомъ гражданскаго права, *мировая*, заключенная съ преступникомъ, освобождала его отъ всякаго наказанія со стороны правительства. Исключеніе составляли только нѣкоторыя преступленія собственно уголовныя, которыхъ полюбовная сдѣлка не только не могла уничтожить, но подвергала даже наказанію истца, заключившаго какое-либо условіе съ преступникомъ, какъ это именно было опредѣлено закономъ касательно воровства и разбоя съ поличнымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ соперники имѣли право мириться, условіе могло быть заключено какъ до начатія иска, такъ и во время суда. Не смотря на то, и здѣсь преступникъ не всегда освобождался отъ наказанія, какъ напр. было постановлено касательно боя или драки, учиненной въ пиру. Въ этомъ случаѣ, если соперники мирились, *не выйдя изъ пиру*, судья не получалъ ничего, если же послѣ, то они были

обязаны заплатить ему опредѣленную пеню. Когда истецъ, истребовавъ только присшава для позыва въ судъ обвиняемаго, заключалъ съ нимъ миръ: то судья получалъ одинъ *пздъ и хоженое.* Наконецъ, если мировая сдѣлка была заключена уже во время суда, судьи удерживали, кромѣ того, узаконенныя пошлины. Это правило простиралось также на окольничьихъ и недѣльщиковъ, но только въ томъ случаѣ, когда они принимали участіе въ судѣ, т. е. когда истцы мирились не ранѣе, какъ на мѣстѣ поединка (*ставъ у поля*), или даже по окончаніи поля (поединка), при которомъ, какъ извѣстно, присутствовали окольничьи (71).

Опредѣленіемъ, со стороны законодателей, мѣры наказаній, равно какъ обстоятельствъ, служащихъ къ увеличенію или уменьшенію преступленія, ограничивался произволъ судей относительно уголовно-судебной власти, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ они были обязаны испрашивать разрѣшенія государя. Даже за преступленія, вполнѣ опредѣленныя закономъ, судьи, какъ мы видѣли, не всегда имѣли право подвергать преступника смертной казни. Отсюда можно заключить, что и во времена Судебника верховная власть уже сознавала всю тяжесть наказаній, по справедливости опасаясь злоупотребленія со стороны судей, и потому ввѣряя имъ это право только подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ.

---

(71) Судебн., стат. 9 и 10. Акты ист., т. I, N. 137, и т. III, N. 167, ст. 41. Акты арх. эксп., т. I, N. 150.

B. *Уголовное судопроизводство.*

Какъ въ гражданскомъ правѣ, такъ и здѣсь мы разсмотримъ сначала *органы*, потомъ *законы* уголовнаго судопроизводства.

1. Объ органахъ уголовнаго судопроизводства.

a) *Уголовные суды.*

Различныя лица, вѣдомству которыхъ ввѣряемо было уголовное судопроизводство надъ всѣми или только нѣкоторыми преступленіями, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе виды: 1) свѣтскіе уголовные судьи, избираемые и поставляемые верховной властью, — намѣстники, волостели и тіуны тѣхъ и другихъ. 2) Духовныя власти, какъ различные чины іерархіи, такъ и поставляемыя отъ нихъ лица въ отчинахъ, принадлежавшихъ духовенству. 3) Судьи, избираемые народомъ изъ его среды и только утверждаемые верховною властію, именно: выборные головы, приказные люди, сотскіе, десятскіе, старосты и цѣловальники, и въ особенности губные старосты. 4) Привилегированныя лица, т. е. тѣ, которыя имѣли право уголовнаго суда въ своихъ помѣстьяхъ или отчинахъ. 5) Бояре, присутствовавшіе въ Розбойномъ приказѣ, составлявшемъ вторую (высшую) инстанцію для разбойныхъ дѣлъ. 6) Верховная власть, какъ высшая инстанція для всѣхъ вообще уголовныхъ судовъ.

Сравнивая исчисленныя здѣсь лица съ органами гражданскаго судопроизводства, мы находимъ, что они, большею частію, были одни и тѣ же, завѣдуя

вмѣстѣ и гражданскими и уголовными дѣлами. Причина такого соединенія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ однихъ рукахъ легко объясняется тѣсною связью, въ которой въ то время находились между собою гражданское и уголовное право. Исключеніе, какъ мы видѣли, составляли только нѣкоторыя преступленія, которыя, такъ сказать, сами собою отдѣлились отъ предметовъ гражданскаго права, и потому получили особыхъ уголовныхъ судей. Такими были: 1) намѣстники, волостели и ихъ тіуны, которые пользовались, исключительно предъ другими, правомъ уголовнаго суда надъ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою съ поличнымъ. 2) Духовенство, имѣвшее отдѣльное право уголовнаго суда надъ тѣми преступленіями, которыя, на основаніи Номоканона, были ввѣрены его исключительному вѣдомству и суду. Преступленія, сюда относящіяся, исчислены были выше. 3) Губные старосты и Розбойный приказъ, имѣвшіе въ своемъ вѣдѣніи разбойныя дѣла и другія преступленія *вѣдомыхъ лихихъ людей*.

Не останавливаясь на тѣхъ органахъ судопроизводства, о которыхъ мы уже говорили подробнѣе при изложеніи гражданскаго права, мы разсмотримъ только значеніе, равно какъ обязанности *губныхъ старостъ и Розбойнаго приказа*.

Губные старосты. Учрежденіе такъ называемыхъ *губъ* въ Россіи относится къ глубокой древности и, по всей вѣроятности, перенесено къ намъ Варяго-Руссами, вмѣстѣ съ другими учрежденіями германскихъ народовъ. Это предположеніе представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что вооб-

ще постановленія, замѣчаемыя въ древней Россіи касательно отношеній, взаимныхъ правъ и обязанностей сельскихъ жителей между собою, имѣютъ рѣшительное сходство съ подобными учрежденіями древняго германскаго права. Самое слово *губа* (Huba, huora, hôva, huobe, Hufn и проч.) нерѣдко встрѣчается въ источникахъ этого права, гдѣ оно означаетъ участокъ обработанной земли, раздѣленный между частными владѣльцами, въ противоположность землѣ необработанной (Allmande), находившейся въ общемъ владѣніи. Можно поэтому думать, что въ древности слово *губа* имѣло въ Россіи то же значеніе, хотя мы не находимъ его въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего права (72). Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ монархической власти и измѣненіемъ юридическихъ отношеній подданныхъ къ верховной власти и между собою, такое учрежденіе древнихъ народовъ не могло сохраниться во всей силѣ. Такимъ образомъ слово *губа* въ позднѣйшихъ памятникахъ русскихъ утратило отчасти свое первоначальное значеніе, но за то получило значеніе высшее, которое это древнее учрежденіе частнаго права возвело на степень учрежденія государственнаго. Слово *губа* получило троякое значеніе. Въ самомъ обширномъ смыслѣ оно означало округъ, вмѣщавшій въ себѣ не только городъ (по-

(72) См. въ Русскихъ достопамятностяхъ статью митрополита *Евгенія* о губныхъ грамотахъ (ст. VIII, стр. 119—125), также въ сочин. *Эйхгорна*, Deutsche Staats — und Rechtsgeschichte, час. I, стр. 467, § 84, и о словахъ *mansus* и *Hufe* у *Гримма*, въ его Deutsche Rechtsalterthümer.

садъ), но и его уѣздъ (73). Въ значеніи болѣе тѣснымъ губа составляла округъ, или пространство земли, заключавшее нѣсколько селеній и находившееся въ завѣдываніи одного или нѣсколькихъ лицъ, названныхъ отчего *губными старостами* (74). Наконецъ, въ самомъ тѣсномъ значеніи губою называлось мѣсто, гдѣ производились губныя дѣла, какъ то: губный станъ, губный дворъ, губная изба (75).

Изъ всего сказаннаго, касательно этого учрежденія, можно вывести два заключенія, не вполнѣ, кажется, согласныя съ общимъ мнѣніемъ, о значеніи губъ и учрежденіи губныхъ старостъ. Во-первыхъ, губы, въ значеніи округовъ, и губные старосты, въ значеніи лицъ, завѣдывавшихъ губами, существовали прежде, нежели послѣдніе получили право вѣдать разбойныя дѣла, и притомъ это право не могло быть первоначальной причиной учрежденія губъ въ смыслѣ округовъ, а, напротивъ, это учрежденіе, предшествуя праву, данному губнымъ старостамъ, вѣдать разбойныя дѣла, служило основаніемъ для опредѣленія круга ихъ дѣятельности въ отношеніи ко ввѣренной имъ уголовно-судебной власти. Во-вторыхъ, губные старосты не имѣли единственнымъ предметомъ своихъ занятій дѣла разбойныя; напротивъ, по самому значенію своему, должны были завѣдывать также другими дѣ-

(73) См. губную грамоту, данную Бѣлозерцамъ (1571) и помѣщенную въ Актахъ арх. эксп., ч. I, N. 281, и въ Русскихъ достопамятностяхъ, стр. X. Ср. Уложенія гл. XXI, ст. 82.

(74) Акты арх. эксп., ч. I, N. 355 и вышеприведенную губную грамоту.

(75) Уложеніе, гл. XXI, ст. 179.

лами, общими для всей губы или ея жителей, независимо отъ ввѣреннаго имъ впослѣдствіи права уголовнаго суда. Справедливость такихъ заключеній подтверждается, съ одной стороны, свидѣтельствомъ памятниковъ юридическихъ и неюридическихъ, съ другой — аналогіею подобнаго учрежденія, т. е. права, даннаго извѣстнымъ лицамъ, вѣдать дѣла разбойныя въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ до того времени не видимъ слѣдовъ существованія губъ или губныхъ старостъ.

Читая такъ называемыя *губныя грамоты* или, правильнѣе, *наказы*, на основаніи которыхъ губные старосты получали право уголовнаго суда, мы находимъ въ нихъ ясныя указанія на то, что это право вводится какъ что-то новое, между тѣмъ какъ учрежденіе губныхъ старостъ и губъ предполагается уже извѣстнымъ. Но если изъ такихъ наказовъ мы можемъ выводить только вѣроятное заключеніе въ пользу нашего мнѣнія, то оно вполнѣ подтверждается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ памятниковъ неюридическихъ. Я разумѣю извѣстія, сохранившіяся въ договорныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей и въ лѣтописяхъ, которыя указываютъ на существованіе и самое названіе губъ и губныхъ (губскихъ) старостъ въ областяхъ Новгорода и Пскова не только до Іоанна IV, но даже до Іоанна III, между тѣмъ какъ извѣстно, что право вѣдать дѣла разбойныя жители Пскова и его области получили не ранѣе временъ Грознаго (76).

---

(76) Ист. гос. росс., т. V, прим. 360 (1456 г.), т. VI, прим. 156 (1477 г.) и прим. 47 (1471 г.), т. VIII, прим. 91.

Имѣя ясныя указанія на существованіе губныхъ старостъ въ сѣверныхъ краяхъ нашего отечества, прежде нежели они получили право казнить вѣдомыхъ лихихъ людей, мы не знаемъ однако, существовало ли они издревле въ другихъ областяхъ Россіи. По-крайней-мѣрѣ, кажется достовѣрнымъ то, что они первоначально были не вездѣ извѣстны, и что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, уголовно-судебную власть получали не губные старосты, а тѣ лица, которыя и прежде завѣдывали волостью или округомъ, пріобрѣтавшимъ это новое право, какъ то: головы и прикащики, сотскіе и десятскіе и пр. (77). Не смотря на то, нельзя не согласиться, что въ такихъ областяхъ учрежденіе губъ и губныхъ старостъ могло быть введено по аналогіи, какъ учрежденіе новое и весьма полезное, особенно тамъ, гдѣ различныя селенія до того времени не были связаны между собою единствомъ управленія въ дѣлахъ общественныхъ. Но и здѣсь губные старосты, имѣя главнымъ предметомъ завѣдываніе разбойными дѣлами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали также другія обязанности, что можетъ служить новымъ подтвержденіемъ справедливости высказаннаго мною мнѣнія касательно значенія ихъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они существовали издревле. Такъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что они, между прочимъ, объявляли различныя распоряженія государей и приводили ихъ въ исполненіе, дѣлали переписи жителямъ, совершали порядныя записи, давали на холопей служилыя ка-

(77) Акты арх. эксп., т. 1, N. 187, 192, 194 и др.

балы, держали у себя кабальныя книги и присылали ихъ въ Москву, отказывали отчины во владѣніе и дѣлили имѣнія, для чего держали у себя такъ называемыя *отдѣльныя книги*, исправляли обязанности полиціи, получали свѣдѣнія о приходящихъ людяхъ въ губу, словомъ, завѣдывали *всякими городовыми и земскими дѣлами*, какъ именно сказано въ одномъ дошедшемъ до насъ актѣ (78).

Ограничиваясь сказаннымъ нами о значеніи и обязанностяхъ губныхъ старостъ вообще, мы остановимся на важнѣйшей ихъ обязанности, вѣдать разбойныя дѣла, какъ непосредственно относящейся къ нашему предмету. Но прежде разсмотримъ причины, побудившія законодателей къ такому учрежденію, которымъ они добровольно одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ уголовнаго права отдали во власть лицъ, избираемыхъ самимъ народомъ изъ его среды и даже ограничиваемыхъ имъ посредствомъ губныхъ цѣловальниковъ и другихъ его представителей. Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе важно, что съ-тѣхъ-поръ намѣстники, завѣдывавшіе, въ числѣ другихъ предметовъ управленія, также разбойными дѣлами, были ограничены въ отношеніи къ уголовному праву, и слѣд. этимъ учрежденіемъ положено было начало отдѣленія уголовнаго права отъ гражданскаго и даже введенія въ него новой и по преимуществу принадлежащей ему формы процесса.

---

(78) Акты юрид., N. 304, 365, 348, 313 и 203. Акты ист. т. I, N. 249. Историческій сборникъ, т. II, стр. 195. Уложеніе, гл. XX, спп. 72, 73, 82 и др.

Для того, чтобъ объяснить причины этого любопытнаго явленія, мы должны сказать, что въ Россіи отъ древнѣйшихъ временъ не прекращались жалобы на безпрерывные разбои. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что разбойники размножились вслѣдствіе уничтоженія Св. Владиміромъ казни, назначенной для нихъ его предками. По совѣту епископовъ, Владиміръ ввелъ снова эту казнь; но разбои продолжались въ теченіе всего періода удѣловъ, уменьшаясь только въ правленіе твердыхъ государей: Мономаха, Калиты и Донскаго, и не прекратились до самыхъ временъ Грознаго (79). Причинъ такого явленія было много: малонаселенность Россіи, покрытой въ древности дремучими лѣсами, гдѣ алчные злодѣи могли удобно сторожить легкую добычу, и также удобно укрываться отъ преслѣдованія и наказаній; безпрерывныя ссоры удѣльныхъ князей, которыя препятствовали водворенію тишины и безопасности въ ихъ княженіяхъ; сосѣдство и набѣги кочевыхъ народовъ: Печенѣговъ, Половцевъ и даже самихъ Монголовъ, которые искали въ Россіи не столько власти, сколько добычи; вольница новгородская, заставлявшая трепетать самыхъ отдаленныхъ жителей своихъ опустошительныхъ набѣговъ; наконецъ, всего болѣе, несовершенство въ системѣ древняго управленія и въ судопроизводствѣ. Намѣстники, отправляясь на *кормленіе*, не хотѣли, да и не могли обращать вниманіе на всѣ предметы управленія ввѣренной имъ области, по самому вало-

(79) См. лѣтопись Несторову, изд. Тимковскаго, стр. 90. Ист. гос. росс., т. IV, прим. 319, стр. 240, т. V, стр. 370,

вому характеру этого управленія. Преслѣдуя душегубство и другія преступленія, которыя обѣщали имъ выгодную *виру* или *продажу*, они не всегда удовлетворяли жителей въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ. Отсюда безпрерывныя ссоры городскихъ и сельскихъ обывателей съ намѣстниками, и безпрерывныя на нихъ жалобы первыхъ великимъ или удѣльнымъ князьямъ. Это, безъ сомнѣнія, была одна изъ важнѣйшихъ причинъ множества привилегій, которыя были раздаваемы не только духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ высшаго сословія, но и волостнымъ людямъ, получавшимъ право судить или избирать изъ среды своей судей для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Исключеніе составляли только душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ, которые верховная власть не охотно уступала привилегированнымъ судьямъ, какъ по большой выгодѣ, соединявшейся съ правомъ суда надъ ними для намѣстниковъ, такъ, вѣроятно, и отъ опасенія, чтобы лица, получившія столь значительныя права, не стали употреблять ихъ во зло. Эта мѣра, въ свое время, производила благодѣтельныя послѣдствія; но какъ завѣдываніе разбойными дѣлами оставалось еще въ зависимости отъ намѣстниковъ, то разбои не прекращались, и уже въ правленіе Іоанна IV^го^ не только сельскіе, но и городскіе жители докучали царю безпрерывными жалобами на множество разбойниковъ, которые, не давая покоя путешественникамъ, тревожили также мирныхъ, осѣдлыхъ жителей: жгли и разбивали селенія, грабили имущество въ домахъ и на дорогахъ, и тѣмъ болѣе были опасны, что въ селеніяхъ имѣли пристоны у жите-

лей, скрывавшихъ или даже помогавшихъ имъ сбывать награбленную ими рухлядь. Государь думалъ прекратить зло, посылая изъ Москвы *обыщиковъ* для водворенія безопасности и казни разбойниковъ; но зло оттого не уменьшалось, а еще увеличивалось: бѣдные жители жаловались, что разбои не прекращаются, а обыщики царскіе причиняютъ имъ *волокиту* и *убытки*, и умоляли царя, позволить имъ самимъ *ловить разбойниковъ* (80). Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этихъ жалобахъ были высказаны средства, которыми можно было, лучше всего, прекратить разбои, успокоить царя и подданныхъ, т. е. дать городскимъ и сельскимъ жителямъ право суда и расправы въ дѣлахъ разбойныхъ: законодателю оставалось только опредѣлить степень и способъ ихъ дѣятельности. Не знаемъ, рѣшился ли принять эту мѣру кто-либо изъ предковъ Іоанна IV; но если были тому примѣры, то ихъ было весьма немного. Напротивъ, въ его царствованіе эта мѣра была принята какъ лучшая, и дѣйствительно имѣла столь значительный успѣхъ, что вскорѣ была распространена на большую часть Россіи. Наконецъ, въ Судебникѣ читаемъ постановленіе, что дѣла вѣдомыхъ разбойниковъ находятся въ завѣдываніи губныхъ старостъ (81), слѣд. это учрежденіе предполагается какъ-бы общимъ для всего государства, хотя мы знаемъ, что и въ періодъ Уложенія не вездѣ находились губные старосты.

---

(80) См. губныя грамоты, помѣщенныя въ I ч. Актовъ арх. эксп.

(81) Судебн., ст. 60.

Обязанности губныхъ старостъ относительно уголовнаго судопроизводства будутъ разсмотрѣны ниже: здѣсь замѣтимъ только, что, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, они избирались самими жителями изъ ихъ среды, приводились къ присягѣ предъ вступленіемъ въ должность (обыкновенно въ Москвѣ) и были судимы въ Розбойномъ приказѣ, откуда получали наказы съ изложеніемъ ихъ обязанностей, и куда, въ свою очередь, доносили о всѣхъ дѣлахъ рѣшенныхъ или сомнительныхъ. Помощниками этихъ уголовныхъ судей были *губные цѣловальники*, избиравшіеся также *сошными* людьми и получавшіе отъ нихъ *подмогу* на содержаніе. Засѣдая въ судѣ губныхъ старостъ, они ограничивали ихъ права и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограждали отъ злоупотребленій съ ихъ стороны какъ подсудимыхъ, такъ и вообще всѣхъ жителей губы (82).

Розбойный приказъ. Значеніе *Розбойнаго приказа* (Розбойной избы) тѣсно связано съ понятіемъ о губныхъ старостахъ. Это, какъ мы сказали, было общее правительственное мѣсто или вторая инстанція разбойныхъ дѣлъ, откуда губные старосты всего государства получали наказы или грамоты для своего управленія, и куда они, въ свою очередь, доносили о своихъ занятіяхъ по службѣ, представляя отчетъ въ вершеныхъ или, оконченныхъ ими дѣлахъ, и испрашивая разрѣшенія въ сомнительныхъ случаяхъ. Когда учрежденъ Розбойный приказъ, мы не можемъ сказать утвердительно: знаемъ только, что

(82) Акты арх. экси., т. I, N. 281. Акты ист., т. III, N. 167, стт. 56, 59 и 60.

онъ существовалъ уже въ самомъ началѣ царствованія Іоанна IV; потому что еще въ грамотѣ данной Бѣлозерцамъ (1539) упоминается о боярахъ московскихъ, которымъ *приказаны* разбойныя дѣла (83). Эти бояре, составляя коллегіальное правленіе, руководствовались при исправленіи своей должности такъ называемымъ *Розбойнымъ уставомъ*, котораго начало, по всей вѣроятности, относится также ко временамъ Іоанна IV. По-крайней-мѣрѣ, при этомъ государѣ была уже извѣстна *Уставная книга* Розбойнаго приказа, которая и хранилась въ немъ за подписью дьяковъ Василья Щелкалова и Мясоѣда Вислаго (84). Въ случаяхъ сомнительныхъ бояре испрашивали разрѣшенія государя, но, кажется, не прямо, а чрезъ Боярскую думу. Приговоръ думныхъ бояръ записывался также въ Уставную книгу, отчего всѣ ея списки, доселѣ извѣстныя, вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ, содержащъ въ себѣ и позднѣйшія дополненія, которыя частію объясняютъ прежнія статьи, частію измѣняютъ ихъ содержаніе.

Разсмотрѣвъ отдѣльно различные органы уголовнаго судопроизводства, необходимо опредѣлить

---

(83) Акты арх. эксп., т. I, N. 187.

(84) См. въ Актахъ арх. эксп., т. II, N. 225 (стр. 385 — 392) выписки изъ постановленій о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ. Тѣ же постановленія (списанныя съ тетрадей, помѣщенныхъ дьякомъ Михайломъ Смыволовымъ и найденныхъ между бумагами Успюжской четверти) изданы отдѣльно княземъ Оболенскимъ, подъ заглавіемъ: „Уголовные законы царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича,“ и съ гораздо полнѣйшаго списка напечатаны въ Актахъ историческихъ, т. III, подъ N. 167.

также взаимныя ихъ отношенія. Онѣ выражаются, съ одной стороны, въ ученіи *о подсудности*, съ другой — въ понятіи объ *инстанціяхъ*. Объяснимъ то и другое въ примѣненіи къ нашему древнему праву.

Кому изъ различныхъ судей въ данномъ случаѣ принадлежало право суда, это опредѣлялось не только различіемъ органовъ судопроизводства и лицъ, имъ подсудимыхъ, но также различіемъ самихъ преступленій. Не смотря на то, всѣ эти условія не объясняютъ еще того, кто изъ различныхъ судей, по мѣстному пространству ихъ дѣятельности, былъ обязанъ судить въ данномъ случаѣ. Это опредѣлялось *мѣстомъ жительства* (forum domicilii), *преступленія* (f. delicti commissi) или *поимки* (f. deprehensionis) виновнаго. Если мѣсто жительства совпадало съ мѣстомъ преступленія и поимки: то судилъ одинъ судья, и именно, какъ это было въ случаѣ смертоубійства, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ учинено было преступленіе (85). Но если виновный былъ пойманъ не въ томъ округѣ, гдѣ совершилъ преступленіе: то судьи того и другаго округа судили его вмѣстѣ. Въ этомъ случаѣ не всегда обращали вниманіе на мѣсто жительства преступника, равно какъ и въ томъ, когда мѣсто поимки, отличаясь отъ перваго, совпадало съ мѣстомъ преступленія. Гораздо важнѣйшимъ условіемъ считалось мѣсто жительства, когда преступленіе было совершено подданными двухъ удѣльныхъ князей, равно жителями двухъ или даже одного селс-

(85) „А татя, душегубца и грабежника гдѣ имутъ, тутъ и судятъ, или надъ убитаго головою.“ Акты арх. эксп., ш. I, N. 13. Акт. исп., ш. I, N. 178. Собран. гос. гр., I, N. 90.

нія, принадлежавшихъ двумъ различнымъ владѣльцамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Въ этихъ случаяхъ, исключая, разумѣется, тѣхъ преступленій, которыя по преимуществу подлежали суду духовенства, намѣстниковъ или губныхъ старостъ, судъ былъ *общій*, т. е. преступники судились вмѣстѣ какъ тѣми судьями, которымъ они были подчинены по мѣсту жительства, такъ и тѣми, въ чьихъ округахъ ими совершено было преступленіе. То же самое имѣло мѣсто, когда подданные одного владѣльца вообще жаловались на подданныхъ другаго въ личныхъ обидахъ, ущербахъ и проч. Даже въ областяхъ, городахъ и селеніяхъ, принадлежавшихъ двумъ удѣльнымъ князьямъ, дѣла по душегубству, разбою и татьбѣ съ поличнымъ судились вмѣстѣ ихъ намѣстниками, волостелями и вообще судьями того и другаго князя, что всегда составляло особую статью во взаимныхъ договорныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей. Кромѣ того, общій судъ имѣлъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ, гдѣ не было опредѣленныхъ выше условій; но тогда это было исключеніемъ или привилегіей въ пользу одного изъ судей. Такъ разбойныя дѣла судились иногда намѣстниками, вмѣстѣ съ губными старостами: первые получали съ преступника денежныя взысканія, вторые имѣли право его казнить. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно когда было много участниковъ въ одномъ преступленіи, подсудность ихъ опредѣлялась подсудностію главныхъ преступниковъ, мѣстомъ, гдѣ прежде всего открылся судъ по этому дѣлу, или тѣмъ, гдѣ онъ производился надъ обвинителями другихъ. Этотъ родъ подсудности имѣлъ особенное

примѣненіе къ разбойнымъ дѣламъ: въ губныхъ судахъ всѣ участники вѣдомыхъ разбойниковъ, равно какъ тѣ, на кого они показывали въ пыткѣ, приводились съ ними на очную ставку или судились однимъ изъ губныхъ старостъ, хотя бы преступникъ имѣлъ мѣсто жительства въ другой губѣ и слѣд. подлежалъ другому суду (86).

Подсудимые имѣли право *отводить* своихъ судей, жалуясь на ихъ вражду *(недружбу)* или *поторовку* къ своему дѣлу, и тогда назначался другой судья. Но за несправедливый *поклепъ* или *наводку* виновный подвергался тяжкому денежному взысканію (87).

Инстанціи уголовныхъ судовъ, во времена Судебника, были весьма различны, смотря по различію преступленій и лицъ, ввѣренныхъ различнымъ уголовнымъ судьямъ. Какъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, намѣстники и волостели, имѣя исключительное право суда надъ нѣкоторыми преступленіями, были для нихъ первой инстанціей, откуда такія уголовныя дѣла поступали въ приказы, Боярскую думу или на разрѣшеніе верховной власти, безъ доклада которой намѣстники не смѣли ни казнить преступниковъ, ни лишать ихъ имущества. Исключеніе, какъ мы видѣли выше, составляли только намѣстники смоленскій, казанскій, псковскій и новгородской, которые въ дѣлахъ, нетерпѣвшихъ отлагательства, имѣли право смертной казни. Судъ

(86) См. губныя грамоты.

(87) Акты ист., т. III, N. 167, стр. 61. Акты арх. эксп., т. I, N. 92. Ср. Судебн., стат. 7 и 8.

привилегированныхъ лицъ или судей привилегированныхъ общинъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, подчинялся непосредственно верховной власти, которая и была для него второй инстанціей. Въ духовныхъ судахъ такихъ инстанцій могло быть гораздо болѣе, по различію степеней іерархіи, которымъ подчинялись еще свѣтскіе судьи. Наконецъ, дѣла разбойныя имѣли три инстанціи, изъ которыхъ первую составляли губные старосты и цѣловальники, вторую — Розбойный приказъ, третью — лицо государя, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялъ высшую инстанцію для всѣхъ уголовныхъ преступленій.

b) *О лицахъ, занимающихся судебнымъ письмоводствомъ и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ.*

Какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ судахъ судебнымъ письмоводствомъ занимались: *дьяки* и *подьячіе*. Обязанности ихъ, относительно уголовныхъ дѣлъ, были тѣ же, какія на нихъ лежали по дѣламъ гражданскимъ, и потому все то, что мы сказали объ нихъ въ статьѣ о гражданскомъ судопроизводствѣ, имѣетъ полное приложеніе и къ уголовному праву (88). Прибавимъ только, что дьяки, находившіеся при губныхъ старостахъ, назывались также *губными*, были избираемы жителями волости или селенія, предъ вступленіемъ въ должность приводились къ присягѣ, и были судимы въ Розбойномъ приказѣ (89).

---

(88) Юридич. записки, т. I, стрр. 116 — 119.

(89) Акты арх. эксп., т. I, N. 257. Акты испр., т. I, N. 165.

Что касается до *исполнительной* части въ уголовныхъ судахъ, то она принадлежала или, какъ въ судахъ гражданскихъ, *недѣльщикамъ и ѣздокамъ*, или особенно для того назначеннымъ лицамъ: *тюремнымъ сторожамъ* и *палачамъ*. Послѣдніе вступали въ должность или по избранію судьи, или по договору съ жителями волости и селенія, представляя за себя порукъ, и за свою службу получали опредѣленное жалованье. Обязанность недѣльщиковъ и ѣздоковъ состояла въ призывѣ или приводѣ обвиняемыхъ на судъ, отдачѣ ихъ на поруку (чего они однако не могли дѣлать безъ доклада судьямъ) и взысканіи денежныхъ штрафовъ (на правежѣ). Тюремные сторожи стерегли заключенныхъ въ тюрьмахъ, а палачи исполняли приговоръ суда, когда онъ состоялъ въ смертной казни или тѣлесныхъ наказаніяхъ. Вслучаѣ нарушенія обязанности, лихоимства или обиды подсудимымъ, они подвергались торговой казни, денежному штрафу или отрѣшенію отъ должности. Кромѣ того, за подчиненныхъ отвѣчали ихъ начальники. Такъ за обиду, причиненную ѣздокомъ, наказывался недѣльщикъ, отъ котораго ѣздокъ былъ посланъ: на недѣльщикѣ взималась денежная пеня, а ѣздока казнили торговою казнію (90).

c) *О тяжущихся.*

Относительно истцевъ дѣйствовали въ уголовномъ судопроизводствѣ тѣ же правила, какія мы

(90) Судебн., стат. 3 — 6, 9 — 11, 28, 32, 47, 53 и др. Акты истор., т. I, N. 167, стат. 58 — 60.

видѣли и въ гражданскомъ. Они могли быть какъ физическія, такъ и нравственныя лица; имѣли право вчинать искъ отдѣльно или вмѣстѣ; имъ дозволялось имѣть представителей; съ ихъ стороны принимались всѣ тѣ доказательства, которыя имѣли силу и въ гражданскомъ процессѣ; даже они имѣли нѣкоторое преимущество въ искахъ по тѣмъ преступленіямъ, которыя считались собственно уголовными. Такъ искъ въ душегубствѣ, татьбѣ и разбоѣ можно было вчинать во всякое время, не ограничиваясь сроками, которые были часто назначаемы для гражданскихъ дѣлъ. Далѣе, истецъ опредѣлялъ самый порядокъ судопроизводства (слѣдственный или обвинительный), смотря потому, называлъ ли онъ обвиняемаго вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ, или только жаловался на его преступленіе. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе судебныхъ доказательствъ со стороны отвѣтчика зависѣло отъ воли истца, который напр. могъ не допустить повальнаго обыска — важнѣйшаго доказательства въ нашемъ древнемъ уголовномъ процессѣ (91). Съ своей стороны обвиняемый пользовался правами, которыя имѣлъ въ гражданскомъ процессѣ, только въ томъ случаѣ, когда судъ въ дѣлахъ уголовныхъ производился обвинительнымъ порядкомъ. Напротивъ, если отвѣтчикъ судился какъ вѣдомый лихой человѣкъ: то не только не могъ имѣть представителей, но самое употребленіе доказательствъ зависѣло отъ воли истца или судей, которые, въ такомъ случаѣ,

(91) Акты арх. эксп. т. I, N. 281 (губная грамота, данная Бѣлозерцамъ 1571 марта 12).

обыкновенно, подвергали его пыткѣ — ужасному доказательству, неизвѣстному въ гражданскомъ процессѣ. Нельзя однако не замѣтить одного страннаго преимущества, которымъ пользовался отвѣтчикъ, уже обвиненный по суду: въ нѣкоторыхъ маловажныхъ, разумѣется, случаяхъ, онъ могъ освобождаться отъ наказаній, присылая вмѣсто себя другаго (обыкновенно, своего подчиненнаго), надъ которымъ и совершалась судебная расправа. Такъ напр. правежъ производился часто не надъ самими должниками, а надъ ихъ людьми (92). Съ своей стороны господинъ былъ обязанъ платить за преступленіе своего человѣка, если не хотѣлъ выдать его головою истцу, что, впрочемъ, имѣетъ бо́льшее примѣненіе къ гражданскому, нежели уголовному процессу.

2. О законахъ уголовнаго судопроизводства.

По тѣсной связи гражданскаго и уголовнаго права во времена Судебника, главною *формою* въ уголовномъ судопроизводствѣ была *гражданская*, или *обвинительная* форма процесса. Правительство, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, не преслѣдовало преступленій и не подвергало виновнаго никакому наказанію, если только на него не было жалобы со стороны оскорбленнаго имъ лица. Въ этомъ случаѣ судъ между истцемъ и отвѣтчикомъ былъ чисто-гражданскій, и судья не иначе обвинялъ одного изъ тяжущихся, какъ на основаніи представленныхъ ему доказа-

(92) Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, част. V, стр. 64.

тельствъ. Тогда только, если вина подсудимаго заключалась въ преступленіи, онъ подвергался денежному взысканію, или болѣе тяжкому наказанію, опредѣленному въ законахъ за его преступленіе. Напротивъ, если тяжущіеся мирились между собою до суда или даже во время суда, то преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія или взысканія со стороны правительства.

Въ противоположность обвинительной, собственно-*уголовная*, или *слѣдственная* форма процесса была не болѣе, какъ исключеніе. Итакъ стоитъ только разсмотрѣть процессуальный порядокъ этой формы для того, чтобы вполнѣ опредѣлить значеніе первой въ системѣ уголовнаго права. На этомъ основаніи, мы объяснимъ, сперва, примѣненіе слѣдственной формы процесса къ различнымъ предметамъ уголовнаго права, далѣе, изложимъ установленные для того законы судопроизводства, и, наконецъ, опредѣлимъ значеніе обвинительной формы и слѣд. значеніе Судебника въ нашемъ древнемъ процессѣ вообще.

а) *О примѣненіи слѣдственной формы процесса къ предметамъ уголовнаго права.*

Говоря о преступленіяхъ вообще, мы видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ дѣйствія человѣческаго произвола, особенно опасныя и вредныя для благосостоянія общества, сами собою отдѣлились отъ другихъ преступленій, еще тѣсно связанныхъ съ предметами гражданскаго права. Но, опредѣливъ для нихъ особую подсудность, верховная власть, вмѣстѣ съ тѣмъ, увидѣла необходимость преслѣдо-

вать ихъ и особенно строгимъ надзоромъ, не ограничиваясь случаями, когда то или другое преступленіе дѣлалось извѣстнымъ правительству по его связи съ частнымъ искомъ. Сюда принадлежатъ душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ, надъ которыми судъ поручался исключительно намѣстникамъ и волостелямъ. Получая съ виновныхъ тяжкія денежныя взысканія въ свою пользу, эти уголовные судьи тѣмъ строже смотрѣли за преступленіями, что имѣли также право подвергать наказаніямъ и тѣхъ, которые не доносили имъ о преступленіяхъ, скрывали преступниковъ или заключали съ ними полюбовныя сдѣлки. Такъ за смертоубійство осуждался не только виновный, но часто цѣлый округъ или селеніе были обязаны платить установленную виру, если нельзя было найти преступника или если даже онъ былъ вовсе неизвѣстенъ. Такъ самовольная сдѣлка съ воромъ, пойманнымъ съ поличнымъ, называлась самосудомъ и подвергала виновнаго значительной пени. Такъ, наконецъ, одинакому наказанію съ главнымъ виновникомъ въ разбоѣ подвергались ихъ участники и даже пристанодержатели. Но если таковы были дѣйствительно права и обязанности намѣстниковъ по отношенію къ исчисленнымъ преступленіямъ, то въ примѣненіи къ нимъ обвинительная форма процесса должна была часто оказываться недостаточною; потому что не всегда съ уголовнымъ искомъ соединялся также частный искъ, который необходимо предполагается въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Итакъ, оставляя обвинительную форму господствующей въ тѣхъ процессахъ, гдѣ соединялись оба разнородные иска, пра-

вительство должно было опредѣлить новый порядокъ судопроизводства для тѣхъ случаевъ, гдѣ ему непосредственно принадлежало доказательство виновности преступника. Здѣсь уже скрывается начало *слѣдственнаго* процесса.

Дальнѣйшее развитіе новаго порядка судопроизводства и даже его особенности въ древнемъ русскомъ правѣ тѣсно связаны съ значеніемъ уголовнаго суда для вѣдомыхъ лихихъ людей вообще. Мы уже говорили о причинахъ этого явленія, и потому здѣсь объяснимъ только вліяніе, которое оно имѣло на развитіе уголовнаго процесса.

Современи назначенія особыхъ судовъ для вѣдомыхъ преступниковъ, въ каждомъ процессѣ сдѣлалось прежде всего необходимымъ рѣшеніе вопроса: долженъ ли обвиняемый подлежать суду обыкновенныхъ судей или губныхъ старостъ? Но какъ на это не указывало ни одно изъ извѣстныхъ условій, опредѣлявшихъ уголовную подсудность преступника, а на обвиненіе истца не всегда можно было положиться, то сомнѣніе надлежало рѣшить самому правительству, которое лучшимъ для того средствомъ признало *повальный обыскъ*. Если молва народная (т. е. всѣ обыскные люди или, по-крайней-мѣрѣ, большинство голосовъ) одобряла обвиняемаго, то судъ надъ нимъ принадлежалъ обыкновеннымъ судьямъ, и дѣло рѣшалось гражданскимъ процессомъ. Если, напротивъ, въ обыскѣ называли подсуднаго лихимъ человѣкомъ, то правительство считало себя вправѣ подозрѣвать *оговореннаго* въ извѣстныхъ преступленіяхъ, какъ въ томъ случаѣ, когда молва народная именно объявляла о нихъ въ

обыскѣ, такъ и въ томъ, когда она вообще была неблагопріятною для подсудимаго, называя его только вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ. Итакъ правительство приняло на себя обязанность истца и не усомнилось ввести въ уголовный процессъ новое доказательство, неизвѣстное въ гражданскомъ процессѣ, именно *пытку*, на которой и былъ основанъ весь новый порядокъ судопроизводства.

Предполагая, что таковы были первоначальныя причины для учрежденія обыска и пытки, мы должны сознаться, что на практикѣ послѣдніе имѣли еще обширнѣйшій кругъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ источниковъ видно, что обыскъ употреблялся не только по ссылкѣ на его истца, но имъ пользовалось и правительство безъ всякаго внѣшняго побужденія, и единственно вслѣдствіе сознанной имъ необходимости преслѣдовать и казнить преступниковъ: это видно, лучше всего, въ примѣненіи къ губнымъ старостамъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность, при вступленіи въ должность, дѣлать большой *повальный обыскъ*. Съ другой стороны, правительство, считая признаніе необходимымъ условіемъ, по-крайней-мѣрѣ въ большей части случаевъ, для полнаго обвиненія подсудимаго распространило пытку не только на вѣдомыхъ лихихъ людей, но и на другихъ преступниковъ, особенно тѣхъ, которые были обвиняемы въ государственныхъ преступленіяхъ, на еретиковъ и проч. Такъ было преимущественно во времена Судебника.

Изъ сказаннаго можно заключить, что новый порядокъ судопроизводства имѣлъ приложеніе только къ нѣкоторымъ преступленіямъ, особенно она-

сным*ъ для* общественнаго благосостоянія; но и здѣсь, главнымъ образомъ, употреблялся противъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ народною молвою.

Основываясь на различныхъ моментахъ, замѣчаемыхъ въ слѣдственномъ судопроизводствѣ, его можно раздѣлить на три слѣдующія части: *слѣдствіе, судъ* и *приговоръ*. Сюда же должно отнести и *исполненіе* приговора, по тѣсной его связи съ уголовнымъ процессомъ вообще. Мы разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ моментовъ въ примѣненіи къ нашему древнему праву.

α) Слѣдствіе.

Какъ гражданскій, такъ и уголовный процессъ предполагаютъ, съ одной стороны, извѣстныя *обстоятельства*, которыя могли бы служить основаніемъ *для* начатія суда противъ обвиняемаго лица, съ другой — *доказательства* и *улики для* оправданія или обвиненія подсудимаго. Тѣ и другія собираются и разсматриваются предварительно *въ слѣдствіи*.

Во времена Судебника слѣдственный процессъ допускался въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда истецъ приводилъ отвѣтчика съ поличнымъ, *а поличное у него вынуто съ приставомъ и съ понятымъ, и тотъ человѣкъ того поличнаго не очиститъ и отводу ему не дастъ*. Но если истецъ, обвиняя отвѣтчика въ разбоѣ и пашьбѣ, не могъ представить другихъ доказательствъ, въ справедливости своего обвиненія, кромѣ присяги и поединка, то обыскъ рѣшалъ, какимъ порядкомъ долженъ производиться уголовный

судъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда кто-либо называлъ другаго *вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ* или приводилъ его съ поличнымъ, взятымъ безъ пристава, и обвиняемый просилъ сдѣлать объ немъ обыскъ (93). Но ни въ какомъ случаѣ судья не могъ оставить безъ разсмотрѣнія просьбы истца: на это можно было жаловаться прямо государю, и если послѣ того судья не разсматривалъ дѣла, то подлежалъ опалѣ царской. Но и истецъ, несправедливо *докучавшій* государю, наказывался тюремнымъ заключеніемъ (94). 2) Когда *молва народная* обвиняла кого-либо въ извѣстныхъ преступленіяхъ или называла его лихимъ человѣкомъ, какъ въ томъ случаѣ, когда правительство дѣлало обыски вслѣдствіе открытаго имъ преступленія или для того, чтобъ обнаружить зло, которое могло остаться для него неизвѣстнымъ. Даже безъ обыска народная молва могла служить основаніемъ для подозрѣнія оговариваемаго въ преступленіи, именно въ томъ случаѣ, когда онъ не старался *отвести* отъ себя дурное мнѣніе народа, жалуясь на его несправедливость. Сюда же относится *донось*, вмѣняемый, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ источниковъ, въ обязанность подданнымъ, особенно относительно преступленій государственныхъ (95). 3) Когда *языкъ* (преступникъ, подвергаемый пыткѣ) указывалъ на кого-либо изъ своихъ сообщниковъ или обвинялъ другаго въ преступленіяхъ. Исключеніе составляли только

(93) Акты ист., т. III, N 167, стт. 21—23.

(94) Судебн., ст. 7.

(95) Акты ист., т. I, N. 136. Акты арх. эксп., т. I, N. 239.

случаи, когда онъ обвинялъ тѣхъ, которые его приводили въ судъ (96). 4) Когда *погонные люди* (тѣ, которые преслѣдовали разбойниковъ) обвиняли *сторонихъ людей* въ томъ, что они, по ихъ требованію, не пошли въ погоню и на слѣдъ за разбойниками, или не отвели ихъ слѣда отъ мѣста своего жительства (97).

Что касается до судебныхъ *доказательствъ*, или *уликъ* (имѣвшихъ въ нашемъ древнемъ правѣ одинаковое значеніе), то, кажется, что не всѣ доказательства, исчисленныя въ гражданскомъ судопроизводствѣ, имѣли силу и въ слѣдственномъ процессѣ; по-крайней-мѣрѣ, можно думать, что въ послѣднемъ не допускались ни *поле*, ни *присяга*. Письменныя доказательства, безъ сомнѣнія, имѣли силу и здѣсь, когда, напр., уличали кого-либо въ ябедѣ, подпискѣ и проч.; но на это нѣтъ ясныхъ указаній въ источникахъ. Увѣчье, отдѣльно отъ другихъ доказательствъ, не имѣло большой силы; потому что само по себѣ оно относилось къ гражданскому, а не къ уголовному суду. Наконецъ, *свидѣтели*, по свойству слѣдственнаго процесса, имѣли въ немъ болѣе обширное значеніе и назывались *обыскными людьми*, которые свидѣтельствовали о преступленіи или о свойствахъ преступника въ *повальномъ обыскѣ*, хотя были также извѣстны и собственно такъ называемые свидѣтели. Напротивъ, *очная ставка*, *осмотръ преступленія на мѣстѣ*, *повальный обыскъ* и *признаніе* были важнѣйшими, если не единственными

(96) Акты ист., т. III, N. 167, ст. 36.

(97) Акты ист., т. III, N. 167, ст. 25 и 26.

доказательствами въ слѣдственномъ процессѣ, и потому мы исключительно обратимъ на нихъ вниманіе.

1) Очная ставка.

Когда подсудимый, подвергаемый пыткѣ (языкъ), обвинялъ кого-либо въ разбоѣ или воровствѣ, то ему давалась съ обвиняемымъ *очная ставка*, т. е. онъ долженъ былъ узнать его въ числѣ другихъ сторонніхъ людей, и въ его присутствіи, *съ очей на очи*, подтвердить свое обвиненіе. Впрочемъ, узнавалъ ли онъ обвиняемаго или нѣтъ, также подтверждалъ ли или сговаривалъ съ него свое прежнее показаніе, во всякомъ случаѣ касательно послѣдняго дѣлался обыскъ. Исключеніе составляли только слѣдующія два обстоятельства: вопервыхъ, когда кто-либо, будучи *бродящимъ человѣкомъ*, самъ не требовалъ обыска; вовторыхъ, когда на одного показывали два или три языка съ пытки. Въ этихъ случаяхъ обвиняемый подвергался непосредственно пыткѣ, хотя и послѣ того допускался еще обыскъ, именно если онъ не признавался въ преступленіи. Что касается до самого обвинителя, то если онъ не узнавалъ на очной ставкѣ обвиняемаго или *сговаривалъ* съ него свое прежнее показаніе, его самого допрашивали пыткою: *не по засылкѣ ли онъ его не узналъ, и, узнавъ, сговариваетъ?* Вслучаѣ утвердительнаго отвѣта, ему давалась очная ставка съ тѣми, которые приходили его уговаривать. Судьбу послѣднихъ рѣшалъ также обыскъ: если народная молва ихъ обвиняла, то они подвергались торговой казни и штрафу; напротивъ, если въ обыскѣ ихъ

добрили, они освобождались безъ всякаго наказанія (98).

2) Осмотръ преступленія на мѣстѣ.

Этимъ доказательствомъ въ нашемъ древнемъ процессѣ уголовные судьи пользовались или для того, чтобъ удостовѣриться въ дѣйствительности преступленія, или чтобы точнѣе опредѣлить степень виновности преступника. *Осмотръ* производился педѣльщиками, цѣловальниками и другими лицами, находившимися при судѣ, въ присутствіи *понятыхъ*, волостныхъ старостъ и вообще лучшихъ людей. Какъ доказательство, онъ употреблялся особенно въ случаѣ смертоубійства (осмотръ убитой головы), увѣчья, ранъ и побоевъ. Сюда же можно отнести: досмотръ и отнятіе поличнаго у вора съ приставомъ и понятыми, также запрещеннаго вина и впослѣдствіи табаку; свидѣтельствованіе на мѣстѣ наѣзда, потравы сѣнокосовъ, перепашки полей, ссѣченія граней и межевыхъ знаковъ, *пожеги* (послѣдствій зажигательства) и проч. Изъ этого можно заключить, что осмотръ былъ въ древности весьма употребительнымъ доказательствомъ, тѣмъ болѣе, что преступники судились, обыкновенно, на мѣстѣ преступленія; но ни въ какомъ случаѣ онъ не замѣнялъ собою вполнѣ ни обыска, ни другихъ доказательствъ, когда они были возможны (99).

---

(98) Акты ист., т. III, N. 167, стт. 1, 4, 5 и 12.

(99) Акты ист., т I, N. 125, 178 и 194. Акты юрид., N. 17, 27, 28 и 30.

3) Повальный обыскъ.

Въ слѣдственномъ процессѣ *повальный обыскъ* имѣлъ гораздо обширнѣйшій кругъ дѣйствія, нежели въ гражданскомъ судопроизводствѣ; потому что правительство пользовалось имъ часто, не имѣя въ виду частнаго иска, единственно для того, чтобъ обнаружить преступленія, которыя могли бы остаться ему неизвѣстными. Въ такомъ значеніи повальный обыскъ составлялъ первую обязанность губныхъ старостъ при самомъ вступленіи ихъ въ должность. Съ этою цѣлью губные старосты и цѣловальники съѣзжались въ одно мѣсто, куда изо всей губы должны были являться къ нимъ князья, боярскіе дѣти и ихъ прикащики, крестьяне различныхъ владѣльцевъ, кречетники, сокольничьи, рыболовы, бобровники и вообще всѣ сословія *безъ опалы, чей кто ни буди, съ вытти по человѣку*. На съѣздѣ губные старосты распрашивали людей свѣтскаго сословія по крестному цѣлованью, а духовенство по священству: „Кто у нихъ въ губѣ лихихъ людей, татей и розбойниковъ? Къ кому розбойники и тати пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привозятъ? Отъ кого на розбой ѣздятъ и кому розбойную рухлядь продаютъ за розбойное?“ Рѣчи, или показанія *обыскныхъ людей*, записывалъ губный дьякъ *по статьямъ, порознь*, а сами они прикладывали руки, если знали грамотѣ. Вмѣсто тѣхъ, кто не умѣлъ писать, прикладывали руки ихъ духовные отцы. Если на кого показывали въ обыскѣ, что они лихіе люди, а *исцевъ нѣтъ*, то старосты распрашивали о такихъ оговорныхъ людяхъ *подлинно*: „что чье ли-

хо, кто кого розбивалъ или кто кого кралъ, и сколь давно, и къ кому съ розбою и на розбой ѣздили?“ Если обыскные люди объявляли преступленія, то оговариваемые ими назывались *лихими людьми съ доводомъ*. Но когда въ обыскѣ не могли указать на извѣстное преступленіе, обвиняемыхъ лихими людьми подвергали пыткѣ (100).

Считая обыскъ необходимымъ средствомъ для открытія еще неизвѣстныхъ преступленій, правительство пользовалось имъ, какъ доказательствомъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣло какую-либо причину подозрѣвать обвиняемаго. На этомъ основаніи, обыскъ употреблялся не только когда уголовные судьи узнавали о преступленіи изъ доносовъ, обвиненія со стороны истца или собственнаго усмотрѣнія, но также преимущественно противъ тѣхъ, кого преступникъ, подвергаемый пыткѣ, называлъ своими сообщниками. Въ этомъ случаѣ онъ предшествовалъ пыткѣ или производился послѣ по требованію со стороны истцевъ (101).

Изъ сказаннаго можно заключить, что повальный обыскъ въ слѣдственномъ судопроизводствѣ былъ общимъ, а въ большей части случаевъ даже необходимымъ доказательствомъ. Объ исключеніяхъ, слишкомъ рѣдкихъ и маловажныхъ, мы будемъ говорить ниже.

---

(100) Акты арх. эксп., т. I, N. 281. Акты юрид., N. 345.

(101) Акты ист., т. III, N. 167, стт. 4—8, 11, 12 и проч. и вышеприведенную статью Рейца въ Dorpater Jahrbücher.

4) Признаніе.

Изъ всѣхъ доказательствъ, извѣстныхъ въ нашемъ древнемъ процессѣ, признаніе считалось важнѣйшимъ, такъ что, исключая не многихъ случаевъ, преступникъ, уже обвиняемый другими доказательствами, не подвергался полному наказанію, положенному въ законахъ за его преступленіе, если не доставало съ его стороны признанія. Средства, которыми уголовные судьи пользовались для того, чтобы получить отъ подсудимаго признаніе, состояли въ *роспросѣ* (словесномъ допросѣ) и *пыткѣ*.

Первымъ средствомъ былъ *словесный допросъ*. Преступниковъ спрашивали: „какъ давно они розбиваютъ и крадутъ, кого именно розбивали и крали, что у кого лошадей и денегъ и всякого живота на розбоѣ и татьбѣ взяли.“ и проч. Если такого допроса было достаточно, чтобы получить признаніе, то обвиняемый считался вполнѣ доказаннымъ преступникомъ, по-крайней-мѣрѣ относительно тѣхъ преступленій, въ которыхъ были другія доказательства, какъ *поличное*, *язычная молка*, обыскъ и проч. (102). Напротивъ, если подсудимый не признавался по допросу или если подозрѣвали его въ другихъ преступленіяхъ, то онъ подвергался еще пыткѣ.

Пыткою назывались различныя средства мученія, которыми судьи выпуждали у обвиняемыхъ признаніе въ томъ случаѣ, когда они не давали его до-

(102) Судебн., ст. 25. Акты ист., т. III, N. 167, ст. 24. Олеаріева путешествія стр. 272 и д.

бровольно. Какъ давно сдѣлались у насъ извѣстными эти жестокія и ложныя средства получать признаніе, нельзя сказать утвердительно: знаемъ только, что пытка употреблялась уже въ періодъ удѣловъ, встрѣчается въ Судебникѣ Іоанна III, а при его внукѣ, какъ видно изъ источниковъ, считалась важнѣйшимъ средствомъ доказательства относительно болѣе тяжкихъ преступленій, но, по тѣмъ невыгодамъ, съ которыми была сопряжена для подсудимыхъ, допускалась только иногда, когда уже обвиняли ихъ другія доказательства. Изъ этого общаго правила, касательно употребленія пытки, дѣлались только нѣкоторыя исключенія, въ которыхъ обвиняемый подвергался ей безъ предварительнаго обыска. Сюда относятся слѣдующіе случаи: 1) когда преступникъ былъ человѣкъ бродящій и говорилъ, что его нигдѣ не знаютъ. 2) Когда на него указывали два или три человѣка съ пытокъ. 3) Когда дворяне, приказные люди и дѣти боярскіе приводили своихъ людей, или крестьянъ, или дворниковъ, обвиняя ихъ въ разбоѣ, татьбѣ или подводѣ. 4) Когда кого приводили съ поличнымъ, вынутымъ приставомъ и съ понятыми, и обвиняемый не могъ очиститъ поличнаго и дать ему *отводъ* (103).

Что касается до тѣхъ способовъ, какъ производилась пытка, то современники Іоанна IV упоми-

---

(103) Извѣстно, что при Іоаннѣ III *пытали* уже Новгородцевъ (въ 1487). См. Лѣтописецъ Львова, часть III, стр. 189. Ист. гос. росс., т. VII, стр. 204 и проч. и стр. 384. Акты эксп., т. III, N. 167, стт. 4, 5, 8, 11, 16, 21 и др.

наютъ объ острыхъ *когтяхъ*, или длинныхъ иглахъ, вбиваемыхъ за ногти, о желѣзныхъ клещахъ, сковородахъ и пр. Павелъ Іовій, подтверждая это извѣстіе нашихъ лѣтописцевъ, разсказываетъ, что подсудимыхъ, для узнанія истины, обливали холодной водою. Изъ словъ Олеарія видно, что эта пытка состояла въ томъ, что подсудимымъ брили часть головы, на которую капали холодную воду, причинявшую невыносимыя мученія. Кромѣ того, онъ же сообщаетъ еще одинъ способъ пытки, весьма употребительный въ древней Россіи. Завернувъ подсудимымъ руки назадъ, ихъ поднимали вверхъ, къ ногамъ привязывали тяжелыя колодки, на которыя становился палачь, и несчастнымъ растягивали члены. Подъ ногами зажигали еще огонь, отъ котораго жаръ и дымъ приводили пытаемаго въ совершенное изнеможеніе. Иногда, чтобъ увеличить мученія, преступниковъ сѣкли или били кнутомъ, а раны терли раскаленнымъ желѣзомъ. Пытка повторялась до трехъ разъ (104).

Если, не смотря на всѣ мученія, подсудимый не признавался, то считали его не вполнѣ виновнымъ или, по-крайней-мѣрѣ, опасались подвергнуть полному наказанію, назначенному въ законахъ за преступленіе, въ которомъ его обвиняли. Обыкновенно, въ такомъ случаѣ, если обвиняли его и другія доказательства, онъ подвергался пожизненному заключенію (тюрьма на смерть), вмѣсто смертной каз-

(104) Ист. гос. росс., т. IX, стр. 165, прим. 324. Павелъ Іовій, въ Rer. mosc., стр. 128; путешествіе Олеарія, стр. 272 и др. Акты ист., т. III, N. 167, ст. 5.

ни. Были однако исключенія, въ которыхъ непризнающійся преступникъ не избавлялся и отъ этого наказанія. Онѣ слѣдующія: 1) когда подсудимаго обвинялъ другой преступникъ въ пыткѣ и, кромѣ того, въ повальномъ обыскѣ называли его лихимъ человѣкомъ. 2) Если послѣ пытки подсудимый уличался еще въ новомъ преступленіи („а послѣ того прибудетъ на него въ розбойномъ дѣлѣ иное лихо"). 3) Если преступникъ признавался въ нѣкоторыхъ изъ преступленій, въ которыхъ его обвиняли, въ томъ случаѣ, когда эти преступленія сами по себѣ заслуживали уже смертной казни. Впрочемъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ данъ былъ въ Розбойной приказъ боярскій приговоръ, что подсудимый, который не признается съ пытокъ, не долженъ подвергаться смертной казни, а только пожизненному заключенію (105).

β) *Судъ.*

Всякой уголовный судъ предполагаетъ два необходимыхъ условія: преступленіе и лицо преступника. Такъ было и въ нашемъ древнемъ процессѣ. Безъ преступленія, дѣйствительнаго или предполагаемаго (относительно лихихъ людей безъ довода), судъ рѣшительно не могъ быть начатъ. Что касается до лица преступника, то хотя, какъ мы видѣли, и это было важнѣйшее условіе всякаго преступленія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ имѣлъ мѣсто и тогда, когда преступника не знали или не могли найти. Сюда принадлежало преимущественно

(105) Акты ист., т. III, N. 167, стат. 5, 6—10.

смертоубійство. Если было совершено это преступленіе и, между тѣмъ, не былъ извѣстенъ его виновникъ, то намѣстники и волостели рѣшали только, совершалось ли оно случайно (безхитростно) или умышлено (хитростно), былъ ли въ немъ виновенъ самъ убитый или причиною его было лицо посторонее. Въ первомъ случаѣ смертоубійство не подлежало никакому наказанію; почему въ источникахъ исчисляются, обыкновенно, виды такого смертоубійства: если мертваго вода принесетъ къ чьей-либо землѣ; если кто убьется съ дерева, *утерлется* отъ своихъ рукъ, утонетъ въ водѣ, умретъ съ *стюдена* (холоду); если кого *сотретъ* возомъ, убьетъ громъ, съѣстъ звѣрь и проч. Напротивъ, когда изъ слѣдствія открывалось, что преступленіе было совершено умышлено и лицомъ посторонимъ, то, по особенно-тѣсной связи, въ которой, въ древнее время, находились между собою члены общества, и по взаимной ихъ отвѣтственности, за смертоубійство платили всѣ жители округа, селенія и проч. (106). Но такая отвѣтственность членовъ общества за преступленія была однако только исключеніемъ въ уголовномъ процессѣ; потому что присутствіе преступника, судя по тѣмъ доказательствамъ, на которыхъ судья основывалъ главнымъ образомъ свой приговоръ, считалось необходимымъ, по-крайней-мѣрѣ относительно большей части преступленій. Когда подсудимый былъ уже вызванъ, тогда только дѣлалось возможнымъ собрать всѣ

(106) Акты арх. эксп., т. I, N. 13, 123, 257, 273, 208, 217 и проч. Акты ист., т. I, N. 178, 194 и 165.

нужныя доказательства для суда, и, смотря по ихъ различію и силѣ, постановить окончательный приговоръ преступленію. Итакъ *вызовъ* обвиняемаго на судъ и опредѣленіе *силы* различныхъ уголовныхъ доказательствъ суть предметы, на которые преимущественно должно обратить вниманіе.

Вызовъ обвиняемаго основывался на уголовной подсудности, и слѣд. принадлежалъ тѣмъ же лицамъ, которыя имѣли право суда въ томъ или другомъ случаѣ. Онъ совершался, обыкновенно, чрезъ приставовъ, недѣльщиковъ или цѣловальниковъ, которые получали для того *приставную*, и въ присутствіи *понятыхъ* отдавали обвиняемаго на *поруку*, или, если онъ имѣлъ свою подсудность, объявляли о томъ его судьѣ, какъ это именно было въ разбойныхъ дѣлахъ, гдѣ *губная грамота* отдавалась дѣтямъ боярскимъ, исправлявшимъ должность старостъ въ другой губѣ. Отвѣтчикъ, который не могъ представить ручательства въ томъ, что онъ явится въ назначенный срокъ къ суду, подвергался тюремному заключенію. Если же преступникъ скрывался, то обязанность *поставить его на судъ* возлагалась на сотскаго или десятскаго и вообще на тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ въ одной улицѣ, или на его владѣльца (если онъ былъ крестьянинъ); а самъ истецъ получалъ на него *погонную*, въ которой судъ просилъ всѣ другіе суды и обывателей всѣхъ сословій о вспоможеніи истцу въ отысканіи и поимкѣ бѣглаго, давая ему, кромѣ того, въ помощь своихъ *погонцовъ* — сотскаго или кого другаго. Въ дѣлахъ разбойныхъ тѣ, которые не помогали *погоннымъ людямъ* въ преслѣдованіи и отысканіи воровъ, под-

вергались строгому взысканію, даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Такая же отвѣтственность падала и на тѣхъ, кто скрывалъ у себя разбойниковъ, не объявляя о нихъ въ обыскѣ или не представляя ихъ къ суду, когда тать или разбойникъ *сыскивался мимо ихъ*, или если не *сводилъ* съ себя слѣдъ тотъ, на кого падало подозрѣніе (107).

О силѣ доказательствъ и о вліяніи, которое они имѣли на судебное опредѣленіе, какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и каждое въ отдѣльности, не трудно вывести заключеніе изъ сказаннаго нами выше о доказательствахъ уголовныхъ. Для того, чтобы подвергнуть подсудимаго полному обвиненію, считалось необходимымъ, чтобы противъ него были, по-крайней-мѣрѣ, два доказательства вмѣстѣ, напр. *лихованный обыскъ* и признаніе, обвиненіе языка и обыскъ, поличное, вынутое приставомъ, и пытка и проч. Исключеніе могло быть только по отношенію къ признанію, когда его давалъ добровольно подсудимый. Само по себѣ каждое изъ отдѣльныхъ доказательствъ возбуждало только большее или меньшее подозрѣніе; потому что пытка считалась необходимою относительно большей части преступленій, хотя, какъ мы видѣли, она допускалась только тогда, когда другія доказательства уже обвиняли подсудимаго. На этомъ основаніи, если въ обыскѣ называли кого-либо лихимъ человѣкомъ, а въ пыткѣ онъ не признавался въ преступленіи, или если обвиняли его

(107) Акты арх. эксп., т. I, N. 13, 21, 92, 234 и 281. Акты юрид., N. 334; III, 346 и 363. Акты ист., т. III, N. 167, стт. 25 — 28. Судебн., стт. 70 и 75.

другіе преступники, а въ обыскѣ говорили, что *про него не вѣдаютъ*, добрый ли онъ человѣкъ или лихой, то преступникъ не подвергался смертной казни, а только сажали его на смерть въ тюрьму. Въ томъ случаѣ, когда доказательства между собою противорѣчили, давалось преимущество тому, которое было вѣроятнѣе, или тому, которое подтверждалось и другими доказательствами. Вслучаѣ неравенства, предпочиталось то, которое было въ пользу подсудимаго. Такъ напр. если въ обыскѣ одна половина обыскныхъ людей называла *лихимъ* человѣкомъ, а другая добрымъ подсудимаго, непризнавшагося въ пыткѣ, то онъ отдавался на чистую поруку съ записью обыскнымъ людямъ, которые въ обыскѣ его одобрили. То же самое, если въ обыскѣ никто не обвинялъ его. Но если большая половина называла подсудимаго *лихимъ* человѣкомъ, то его заключали въ тюрьму на смерть; а если *прибудетъ на него* въ розбойномъ дѣлѣ *иное лихо*, — казнили смертью (108). Въ случаяхъ сомнительныхъ судъ представлялъ дѣло на разсмотрѣніе высшей инстанціи, и часто оно рѣшалось по непосредственному докладу государю. На основаніи такихъ сомнительныхъ случаевъ, составлялись новыя дополнительныя статьи, которыя приписывались къ Судебнику или Розбойному уставу, смотря по ихъ содержанію, и впослѣдствіи служили для уголовныхъ судей руководствомъ при рѣшеніи тѣхъ же случаевъ.

---

(108) Акты юрид., N. 290, 292, 301 и 306. Акты ист., т. III, N. 167, стт. 5, 7 и 8.

γ) *Приговоръ.*

На основаніи представленныхъ доказательствъ, подсудимый *оправдывался* или *обвинялся* въ преступленіи; то и другое выражалось окончательно въ судебномъ *приговорѣ*. Необходимою принадлежность приговора составляли: 1) означеніе преступленія, въ которомъ обвинялся или оправдывался подсудимый, равно какъ случая, по которому оно сдѣлалось извѣстнымъ уголовному суду (челобитная, допосъ и пр.). 2) Уголовное слѣдствіе, т. е. представленіе доказательствъ виновности или невинности подсудимаго. 3) Собственно приговоръ. Здѣсь излагались причины, служившія основаніемъ судебнаго рѣшенія, и самое оправданіе или обвиненіе. Если приговоромъ подсудимый оправдывался, то ему объявлялась свобода; если же былъ обвиняемъ, то, вмѣстѣ съ обвиненіемъ, опредѣлялось также наказаніе, назначаемое за преступленіе. Если, наконецъ, доказательства не убѣждали судей ни въ виновности ни въ невинности подсудимаго, то онъ отдавался на *чистую поруку*, именно тѣмъ, которые его одобрили въ обыскѣ. Крестьяне отдавались на поруку тѣмъ господамъ, у которыхъ служили.

Приговоръ составлялся окончательно или тѣми же судьями, которые начали судъ, или высшей инстанціей. Въ послѣднемъ случаѣ онъ передавался сперва въ низшую инстанцію и уже здѣсь объявлялся оправданному или обвиненному. За рѣшеніе судьи получали опредѣленную пошлину; но если рѣшали дѣло несправедливо, то судъ начинался съ *головы* (снова), и судья, обличенный въ лихоимствѣ, под-

вергался денежной пенѣ или другому болѣе тяжкому наказанію (109). Исполненіе приговора принадлежало, какъ мы видѣли, приставамъ, недѣльщикамъ, палачамъ и проч.

с) *О значеніи обвинительной формы процесса въ уголовномъ правѣ.*

Для того, чтобъ опредѣлить значеніе обвинительной формы процесса въ нашемъ древнемъ уголовномъ правѣ, стоитъ только вспомнить, какое понятіе имѣли наши предки о различныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ, и примѣнить къ нимъ разсмотрѣнные нами законы и порядокъ слѣдственнаго судопроизводства. Тогда мы увидимъ, что, съ одной стороны, обвинительная форма процесса въ уголовномъ правѣ имѣла то же самое значеніе, какъ и въ гражданскомъ, именно относительно тѣхъ преступленій, которыя, во времена Судебника, считались еще предметомъ гражданскаго права; съ другой—что она имѣла непосредственное примѣненіе и къ преступленіямъ собственно-уголовнымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдственный порядокъ, предшествуя гражданскому, не могъ имѣть мѣста въ уголовномъ процессѣ, по недостатку условій, отъ которыхъ зависѣла возможность его примѣненія, т. е. *лихованнаго обыска*, *поличнаго* или *язычной молки*, безъ чего не допускалась также и пытка. Итакъ, если въ первомъ случаѣ обвинительная форма процесса была исключительно господствующею,

(109) Судебн., стт. 3, 6, 8, 9—11, 71 и 89. Акты ист., т. I, N. 155.

а во второмъ имѣла одинаковое значеніе съ слѣдственнымъ порядкомъ судопроизводства (потому что употребленіе той или другой формы въ данномъ случаѣ зависѣло отъ внѣшнихъ причинъ и условій, а не отъ различія предметовъ гражданскаго и уголовнаго права, или, по-крайней-мѣрѣ, различія болѣе или менѣе тяжкихъ преступленій), то нельзя не заключить, что и въ уголовномъ правѣ она была главною формою процесса. Отсюда понятно, почему обвинительный порядокъ судопроизводства, какъ общій въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, сдѣлался особеннымъ предметомъ развитія законодателей (въ Судебникѣ), между тѣмъ какъ слѣдственная форма процесса, какъ исключеніе, получила своихъ отдѣльныхъ судей, свои законы и свое развитіе (въ Розбойномъ уставѣ). Отсюда, наконецъ, объясняется, почему въ Судебникѣ преступленія, и въ то время уже отдѣленныя отъ предметовъ гражданскаго права, подчинены суду исключительно гражданскому, между тѣмъ какъ, извѣстно, тѣ же самыя преступленія въ другихъ случаяхъ подлежали суду собственно-уголовному: очевидно, что, опредѣляя порядокъ перваго, законодатель не считалъ нужнымъ касаться особенностей послѣдняго.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ уголовномъ правѣ употреблялась гражданская форма процесса, судьи руководствовались тѣми же самыми законами, которые изложены были выше въ статьѣ о *гражданскомъ судопроизводствѣ*. Только въ примѣненіи къ нѣкоторымъ преступленіямъ, именно тѣмъ, которыя считались собственно предметомъ уголовнаго права, и потому требовали особенной формы про-

цесса, употребленіе порядка обвинительнаго зависѣло отъ предварительнаго обыска, который можно поэтому назвать *дополненіемъ* къ извѣстнымъ уже законамъ гражданскаго судопроизводства (110).

Бросивъ взглядъ на уголовное право во времена Судебника, мы такимъ образомъ возвращаемся къ сказанному нами въ началѣ статьи о значеніи этого памятника въ системѣ нашего древняго уголовнаго права вообще. Представляя, почти исключительно, развитіе гражданскаго судопроизводства, онъ относится непосредственно къ гражданскому праву, и по этой причинѣ представляетъ только слабое развитіе уголовнаго права *въ тѣсномъ смыслѣ*, вовсе не касаясь *слѣдственной*, или собственно-уголовной *формы процесса*. Но зная, что въ эпоху Іоанна IV обвинительный, или гражданскій порядокъ судопроизводства оставался еще главнымъ и въ уголовномъ правѣ, мы должны прибавить, что для современниковъ Судебникъ вовсе не былъ кодексомъ исключительно гражданскимъ, опредѣляя, напротивъ, законы судопроизводства, равно относившіеся какъ къ гражданскому, такъ и къ уголовному процессу.

Кандидатъ правъ Н. Калачовъ.

(110) Судебн., ст. 12. Акты изд., т. III, N. 167, стат. 17 и 18. Вышеприведен. ст. Рейца въ Dorp. Jahrb.

XI. Объ уголовной кодификаціи.

Всякое законодательство, а слѣд. и уголовное, должно корениться въ почвѣ всеобщей правды и справедливости, въ современныхъ и мѣстныхъ нравственныхъ понятіяхъ того народа и потребностяхъ того общества, для котораго это законодательство предназначается. Съ одной стороны наука руководитъ къ развитію основныхъ началъ правды и справедливости, къ познанію условій преступности и наказательности, и къ установленію истиннаго отношенія между преступленіями и наказаніями; съ другой стороны опытъ предлагаетъ матеріалы для узнанія нравственныхъ понятій народа и потребностей общества, сущности преступленій вообще и средствъ служащихъ къ достиженію особенныхъ цѣлей законодательной дѣятельности. Наука и опытъ, теорія и практика, взаимно себя проникая и восполняя, приведенныя въ единство, образуютъ то твердое основаніе, на которомъ должно быть воздвигаемо зданіе уголовнаго уложенія.

Никогда еще эта мысль не была возведена къ такому полному сознанію, какъ въ наше время. Попытки осуществить ее въ уголовномъ уложеніи никогда прежде не представлялись въ такомъ богатствѣ и разнообразіи, какъ съ того времени, ког-

да потребность въ уголовной кодификаціи сдѣлалась повсемѣстною, необходимою потребностью всѣхъ образованныхъ народовъ.

Представленіе основныхъ началъ уголовнаго права вообще, краткое историческое обозрѣніе всѣхъ новѣйшихъ явленій уголовной кодификаціи, изложеніе главнѣйшихъ ея правилъ и вмѣстѣ указаніе на важнѣйшія трудности, представляющіяся редакторамъ при составленіи уголовнаго уложенія—вотъ что будетъ составлять предметъ этой статьи, которая, впрочемъ, уже по самому объему, не имѣетъ притязанія на полноту и доконченность.

Пользуясь многими матеріалами, я старался однако же при составленіи этой статьи избѣгать компиляціи — простаго свода чужихъ трудовъ, мнѣній и взглядовъ. Конечно, факты не выдумываются, а почерпаются изъ источниковъ или, при недоступности ихъ, изъ литературныхъ пособій. Критическая оцѣнка фактовъ; способность уразумѣть ихъ; искусство сдѣлать изъ нихъ истинные выводы, соединить добытые мышленіемъ результаты въ одну цѣлость, имѣющую внутреннюю связь, и передать въ стройномъ внѣшнемъ порядкѣ, въ соотвѣтственной содержанію формѣ, съ тою ясностію, точностію и полнотою, какая только возможна, какъ по самой сущности предмета, такъ и по личности тѣхъ, кого авторъ предполагаетъ имѣть своими читателями — вотъ тотъ идеалъ самостоятельности въ трудахъ историческихъ, котораго, признаюсь, далеко я не достигнулъ. Предлагая здѣсь коротенькую статью о такомъ предметѣ, на которой мож-

но было бы написать огромные фоліанты, надѣюсь, что и этотъ очеркъ не совсѣмъ будетъ безполезенъ. Предметъ самъ собою уже занимателенъ. И у насъ теперь говорятъ много объ уголовномъ уложеніи. Прислушаемся же къ тому, что говоритъ объ этомъ наука и жизнь въ тѣхъ государствахъ, которыя ранѣе насъ созрѣли для науки и жизни.

Еще и теперь въ этихъ государствахъ, относительно уголовной кодификаціи, продолжается борепіе между двумя теоріями: между т. н. теоріею полезности и теоріею справедливости. Первая ищетъ внѣшнихъ цѣлей наказанія, спрашивая, для какой цѣли можетъ быть наказаніе полезнымъ и даже необходимымъ средствомъ, различно отвѣчая на этотъ вопросъ и вообще поставляя необходимость наказанія въ достиженіи чего-то внѣшняго, внѣ сущности самого преступленія лежащаго. Такъ одни говорятъ, наказаніе имѣетъ цѣлію устрашеніе преступника, другіе — предупрежденіе преступленія, обезопасеніе государства, охраненіе существующаго въ немъ законнаго порядка, исправленіе преступника, представленіе поучительнаго примѣра для прочихъ и т. д. Эту теорію, съ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, начали развивать въ систему. Ее распространяли сперва т. н. французскіе энциклопедисты, ее развивали нѣмецкіе односторонніе криминалисты, ее недавно проповѣдывалъ англичанинъ Бепсемъ (Bentham), ее держался Наполеонъ, ей болѣе или менѣе слѣдовали даже новѣйшія уголовныя уложенія. Эта теорія, подъ предлогомъ общественной пользы, допускаетъ и оправдываетъ всякой произволъ. Общественная польза, это такое неопредѣленное слово,

которое можно растолковать всегда въ пользу произвола, и тѣмъ защитить установленіе всякого произвольнаго наказанія. По этой теоріи, преступленіе разсматривается только по тому количеству вреда, какой чрезъ то могъ быть причиненъ или на самомъ дѣлѣ уже нанесенъ обществу, и котораго оцѣнка зависитъ совершенно отъ произвола.

„Всѣ эти (внѣшнія) цѣли (говоритъ проф. С. Баршевъ, въ недавно изданной имъ учебной книгѣ уголовнаго права) могутъ быть дѣйствительно достигаемы наказаніемъ. Но .... въ этомъ именно и состоитъ главная ошибка криминалистовъ, что они ..... разсматриваютъ наказаніе не какъ нѣчто необходимое, а только какъ средство ко внѣшней, случайной цѣли .... Они (т. е. криминалисты) не удовлетворяютъ даже тому, и для самаго простаго человѣка понятному требованію здраваго смысла, что наказаніе можетъ относиться только къ преступленію совершенному, а не ко внѣшней и посторонней цѣли, которая не имѣетъ съ нимъ никакой внутренней связи, или не къ тому, что еще имѣетъ быть въ будущемъ.“

Кромѣ того, прибавлю я, допущеніе внѣшней цѣли ведетъ къ нелѣпымъ, даже часто ужаснымъ выводамъ. Если, напр., наказывать надобно для того, чтобы впредъ, страхомъ наказанія, отвратить отъ преступленій, зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, наказывать именно преступника? Всё равно, кого бы ни наказать, даже и невиннаго, лишь бы только достигнуть цѣли. Не содрогается ли при этомъ природа человѣческая? — Другіе говорятъ, наказывать преступника

надобно для того, чтобы предупредить совершеніе съ его стороны новаго преступленія. Не лучше ли, для полнаго себя обезпеченія, за всякое преступленіе, безъ различія, прямо казнить смертію? Неужели, въ такомъ случаѣ, совсѣмъ не надобно наказывать самаго злаго преступника, если только будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы предотвратить совершеніе новаго преступленія. — Третьи говорятъ, что преступника надобно наказывать для того, чтобъ его исправить. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что самаго закоренѣлаго, неисправимаго не должно наказывать. — Есть еще теорія, что наказывать надобно потому, что законъ угрожаетъ наказаніемъ за преступленіе. Но здѣсь именно и спрашивается: зачѣмъ же законъ угрожаетъ наказаніемъ, на какомъ правѣ это основывается? такъ что эта теорія совершенно не подвигаетъ впередъ рѣшеніе вопроса. Наконецъ, скажемъ еще о томъ мнѣніи, будто для того необходимо должно наказывать преступленіе, чтобы государство могло сохранить, оборонить отъ нападенія внѣшней силы свое существованіе. Но, въ такомъ случаѣ, всякой преступникъ, всякая разбойничья шайка не могутъ ли сослаться на то же, на что ссылается государство, а именно, что они также должны защищаться противъ государства силою.

При этомъ не должно опускать изъ виду того обстоятельства, что предположенная наказаніемъ внѣшняя цѣль весьма нерѣдко совсѣмъ не достигается. Чѣмъ закоренѣлѣе преступникъ, тѣмъ менѣе дѣйствуетъ на него угроза, устрашеніе, исправленіе и проч., такъ что эти средства мо-

гутъ и совсѣмъ на него не подѣйствовать, а слѣд. наказаніе можетъ и совсѣмъ не достигнуть своей цѣли. Если, такимъ образомъ, достиженіе цѣли случайно, то и самое средство — наказаніе также случайно, не необходимо, а потому можетъ быть и не быть. Вотъ почему и вся эта теорія полезности, основанная на случайности наказанія, сама по себѣ случайна, не имѣетъ сама въ себѣ необходимости, а потому не истинна, ложна.

Другая теорія поставляетъ необходимость наказанія не въ достиженіи внѣшней цѣли, а во внутренней справедливости, такъ что, по этой теоріи, наказывать надобно потому, что наказаніе само уже по себѣ справедливо. Но и слово *справедливость* представляется, съ перваго взгляда, также неопредѣленнымъ. Отсюда придерживающіеся этой теоріи, различно понимая слово справедливость, раздѣлились между собою во мнѣніяхъ, и, подобно защитникамъ теоріи полезности, установили различные виды теоріи справедливости.

Такъ одни говорятъ, что справедливость наказанія состоитъ въ возмездіи за содѣянное преступленіе. Но что такое возмездіе? Если подъ этимъ словомъ разумѣть такое дѣйствіе, посредствомъ котораго потерпѣвшій отъ преступленія имѣетъ право преступнику воздать равное за равное, то возмездіе будетъ почти то же, что мщеніе; потому что такое возмездіе, точно такъ же какъ и мщеніе, заключаетъ въ себѣ представленіе о томъ, что оно зависитъ отъ личной воли того, кто претерпѣлъ отъ преступленія, такъ что если онъ хочетъ, то преступникъ будетъ наказанъ, если же нѣтъ,

то онъ останется безъ наказнія, какъ бы ни было ужасно его преступленіе. Въ такомъ случаѣ наказаніе является чѣмъ-то случайнымъ, а не необходимымъ.

Конечно, такое возмездіе отличается, повидимому, отъ мщенія тѣмъ, что послѣднее не знаетъ никакой мѣры, а мѣра возмездія опредѣляется: оно хочетъ отплатить равнымъ за равное, не больше. Месть никогда не справедлива; легко переходитъ въ слѣпую страсть; можетъ имѣть или незначущее, или совсѣмъ ложное основаніе; часто щетъ омыть кровію самое малое, ничтожное, даже мнимое оскорбленіе; ея казнь, обыкновенно, не соразмѣрна преступленію. Напротивъ, возмездіе, повидимому, чуждо всѣхъ этихъ недостатковъ. Оно кажется справедливымъ потому, что казнь его соразмѣрна преступленію, что она воздаетъ не болѣе и не менѣе, какъ равное за равное. Но что это значитъ равное за равное? Неужели въ буквальномъ смыслѣ — зубъ за зубъ и око за око? Неужели возмездіе принимать, какъ нѣкоторые, дѣйствительно, принимали, за мѣрило наказанія, за основаніе выбора наказанія? Тогда беззубый старикъ, вышибившій у другаго зубъ, останется ненаказаннымъ потому только, что преступникъ безъ зубовъ. Такое возмездіе называется, обыкновенно, матеріальнымъ: оно есть такое механическое уравненіе наказанія съ преступленіемъ, по которому преступникъ подвергается тому же злу, какое причинилъ или думалъ причинить другому своимъ преступленіемъ.

Отвергая такое матеріальное возмездіе, многіе принимаютъ за начало наказательности т. н. фор-

мальное возмездіе, т. е. требуютъ, чтобы наказаніе было соотвѣтственно, соразмѣрно преступленію.

Но разрѣшается ли этимъ вопросъ о томъ, почему наказаніе справедливо, необходимо? Нисколько. Разрѣшается ли неопредѣленность выраженія — равное за равное? Нимало. Кому предоставляется рѣшать вопросъ, что такое равное за равное? Если тому лицу, физическому или нравственному (а слѣд. и государству), которому нанесено зло преступленіемъ, то не правда ли, что такое возмездіе есть та же месть, также неопредѣленная, также произвольная, также случайная, и слѣд. не имѣющая основаніемъ своимъ необходимости, справедливости?

Другіе приписываютъ право возмездія, и слѣд. наказанія, не тому лицу, которому причинено зло преступленіемъ, но какой-то слѣпой, безличной богини, которая воздаетъ равное за равное, наказываетъ потому только, что она имѣетъ цѣлію такого воздаянія, такого наказанія одно безсознательное удовлетвореніе своему чувству мщенія, одно безотчетное воздаяніе зла за зло. Въ чемъ же здѣсь заключается необходимость, справедливость наказанія? Въ фанатизмѣ, въ допущеніи неизбѣжнаго рока, слѣпой судьбы. Это не есть та необходимость, которая едина, въ своей сущности, со свободою. Это такая необходимость, которая со свободою несовмѣстна. Свобода есть тотъ элементъ, въ которомъ вращается воля; воля же предполагаетъ сознаніе. Безсознательная, слѣпая необходимость исключаетъ слѣд. всякое понятіе о свободѣ. Понятіе о справедливости наказанія предполагаетъ присутствіе свободы, и потому возможность вмѣ-

ненія; гдѣ нѣтъ свободы, тамъ не можетъ быть и вмѣненія, тамъ не можетъ быть отвѣтственности, которой подвергается дѣйствующій за свои дѣйствія. Отвѣтствуетъ ли кто-либо за свои совершенно-безсознательныя дѣйствія, содѣянныя имъ въ припадкѣ полнаго отсутствія сознанія, въ припадкѣ безумія, сумасшествія, бѣшенства? Какъ можно говорить о казни, посылаемой безсознательною необходимостію, слѣпымъ рокомъ, слѣпою богинею, что ея дѣйствія, ея воздаяніе равное за равное, ея наказаніе справедливо или несправедливо? О справедливости и несправедливости наказанія, о его истинной необходимости можно говорить только тогда, когда наказаніе есть плодъ сознательнаго дѣйствія, истекаетъ изъ источника воли, основывается на свободѣ. Слѣд. воздаяніе, понимаемое въ смыслѣ дѣйствія, приписываемаго слѣпому року, безсознательной судьбѣ, несвободной необходимости, не можетъ имѣть основаніемъ своимъ начало справедливости. Да и какъ можетъ такая безсознательная необходимость уравнить преступленіе съ наказаніемъ, воздать равное за равное? Для того, чтобъ опредѣлить наказаніе равное, т. е. соразмѣрное преступленію, надобно непремѣнно допустить сознаніе о преступленіи, о наказаніи, о томъ, какъ ихъ между собою уравномѣрить. Если кто совершилъ убійство, то, при опредѣленіи наказанія, надобно все взвѣсить въ этомъ преступленіи: его поводъ, причину, цѣль, состояніе преступника во время убійства, сопутствующія обстоятельства и т. п., обо всемъ надобно размыслить, все сознать. Можетъ ли это слѣпая богиня возмездія?

Иные считаютъ наказаніе справедливымъ потому, что, какъ въ матеріальной природѣ, такъ и въ духовной, за добромъ должно слѣдовать, и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ добро, за зломъ зло. Преступленіе, говорятъ, есть зло, а слѣд. надобно, чтобы за нимъ слѣдовало наказаніе, которое также есть зло. Если, говорятъ, зло будетъ воздаваться за зло, то тогда выдетъ добро; что преступленіе наказывается, то это добро, и слѣд., говорятъ, справедливо, чтобы преступленіе было наказываемо. . . . Если разсматривать преступленія и наказанія, что то и другое есть зло, то не противно ли разуму, и слѣд. справедливости допускать зло потому только, что уже есть другое зло? Если же разсматривать преступленіе какъ зло, а наказаніе какъ добро, то не противно ли разуму, а слѣд. и справедливости, воздавать неравнымъ за равное? Но, говорятъ, преступленіе всегда зло, а наказаніе зло только для преступника, для прочихъ же добро. И то и другое не вѣрно. Преступленіе можетъ быть добромъ для преступника и зломъ для другихъ, если преступнику удастся совершить его съ выгодою для себя и безнаказанно, или если преступникъ, напр., будетъ исправленъ наказаніемъ, наконецъ, даже прощенъ, между тѣмъ какъ слѣдствіе его преступленія непзгладимо. Неужели наказаніе называютъ добромъ потому, что посредствомъ его, какъ-бы посредствомъ какой-нибудь химической реагенціи, имѣютъ притязаніе истребить зло въ мірѣ? При опредѣленіи того, почему наказаніе необходимо, дѣло совсѣмъ идетъ не о добрѣ и не о злѣ, и не о томъ и сёмъ добрѣ и злѣ, а вопросъ клонится къ объ-

ясненію того, что преступленіе само въ себѣ неправо; поэтому и наказаніе само въ себѣ, по своей внутренней необходимости, справедливо.

Иногда подъ теорію справедливости подводятъ взглядъ на преступленія и наказанія, исходящій изъ безусловнаго начала и старающійся построить такое нормальное уголовное право, которое бы опредѣляло, какія дѣянія вездѣ у всѣхъ народовъ должны быть подвергаемы наказанію и какая мѣра наказанія должна быть всегда и вездѣ принимаема. Нерѣдко это называютъ философствованіемъ объ уголовномъ правѣ, а совокупность результатовъ, добытыхъ такимъ философствованіемъ и приведенныхъ въ болѣе или менѣе стройную, произвольную систему, во внѣшній порядокъ, называютъ философіею уголовнаго права, или же естественнымъ уголовнымъ правомъ. Несчастная философія! какихъ нелѣпостей не величали твоимъ священнымъ именемъ? какихъ всеразрушительныхъ мнѣній, мечтаній, цѣлей не прикрывали твоею чистою одеждою? Нѣтъ, задача истинной философіи не въ томъ состоитъ, чтобы подавать совѣты и наставленія правительствамъ, народамъ, человѣку, какъ имъ должно поступать въ томъ или другомъ данномъ случаѣ, чего избѣгать, чтобы быть правымъ, чего держаться, какъ праваго и справедливаго; не въ томъ, чтобы предложить имъ всѣ возможныя начала, на основаніи которыхъ они могли бы располагать свою дѣятельность, — это дѣло религіи, совѣсти, положительнаго права, правовъ и обычаевъ: — философія ищетъ только постигнуть разумъ, присущій и міру матеріальному, и міру духов-

пому. Она не выдумываетъ небылицъ, не строитъ воздушныхъ замковъ, утопій. Она не гоняется за идеаломъ, который Богъ знаетъ гдѣ-то существуетъ. Она только старается познать матеріальную и духовную природу, какъ она есть сама въ себѣ, понять то, что уже есть, скрытое въ самой дѣйствительности. Она ищетъ въ безконечномъ разнообразіи, въ безпрестанной измѣнчивости явленій, случайностей матеріальнаго и духовнаго міра уловить всеобщее, непреложное, необходимое, истинное, разумное, вѣчно-сущее и потому истинно-дѣйствительное. Кромѣ того, ни одно истинное философское мышленіе не считаетъ себя чѣмъ-то докончѣннымъ, совершеннымъ, непогрѣшимымъ, непреложною истиною: оно предполагаетъ, что человѣкъ можетъ познавать только по человѣчески, не какъ Божество, но какъ существо, созданное по образу и по подобію Божіему, какъ существо одаренное отъ Бога мышленіемъ, разумомъ, и слѣд. не только не имѣющее ни права, ни даже возможности подавлять въ себѣ это мышленіе, этотъ разумъ, а, напротивъ, имѣющее обязанность искать во всемъ разумнаго, понимать дѣйствительное какъ разумное.

Такая философія разсматриваетъ встрѣчаемыя въ мірѣ матеріальномъ и духовномъ противоположности, противорѣчія, различія и т. п. не какъ безпорядочную совокупность, но какъ гармоническую цѣлость, въ себѣ самой примиренную, единую, какъ стороны одного и того же предмета, какъ ступени развитія одной и той же мысли.

Такъ смотритъ философія и въ уголовномъ правѣ на различныя теоріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, стараясь окончить ихъ борьбу, разрѣшить ихъ противоположности, не отступничествомъ отъ нихъ, которому въ основаніи лежитъ безнадежное отчаяніе, не убаюкиваніемъ своего разума посредствомъ напередъ съ холодностію разсчитанныхъ уступокъ; но живымъ примиреніемъ, живымъ единеніемъ односторонностей во всесторонность, живымъ превращеніемъ противоположностей въ составныя части, моменты одной и той же мысли; опроверженіемъ, отрицаніемъ въ этихъ противоположностяхъ не того, что онѣ суть стороны одного и того же предмета, моменты одного и того же развитія, а того, чѣмъ онѣ силятся выказаться — совершенно-самостоятельными, совершенно-чуждыми, противоположными всѣмъ другимъ теоріямъ, взглядамъ, направленіямъ.

Предлагаю здѣсь, въ краткомъ обзорѣ, тѣ общіе результаты основныхъ началъ уголовнаго права, до которыхъ до-сихъ-поръ дошла такая философія въ логическомъ ходѣ своего историческаго развитія.

Наказаніе необходимо, такъ сказать, и для внѣшняго, какъ средство для достиженія внѣшней цѣли, необходимо и для внутренняго, т. е. само въ себѣ необходимо. Съ одной стороны, всѣ внѣшнія цѣли и каждая въ отдѣльности могутъ быть, дѣйствительно, достигаемы наказаніемъ, хотя ни одна изъ нихъ не можетъ быть разсматриваема какъ единая истинная цѣль; съ другой — наказаніе есть вмѣстѣ исполненіе внутренней справедливости. „Нѣтъ, говоритъ проф. Баршевъ, ни одного народа, ни древ-

няго ни новаго, у котораго бы злодѣи и злодѣянія не подвергались извѣстному страданію, которое, обыкновенно, называютъ наказаніемъ. Явленіе это встрѣчается уже вездѣ за долго прежде, нежели начинаютъ разсуждать, къ чему можетъ быть нужно и полезно наказаніе. Отсюда открывается, что не какія-нибудь выгоды или разсчеты заставляютъ наказывать преступника, но что наказаніе необходимо само въ себѣ."

Необходимость наказанія для достиженія внѣшнихъ цѣлей сама собою очевидна. Она даетъ политическое значеніе наказанію. Безъ наказанія никакой политическій союзъ существовать не можетъ: оно служитъ средствомъ охраненія существующаго въ немъ законнаго порядка. Самое угроженіе наказаніемъ можетъ вселять страхъ и чрезъ то отвращать иногда отъ совершенія преступленій. Далѣе, исполненіе наказанія можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для тѣхъ, которые получаютъ объ немъ свѣдѣніе. Оно содѣйствуетъ иногда къ предупрежденію преступленій. Съ нимъ можетъ быть иногда соединяемо и исправленіе преступника. Во многихъ случаяхъ наказаніе можетъ быть и средствомъ удовлетворенія для самаго того лица, которое потерпѣло отъ преступленія и которое, въ случаѣ безнаказанности преступника, было бы принуждено само за себя мстить. Наконецъ, наказывая, государство является какъ бы обороняющимся отъ преступника; иногда оно имъ обезопасываетъ, удаляя, напр., преступника изъ своей области, заключая въ темницу и пр.

Необходимость наказанія для исполненія внутренней справедливости гораздо труднѣе понять потому, что она объясняется изъ сущности самого преступленія, а эта сущность открывается вполнѣ не иначе, какъ посредствомъ полнаго логическаго развитія всего права, начиная отъ самаго первѣйшаго кореннаго его начала и восходя до той ступени его развитія, на которой раскрывается понятіе преступленія.

Здѣсь не мѣсто представлять это логическое развитіе права; а потому, считая его предположеннымъ, какъ-бы уже оконченнымъ, и тѣмъ самимъ доказаннымъ, я означу только важнѣйшіе, къ нашему вопросу ближайшіе выводы, которые, конечно, не могутъ быть вполнѣ понятны для того, кто не прошелъ всего развитія сущности права.

Преступленіе, въ юридическомъ смыслѣ, предполагаетъ нарушеніе того, что правомѣрно, законно. Оно признается неправомъ, на основаніи всеобщихъ началъ или особенныхъ постановленій положительнаго права. Оно бываетъ тогда, если человѣкъ, какъ лицо (т. е. какъ существо, которому можетъ быть приписана правоспособность и которому дѣйствія его могутъ быть вмѣняемы), не подчинится или воспротивится въ своей дѣятельности, посредствомъ своей личной воли тому, что, подъ страхомъ наказанія, требуетъ исполнить или запрещаетъ дѣлать общая воля, олицетворенная въ правѣ, въ законѣ.

Здѣсь встрѣчается выраженіе *общая воля*. Его никакъ не должно принимать за выраженіе, имѣющее какое-либо сходство съ выраженіемъ *воля всѣхъ*,

о которой первый заговорилъ Ж. Ж. Руссо и которая, потомъ, сдѣлалась какимъ-то магическимъ словомъ всеразрушительной теоріи и практики. Воля всѣхъ есть воля или, лучше сказать, *своеволіе*, произволъ большинства гражданъ въ государствѣ, безъ всякого различія, будетъ ли эта воля имѣть какое-либо правомѣрное, моральное, нравственное основаніе, или нѣтъ. Общею же волею я называю ту волю, которая хочетъ не своего только особеннаго добра, но всеобщаго добра, или, точнѣе, которая считаетъ все то своимъ особеннымъ, личнымъ добромъ, что есть вмѣстѣ всеобщее добро; для которой, такимъ образомъ, исчезаетъ противоположность между своимъ личнымъ и всеобщимъ добромъ. Такая общая воля не есть уже ни своеволіе, ни произволъ, не есть ложная т. н. свобода, а есть истинная свобода. Истинно потому свободенъ только тотъ, кто, и въ мысляхъ, и въ дѣяніяхъ, хочетъ всеобщаго добра, зная, что оно есть вмѣстѣ и его личное добро; въ комъ нѣтъ борьбы между личностью и всеобщностью, какая бываетъ въ человѣкѣ, находящемся въ состояніи своеволія, произвола; кто поэтому не есть рабъ своихъ личныхъ капризовъ, прихотей, пожеланій, страстей, своего своеволія; но, освобожденный отъ ихъ ига, самъ въ гармоніи съ собою потому, что онъ въ гармоніи со всѣмъ разумнымъ порядкомъ мірозданія. Такая истинная свобода получаетъ опредѣленное бытіе въ правѣ, въ морали, въ нравственности, такъ что она всегда находится въ единствѣ, въ соотвѣтствіи съ законами юридическими, моральными, нравственными. Но право, мораль и нравствен-

ность осуществляются въ общежитіи: въ семейномъ бытѣ, въ гражданскомъ, государственномъ, наконецъ, въ человѣчествѣ вообще. Поэтому истинная свобода осуществляется въ обществѣ, выражаясь въ его правѣ, морали и нравственности. Итакъ сущность общей воли есть истинная, или, что все равно, правомѣрная, моральная, нравственная, общественная свобода.

Сущность человѣка и состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ свободенъ въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. чтобы хотѣніе его воли совпадало, было тождественно, имѣло одно и то же содержаніе, одинъ и тотъ же образъ дѣятельности съ хотѣніемъ общей воли, словомъ, чтобъ онъ хотѣлъ только такъ и только того, какъ и чего хочетъ, какъ и чего отъ него требуетъ право, мораль, нравственность, чтобы его дѣйствія были правомѣрны, моральны, нравственны. Почему же въ этомъ состоитъ сущность человѣка? Потому что существенная сторона человѣка есть та, по которой онъ есть существо, по образу и по подобію Божію сотвореное, есть духовная его сторона, духовность, а не тѣлесность. Существенныя же стороны духовности суть: теоретическая — разумъ, практическая — воля. Сущность воли есть свобода въ истинномъ значеніи, а слѣд. и сущность человѣка, внутренняя потребность, въ немъ пребывающая, и вмѣстѣ внѣшнее требованіе, отъ Божества, создавшаго его по Своему образу и подобію, установленное правило для его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ свободенъ въ истинномъ значеніи этого слова, чтобъ онъ дѣйствовалъ по

законамъ права, морали, нравственности, чтобъ его особенная воля была всегда въ гармоніи съ общею волею. Для того, чтобы такъ дѣйствовать, человѣку данъ самосознающій разумъ и просвѣтленная самосознаніемъ воля: въ томъ и состоитъ сущность духа, чтобъ онъ самъ собою, сознательно, своею волею сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ есть уже по сущности своей, или, что все равно, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. истинно-свободнымъ, правымъ, моральнымъ, нравственнымъ. Если онъ сознательно такъ не дѣйствуетъ, то онъ становится преступникомъ извнѣ установленнаго правила для дѣйствія и вмѣстѣ противникомъ своей внутренней сущности. Онъ не ошибается, въ такомъ случаѣ, въ правѣ, не споритъ о правѣ, не ищетъ права, а, сознавая право, хочетъ его уничтожить, какъ оно есть само въ себѣ, т. е. уничтожить право какъ право, qua jus (этимъ, замѣчу мимоходомъ, обозначается общее основаніе различія между сферою гражданскаго и сферою уголовнаго права). Но право не можетъ уничтожиться, неуничтожаемо, потому что оно есть одна изъ формъ выраженія истинной свободы; истинная свобода есть сущность духа; духовность есть сущность человѣка, слѣд. то, что составляетъ его необходимость; а необходимость не можетъ быть уничтожена. Слѣд. право является всегда пребывающимъ, и потому истинно-положительнымъ, истинно-дѣйствительнымъ. Преступленіе же, какъ неправо, какъ безсильное отрицаніе этой положительности, дѣйствительности права, не имѣетъ возможности дать себѣ ту положительность, которую оно хочетъ дать, не можетъ стать не-

уничтожаемымъ, всегда пребывающимъ, истинно-дѣйствительнымъ. Оно поэтому преходитъ, уничтожается; его образъ выраженія, его результаты сами въ себѣ ничтожны, а потому эта ничтожность есть существенное слѣдствіе преступленія. Но то, что само въ себѣ ничтожно, должно и во внѣ проявиться ничтожнымъ, словомъ, должно быть уничтожено, отрицаемо. Слѣд. и неправо, преступленіе должно быть необходимо уничтожено, отрицаемо, и какъ отрицаніе того, что не можетъ быть отрицаемо (т. е. какъ отрицаніе права), и какъ положеніе того, что не можетъ быть положительнымъ (т. е. положеніе неправа). Если бы не отрицать преступленія, то оно бы стало чѣмъ-то положительнымъ; но оно, какъ само въ себѣ отрицаніе, не можетъ оставаться положительнымъ; слѣд. оно должно быть отрицаемо. Это необходимое отрицаніе преступленія, какъ чего-то самого въ себѣ отрицательнаго, отрицаніе отрицанія есть наказаніе въ собственномъ смыслѣ. Итакъ наказаніе есть необходимое обнаруженіе того, что уже лежитъ внутри, въ сущности самого преступленія, есть необходимое слѣдствіе, обратная только сторона самого преступленія (въ этомъ только и состоитъ истинный смыслъ возмездія, какъ основнаго начала наказательности). Слѣд. наказывать необходимо уже потому, что преступленіе учинено. Итакъ наказаніе необходимо. Но, далѣе, оно вмѣстѣ и справедливо, т. е. правомѣрно, соотвѣтственно сущности, велѣнію права. Почему же?

Неправо, преступленіе, какъ я объяснилъ, не можетъ уничтожить права потому, что право не-

уничтожаемо; право остается, неправо уничтожается. Чѣмъ же уничтожается, отрицается неправо? — правомъ. Въ этомъ выражается положительная сила права, его дѣйствительность; этимъ и оправдывается его необходимое бытіе, въ которомъ оно является какъ-бы посредствующимъ между правомъ, въ его непосредственности полагаемомъ, и между неправомъ, какъ его отрицаніемъ. Но я выше сказалъ, что неправо отрицается наказаніемъ, а теперь сказалъ, что оно отрицается правомъ; слѣд. наказаніе и право отрицаютъ неправо, какъ отрицаніе права. Итакъ сущность наказанія и права въ томъ отношеніи одинакова, что оба онѣ направлены противъ одного и того же неправа, дѣйствуя противъ него, такъ сказать, вмѣстѣ, соединенно, и слѣд. пребывая между собою въ единствѣ. Поэтому наказаніе есть, въ этомъ смыслѣ, право, т. е. оно правомѣрно, справедливо. Въ наказаніи право, какъ общая воля, какъ опредѣленное бытіе истинной свободы, оправдываетъ свою дѣйствительность, свою непреложную силу тѣмъ, что оно не дозволяетъ неправу пребывать, а заставляетъ его исчезнуть предъ собою, какъ таетъ воскъ предъ лицомъ огня. Право въ наказаніи оправдываетъ свою силу предъ тою особенною волею, которая не признаетъ этой силы, отрицаетъ ее. Оно показываетъ, что лицо, которое отрицаетъ право своимъ неправомъ, само не право; что лицо, если пребываетъ истинно-свободнымъ, то оно право; если же перестаетъ быть свободнымъ чрезъ свое неправо, то оно само не право.

Наказаніе справедливо слѣд. и потому, что имъ воздается преступнику его право. Можно сказать,

что преступникъ даетъ свое соизволеніе, право себя наказывать тѣмъ самимъ, что онъ дѣлаетъ преступленіе, такъ что наказаніе можно разсматривать, какъ нѣкогда разсматривалъ греческій философъ Платонъ, что на него имѣетъ право самъ преступникъ. Оно, въ этомъ смыслѣ, не есть зло для преступника, а добро: наказаніемъ онъ, такъ сказать, примиряется съ правомъ, которое онъ нарушилъ и которое возстановляется; примиряется съ своею совѣстію, съ своею человѣчественностію, и чрезъ то съ человѣчествомъ, съ своимъ собственнымъ я, съ своею сущностію, истинною свободою; потому что наказаніе не позволяетъ ему оставаться навсегда несвободнымъ (какимъ онъ является, какъ преступникъ), но возстановляетъ его истинную свободу. Наказаніемъ отдается человѣку та честь, что имъ выражается признаніе того, что человѣкъ только забылся въ преступленіи, а не безусловно отпалъ отъ свободы, отъ своей сущности, духовности, отъ своего подобія съ Божествомъ. (Самые ужаснѣйшіе, закоренѣлые преступники имѣютъ, какъ извѣстно, свѣтлыя минуты, въ которыя отражается это сохраненіе образа и подобія Божія, въ которыя отдается эхо его райской жизни).

Кромѣ того, наказаніе является справедливымъ только какъ наказаніе не за преступленіе, неправо вообще, а за содѣянное какое-либо и кѣмъ-либо преступленіе. Человѣкъ, какъ недѣлимое (индивидуальное), отдѣльное существо, отвѣчаетъ поэтому только за свое отдѣльное (индивидуальное) преступленіе, т. е. за то преступленіе, которое онъ содѣлалъ;

но наказаніе есть только другая сторона преступленія; слѣд. и наказаніе должно быть отдѣльное (индивидуальное), и притомъ соотвѣтственное тому именно преступленію, въ какомъ преступникъ оказался виновнымъ. Вотъ почему мѣра наказанія должна опредѣлиться самимъ преступленіемъ, выводиться изъ самаго дѣйствія преступника, т. е. быть соразмѣрною степени его виновности.

Наказаніе, далѣе, является справедливымъ только по отношенію къ человѣку, къ существу, одаренному разумомъ и волею. Только человѣкъ можетъ содѣлывать неправо; потому что ему дана такая воля, которая можетъ и отпадать отъ своей сущности, свободы, становится несвободною волею. Существамъ матеріальнаго міра, неодареннымъ разумомъ и волею, не могутъ быть вмѣняемы ихъ дѣйствія: зловредныя растенія и животныхъ истребляютъ потому, что они вредны, а не для того, чтобы совершить надъ ними правосудіе; животныхъ наказываютъ, но это наказаніе не есть собственно наказаніе: оно всегда имѣетъ и можетъ имѣть только то значеніе, чтобы достигнуть какой-нибудь внѣшней цѣли, а не то, чтобы совершить надъ ними правосудіе. (Каковы же, послѣ этого, тѣ г-да теоретики, которые и людей, какъ собакъ, хотятъ только наказывать для достиженія внѣшнихъ цѣлей, для устрашенія, исправленія и т. п.)!

Наконецъ, изъ этого же слѣдуетъ далѣе, что наказаніе направляется только противъ воли, такъ что только присутствіе воли кладетъ на нарушеніе права печать преступленія. Хотя это присут-

ствіе воли само по себѣ есть нѣчто духовное; но воля, какъ человѣческая воля (т. е. существа, котораго духовность пребываетъ въ тѣлесности, матеріальности), проявляется во внѣ, въ матеріальномъ мірѣ, и въ этомъ только матеріальномъ, внѣшнемъ бытіи можетъ быть видима, сознаваема, а потому и подвергаема отвѣтственности, наказываема. Вотъ почему наказаніе справедливо только тогда, когда оно простирается на внѣшнее дѣяніе.

Такимъ образомъ, я старался показать и внѣшнюю (полезность) и внутреннюю (справедливость) необходимость наказанія изъ раскрытія сущности самого преступленія, а чрезъ то вмѣстѣ выразить, какъ двѣ теоріи, кажущіяся противоположными, теряютъ свою самостоятельность, несправедливо себѣ приписываемую односторонность, соединяются въ единую, всестороннюю, и потому истинную цѣлость науки. Несправедлива слѣд. и полезность, отрѣшенная отъ справедливости, и справедливость, отрѣшенная отъ полезности. Та т. н. абсолютная теорія о наказаніяхъ, которая, нисколько не заботясь о внѣшней цѣли, наказываетъ зло потому только, что оно есть зло, поведетъ къ той ничѣмъ неоправдываемой жестокости, которая несовмѣстна ни съ правомъ, верховной власти принадлежащимъ, помилованія преступника, ни съ прекращеніемъ дальнѣйшаго преслѣдованія преступленій по прошествіи опредѣленнаго срока т. н. уголовной давности; она оправдаетъ жестокое изрѣченіе: fiat justitia, pereat mundus (гибни весь міръ, лишь бы совершалось правосудіе); она, наконецъ, дастъ

судьѣ не человѣческое, а Божеское право, подвергать своему суду и наказанію всякое моральное прегрѣшеніе. Истинная наука уголовнаго права не признаетъ ни такую абсолютную теорію справедливости, ни теорію полезности, отрѣшенную отъ справедливости. Ея начала всесторонни, а потому истинны.

Теперь настало время, когда эти истинныя начала науки уголовнаго права, со всѣми ихъ выводами и приложеніями, которыя уже сдѣланы и которыхъ еще безчисленное множество остается сдѣлать, начинаютъ, наконецъ, одерживать побѣду и на самомъ опытѣ, въ уголовномъ законодательствѣ, въ уголовныхъ уложеніяхъ. Эти истинныя начала уголовнаго права покоятся на твердомъ, историческомъ основаніи. Во всѣхъ своихъ выводахъ онѣ являются соотвѣтствующими современному состоянію человѣчества вообще и, преимущественно, положенію того общества, гдѣ онѣ прилагаются. Уголовное законодательство, основанное на истинныхъ началахъ, обращаетъ вниманіе на всѣ особенныя обстоятельства и потребности страны, гдѣ оно должно дѣйствовать, на общественное мнѣніе, нравы и обычаи народа, для котораго оно дается, словомъ, на все то, что составляетъ историческій элементъ общественной жизни. Оно отвергаетъ отвлеченность тѣхъ теорій, которыя всѣ частные вопросы уголовной кодификаціи стараются рѣшить безусловно, созидая какое-то небылое общее уголовное уложеніе для всѣхъ временъ и всѣхъ мѣстъ, подводя все богатство безконечнаго разнообразія жизни подъ мертвыя однообразныя формулы, подъ тотъ общій уровень, который такая же небылица

въ мірѣ духовномъ, какъ и въ мірѣ вещественномъ. Опираясь на опытъ вѣковъ протекшихъ, на ту истинную науку уголовнаго права, которая имѣетъ единственною задачею уразумѣть дѣйствительность, уголовное уложеніе не выдумываетъ небылаго, а наблюдаетъ былое, настоящее, возводя его къ истинно-творческому сознанію. Оно не имѣетъ притязанія остановить то развитіе, которое совершаетъ общество изъ своего собственнаго внутренняго зерна, но поставляетъ ближайшею своею цѣлію отразить въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, тотъ моментъ историческаго движенія, на которомъ стоитъ современное ему общество. Уголовное уложеніе знаетъ, что оно перестаетъ быть сообразнымъ тому обществу, для котораго оно составлено, коль скоро это общество взойдетъ на другую ступень развитія; что, потому, для возстановленія первоначальнаго соотвѣтствія, оно само должно претерпѣть тѣ же измѣненія, какимъ подверглось само общество.

Такія общія (философскія) и особенныя (историческія) начала уголовнаго права, представляющія между собою полное единство, начинаютъ мало по малу осуществляться въ новѣйшихъ уголовныхъ уложеніяхъ. Поэтому необходимо начертать здѣсь хотя краткій историческій обзоръ новѣйшей уголовной кодификаціи (1).

---

(1) Подробный разборъ уголовныхъ уложеній былъ предметомъ какъ множества журнальныхъ статей, такъ и отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ преимущественно заслуживаютъ полнаго вниманія статьи и сочиненія знаменитаго Мит-

До конца прошедшаго столѣтія дѣятельность уголовнаго законодательства ограничивалась, обыкновенно, изданіемъ множества отдѣльныхъ законовъ, вызываемыхъ минутной потребностью, какимъ-нибудь особеннымъ, всѣхъ поразившимъ случаемъ, или же необыкновенно-частымъ повтореніемъ одного и того же преступленія. Вѣря въ какое-то всемогущество устрашенія, при изданіи отдѣльныхъ уголовныхъ законовъ имѣли особенно въ виду строгостію опредѣляемыхъ наказаній отвратить отъ содѣянія подобныхъ преступленій. Эти отдѣльные законы не находились между собою ни въ какой почти связи и представляли, вмѣстѣ взятые, весьма неполное уголовное законодательство. Это побудило правительства предоставить судьямъ право восполненія недостатковъ посредствомъ т. н. общаго уголовнаго права. Въ немъ судьи находили много средствъ смягчить на практикѣ излишнюю строгость уголовныхъ законовъ. Подъ конецъ прошедшаго столѣтія повсюду стали жаловаться на эту строгость законовъ, на ихъ неполноту, неопредѣленность, темноту, а съ другой стороны на усиливающійся произволъ судей въ примѣненіи уголовныхъ законовъ. Тогда правительства начали помышлять объ искорененіи этихъ золъ посредствомъ изданія такой ясной, возможно-полной и опредѣленной системы уголовнаго законодательства, посредствомъ которой всякой гражданинъ могъ бы прямо знать, что въ государствѣ повелѣвается или за-

---

термайера, который не переставалъ жить и трудиться для науки.

прещается подъ страхомъ наказанія, и въ которой судья нашелъ бы вѣрные признаки состава каждаго преступленія и мѣру наказанія, угрожаемаго за его совершеніе.

Таковы были ближайшіе поводы къ составленію и изданію уголовныхъ уложеній, или къ т. н. уголовной кодификаціи.

Первыя попытки такой уголовной кодификаціи были, разумѣется, весьма несовершенны. Наука законодательства была весьма мало развита; образцовъ совсѣмъ не было; спасистическія познанія едва только начали зарождаться; мнѣнія о томъ, чѣмъ руководствоваться вообще при составленіи уголовнаго уложенія, были слишкомъ темны и шатки; пристрастіе къ теоріи устрашенія, издавна утвердившее свое почти исключительное владычество въ области уголовнаго права, пришло въ борьбу съ возраждающимся сперва какимъ-то темнымъ чувствомъ того, что наказаніе должно всегда соразмѣрять со степенью виновности преступника; редакторы уголовнаго уложенія боялись открыто бороться съ вкоренившимся предразсудкомъ, искавшимъ въ строгихъ наказаніяхъ найти вѣрнѣйшую защиту противъ преступленій; они боялись тронуть систему наказаній, введенную предразсудками вѣковъ протекшихъ и т. п.

Первымъ плодомъ новой уголовной кодификаціи было прусское уголовное уложеніе, которое, впрочемъ, не явилось отдѣльно, а только въ составѣ т. н. Общаго земскаго права для прусскихъ государствъ (Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten), изданнаго 20 марта 1791 г. и получившаго обя-

зательную силу съ 1 іюня того же года. Здѣсь уголовное уложеніе занимаетъ весь двадцатый титулъ второй части и имѣетъ слѣдующее заглавіе: О преступленіяхъ и наказаніяхъ (Von den Verbrechen und deren Strafen). Прусское уголовное уложеніе носитъ на себѣ отпечатокъ своего времени, и потому несвободно отъ многихъ важныхъ недостатковъ и несовершенствъ. Система наказаній слишкомъ еще жестока. Ему извѣстны еще нѣкоторые виды квалифицированной, т. е. съ особенными мученіями и отягченіями соединенной смертной казни, какъ то: колесованіе, сожженіе, влеченіе преступника къ мѣсту казни и публичная выставка трупа. Лишеніе свободы имѣетъ здѣсь множество видовъ (заключеніе въ крѣпость, въ тюрьму, въ смирительный домъ и т. д.) и можетъ быть сопровождаемо разными отягченіями (крѣпостная работа, заклейменіе, палочные удары, розги, публичная выставка къ позорному столбу; публикація о преступленіи и т. д.). Смертная казнь угрожается весьма часто и притомъ не всегда соразмѣрно съ виновностію, напр. одинаково (сожженіемъ) наказывается и тотъ, кто окажется виновнымъ въ поджигательствѣ для убійства и разбоя и проч., и тотъ, кто поджигаетъ безъ всякой корыстной цѣли. Пожизненное лишеніе свободы въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣляется безъ всякой постепенности въ наказаніяхъ. Напр. если кто, съ намѣреніемъ убить, нанесетъ кому-либо такую рану, которая сама по себѣ смертельна, но хотя, по особеннымъ случайнымъ обстоятельствамъ, раненый и не умеръ, во всякомъ случаѣ преступникъ наказывается пожизненнымъ лишеніемъ свободы. Обыкновенно, самое

малое наказаніе (minimum) лишеніемъ свободы слишкомъ велико; а иногда временное лишеніе свободы, безъ всякой причины, назначается безотносительно (т. е. безъ всякой постепенности). Наприм. если женщина хотя и не утаитъ своей беременности, но утаитъ свои роды (т. е. не попроситъ помощи у повивальной бабки и не призоветъ никакой почтенной женщины для присутствія при родахъ), и родившееся мертвое дитя или умершее чрезъ 24 часа послѣ родовъ будетъ тайно, безъ церковнаго погребенія, предано землѣ и т. п., то всегда виновная подвергается (не смотря ни на какія обстоятельства дѣла) шестимѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ. Положеніе обвиняемаго отягчено тѣмъ, что допускается предположеніе злонамѣренности. „Если дѣяніе, говорится въ уложеніи, такого свойства, что противозаконное его слѣдствіе, по обыкновенному или особенному, извѣстному естественному порядку вещей, необходимо должно было изъ него произойти, то предполагается, что преступленіе содѣяно намѣренно.“ Уголовное уложеніе содержитъ въ себѣ не только опредѣленіе уголовныхъ преступленій и наказаній за нихъ, но и полицейскихъ проступковъ, чрезъ что оно болѣе распространено, нежели какъ слѣдовало бы. Стараніе уложенія на каждый возможный случай опредѣлить наказаніе имѣетъ всѣ недостатки казуистики, хотя, правда, эта казуистика есть здѣсь одно изъ средствъ, даваемыхъ судьямъ, смягчать, въ примѣненіи законовъ на практикѣ, строгость наказаній. Всего, наконецъ, менѣе уложеніе сдѣлало для опредѣленія состава каждаго преступленія.

Въ другомъ духѣ, нежели прусское, составлено, въ 1803 году, австрійское уголовное уложеніе, получившее обязательную силу съ 1 генваря 1804 г. Оно имѣетъ слѣдующее заглавіе: Уложеніе о преступленіяхъ и тяжкихъ полицейскихъ проступкахъ (Gesetzbuch über Verbrechen und schwere Polizey - Uebertretungen). Оно раздѣлено на двѣ части. Первая часть разсматриваетъ уголовныя преступленія и собственно - уголовное судопроизводство, а вторая часть — тяжкія полицейскія проступки и судопроизводство по нимъ. Въ австрійскомъ уголовномъ уложеніи замѣтны уже большіе успѣхи, сдѣланные уголовнымъ законодательствомъ. Оно ищетъ возможно - большей простоты. Оно не содержитъ общихъ основныхъ положеній о томъ, какъ прилагать наказанія, какъ измѣрять степень виновности на основаніи вмѣненія и т. п., считая это дѣломъ науки и практики. Раздѣленіе преступленій на роды и виды не имѣетъ здѣсь притязанія на ту систематику, которая есть также дѣло науки. Вмѣсто того, чтобы давать формальное опредѣленіе каждаго преступленія, уложеніе означаетъ просто, посредствомъ какихъ дѣяній содѣлывается такое-то преступленіе. Постепенность въ преступленіяхъ весьма проста и составлена по главнымъ ихъ признакамъ, избѣгая казуистики и предоставляя судьямъ достаточную свободу мышленія. Постепенность въ наказаніяхъ за каждое преступленіе въ отдѣльности опредѣлена, большею частію, безъ стѣсненія. Часто избранъ такой путь: назначать самое большее и самое меньшее наказаніе (maximum и minimum) за обыкновенные случаи извѣстнаго престу-

ленія (напр. за поддѣлку монеты тюремное заключеніе отъ 5 до 10 лѣтъ) и предоставлять въ обстоятельствахъ, увеличивающихъ виновность, усилить наказаніе (напр. до 20 лѣтъ), а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ степень виновности, смягчить наказаніе ниже означеннаго minimum (напр. ниже 5 лѣтъ, даже до одного года). Вообще наказанія, которыми угрожается преступленію, здѣсь уже не такъ жестоки. На смотря на такія преимущества, австрійское уголовное уложеніе имѣетъ, впрочемъ, также многія недостатки и несовершенства. Въ иныхъ случаяхъ, слѣдуя системѣ устрашенія, наказанія слишкомъ еще жестоки, несоразмѣрны со степенью виновности, напр. смертною казнію наказывается поддѣлка общественныхъ кредитныхъ бумагъ и притомъ не только главный виновникъ, но и всѣ его сообщники. Иногда назначаются, совершенно непослѣдовательно, безъ всякой причины, наказанія безотносительно. Иногда самое minimum наказанія все еще слишкомъ велико. Иногда составъ преступленія, или совокупность признаковъ, которыми одно преступленіе отдѣляется отъ другаго, недостаточно опредѣлено. Понятіе о полицейскихъ проступкахъ слишкомъ расширено, такъ что полиціи предоставлено наказывать даже до полугодичнаго тюремнаго заключенія. Иногда полицейскіе проступки наказываются несоразмѣрно одинаковымъ наказаніемъ съ уголовными преступленіями. Напр. и за воровство и за необъявленіе со стороны содержателя гостинницы объ остановившемся у него проѣзжемъ равно наказываются виновные и т. п.

Французское уголовное уложеніе (Code pénal),

изданное въ 1810 г., далеко не удовлетворяетъ требованіямъ кодификаціи, хотя и отличается отъ другихъ уложеній нѣкоторыми преимуществами. Простота и ясность общихъ его положеній; сообразная съ цѣлью постепенность преступленій; многія, весьма справедливыя начала, на которыхъ основано опредѣленіе понятія нѣкоторыхъ преступленій; ограниченіе области собственно-уголовнаго права; простота системы полицейскихъ наказаній; — все это заслуживаетъ одобренія, но это уложеніе болѣе всѣхъ другихъ держится теоріи устрашенія. Доказательствомъ тому служатъ: уравненіе покушенія съ совершеніемъ преступленія, сообщниковъ съ главными виновниками; частыя угрозы смертною казнію за преступленія, незаслуживающія такой послѣдней степени наказанія и проч. Форма наказаній также заслуживаетъ порицанія: нѣкоторыя наказанія, напр. выставка къ позорному столбу, подавляя всякое чувство чести, вооружаютъ, обыкновенно, наказанныхъ преступниковъ неискоренимою злобою, местію противъ государства. Различія между преступленіемъ и проступкомъ хотя, съ одной стороны, основаны на особенности французскаго судопроизводства (преступленія судятся присяжными, а проступки исправительною полиціею); но, съ другой стороны, имѣютъ слѣдствіе моральное (за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе, лишающее преступника чести, за проступкомъ же наказаніе, которое не имѣетъ этого моральнаго слѣдствія); и между тѣмъ какъ существуетъ такая ужасная разница между преступленіемъ и проступкомъ, разница, имѣющая вліяніе на всю будущую

судьбу осужденнаго, какъ трудно разграничить преступленіе отъ проступка и какъ потому въ самомъ французскомъ уложеніи это разграниченіе иногда не имѣетъ никакого, а иногда только весьма случайное основаніе. Убившій въ гнѣвѣ подвергается за преступленіе наказанію, наносящему безчестіе; а подлый обманщикъ, подвергаемый наказанію какъ за проступокъ, удерживаетъ свою небывалую честь. Тѣлесное поврежденіе, имѣющее слѣдствіемъ лишеніе возможности работать 20 дней и болѣе, есть преступленіе (и слѣд. наноситъ безчестіе); а если менѣе 20 дней, то считается только проступкомъ (и слѣд. не наноситъ безчестія осужденному). Иногда угрожается наказаніемъ, безъ всякаго основанія, безотносительно: чиновникъ за фальшъ (напр. за поддѣлку бумагъ, подчистку подписей и ш. д.), наказывается пожизненною принужденною работою, безъ всякаго различія обстоятельствъ. Непослѣдовательно поступаетъ уложеніе, давая судьямъ право, при сужденіи о проступкахъ, въ обстоятельствахъ, уменьшающихъ виновность, назначать наказаніе даже ниже minimum, между тѣмъ какъ оно не даетъ имъ этого права при сужденіи о преступленіяхъ. Иногда выраженія слишкомъ общи, отчего совершенно различныя преступленья подводятся подъ одинъ и тотъ же родъ или видъ. Напр. „quiconque a soustrait frauduleusement une chose qui ne lui appartient pas, est coupable de vol.“ Слѣд., говорятъ французскіе юристы, нашедшій кладъ и не объявившій объ этомъ есть также воръ. Иногда чрезмѣрное спеціализированіе преступленій не дозволяетъ судьѣ наказать не менѣе тяжкое престу-

ленiе потому только, что оно не поименовано, не обозначено прямо въ законѣ. Напр. исчисленiе случаевъ мошенничества весьма неполно, такъ что во многихъ случаяхъ мошенничество остается безнаказаннымъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленiй новѣйшей уголовной кодификацiи есть баварское уголовное уложенiе, изданное въ 1813 г. Оно, впрочемъ, болѣе похожо на учебную книгу уголовнаго права, нежели на уголовное законодательство: это чистокабинетный трудъ, почти совсѣмъ отрѣшенный отъ жизни. Здѣсь теорiя угрожения знаменитаго германскаго криминалиста Фейербаха проведена со всевозможною послѣдовательностiю, и потому это уложенiе, даже какъ теоретическiй трудъ, страждетъ множествомъ односторонностей, являющихся выводомъ односторонней теорiи. Зато, съ другой стороны, это уложенiе представляетъ первую собственно попытку систематической уголовной кодификацiи.

Изданiе прусскаго, австрiйскаго, французскаго и баварскаго уложенiя имѣло огромное вліянiе на дальнѣйшее развитiе уголовной кодификацiи. Имъ былъ возбужденъ почти вездѣ духъ подражанiя и облегчены труды будущаго законодателя; надъ ними наука и практика скоро стали произносить приговоръ свой, который не остался безъ вліянiя на послѣдующую кодификацiю. Въ особенности баварское уложенiе сдѣлалось образцомъ для подобныхъ законодательныхъ трудовъ. Уже въ 1814 г. введено оно было въ Ольденбурское герцогство и въ вольный городъ Любекъ, хотя со многими значитель-

ными улучшеніями. Веймарскій проэктъ уголовнаго уложенія 1817 г. былъ, главнымъ образомъ, основанъ на баварскомъ уложеніи. Въ самой Баваріи продолжали исправлять многіе недостатки своего уложенія, такъ-что въ 1821 г. предложенъ былъ новый проэктъ государственнымъ чинамъ, который былъ потомъ снова измѣненъ, въ 1827 г. снова предложенъ, сдѣланы были въ немъ опять улучшенія, и, наконецъ, въ такой пересмотрѣнной формѣ, предложенъ былъ опъ сейму въ 1831 г. Впрочемъ, окончательная его редакція еще до-сихъ-поръ остается неисполненною.

Въ 1823 г. учреждена была коммиссія для составленія уголовнаго уложенія въ Ганноверѣ, которая обработала проэктъ, основанный, большею частію, на баварскомъ уложеніи и на первомъ баварскомъ проэктѣ, но со многими важными улучшеніями. Этотъ проэктъ предложенъ былъ государственнымъ чинамъ въ 1830 г.

Въ Гессенскомъ великомъ герцогствѣ обнародованъ былъ проэктъ уголовнаго уложенія въ 1836 г., основанный также на баварскомъ уложеніи, хотя также со многими важными улучшеніями. Вслѣдъ за тѣмъ опъ былъ вновь пересмотрѣнъ и въ такомъ видѣ предложенъ государственнымъ чинамъ въ 1837 г.

Въ Вюртембергскомъ королевствѣ составлены были, одинъ за другимъ, три проэкта и предложены сейму: 1-й въ 1823 г., 2-й въ 1832 г., а послѣдній въ 1835 г. Всѣ они были составлены подъ вліяніемъ баварскихъ проэктовъ.

Въ Саксонскомъ королевствѣ изданъ былъ проэктъ въ 1824 г.; онъ отличается особенно своею самостоятельностію.

Между тѣмъ наука сдѣлала великіе успѣхи. Односторонніе теоріи объ основныхъ началахъ уголовнаго права, особенно теорія устрашенія, все болѣе и болѣе теряли своихъ защитниковъ и уступали мѣсто справедливому воззрѣнію. Множество частныхъ выводовъ изъ истинныхъ началъ не могли быть потеряны для уголовной кодификаціи. Ни одно изъ западныхъ государствъ Европы не осталось чуждымъ этому новому движенію.

Въ Пруссіи безпрестанно появлялись разнаго рода законопостановленія, которыми много улучшено было дѣйствующее уголовное уложеніе. Въ 1826 г. оно подвергнуто было полному пересмотру. Слѣдствіемъ того были проэкты, составленные въ 1830, потомъ въ 1833 и, наконецъ, въ 1836 г. Результатомъ послѣднихъ трудовъ, предпринятыхъ въ 1840 г., будетъ составленіе новаго проэкта.

Въ Австріи уже довольно давно занимается составленіемъ новаго проэкта ш. и. Придворная коммиссія по дѣламъ юстиціи, отъ которой можно ожидать много хорошаго. Для Венгріи учреждена также въ 1841 г. особенная коммиссія.

Новое уголовное саксонское уложеніе, обнародованное 31 марта 1838 г., есть, безъ сомнѣнія, важный шагъ въ кодификаціи; но оно еще болѣе улучшилось изданіемъ новыхъ дополнительныхъ постановленій, особенно же закона отъ 11 іюня 1840 года.

Въ Вюртембергскомъ королевствѣ новое уголовное уложеніе, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное, утверждено 1 мая 1839 г.

Новый баденскій проэктъ 1840. г. воспользовался весьма многими результатами, добытыми въ новѣйшее время теоріею и практикою.

Брауншвейгское уголовное уложеніе 1840 г. іюля 10 особенно замѣчательно тѣмъ, что оно открыто придерживается той т. н. теоріи справедливости, которая требуетъ, чтобы наказанія всегда были соразмѣрны со степенею виновности.

Ганноверское уголовное уложеніе утверждено 8 авг. 1840 г., послѣ того, какъ послѣдовало, со стороны короля, уничтоженіе до того дѣйствовавшаго основнаго закона, опредѣлявшаго форму государственнаго устройства. Этимъ въ особенности объясняются многія уклоненія ганноверскаго уложенія отъ началъ и ихъ приложеній, общепринятыхъ въ прочихъ германскихъ государствахъ.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ новый проэктъ предложенъ сейму въ 1839 г. Ближе всего онъ подходитъ къ баденскому проэкту.

Строгость французскаго уголовнаго уложенія, его несоразмѣрность съ современными успѣхами образованности, его неопредѣленность въ отношеніи многихъ постановленій о наказаніяхъ и т. п. уже давно возбудили жалобы. Всѣ чувствовали потребность въ его улучшеніи; но вмѣсто того, чтобы подвергнуть пересмотру все уложеніе, въ полномъ его составѣ, удовольствовались только ревизіей отдѣльныхъ его статей. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ, преимущественно, вниманія законъ отъ 28 апр. 1832 г., которымъ исправлены были нѣкоторыя недостатки уложенія.

Голландское уголовное законодательство основывалось съ 1811 г. на французскомъ. По окончаніи французской войны, когда Голландія признана была самостоятельною, начали помышлять о составленіи и самостоятельнаго уголовнаго уложенія. Первый проэктъ предложенъ генеральнымъ штатамъ въ 1827 г., но онъ былъ отвергнутъ. Въ 1839 г. правительство предложило новый проэктъ, и такимъ образомъ составилось новое уголовное уложеніе, обнародованное 24 іюня 1840 г., которое хотя, безъ сомнѣнія, содержитъ въ себѣ много улучшеній въ сравненіи съ прежде дѣйствовавшимъ законодательствомъ, однако объ немъ можно сказать, что оно какъ-бы остановилось на половинѣ пути къ преобразованію.

Уголовное законодательство нынѣшняго Бельгійскаго королевства основывается на французскомъ; но послѣднее было здѣсь нѣсколько исправлено еще тогда, когда Бельгія была соединена съ Голландіею, несравненно же болѣе послѣ образованія самостоятельнаго Бельгійскаго королевства. Даже въ 1834 г. правительство предложило камерамъ проэктъ новаго уголовнаго уложенія, который хотя и основывается также на французскомъ уложеніи, однако содержитъ въ себѣ много перемѣнъ къ лучшему.

Уже въ 1800 году, паряжена была въ Даніи коммиссія для составленія новаго уголовнаго уложенія, которая хотя не имѣла успѣха, по-крайней-мѣрѣ тѣмъ возбуждена была потребность въ уголовной кодификаціи до того, что въ 1840 г. препоручено было знаменитому юристу Эрштеду приготовить проэкты для улучшенія уголовнаго закопо-

дательства. Между тѣмъ издаваемы были замѣчательные отдѣльные уголовные законы, которыми многое было исправлено. Составленіе же новаго проэкта уголовнаго уложенія для Голштейна и Шлезвига поручено особой коммиссіи.

Въ Швеціи составленъ проэктъ уголовнаго уложенія въ 1826 г. и потомъ исправленный изданъ въ 1832 г. Съ нимъ въ связи находится проэктъ, изданный для Норвегіи въ 1835 г.

Успѣхи швейцарской уголовной кодификаціи находятся въ тѣсной связи съ развитіемъ французскаго и нѣмецкаго уголовнаго законодательства. Тѣ кантоны, которые находятся въ ближайшемъ сродствѣ съ Франціею, слѣдуютъ болѣе за ходомъ французскаго законодательства или даже удерживаютъ французское уголовное уложеніе, хотя нѣсколько смягченное позднѣйшими законами, напр. кантонъ Женевскій. Въ другихъ кантонахъ продолжаетъ дѣйствовать уголовное уложеніе, составленное для прежней Гельветической республики, хотя и смягченное позднѣйшими отдѣльными законами. Развитіе нѣмецкаго уголовнаго законодательства не осталось безъ вліянія на тѣ кантоны, которые находятся въ ближайшемъ сродствѣ съ Германіею, какъ напр. на сен-галленское уголовное уложеніе, изданное въ 1819 г. Въ Базелѣ издано въ 1821 г. уголовное уложеніе, придерживающееся наиболѣе французскаго и до того строгое, что съ 1834 г. его должно было подвергнуть пересмотру. Въ 1825 г. для Граубюнденскаго кантона составленъ былъ проэктъ уголовнаго уложенія, который пересматри-

вается съ 1829 г. Въ Цюрихѣ проэктъ составленъ въ 1829 г., а 3 го октября 1835 г. издано было самое уложеніе. Въ томъ же году составлено новое уголовное уложеніе для городской части Базельскаго кантона, а въ слѣдующемъ году для Луцернскаго кантона. Законъ отъ 24 го ноября 1838 года способствовалъ много къ улучшенію нѣкоторыхъ постановленій сен-галленскаго уголовнаго уложенія. Но въ особенности замѣчательны три новѣйшіе проэкта уголовнаго уложенія, составленные для Бернскаго, Тургаузскаго и Валлисскаго кантоновъ, первые два въ 1839, а послѣдній въ 1841 г.

Въ Италіи уже въ концѣ прошедшаго столѣтія вызвана была многими обстоятельствами потребность въ уголовной кодификаціи. Вслѣдствіе политическихъ произшествій, возъимѣло здѣсь вліяніе французское законодательство. Въ 1809 г. издано было въ Миланѣ, для тогдашняго Италіянскаго королевства, уголовное уложеніе, которое хотя основано было на французскомъ, но во многихъ отношеніяхъ его превосходило. Во время изгнанія Французовъ изъ Италіи и возстановленія прежнихъ италіянскихъ государствъ вездѣ здѣсь дѣйствовало французское или, лучше сказать, упомянутое италіянское уголовное уложеніе; но возстановленныя правительства хотѣли истребить память о владычествѣ Французовъ въ Италіи; а потому возстановили то законодательство, которое дѣйствовало прежде, исправивъ его отчасти новыми отдѣльными законами. Впрочемъ, во многихъ италіянскихъ государствахъ рано уже начали помышлять о составленіи своихъ собственныхъ уголовныхъ уложеній. Первымъ уго-

ловнымъ уложеніемъ въ Италіи было неаполитанское, изданное 21 маія 1819 г., которое хотя и было основано на французскомъ уложеніи, но содержало въ себѣ нѣкоторыя улучшенія. Еще болѣе отличалось истинными успѣхами въ кодификаціи пармское уголовное уложеніе, изданное 5 ноября 1820 г. Оно въ особенности воспользовалось уголовными уложеніями, изданными для Австріи и для прежняго Италіянскаго королевства. Новѣйшее, самостоятельно-составленное уголовное уложеніе въ Италіи есть сардинское, изданное 26 октября 1839 г.; оно имѣетъ много сходства съ пармскимъ, но полнѣе и вообще совершеннѣе. Въ Тосканѣ возстановлено опять прежнее Леопольдово уложеніе, которое, впрочемъ, теперь подвергается пересмотру для составленія новаго уголовнаго уложенія.

Въ Англіи уголовное право, подобно прочимъ частямъ, имѣетъ совершенно свой собственный, самостоятельный ходъ. Особенно съ 1825 г. Англія стремится смягчить жестокость своего законодательства. Съ этого времени издано было здѣсь множество отдѣльныхъ, въ этомъ духѣ составленныхъ законовъ, изъ которыхъ преимущественно заслуживаетъ вниманія законъ отъ 7 іюля 1837 г., имѣющій цѣлію ограниченіе смертной казни. Здѣсь даже учреждена особая коммиссія, которая содѣйствуетъ всѣми силами къ постепенному развитію уголовнаго права, употребляя къ тому множество такихъ средствъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ великой цѣли, которыми не можетъ похвалиться никакое другое государство. Съ рѣдкою основательностію, точностію, подробностію собираются здѣсь

показанія о дѣйствіи на практикѣ уголовныхъ законовъ отъ людей всякаго званія и состоянія, особенно отъ тѣхъ, которые наиболѣе знакомы съ этимъ дѣломъ, находясь въ частомъ соприкосновеніи со всѣми сословіями общества, и потому имѣя случай узнать общественное мнѣніе, которымъ такъ дорожатъ въ Англіи, напр. отъ разнаго рода полицейскихъ чиновниковъ, отъ судей, отъ адвокатовъ, отъ тюремщиковъ, отъ духовенства и т. п. Необыкновеннымъ практическимъ тактомъ руководствуется коммиссія при систематическомъ собраніи всего того, что въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ произвело въ Англіи обычное право (common law), при выводѣ общихъ началъ изъ отдѣльныхъ практическихъ случаевъ, рѣшеній и т. п., при опредѣленіи значенія различныхъ преступленій, при постановленіи необходимыхъ различій въ приложеніи законовъ, при изысканіи причинъ преступленій и тѣхъ средствъ, которыми бы можно было вполнѣ имъ противодѣйствовать, ихъ открывать и наказывать. Съ рѣдкою неутомимостію коммиссія безпрестанно обрабатываетъ проэкты, исполненные удивительнаго такта, посредствомъ которыхъ можетъ быть, по мнѣнію коммиссіи, приведена въ дѣйствіе кодификація отдѣльныхъ частей англійскаго уголовнаго законодательства. Замѣчателенъ также проэктъ уголовнаго уложенія, составленный этою коммиссіею въ 1838 году для англійскихъ владѣній въ Индіи: это первая попытка составить уголовное уложеніе съ приведеніемъ примѣровъ, объясняющихъ и вообще ближайшимъ образомъ опредѣляющихъ отдѣльныя статьи уложенія.

Уголовное право Сѣверо-Американскихъ Штатовъ сходствуетъ во многихъ отношеніяхъ съ англійскимъ, что объясняется прежнимъ политическимъ единствомъ этихъ государствъ. Но съ того времени, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты пріобрѣли политическую самостоятельность и преобразовались въ республиканскую конфедерацію, уголовное право должно было здѣсь начать новую, свою собственную жизнь. По политическому составу самихъ Штатовъ, уголовные законы должны были быть направлены къ двоякой цѣли: одни были составлены для того, чтобы дѣйствовать во всей конфедераціи, а именно по преступленіямъ, совершаемымъ противъ всего союза или же содѣяннымъ въ мѣстахъ, подчиненныхъ непосредственной подсудности союза; другіе — для дѣйствія въ отдѣльныхъ Штатахъ. Первые установляются актами конгресса, между которыми замѣчательны акты 30го апрѣля 1790 года и 3го марта 1825 года. Послѣдніе въ разныхъ государствахъ различны, хотя, разумѣется, вслѣдствіе единства политической жизни этихъ государствъ, между собою сходны. Важное вліяніе на развитіе американскаго уголовнаго законодательства имѣлъ проэктъ, составленный для Луизіаны въ 1824 г. Это былъ первый проэктъ, стремившійся обнять и изложить систематически, въ формѣ уголовнаго уложенія, все уголовное право (какъ обычное право, такъ и законодательство и право юристовъ) американскаго государства. Для составленія подобнаго проэкта учреждена была въ Массашуссетцѣ коммиссія. Вообще Сѣверо-Американскіе Штаты можно раздѣлить, въ

отношеніи уголовнаго законодательства, на три разряда. Первый разрядъ составляютъ тѣ, гдѣ изданы только отдѣльные уголовные законы объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, напр. Пенсильванія, Огіо, Алабама и проч. Другой разрядъ составляютъ государства, которыя имѣютъ родъ уголовныхъ сборниковъ, гдѣ въ извѣстномъ порядкѣ исчисляются и обозначаются отдѣльныя преступленія съ наказаніями за нихъ, также находятся нѣкоторыя общія положенія о томъ, какъ примѣнять наказанія къ преступленіямъ. Такой сборникъ явился прежде всего въ Нью-Іоркѣ, въ 1830, а потомъ, въ пересмотрѣнномъ видѣ, въ 1836 г. По этому образцу составлены были сборники въ Ньюджерсе, Массашуссетисѣ и Коннектикутѣ. Третій, наконецъ, разрядъ составляютъ тѣ государства, которыя имѣютъ уголовное уложеніе въ собственномъ смыслѣ, принявши за образецъ луизіанскій проэктъ, напр. Георгія, Иллинойсъ, Роде-Эландъ, Миссисипи.

Въ 1824 г. составила для себя уголовное уложеніе освобожденная Греція, хотя это уложеніе есть собственно только извлеченіе изъ французскаго. Мѣсто его заступило, въ 1833 году, новое уголовное уложеніе, обработанное по образцу баварскаго и французскаго.

Еще не стихла междоусобная брань, какъ Португалія и Испанія начали уже помышлять о составленіи новаго уголовнаго уложенія.

Наконецъ, недавно въ самой Турціи составленъ родъ краткаго уголовнаго уложенія по западнымъ

образцамъ, которое, конечно, до-сихъ-поръ остается мертвою буквою.

Вотъ краткій историческій очеркъ новѣйшей уголовной кодификаціи. Теперь укажемъ на правила, которыми должно руководствоваться въ дѣлѣ этой кодификаціи.

Для составленія уложенія вообще, а слѣд. и уголовнаго, необходимо нарядить особую коммиссію, которой бы члены имѣли единственнымъ своимъ занятіемъ уголовную кодификацію: одно уже это дѣло такъ трудно, что если его исполнить какъ должно, у членовъ коммиссіи никакъ не достанетъ времени на другія занятія. Впрочемъ, число членовъ не должно быть слишкомъ велико; потому что: 1) людей къ тому способныхъ найдется вообще мало; 2) слишкомъ большое число членовъ болѣе замедляетъ дѣло, нежели ускоряетъ; 3) труднѣе предположить единство въ большемъ числѣ членовъ, нежели въ меньшемъ; 4) если много будетъ членовъ, то обойдется слишкомъ дорого государству; 5) многіе безъ нужды отвлечены будутъ отъ другихъ, не менѣе важныхъ государственныхъ занятій; наконецъ, 6) въ большомъ количествѣ членовъ нѣтъ надобности, если только лица, назначенныя въ члены, будутъ люди способные: дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Большая часть членовъ должны быть выбираемы изъ людей, имѣвшихъ ту часть, по которой уложеніе составляется, предметомъ главныхъ своихъ занятій, своего призванія: отъ нихъ только можно ожидать правильнаго и основательнаго сужденія о дѣлѣ. Это необходимо и для того,

чтобы всегда большинство голосовъ было на ихъ сторонѣ. Впрочемъ, въ члены надобно назначать нѣсколько и такихъ лицъ, которыя хотя уголовною частію особенно не занимались, но за то имѣютъ обширныя вспомогательныя, такъ сказать, къ тому познанія. Словомъ, большая часть членовъ коммиссіи должны быть юристы и притомъ криминалисты, какъ теоретики, такъ и практики; меньшая же часть неюристы: члены духовенства, медики, купцы, заводчики, фабриканты, люди военнаго званія и пр. п., которые, по-крайней-мѣрѣ, должны быть призываемы въ коммиссію для объясненій. Въ члены, далѣе, надобно выбирать лица изъ различныхъ мѣстъ того же государства, особенно если государство обширно: уголовное уложеніе должно принимать въ соображеніе не только общность, но и мѣстность. Чтобы придать коммиссіи единство, необходимо назначить ей въ предсѣдатели такого теоретически, а особенно практически образованнаго государственнаго человѣка, который бы могъ руководить ею въ полномъ ея составѣ, который бы, съ одной стороны, пользовался полнымъ авторитетомъ какъ въ самой коммиссіи, такъ и въ общественномъ мнѣніи, а съ другой — могъ бы быть прямымъ посредникомъ между коммиссіею и верховною властію. Кромѣ того, въ коммиссію должно опредѣлить особаго докладчика, дѣлопроизводителя или секретаря, человѣка не только всесторонне-образованнаго, но и отличающагося пр. п. канцелярскою дѣятельностію: онъ также точно необходимъ для единства коммиссіи, какъ и предсѣдатель, хотя и въ другомъ отношеніи. Само собою

разумѣется, что въ помощь ему должно быть дано потребное число канцелярскихъ чиновниковъ и служителей, приспособленныхъ къ дѣлу. Для большей скорости и большаго удобства въ производствѣ работъ, коммиссія можетъ имѣть и собственную свою типографію. Наконецъ, коммиссія должна имѣть библіотеку, составленную не только изъ всѣхъ произведеній словесности по своей части, но, по возможности, и по другимъ вспомогательнымъ предметамъ человѣческаго знанія; также свой собственный архивъ, въ которомъ бы хранились не только дѣла текущія и оконченныя въ самой коммиссіи, но и матеріалы, необходимые для редакціи уголовнаго уложенія.

Таково должно быть устройство коммиссіи.

Что же касается до ея вѣдомства, то оно опредѣляется самимъ ея значеніемъ. Начертаніе проэкта уголовнаго уложенія, его безпрерывный пересмотръ по окончаніи труда и утвержденіи со стороны верховной власти, словомъ, постоянное усовершенствованіе уголовной кодификаціи — вотъ предметъ занятій уголовной коммиссіи. Поэтому коммиссія должна быть не временнымъ только учрежденіемъ, а постояннымъ, безпрестанно обновляемымъ въ своихъ членахъ, безпрестанно оживляемымъ въ своихъ трудахъ. По важности своего дѣла и для того, чтобы дѣйствовать съ возможно-большею независимостію, скоростію, съ авторитетомъ, она должна быть поставлена, въ порядкѣ государственной іерархіи, на ряду съ самыми высшими органами верховной власти, съ первѣйшими мѣстами и властями въ государствѣ. Поэтому она должна имѣть

право не только прямо сноситься со всѣми лицами, мѣстами, обществами и проч. въ государствѣ, но, посредствомъ своего предсѣдателя, съ самою верховною властію.

Остается теперь опредѣлить самое трудпѣйшее по отношенію къ уголовной коммиссіи, а именно ея дѣлопроизводство. Эта задача такъ обширна, что въ разрѣшеніе ея можно написать множество книгъ; но я, соотвѣтственно объему статьи, ограничусь краткимъ обозрѣніемъ важнѣйшихъ или, покрайней-мѣрѣ, болѣе наглядныхъ, сюда относящихся пунктовъ.

Первый пунктъ относится къ опредѣленію мѣста, гдѣ должна быть учреждена коммиссія. По многимъ причинамъ необходимо, чтобы коммиссія собиралась тамъ, гдѣ верховная власть имѣетъ обыкновенное свое пребываніе. Здѣсь только возможно удобство сношеній, скопленіе вспомогательныхъ пособій для производства работъ, постоянное наблюденіе за дѣйствіями коммиссіи, словомъ, все то, что ускоряетъ дѣло, придаетъ ему болѣе основательности и вообще, можно сказать, дѣлаетъ возможнымъ его исполненіе.

Второй пунктъ относится ко времени, въ продолженіе котораго коммиссія окончиваетъ первое свое и главное дѣло—проэктъ уголовнаго уложенія. Назначать для этого опредѣленный срокъ невозможно, если отъ коммиссіи ожидаютъ зрѣлаго труда. Побуждать коммиссію къ ускоренію своего труда я считаю излишнимъ, если коммиссія составлена изъ дѣятельныхъ членовъ. Но иногда бываетъ не-

обходимо наблюдать, и въ отношеніи времени, за ходомъ ея занятій, потому что мы безпрестанно встрѣчаемъ самыхъ дѣятельныхъ людей, которые, безъ внѣшняго побужденія, отъ какой-то странной своей перѣшимости, безъ нужды замедляютъ окончаніе дѣла, а излишняя медленность вездѣ столько же вредна, какъ и излишняя торопливость, особенно при составленіи уголовнаго уложенія, которое должно быть вѣрнымъ зеркаломъ современнаго состоянія общества.

Первымъ дѣломъ коммиссіи, послѣ ея учрежденія, должно быть собраніе матеріаловъ, которыми можно было бы впослѣдствіи воспользоваться при составленіи уголовнаго уложенія. Сюда принадлежатъ:

1) Собраніе матеріаловъ, служащихъ къ объясненію дѣйствовавшаго и дѣйствующаго обычнаго уголовнаго права, какъ общаго, такъ и мѣстнаго.

2) Собраніе какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ уголовныхъ и съ ними въ связи находящихся законовъ, предписаній, распоряженій и проч. по уголовной части, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ своемъ отечествѣ, отъ начала основанія государства до настоящаго времени. Эти матеріалы должны быть сперва расположены въ хронологическомъ порядкѣ, а потомъ, по началамъ науки, приведены въ историко-догматическую систему, или въ сводъ законовъ.

3) Собраніе иностранныхъ уголовныхъ уложеній и вообще постановленій по уголовной части,

ихъ проэктовъ съ мотивами и прочихъ приготовительныхъ работъ.

4) Собраніе результатовъ теоретической дѣятельности юристовъ, т. е. сочиненій и т. п. по предмету уголовнаго права, также и по другимъ вспомогательнымъ частямъ правовѣдѣнія, даже такихъ литературныхъ произведеній, которыхъ предметъ находится въ ближайшей связи съ предметами, входящими въ составъ уголовнаго уложенія.

5) Собраніе результатовъ практической дѣятельности юристовъ, въ особенности актовъ уголовныхъ процессовъ.

По собраніи этихъ матеріаловъ, коммиссія должна составить планъ, сперва общій, а потомъ подробный, проэкта уголовнаго уложенія. Составленіе этого плана такъ трудно и вмѣстѣ такъ важно, что на него должна коммиссія обратить все свое вниманіе. Отъ него зависитъ удача или неудача самаго уложенія болѣе, нежели какъ обыкновенно полагаютъ. Этотъ планъ долженъ быть положенъ въ основу всему труду; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы коммиссія слѣпо придерживалась всѣхъ его подробностей, противно лучшему своему разумѣнію. Изъ этого слѣдуетъ только то, что коммиссія, измѣнивши его потомъ въ главныхъ основаніяхъ, не прежде должна приступить къ начертанію самаго проэкта, пока планъ не созрѣетъ до того, что онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ основнымъ ея трудомъ.

Затѣмъ, принимая въ руководство этотъ планъ, коммиссія должна приступить къ начерта-

пію по немъ самаго проэкта. Этотъ проэктъ долженъ быть составленъ съ такою полнотою и подробностію, чтобъ онъ могъ быть, потомъ, однимъ актомъ утвержденія со стороны верховной власти, превращенъ въ уложеніе. Но это не значитъ, что послѣ начертанія проэкта ничего не остается дѣлать, кромѣ тотчасъ же представить его на утвержденіе. Онъ долженъ быть сперва принятъ самою коммиссіею; потомъ напечатанный сообщенъ всѣмъ, какъ центральнымъ, такъ и мѣстнымъ властямъ въ государствѣ, даже до послѣдняго, можно сказать, присутственнаго мѣста и чиновника; въ то же время его должно пустить по самой низкой цѣнѣ (что обойдется самому правительству) въ продажу; наконецъ, надобно перевести его на иностранные употребительнѣйшіе языки и напечатать въ переводѣ. При этомъ необходимо не только дозволить всѣмъ присылать въ коммиссію свои замѣчанія на проэктъ, но даже возбудить къ тому, разнаго рода наградами, преміями, отличіями, людей, имѣющихъ въ этомъ дѣлѣ голосъ; а всѣмъ правительственнымъ и присутственнымъ мѣстамъ, и всѣмъ должностнымъ лицамъ въ государствѣ прямо вмѣнить то въ непремѣнную обязанность.

Такимъ образомъ накопится множество новыхъ матеріаловъ; коммиссія должна ихъ разобрать, сравнить, оцѣнить и вообще ими воспользоваться для новаго пересмотра своего проэкта.

По окончаніи такой ревизіи, коммиссія должна представить проэктъ на утвержденіе верховной власти и ожидать окончательнаго ея рѣшенія. По-

лучивъ законное утвержденіе своего проэкта и сдѣлавши въ немъ всѣ тѣ измѣненія, которыя верховною властію повелѣно будетъ сдѣлать, коммиссія должна снова его напечатать, но уже въ видѣ уголовнаго уложенія, которое, наконецъ, обнародывается на основаніи установленнаго законами порядка. Впрочемъ, необходимо дать время на то, чтобы новое уголовное уложеніе могло перейти въ сознаніе и судей, и народа; а потому надобно назначить въ самомъ актѣ, посредствомъ котораго обнародывается уложеніе, опредѣленный срокъ, съ котораго оно должно войти въ законную силу. Срокъ этотъ, считая со дня обнародыванія, долженъ быть тѣмъ отдаленнѣе, чѣмъ менѣе и судьи и народъ успѣли познакомиться съ проэктомъ, предшествовавшимъ составленію уложенія, чѣмъ болѣе въ этомъ проэктѣ, уже прежде распространенномъ въ народѣ, сдѣлано впослѣдствіи измѣненій.

Остается намъ указать на нѣкоторыя важнѣйшія трудности, встрѣчающіяся при составленіи новаго уголовнаго уложенія.

Составленіе уложенія вообще, особенно уголовнаго, есть одна изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ: оно не только предполагаетъ огромныя, разнообразныя и основательныя, какъ теоретическія, такъ и практическія, свѣдѣнія въ редакторахъ, но еще умѣнье глубоко проникнуть всѣ жизненныя отношенія, всѣ особенности своего вѣка, своего народа; необыкновенную способность обозрѣвать весь запасъ матеріаловъ въ полной его цѣлости, располагать его по плану, напередъ зрѣло обдуманному, и соору-

дить все зданіе уложенія такъ, чтобъ оно, и въ отдѣльныхъ частяхъ, и въ ихъ соединеніи въ одну цѣлость, представляло возможное совершенство; чтобъ уложеніе, съ одной стороны, отличалось простотою, ясностію, краткостію, полнотою и послѣдовательностію, а съ другой — практическою примѣняемостію.

Важнѣйшія затрудненія при составленіи уголовныхъ законовъ вообще заключаются въ слѣдующемъ:

I. Обозначить съ ясностію, точностію и полнотою, въ чемъ состоитъ каждое преступленіе, и что потому запрещается или повелѣвается подъ страхомъ наказанія.

II. Опредѣлить различные роды и виды наказаній, которыя могли бы быть прилагаемы на самомъ дѣлѣ, равно какъ и образъ приведенія ихъ въ исполненіе.

III. Составить положенія о приведеніи въ соотвѣтствіе наказаній съ преступленіями, или о мѣрѣ наказаній по степени виновности.

IV. Начертать правила, которыми бы обязаны были руководствоваться судьи въ приложеніи уголовныхъ законовъ къ отдѣльнымъ случаямъ.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ задачъ уголовной кодификаціи.

I. Много, безъ сомнѣнія, такихъ преступленій, которыя считаются достойными наказанія всѣми, въ комъ только не умолкъ внутренній голосъ совѣсти, напр. смертоубійство и т. п.; много та-

кихъ, которыхъ одно уже имя не оставляетъ сомнѣнія о томъ, въ чемъ онѣ именно состоятъ, напр. прелюбодѣяніе и т. п. Опредѣлять такого рода преступленія и описывать ихъ обстоятельно въ уголовныхъ законахъ, въ этомъ нѣтъ крайней необходимости. Но большая часть дѣяній, подвергаемыхъ, обыкновенно, наказаніямъ, такого свойства, что простой здравый смыслъ не можетъ рѣшить, достойно ли такое-то дѣяніе наказанія и въ чемъ состоитъ именно такое-то преступленіе. Даже чувство моральной постыдности дѣянія или его гражданской недозволенности недостаточно для того, чтобы всегда безошибочно рѣшить, подлежитъ ли оно гражданскому наказанію. Поэтому необходимо такое законопостановленіе, изъ котораго бы всякое лицо, пребывающее въ государствѣ, узнало, что повелѣвается и что запрещается подъ страхомъ наказанія, и которое уполномочило бы судью присуждать къ опредѣленному наказанію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Безъ такого постановленія не были бы, во многихъ случаяхъ, надлежащимъ образомъ обезпечены жизнь, честь, имущество и взаимныя отношенія гражданъ: каждую минуту гражданинъ долженъ былъ бы бояться, что дѣянія, которыя онъ считаетъ неподлежащими наказанію, и потому предпринимаетъ безъ всякого опасенія, вовлекутъ его въ судебную отвѣтственность и подвергнутъ его наказанію. Врожденное чувство говоритъ каждому, что онъ не долженъ красть; но для многихъ останется не яснымъ, будетъ ли виновенъ онъ въ воровствѣ, если онъ, напр., нашелъ кладъ, золотые самородки на соб-

ственной землѣ, и сталъ пользоваться своею находкою безъ предварительнаго донесенія правительству. Многіе, даже почтенные люди имѣютъ различные взгляды на тѣ дѣянія, за которыя обыкновенно въ законахъ угрожается наказаніемъ, напр. курить сигару въ городѣ, на улицѣ, особенно въ экипажѣ; разыгривать вещи въ лотерею безъ предварительнаго дозволенія со стороны правительства; въ особенности же сюда относятся поединки. Рѣдко считаетъ себя подлежащимъ наказанію тотъ, кто, убѣжденный въ своей невинности, освободится отъ тюремнаго заключенія, убѣжитъ изъ-подъ ареста и т. п. Гласъ народа не рѣшительно опредѣляетъ, что считать кровосмѣшеніемъ; всѣ почти открыто говорятъ о томъ, что они давали или даютъ судьямъ взятки; а между тѣмъ это суть преступленія, строго наказываемыя законами. Во многихъ случаяхъ дозволенное и запрещенное закономъ почти не отдѣляются никакою границею. Многіе, напр., законы подвергаютъ наказанію, какъ клеветника, того, кто, руководимый чувствомъ моральнаго долга, скажетъ прямо свое невыгодное мнѣніе о характерѣ человѣка, за котораго его пріятель готовъ былъ отдать свою дочь въ замужество, если онъ юридически не докажетъ предъ судомъ своего обвиненія. Какъ немногіе граждане считаютъ себя обязанными доносить о преступленіяхъ, сдѣлавшихся имъ извѣстными!

Многія преступленія такъ сходны между собою или же на дѣлѣ представляются въ такой взаимной связи, что законодатель не можетъ предоставить внутреннему чувству гражданъ судить о

томъ, что составляетъ отличительный признакъ каждаго преступленія въ отдѣльности. Какъ трудно, напр., отличить клевету отъ личной обиды словами: одни уголовные законы наказываютъ какъ клеветника, а другіе только какъ обидчика того, кто солжетъ на медика, приведя такой случай его неискуства, что онъ чрезъ то лишается необходимой въ его званіи довѣренности. Весьма ошибается, кто думаетъ, что въ сочиненіяхъ юристовъ можно отыскать все то, что должно служить пособіемъ при неопредѣленности законовъ и общественнаго мнѣнія: между юристами много спорныхъ, совсѣмъ перѣшенныхъ пунктовъ; многое не имѣетъ твердаго основанія; многое оставлено такъ неяснымъ, неопредѣленнымъ, сбивчивымъ, что судья лишенъ и съ этой стороны твердаго руководства. Какъ, напр., отличить обманъ, лживые поступки, воровство – мошенничество отъ подлога? Одни юристы считаютъ того виновнымъ въ подлогѣ, кто утаитъ подлинные документы; другіе считаютъ его только обманщикомъ.

Вотъ почему такъ необходимо ясное, точное и полное опредѣленіе посредствомъ уголовныхъ законовъ того, что ими повелѣвается и что запрещается подъ страхомъ наказанія, также въ какомъ объемѣ должно быть принимаемо это повелѣніе или запрещеніе. Но въ этомъ-то и состоитъ одно изъ важнѣйшихъ затрудненій уголовной кодификаціи. Уголовный законъ долженъ выразить мысль законодателя въ словахъ и уничтожить какъ въ судьѣ, такъ и въ каждомъ гражданинѣ всякое сомнѣніе о своемъ внутреннемъ основаніи (ratio legis) и внѣшней цѣли, или намѣреніи; а это весьма трудно ис-

полнить. Новый юридическій языкъ не имѣетъ еще той полной ясности и опредѣленности, которыми преимущественно отличается юридическій языкъ древнихъ римскихъ юристовъ. Слова, употребляемыя юристомъ, иногда разнятся отъ словъ, употребляемыхъ народомъ, для выраженія одного и того же понятія; а потому часто слова закона имѣютъ значеніе въ народѣ болѣе обширное или болѣе тѣсное, напр. слово „взятки,“ слово „членовредители“ и т. п. Часто термины, употребляемые въ законѣ, различно понимаются законодателями и различно техниками, напр. „смертельныя раны и увѣчья, поврежденія, которыя сами по себѣ не смертельныя, но причинившія смерть“ и т. п. Часто сами техники между собою несогласны въ значеніи одного и того же слова, напр. безуміе, сумасшествіе и т. п. Часто законодатель имѣетъ въ виду извѣстные случаи, которые онъ подвергаетъ наказанію или которымъ онъ приписываетъ безнаказанность, а между тѣмъ опускаетъ изъ виду другіе подобные случаи, которые также могутъ встрѣтиться: выраженіе, употребляемое въ законѣ, иногда слишкомъ тѣсно, а иногда слишкомъ обширно, напр. того, кто беретъ чужія съѣдомыя вещи, законъ хочетъ подвергнуть самому ничтожному наказанію и выражаетъ этотъ случай въ слѣдующихъ словахъ: „если кто возметъ съѣдомыя вещи или питья *для непосредственнаго употребленія*“ и т. д. Но что, если кто возметъ чужой кусокъ пирога и, не имѣя возможности съѣсть его въ ту же минуту, положитъ въ карманъ и потомъ съѣстъ дома; или если кто возметъ чужую бутылку вина, чтобъ имъ подкрѣпить боль-

ную свою мать, — подходятъ ли и эти случаи подъ упомянутый законъ? Если, напр., законодатель, желая подвергнуть наказанію угрозы, прибавитъ *опасныя* угрозы, съ тою цѣлію, чтобы не слишкомъ расширить значеніе преступленія, то о томъ, что считать опаснымъ, будетъ вѣчный споръ. Не одному законодательству не удалось еще выразить мысль свою въ такихъ словахъ, которыя бы не оставляли никакого въ ней сомнѣнія, напр. свое намѣреніе о томъ, какъ далеко можетъ простираться дозволеніе самоуправства, самозащищенія отъ нападеній. Какъ мало удалось законодательствамъ означить, съ ясностію и опредѣленностію, въ чемъ состоитъ преступленіе сопротивленія начальству въ противоположность непослушанія начальству! Какъ остороженъ долженъ быть законъ въ употребленіи словъ, обозначающихъ преступленіе, это показываетъ опытъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ дѣйствуютъ новыя уголовныя уложенія. Напр. законъ баварскій строже наказываетъ того вора, который вкрался въ домъ, употребивши къ тому особенныя, напередъ заготовленныя имъ средства: какъ, спрашивается, наказать того вора, который влезъ въ окно по спинѣ другаго человѣка?

Особенное затрудненіе состоитъ въ обозначеніи тѣхъ преступленій, которыя близко граничатъ съ дѣйствіями, весьма легко наказываемыми, или даже которыхъ слѣдствіе есть гражданское, а не уголовное взысканіе; напр. опредѣлить отношеніе между сопротивленіемъ власти и бунтомъ, между поджигательствомъ и поврежденіемъ вещи. Вообще

во многихъ случаяхъ законодательство должно полагаться на благоразуміе судьи, который, оцѣнкою каждаго даннаго дѣянія, предотвратитъ много зла, неизбѣжнаго въ томъ случаѣ, если всегда строго придерживаться буквы закона. Иначе судья приговоритъ къ наказанію за такія дѣянія, за которыя самъ законъ никогда не думалъ наказывать; напр. если строго слѣдовать предписанію новыхъ уголовныхъ законовъ о вытравливаніи плода, о воровствѣ и проч., тогда надобно будетъ наказывать, какъ убійцу, и акушера, который для спасенія матери сдѣлаетъ операцію, т. н. искуственные роды; какъ вора, того, кто возметъ чужой кусокъ бумаги, цвѣтокъ и т. п.

Въ связи съ представленными затрудненіями находится правило, даваемое, обыкновенно, въ уголовныхъ уложеніяхъ, въ руководство судьямъ, касательно толкованія и примѣненія уголовныхъ законовъ. Обыкновенно говорится, что судья долженъ наказывать тѣ дѣянія, которыя, по прямымъ словамъ уголовнаго уложенія, или по смыслу, или по аналогіи и проч., подвержены въ немъ наказанію; но это слишкомъ неопредѣлительно. Что значатъ прямыя слова, смыслъ, аналогія, объ этомъ и теперь толкуютъ весьма различно. Требованіе, чтобы судья придерживался только мертвой буквы, легко поведетъ къ ужаснымъ несообразностямъ; потому что по необходимости законъ часто употребляетъ слова и выраженія, которыя или обнимаютъ болѣе случаевъ, нежели за какіе онъ хотѣлъ бы наказывать, или же часто мысль выражена въ словѣ такъ тѣсно,

что многія преступленія должны бы, строго придерживаясь буквы закона, остаться совсѣмъ безъ наказанія. Въ этомъ отношеніи къ судьѣ должно имѣть болѣе довѣренности, нежели какъ обыкновенно дѣлается. Ему никакъ нельзя запретить употребленіе всѣхъ наукою признанныхъ средствъ, имѣющихъ цѣлію истолкованіе закона, ясное уразумѣніе мысли и воли законодателя.

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что хотя въ уголовныхъ уложеніяхъ необходимо ясное, точное и полное обозначеніе каждаго преступленія, но что законодатель никогда не долженъ надѣяться не имѣть нужды въ правильномъ, на наукѣ основанномъ толкованіи своихъ законовъ со стороны судьи. Вотъ почему не должно дѣлать общимъ правиломъ, что толкованіе уголовныхъ законовъ никому не дозволяется: это постановленіе всегда останется безъ дѣйствія. Не есть ли ученое, теоретическое обработываніе уголовнаго права и практическое его приложеніе то же самое толкованіе? Suum cuique (всякому свое): обычное право прямо въ жизни выражаетъ общественное юридическое сознаніе; законодательство подмѣчаетъ, установляетъ эту жизнь и даетъ ей надлежащее направленіе; наука возводитъ къ полному сознанію и обычное право, и законодательство; а практика прилагаетъ общія постановленія положительнаго права къ частнымъ случаямъ. Слѣд. необходимо допустить толкованіе законовъ. Но для того, чтобъ оно было возможно - правильное, какъ въ теоріи, такъ и въ приложеніи законовъ на практикѣ, понятіе о каждомъ преступленіи въ отдѣль-

ности должно быть всегда даваемо въ самыхъ законахъ со всею точностію (чтобы ничего не было лишняго), полнотою (чтобы не было недостатковъ) и ясностію (чтобы ничего не было непонятнаго). Наконецъ, въ этомъ отношеніи надобно замѣтить, что область *уголовныхъ* преступленій, равно какъ и вообще дѣяній, подлежащихъ наказанію, не должна быть слишкомъ расширена. Тѣ только дѣянія, которыя вообще достигаютъ высшей степени наказательности, должны быть отнесены къ *уголовнымъ* преступленіямъ; тѣ же, которыхъ совершеніе можетъ быть предотвращено или ихъ слѣдствія устранены, не употребляя наказаній, должны быть вовсе исключены изъ уголовнаго уложенія. Равнымъ образомъ легкіе проступки, подлежащіе легкимъ и наказаніямъ, должны быть отнесены не къ уголовному, а къ полицейскому уложенію. Но въ этомъ-то и затрудненіе, какъ постановить границу между уголовными и другаго рода преступленіями и проступками. Рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть сдѣлано въ немногихъ словахъ, а потому я совсѣмъ его здѣсь опускаю. Впрочемъ, замѣчу, что оно можетъ быть дано только примѣнительно къ существующимъ понятіямъ и отношеніямъ въ извѣстномъ обществѣ.

II. Важнѣйшимъ затрудненіемъ уголовной кодификаціи представляется, далѣе, выборъ наказаній. Въ этомъ отношеніи все предоставляется одной только законодательной дѣятельности. Законодателю принадлежитъ, исключительно, право опредѣлять родъ и видъ наказаній; судья же можетъ прилагать только наказаніе, именно означенное въ

уголовныхъ законахъ; даже судья не можетъ приводить въ исполненіе означенное въ законѣ наказаніе другимъ образомъ, нежели какъ тамъ именно будетъ постановлено. Вотъ почему на выборъ наказаній редакторы уголовнаго уложенія должны обратить особенное свое вниманіе, зная, что здѣсь практика не можетъ исправить погрѣшностей кодификаціи. Вообще долженъ быть выбираемъ тотъ родъ и видъ наказанія, который, по народному характеру, наиболѣе можетъ сдѣлать впечатлѣніе. Главное условіе этого впечатлѣнія состоитъ въ томъ, чтобы общественное мнѣніе признавало наказаніе за справедливое, за заслуженное, за соразмѣрною съ виновностію, чтобы наказаніе исполняло внутреннюю свою сущность, т. е. было только обратною стороною преступленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ достигало бы ему соотвѣтственныхъ, особенныхъ внѣшнихъ цѣлей. Иначе наказаніе не только не будетъ имѣть желаннаго дѣйствія, но даже весьма часто совершенно обратное: вмѣсто уваженія къ закону, оно породитъ недовольство, непріязненность, ожесточеніе и даже мщеніе въ народѣ. Въ большей части случаевъ даже самые благомыслящіе граждане, въ качествѣ потерпѣвшихъ отъ преступленія, или свидѣтелей, или присяжныхъ, или судей, будутъ употреблять всѣ средства, лишь бы доставить виновному возможность избѣгнуть наказанія, постановленнаго въ законѣ за содѣянное имъ преступленіе. Очевиднымъ доказательствомъ служитъ смертная казнь, на практикѣ весьма рѣдко совершаемая и между тѣмъ слишкомъ еще часто, въ западныхъ государствахъ Европы, угрожаемая уголовными законами.

Впрочемъ, весьма было бы неблагоразумно вдругъ сдѣлать переворотъ въ выборѣ наказаній: внезапно замѣнить наказаніе, до того употребительное, другимъ, еще небывшимъ въ употребленіи въ томъ обществѣ, гдѣ оно назначается. Въ этомъ отношеніи необходима та же постепенность, которая есть существенное условіе всякого рода законодательства, всякого положительнаго права, всякого развитія. Но сколько вообще представляется опаснымъ для общества всякой внезапный переворотъ, столько же, не менѣе, опасно стараніе сохранить то, что болѣе несохранимо, что de facto (на самомъ дѣлѣ) уже нивергнуто, какъ несовременное, несообразное съ измѣнившимися общественными понятіями и т. п., что потому само требуетъ измѣненія, превращенія факта въ право, иначе же будетъ имѣть совсѣмъ противоположное ожидаемому дѣйствіе. Всякая истинная жизнь, всякое истинное историческое развитіе, а слѣд. и истинное историческое развитіе уголовнаго законодательства, слагается необходимо изъ безпрестаннаго взаимнаго воздѣйствія двухъ началъ: начала консервативнаго, или начала сохраненія, и начала движенія, такъ что результатомъ ихъ воздѣйствія не есть ни болотный застой жизни, ни мертвая тишина кладбищъ, ни бѣшенство переворотовъ, но жизнь живая, развитіе послѣдовательное, историческое, логическое. Уголовная кодификація не должна поэтому увлекаться односторонними мнѣніями партій, модными, скоропреходящими теоріями; не должна быть шапкою, безпрестанно колеблющеюся, а, напротивъ, обдумавши напередъ все основательно, собравши весь нужный запасъ опыт-

ности, должна рѣшиться на что-нибудь опредѣленное и со всею энергіею приводить въ исполненіе свою мысль. Такъ, напр., рѣшеніе вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ томъ государствѣ, гдѣ досихъ-поръ оно было употребляемо, весьма сложно, весьма трудно, весьма важно.

Въ наше время самымъ употребительнымъ наказаніемъ является лишеніе свободы. Изъ него сдѣлано столько различныхъ степеней, столько различныхъ системъ тюремнаго заключенія, столько разныхъ утонченностей придумали люди для усиленія этихъ наказаній (напр. сдѣлать комнату, если можемъ назвать комнатою какую-то дыру, въ которую заключается преступникъ, совершенно круглую, безъ угловъ, чтобы заключенный не могъ останавливать на нихъ своего взгляда и тѣмъ сколько-нибудь разсѣевать скуку, медленно его снѣдающую)! Особенно въ этомъ случаѣ мало, обыкновенно, думаютъ о томъ, что составляетъ важнѣйшую трудность вопроса, все ли то будетъ хорошо у себя, что хорошо на чужбинѣ.

Наконецъ, наказанія и ихъ образъ исполненія должны быть, по возможности, одинаковы для всѣхъ гражданъ. Конечно, благовоспитанный человѣкъ больше чувствуетъ наказаніе, нежели грубый; но зато благовоспитанный лучше знаетъ преступность дѣянія, нежели необразованный.

III. Важнѣйшимъ затрудненіемъ еще является правильное опредѣленіе мѣры наказанія, которымъ законъ угрожаетъ преступленію. Часто произволъ назначаетъ одно и то же наказаніе за весьма раз-

личныя преступленія, за весьма различную степень виновности. Иногда легчайшее преступленіе наказывается строже тягчайшаго. Въ этомъ отношеніи кодификація имѣетъ обязанностію опредѣлить: 1) степень тяжести каждаго преступленія и 2) мѣру того наказанія, которое должно быть угрожаемо за преступленіе такъ, чтобъ оно было въ справедливомъ соотношеніи съ виновностію.

Для рѣшенія перваго вопроса менѣе всего сдѣлала наука, которая должна бы изслѣдовать сущность каждаго преступленія, какъ медикъ изслѣдуетъ сущность каждой болѣзни; степень того вреда, который проистекаетъ изъ преступленія для общественнаго быта; направленіе преступленія; побудительныя его причины; мнѣніе тѣхъ людей, которые имѣютъ вліяніе на рѣшимость лица, совершившаго извѣстное преступленіе; обстоятельства, при которыхъ преступленіе совершается; различныя формы, которыя принимаетъ преступленіе; свойства различныхъ средствъ, употребляемыхъ для совершенія преступленія и проч. Здѣсь бы должно въ особенности воспользоваться статистическими указаніями.

Въ отношеніи того, какое назначать наказаніе за каждое преступленіе, въ уголовныхъ уложеніяхъ встрѣчается множество несообразностей и несправедливостей. Иногда совсѣмъ не назначается maximum и minimum наказанія (самое большее и самое меньшее наказаніе); еще чаще это назначается весьма произвольно, безъ всякого основанія; нерѣдко самое minimum (самое меньшее наказаніе) слишкомъ

еще жестоко. Кодификація должна очертить, такъ сказать, кругъ наказаній, который бы обнималъ всѣ обыкновенно встрѣчающіяся степени одного и того же преступленія и слѣд. дозволялъ бы правильно измѣрить наказаніе, восходя отъ его minimum до самаго maximum; для случаевъ же особенно-тяжкой виновности, она должна назначить наказаніе, которое бы превышало даже maximum, а для случаевъ особенно-легкой виновности — еще менѣе обыкновеннаго minimum, означивъ притомъ съ точностію признаки такой особенно-тяжкой и особенно-легкой виновности въ совершеніи каждаго преступленія. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ опредѣленныя въ законахъ наказанія не должны быть ни слишкомъ жестоки, ни слишкомъ легки: иначе онѣ не будутъ выражать внутренней справедливости и не могутъ достигать внѣшнихъ цѣлей. Вообще, при опредѣленіи мѣры наказанія за каждое преступленіе въ отдѣльности, хотя и не должно слишкомъ стѣснять дѣятельность судьи, но зато и не должно слишкомъ много давать ему воли; а потому необходимо за каждое преступленіе всегда назначать maximum и minimum наказанія.

Наконецъ, наказаніе должно падать только на виновныхъ, слѣд., напр., не на невинное семейство преступника.

IV. Въ новѣйшихъ уголовныхъ уложеніяхъ замѣчательно стремленіе въ ш. н. общихъ положеніяхъ дать судьямъ множество правилъ, которыми бы они должны были руководствоваться въ примѣненіи уголовныхъ законовъ къ данпымъ случаямъ.

Разсмотримъ эти т. н. общія положенія, раздѣливъ ихъ, для легчайшаго обозрѣнія, на различные разряды.

1. Нѣкоторыя положенія заключаютъ въ себѣ общія условія примѣненія уголовныхъ законовъ и тѣ общія понятія, которыми, въ этомъ случаѣ, должны руководствоваться судьи. Такихъ положеній не должно включать въ составъ уложенія: онѣ опредѣляются живымъ, безпрерывнымъ движеніемъ науки, а не мертвою, стоячею буквою закона. Если потому онѣ будутъ внесены въ уложеніе, то можетъ настоять опасность, что законъ санкціонируетъ современныя ему понятія, которыя, потомъ, остаются безъ движенія тогда, когда уже, въ ближайшее, можетъ быть, за тѣмъ время, успѣхи науки докажутъ несправедливость тѣхъ воззрѣній, которыхъ придерживались редакторы уложенія. Кромѣ того, законодательство здѣсь никакъ не можетъ замѣнить науку: если выставленныя имъ положенія будутъ слишкомъ общи, то судья не получитъ желаннаго руководства; если же, напротивъ, ихъ захотятъ сдѣлать болѣе спеціальными, частными, то онѣ не иначе исчерпаютъ свой предметъ, какъ превратя уложеніе въ учебную книгу или даже въ совокупность отдѣльныхъ ученыхъ монографій. Такъ, напр., невозможно сдѣлать въ уложеніи точнаго обозначенія того, что вообще считаетъ умысломъ, неосторожною виною, случайными дѣяніями, покушеніемъ, преступленіемъ *совершившимся*, сообщниками преступленія, зачинщиками, помощниками и участниками, укрывателями и т. п. Такъ, напр., лучше не выставлять въ уложеніи общихъ положеній о невѣ-

дѣніи уголовныхъ законовъ, объ условіяхъ присужденія къ наказанію и т. п. Во всякомъ случаѣ гораздо безопаснѣе предоставлять разрѣшеніе возникающихъ припомъ вопросовъ наукѣ, которою долженъ руководствоваться судья.

2. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ уложеніе рѣшаетъ спорные пункты о примѣненіи уголовныхъ законовъ, напр. раздѣляя неосторожную вину на два или на три вида. Такія положенія должны быть вовсе исключены изъ уложенія, а предоставлены наукѣ, по тѣмъ же почти причинамъ, какія приведены выше при разсматриваніи положеній перваго разряда.

3. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ уложеніе высказываетъ, сколь далеко можетъ простираться власть судьи въ примѣненіи наказаній въ тѣхъ случаяхъ, когда недостаетъ всѣхъ условій, для присужденія къ полному наказанію необходимыхъ, или нѣкоторыхъ существенныхъ признаковъ преступленія. Безъ такихъ положеній никакъ нельзя обойтись въ уложеніи. Такъ, напр., уложеніе должно обозначить, въ какой мѣрѣ подлежитъ наказанію покушеніе къ преступленію и самое его совершеніе; какія дѣянія наказываются какъ сообщество въ преступленіи и т. п. Но здѣсь-то и встрѣчаются многія важныя затрудненія для кодификаціи.

4. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ уложеніе означаетъ тотъ предѣлъ, до котораго судья можетъ простирать власть свою въ опредѣленіи степени наказанія, вслѣдствіе существованія извѣстныхъ обстоятельствъ, увеличающихъ вину. Необходимость такихъ положеній особенно очевидна при опредѣле-

нiи стеченiя и повторенiя преступленiй. Впрочемъ, и въ этомъ отношенiи уложенiе не должно слишкомъ стѣснять дѣятельность судьи.

5. Въ нѣкоторыхъ положенiяхъ уложенiе постановляетъ исключенiя изъ общаго правила о примѣненiи законовъ, означая тѣ случаи, когда судья можетъ смягчить наказанiе виновнаго или даже совсѣмъ освободить его отъ наказанiя. Необходимость этихъ положенiй зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, есть ли судъ присяжныхъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ дѣйствуетъ уложенiе, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ приговоры присяжныхъ замѣняютъ, большею частiю, такого рода положенiя, а слѣд. подробное ихъ изложенiе не нужно; въ послѣднемъ же случаѣ эти положенiя необходимы, потому что судьи обязаны присуждать къ наказанiю, если законъ не уполномочиваетъ ихъ принимать въ соображенiе извѣстныя обстоятельства, смягчающiя наказанiе или вовсе отъ него освобождающiя. Напр. если въ уложенiи не будетъ приведено пьянство, какъ обстоятельство, уменьшающее вину, то судья обязанъ за преступленiе, совершенное въ пьяномъ видѣ, присуждать къ тому же самому наказанiю, къ какому бы онъ присудилъ преступника, совершившаго то же самое преступленiе, но въ трезвомъ состоянiи. Вотъ почему въ уложенiи необходимы такого рода положенiя, хотя составленiе ихъ весьма трудно. Трудно, напр., опредѣлить рѣзкою границею, въ какомъ возрастѣ преступленiе можетъ быть вмѣняемо. Еще труднѣе означить, напр., случаи невмѣненiя вслѣдствiе т. н. душевныхъ болѣзней, непре-

одолимаго принужденія, неизбѣжнаго обмана, необходимой обороны и т. д.

6. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, для устраненія слишкомъ тѣснаго или обширнаго значенія уголовныхъ постановленій, уложеніе разнымъ образомъ объясняетъ свою мысль. И эти положенія необходимы. Нѣкоторые юристы предлагаютъ употреблять, къ достиженію этой цѣли, примѣры; но примѣры или таковы, что они суть только несомнѣнный, послѣдовательный выводъ того правила, къ которому относятся, или же такого свойства, что, если бы законодатель ихъ не предложилъ, то судья не могъ бы прилагать самаго правила. Въ первомъ случаѣ примѣръ не имѣетъ никакой цѣны; въ послѣднемъ—законъ собственно постановляетъ новое правило, которое легко можетъ судью ввести въ ошибку, будучи выражено не въ видѣ общаго положенія, а въ видѣ частнаго случая. Гораздо сообразнѣе съ цѣлію, если въ уложеніи къ общему правилу прилагаются примѣчанія, посредствомъ которыхъ законъ выражаетъ свою волю, что на извѣстный случай правило не должно быть вовсе распространяемо (напр. убійство, совершенное вслѣдствіе необходимой обороны), или угрожаетъ въ извѣстномъ случаѣ особеннымъ наказаніемъ (напр. если кто похититъ дитя только для какой-нибудь преходящей цѣли, не разрушая тѣмъ его семейнаго состоянія), или означаетъ то средство, какимъ обвиняемый можетъ освободиться отъ наказанія, которому онъ былъ бы непремѣнно подвергнутъ, если бы правило распространить на него во всемъ объемѣ (напр. чтобъ освободить отъ наказанія, положеннаго за

клевету, допускаетъ особенный способъ доказывать истину своего показанія).

7. Все, что собственно входитъ только въ составъ учебной книги, должно быть опущено изъ уложенія. Сюда принадлежитъ слѣдующее:

а) Основное начало и цѣль наказанія, потому что развитіе и твердое установленіе этого еще доселѣ спорнаго пункта идетъ параллельно съ ходомъ науки, а въ особенности потому, что это можетъ повести практика къ ложнымъ и для уголовныхъ процессовъ опаснымъ выводамъ, наконецъ, и потому, что въ противномъ случаѣ законодательство вмѣшалось бы въ неприличные ему ученые споры, запрудило бы естественный ходъ сціентифическихъ изслѣдованій, поставило бы себя, безъ нужды, въ зависимость отъ какой-нибудь теоріи и само было бы виновникомъ того, что, съ измѣненіемъ теоріи, которое такъ часто происходитъ, все уложеніе должно было бы измѣниться, или, по-крайней-мѣрѣ, необходимо потеряло бы, даже въ практикѣ, весь свой вѣсъ и значеніе. Сверхъ того, невозможность провести чрезъ все уложеніе принятой въ основаніе теоріи была бы часто причиною шаткости, колебанія и нерѣшительности законодательства, которыя тѣмъ болѣе опасны, что онѣ произвели бы подобное же дѣйствіе въ судьѣ, примѣняющемъ уголовные законы къ частнымъ случаямъ. Даже т. н. теорія справедливости легко вовлечетъ судью въ то заблужденіе, что онъ станетъ присуждать къ гражданскому наказанію всякое чисто-моральное прегрѣшеніе. Изъ всего это-

го не должно заключать, будто бы уложеніе не было само обязано руководствоваться основными началами уголовнаго права, признанными въ его время за всесторонпѣйшія, основательнѣйшія, и потому справедливѣйшія, тѣми началами, которыя мною изложены во введеніи въ эту статью; напротивъ, я тѣмъ хотѣлъ только сказать, что прямо-высказанныя въ самомъ уложеніи внутреннія основанія наказательности и ея внѣшнія цѣли частію излишни, частію даже могутъ быть вредны для науки и практики. Также изъ того не слѣдуетъ, чтобъ изученіе т. н. теорій о наказательности для редакторовъ уложенія было безполезно или даже вредно. Напротивъ, оно для нихъ необходимо въ томъ отношеніи, что уголовное уложеніе, неопускающее того изъ виду, получаетъ само въ себѣ единство и послѣдовательность.

b) Опредѣленіе преступленія вообще. Что же касается до опредѣленій каждаго преступленія въ особенности, то онѣ должны быть внесены въ уложеніе. Только послѣдняго рода опредѣленія могутъ служить для судьи вѣрнымъ руководствомъ. Если же, кромѣ того, въ уложеніи дано и общее понятіе о преступленіи, то судья, хотя бы даже совершенное дѣяніе вполнѣ подходило подъ понятіе особеннаго рода или вида преступленія, будетъ еще придерживаться и общаго понятія о преступленіи, что легко можетъ вовлечь его во многія ошибки: часто преступное дѣяніе онъ не сочтетъ преступленіемъ и, наоборотъ, въ дѣяніи, неподлежащемъ по закону наказанію, онъ будетъ видѣть преступленіе.

c) Подведеніе дѣяній, подлежащихъ наказанію, подъ такія общія точки зрѣнія, которыя суть дѣло науки. Это открываетъ обширное поле для произвола и разнаго рода сомнѣній со стороны судей. Если, напр. въ уложеніи раздѣлены будутъ преступленія на общественныя и частныя, и къ частнымъ отнесено будетъ клятвопреступленіе, то можетъ ли судья наказать такого клятвопреступника, который даетъ ложную присягу въ пользу обвиняемаго, чтобы тѣмъ освободить его отъ обвиненія? Если же, напротивъ, уложеніе избѣгнетъ такого рода классификаціи, то судья будетъ по неволѣ дѣлать то, что и долженъ дѣлать, т. е. всякой частный случай будетъ подводить только подъ соотвѣтственный ему видъ преступленія, означеннаго въ законахъ. Впрочемъ, избѣжать въ уложеніи вовсе классификаціи преступленій, т. е. подведенія ихъ подъ извѣстные разряды, роды и виды, невозможно; а потому надобно, по-крайней-мѣрѣ, стараться, чтобы такая классификація была правильная и не повела бы въ практикѣ къ ложнымъ заключеніямъ, а именно: преступленія, подводимыя подъ одинъ и тотъ же раздѣлъ, должны быть сколько возможно однородне.

d) Общія положенія, служащія введеніями къ частямъ (главамъ, раздѣламъ и т. п.), на которыя уложеніе раздѣляется; потому что онѣ не имѣютъ никакой практической пользы. Напр. въ одномъ мѣстѣ прусскаго уложенія говорится: „никто не долженъ, не имѣя къ тому права, наносить вреда собственности или имуществу другаго.“ Изъ этого

положенія выводятся тамъ понятія о воровствѣ, грабежѣ и т. д.

e) Все то, въ чемъ выказывается стремленіе слишкомъ стѣснить дѣятельность судьи. Сюда относится слѣдующее:

α) Раздѣленіе покушенія на отдаленное, близкое и ближайшее, и установленіе соотвѣтственной тому постепенности въ наказаніяхъ.

β) Подведеніе соучастниковъ въ преступленіи подъ два разряда: близкихъ и отдаленныхъ.

γ) Раздѣленіе неосторожной вины на грубую, среднюю и малую, и основанное на томъ измѣреніе наказаній.

δ) Допущеніе нѣкоторыхъ предположеній, напр. касательно существованія злостнаго умысла.

ε) Раздѣленіе способовъ доказательствъ на естественные и искуственные, совершенные и несовершенные, обвинительные и очистительные: это и потому должно быть опущено изъ уложенія, что такое раздѣленіе не имѣетъ никакой практической пользы.

ζ) Раздѣленіе уликъ на близкія и отдаленныя, на предшествующія, современныя и послѣдующія.

η) Постановленіе т. н. абсолютныхъ наказаній. Напр. за воровство, совершенное вооруженною рукою, назначать пятилѣтнее заключеніе въ темницу (не болѣе и не менѣе). Этимъ, конечно, устраняется произволъ судьи, но зато, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наказанія являются слишкомъ жестокими. Вообще, если уложеніе думаетъ опредѣлить наше-

редъ всякой встрѣтиться могущій случай, то оно впадаетъ въ безконечную казуистику, стѣсняетъ разумную дѣятельность судьи, противъ воли становится жестокимъ, и, не смотря на все это, никогда однако же не достигаетъ предположенной цѣли. Кромѣ того, такія постановленія никакъ не могутъ быть точно обозначены словами, а ко многимъ преступленіямъ вовсе не приложимы. Наконецъ, чрезъ такое стремленіе ограничить, какъ обыкновенно говорится, произволъ судьи, собственно же разумную его дѣятельность, теряется та простота уложенія, которая, если не есть необходимая его принадлежность, то, по-крайней-мѣрѣ, лучшее его украшеніе. Уложеніе разрастается до чрезвычайной огромности; его постановленія становятся чрезвычайно сложными, запутанными, трудными для впечатлѣнія въ памяти, а чрезъ то замедляется самое судопроизводство, увеличивается число процессовъ, и, вообще, правосудіе несравненно болѣе теряетъ отъ такого стѣсненія судей, нежели потеряло бы оно отъ ихъ произвольнаго образа дѣйствованія. Да и возможно ли ограничить какими бы-то ни было внѣшними средствами произволъ судей, если они сами себя не ограничиваютъ?

f) Опредѣленіе понятія о заговорахъ и шайкахъ безъ точнѣйшаго ихъ ограниченія. Судьѣ, нашедшему эти опредѣленія въ общей части уложенія, будутъ представляться, пожалуй, заговоры и шайки въ каждомъ преступленіи, а потому онъ будетъ присуждать всегда къ слишкомъ тяжкимъ наказаніямъ.

g) Постановленіе такого общаго начала, что всѣ преступленія сами собою, а не только, напр.,

по желанію частнаго лица, подлежатъ оффиціальному изслѣдованію. Конечно, это справедливо, но какъ правило, допускающее исключенія. Какъ было бы, напр., жестоко начинать оффиціальное слѣдствіе въ такомъ случаѣ, гдѣ надобно щадить деликатныя семейныя отношенія, гдѣ доброе имя семейства можетъ пострадать чрезъ формальное изслѣдованіе дѣла, гдѣ оскорбленный преступленіемъ (напр. мужъ, котораго жена нарушила вѣрность, отецъ котораго дочь вдалась въ обманъ соблазнителя и т. п.) считаетъ его извѣстность гораздо большимъ для себя несчастіемъ, нежели то, чего уже нельзя воротить — самый фактъ преступленія, нежели безнаказанность преступника!

h) Принятіе за общее начало, что каждый гражданинъ, подъ страхомъ наказанія, обязанъ доносить о преступленіи ему извѣстномъ. Эта обязанность не можетъ быть принята за общее правило потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была бы слишкомъ тяжка и даже невыполнима, гдѣ, напр., близкія родственныя связи дѣйствуютъ сильнѣе, нежели страхъ наказанія. Можно ли ожидать, чтобы чадолюбивый отецъ предалъ свою дочь, виновную въ прелюбодѣяніи, въ руки карающаго правосудія?

i) Постановленіе общаго правила, что извѣстныя, въ законѣ означенныя лица всегда и безусловно къ свидѣтельству въ дѣлѣ уголовномъ не допускаются. Конечно, есть такія лица, которыя, въ большей части случаевъ или подъ извѣстными условіями, къ свидѣтельству допускаемы быть не могутъ; но постановлять это общимъ правиломъ не

должно. Напротивъ, въ каждомъ данномъ случаѣ судьѣ должно предоставить право судить о способности лица къ свидѣтельству: иначе самъ законъ лишитъ иногда судью достовѣрнаго доказательства и принудитъ его отпустить истинно-виновнаго безъ наказанія.

k) Постановить общимъ правиломъ, что не должно наказывать за такія дѣянія, которыми ничьи права, общественный порядокъ и спокойствіе еще не нарушены. Развѣ не должны быть наказаны дѣянія, отъ которыхъ предстоитъ опасность такого нарушенія? Въ такомъ случаѣ всѣ, напр., полицейскіе проступки, всѣ опасныя тайныя общества не должны бы быть наказываемы, что совершенно противно здравому смыслу.

l) Чрезмѣрное дѣленіе уложенія на части. Отъ этого уложенія лишается надлежащей простоты, краткости и удобства при обозрѣніи всего его состава.

Сюда же относятся слѣдующія правила уголовной кодификаціи:

1. То, что принадлежитъ къ общей части уголовнаго уложенія, не должно быть включаемо въ особенную и наоборотъ: иначе судья будетъ принимать общее за особенное и наоборотъ.

2. Съ особенною осторожностію должны быть постановляемы хотя и общія, но необходимыя положенія и правила, напр. о возрастѣ, въ которомъ преступникъ подлежитъ уголовному наказанію вообще, смертной казни и т. п., о обстоятельствахъ, увеличающихъ или уменьшающихъ вину и т. п.

3. Должно избѣгать всѣхъ излишнихъ повтореній: иначе уголовное уложеніе лишится краткости, обозримости и даже поведетъ иногда къ недоразумѣніямъ.

4. Такія постановленія, которыхъ содержаніе, по современному состоянію уголовнаго права или даже по простому здравому разсудку, не подлежатъ никакому сомнѣнію (такъ что судья и вообще гражданинъ не иначе бы судилъ и дѣйствовалъ, когда бы даже этихъ постановленій совсѣмъ не было) должны быть исключены изъ уголовнаго уложенія, какъ совершенно излишнія и безъ нужды затемняющія всѣмъ извѣстное: такъ напр. постановленіе, что въ томъ случаѣ, если члены какого-либо общества совершатъ преступленіе, наказанію подлежатъ только эти члены, т. е. виновные, а не все общество, т. е. не невинные.

5. Изъ уголовнаго уложенія должны быть исключены такія общія выраженія, которыя для судьи не служатъ вѣрными руководителями, такъ что онъ изъ нихъ ничего не узнаетъ новаго, и что для него все равно, есть ли онѣ въ уложеніи, или ихъ нѣтъ. Сюда относятся слѣдующія обыкновенныя прибавки: *по обстоятельствамъ; на основаніи законовъ; по всей строгости законовъ; въ весьма важныхъ случаяхъ* и т. п.

6. Основаніе (ratio) закона не должно быть вносимо въ уложеніе: lex moneat non doceat (законъ повелѣваетъ, а не учитъ). Неисполненіе этого правила превратитъ уложеніе въ ученый комментарій, слишкомъ увеличитъ его объемъ и поведетъ на практикѣ къ ложнымъ выводамъ.

7. Не должно вносить въ сословъ уложенія такихъ постановленій, которыя, по самому своему свойству, подвержены частымъ измѣненіямъ, или, вообще, не могутъ войти въ составъ *уголовнаго* уложенія, напр. подробныя правила о содержаніи обвиняемыхъ и преступниковъ, о платѣ тѣмъ лицамъ, которыя участвуютъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, о построеніи тюремъ, инструкціи тюремнымъ надсмотрщикамъ, начальникамъ и пр. п. Такія постановленія должно издать отдѣльно отъ уголовнаго уложенія, чтобы не было необходимости часто его измѣнять и чтобы не включать въ его составъ ничего разнороднаго, затрудняющаго его обозрѣніе, нарушающаго его систему и пр. д.

8. Въ составъ уголовнаго уложенія не должны быть вносимы такія постановленія, которыя увеличиваютъ только число доносовъ; напр. общая обязанность доносить о преступленіяхъ подъ страхомъ наказанія, обѣщаніе простить соучастниковъ въ преступленіи, если они объ немъ донесутъ, награжденіе доносчиковъ и пр. п. Конечно, есть случаи и есть преступленія, въ которыхъ это почти неизбѣжно, но уложеніе должно всегда помнить, что побужденіе къ доносамъ ужасно портитъ народную нравственность, что доносы сами по себѣ весьма не достовѣрны, что обязанность доносить не можетъ быть, какъ выше показано, сдѣлана общимъ правиломъ и пр.

9. Уголовное уложеніе не должно забывать разности между уголовнымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ судья, обыкновенно, довольствуется только *фор-*

мальною истиною, а въ уголовномъ — дѣло идетъ объ изысканіи *матеріальной* истины. Поэтому въ гражданскомъ процессѣ допускаются многія такія предположенія, догадки и т. п., которыя допустить въ уголовномъ было бы весьма опасно. Напр. признаніе въ гражданскомъ судопроизводствѣ, гдѣ истецъ и отвѣтчикъ могутъ отказаться отъ своего права, уже иногда имѣетъ силу, если даже не доказано, что это признаніе истинно; напротивъ, особенная важность уголовнаго судопроизводства требуетъ, чтобы сила признанія, какъ доказательства, приведена была въ соотношеніе съ прочими доказанными уже обстоятельствами дѣла, съ которыми признаніе должно вполнѣ согласоваться такъ, чтобы нельзя было сомнѣваться въ истинѣ признанія и чтобы слѣд. не былъ наказанъ невинный. Далѣе, многія доказательства, имѣющія силу въ гражданскомъ судопроизводствѣ, не должны быть допускаемы въ уголовномъ, напр. дополнительная и очистительная присяга, потому что и обвиняемый, и обвинитель легко могутъ впасть въ клятвопреступленіе.

Вотъ важнѣйшія правила уголовной кодификаціи и вмѣстѣ важнѣйшія ея затрудненія, которыя здѣсь могли быть представлены, конечно, только въ бѣгломъ очеркѣ.

Какъ бы, впрочемъ, ни удачно разрѣшены были эти затрудненія, какъ бы хорошо ни было составлено уголовное уложеніе, оно никогда не можетъ быть совершенно, а, напротивъ, должно безпрестанно усовершенствоваться. Важнѣйшими средствами къ его усовершенствованію могутъ быть почитаемы слѣдующія:

1) Учрежденіе постоянной уголовной коммиссіи, которая бы, съ одной стороны, разрѣшала всѣ сомнѣнія, недоразумѣнія, вопросы и т. п., возникающіе вслѣдствіе примѣненія уголовнаго уложенія, а съ другой — была бы постояннымъ органомъ его усовершенствованія.

2) Дозволеніе и даже поощреніе къ изданію юридическихъ сочиненій, сборниковъ, журналовъ и т. п., въ которыхъ бы уголовное право было съ приличіемъ, съ добросовѣстностію, безъ всякого злостнаго намѣренія излагаемо, объясняемо, развиваемо и т. д., въ которомъ бы представляемы были замѣчанія объ уголовномъ уложеніи, оказавшіяся на практикѣ неудобства въ его примѣненіи и т. д.

3) По временамъ подвергать уголовное уложеніе, все или по частямъ, основательному пересмотру, для чего, впрочемъ, опредѣленнаго срока нельзя назначить.

4) Обязать тѣ мѣста и лица, которыя прилагаютъ уголовное уложеніе на практикѣ, представлять коммиссіи встрѣчающіяся притомъ затрудненія, сомнительные случаи и самое ихъ рѣшеніе, съ приведеніемъ на то причинъ, чтобы коммиссіи дать средство судить о томъ, такъ ли прилагается уголовное уложеніе, въ чемъ и въ какой степени нужны въ немъ измѣненія.

5) По временамъ ревизовать судебныя мѣста, имѣя въ виду особенную цѣль — открытіе недостатковъ какъ въ уголовныхъ законахъ, такъ и въ ихъ приложеніи.

6) Наконецъ, замѣщать судейскія мѣста только людьми способными и честными. Какъ бы ни было

хорошо законодательство, оно не принесетъ ожидаемыхъ и желанныхъ плодовъ, если дурные судьи будутъ завѣдывать правосудіемъ. Напротивъ, самое несовершенное законодательство въ рукахъ хорошихъ судей можетъ дѣйствовать благодѣтельно. Неспособный судья будетъ по невѣдѣнію прилагать неправильно законъ, а безсовѣстный тамъ будетъ руководиться страстями, гдѣ страсти должны умолкнуть, а говорить одинъ законъ. Тогда исчезнетъ довѣренность народа къ правосудію, а гдѣ этой довѣренности нѣтъ, тамъ безсильны самые лучшіе законы, тамъ начнетъ гнѣздиться въ народѣ порча, безнравственность, исчезнетъ уваженіе не только къ исполнителямъ законовъ, но и къ самому закону; тамъ станетъ царствовать беззаконіе, безначаліе, которыя подорвутъ всѣ основы общественнаго быта и доведутъ общество до упадка, до разрушенія.

XII. Продолженіе процесса г-жи Лафаржъ.

Засѣданіе второе (4 сент.).

Въ 9 часовъ ввели г-жу Лафаржъ въ присутствіе. Она опиралась на своего врача. Нѣсколько минутъ разговаривала она съ г-номъ Палье.

Президентъ, изъ уваженія къ разстроенному здоровью обвиняемой, отложилъ вопросы о ея нравственности на другое время; а теперь приступилъ къ слушанію свидѣтелей.

Г. *Леспинасъ*, управляющій помпадурскимъ конскимъ заводомъ, 35-ти лѣтъ отъ роду, показалъ слѣдующее:

„12-е генваря я приходилъ узнать о здоровьи г-на Лафаржъ, видѣлъ только на минуту г-жу Лафаржъ, не болѣе четверти часа пробылъ я въ Гландье; не видалъ ничего и ничего не знаю, относящагося къ процессу. Послѣ доходили до меня разные слухи, но самъ я ничего не видалъ. Во время моего посѣщенія я видѣлъ г-на Лафаржъ, но онъ не могъ говорить со мною. Г-жа Лафаржъ была печальна и выразила свою грусть, сказавъ мнѣ: „Я съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда Карла, а теперь я имѣю несчастіе видѣть его больнымъ.“ Я

давно уже знакомъ съ г-номъ Лафаржъ; онъ былъ права кротказго и я всегда имѣлъ къ нему величайшую довѣренность. Всѣ его семейныя отношенія были мнѣ извѣстны; онъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ женѣ своей и съ рѣдкою дѣятельностію занимался своимъ заводомъ.

Генералъ-адвокатъ. Я призвалъ васъ сюда изъ опасенія, которое не подтвердилось. Нѣкоторые слухи такъ распространились, что если бы на семейство г-па Лафаржъ пало ужасное обвиненіе въ отравленіи, то готовъ уже адвокатъ для его опроверженія. Но этого не будетъ, я въ томъ увѣренъ. Скажите однако, каковъ былъ нравъ и обычай г-па Лафаржъ, каковъ былъ образъ его жизни съ тѣми, кто его окружали? Скажите также, правда ли, что домъ въ Гландье печаленъ и непріятенъ?

Палье. Столько многочисленныхъ слуховъ дошло до свѣдѣнія прокуроровъ, что обвиняемая и сами присяжные вправѣ на многіе жаловаться. Это будетъ извѣстно.

Леспинасъ. Лафаржъ былъ человѣкъ съ разсудкомъ здравымъ, исполненъ деликатности, и домашнимъ старался нравиться. Мѣстоположеніе Гландье въ долинѣ очень печально, но домъ ничего не представляетъ непріятнаго. Комнаты г-жи Лафаржъ были очень приличны и сообразны состоянію. Впрочемъ, воспитаннымъ въ Парижѣ, пребываніе въ Гландье могло казаться непріятнымъ.

Президентъ. Прошу обвиненную объяснить намъ, какимъ образомъ, при такомъ показаніи этого свидѣтеля, могла она жаловаться на обхожденіе съ нею мужа?

Г-жа Лафаржъ (голосомъ слабымъ, но рѣшительно). Я сказала вчера истинную правду.

Леспинасъ. Мнѣ неизвѣстно, чтобы г-нъ Лафаржъ былъ человѣкъ неумѣренный.

Пальё. Обвиняемая отдаетъ первая полную справедливость умѣренности своего мужа, только говоритъ, что однажды, въ Юзершѣ, онъ отступилъ отъ своего обыкновенія. Впрочемъ, то, что происходило въ Юзершѣ и Орлеанѣ, доказано.

На вопросы генералъ-адвоката и президента Леспинасъ отвѣчалъ: „Я только три раза видѣлъ супруговъ въ ихъ домашнемъ быту и не зналъ ничего изъ ихъ между собою отношеній. Я слыхалъ, что г-жа Лафаржъ занималась разными улучшеніями Глайдье; помню даже, что она мнѣ говорила о своемъ желаніи украсить его, но не помню, чтобы говорила объ англійскомъ садѣ и о постройкѣ жилищъ для слугъ.

„Я приходилъ провѣдать о здоровьѣ Лафаржа въ самый день его смерти; видѣлъ г-жу Лафаржъ-мать и г-жу Бюфферъ, которыя сообщили мнѣ подозрѣнія свои на счетъ отравленія и показали мнѣ нѣкоторые сосуды. Г-жа Бюфферъ сказала, что дѣвица Брэнъ видѣла, какъ обвиняемая клала бѣлой порошокъ въ чашу, которую мнѣ показали; въ ней дѣйствительно увидѣлъ я остатки этого порошка. Также показали мнѣ сухарную воду, гдѣ, по ихъ мнѣнію, былъ мышьякъ, и сказали, что яичную похлебку отослали въ Юзершъ для химическаго изслѣдованія.“

Барду, врачъ г-на Лафаржъ, объявилъ слѣдующее: „Въ ночи съ 4 на 5 генваря призвали меня къ

больному г-ну Лафаржъ. Лицо больнаго было красно, рвота частая, пульсъ спокоенъ. Г. Лафаржъ сказалъ мнѣ, что передъ отъѣздомъ изъ Парижа съ нимъ была подобная болѣзнь, и что она возобновилась при возвращеніи его въ Гландье. Г-жа Лафаржъ сказала, что мужъ ея покушалъ трюфелей, и я предположилъ, что это несваренiе желудка.

Барду сказалъ потомъ, что прописалъ привезти изъ города содовыхъ порошковъ (bi-carbonate de soude), дабы остановить рвоту, и какъ г-жа Лафаржъ попросила его выписать мышьяку для истребленія мышей, то онъ прибавилъ и это предписаніе къ рецепту. „Нѣсколько дней спустя я получилъ письмо отъ г-жи Лафаржъ-матери. Она писала мнѣ, что сыну ея день ото дня хуже. Я поѣхалъ въ Гландье, и, судя по признакамъ, въ письмѣ означеннымъ, вообразилъ, что сынъ ея боленъ переворотомъ кишки (volvulus), потому что въ этой болѣзни останавливаются желудочныя испражненія и онѣ возвращаются ртомъ. Состояніе больнаго принудило меня просить двухъ консультантовъ. Я велѣлъ принести къ себѣ то, чѣмъ рвало больнаго, и больше по запаху, нежели по виду изверженнаго, утвердился въ своемъ предположеніи, вслѣдствіе чего и прописалъ средства противъ предполагаемой болѣзни.

„Ввечеру больному стало нѣсколько получше; консультантовъ не призывали; я не повторилъ просьбы послать за ними и уѣхалъ.

„Ночью прислали мнѣ съ нарочнымъ сказать, что рвота продолжается. Мать г-на Лафаржа пи-

сала, что сыпъ ея чувствуетъ, какъ будто у него въ горлѣ какая-то плева, перепонка, что, конечно, и причиняетъ рвоту. Я взялъ съ собою квасцовъ, и, пріѣхавъ къ г-ну Лафаржъ, вдунулъ ему немножко въ горло, смѣшавъ напередъ съ сахаромъ. Это произвело въ горлѣ г-на Лафаржъ необыкновенное чувство. Онъ почувствовалъ ожогу и очень на то жаловался; можетъ статься и преувеличилъ ощущаемую боль; я пересталъ употреблять это средство.

„8 генваря ничего не произошло замѣчательнаго. Деви, служитель при заводѣ, по моей просьбѣ, пошелъ за другимъ врачемъ. Г-нъ Массена пріѣхалъ 10-го. Онъ думалъ, что рвота произведена судорожными движеніями желудка и что надобно занять его пищей. Такъ какъ бульону не было, то сдѣлали яичную похлебку, чтобы возбудить пищевареніе. Г-нъ Лафаржъ проглотилъ нѣсколько ложекъ, не почувствовавъ ничего необыкновеннаго; но желудокъ не могъ принять этой пищи. Я надѣялся, что нежидкую пищу лучше приметъ желудокъ, и далъ г-ну Лафаржъ немножко хлѣба, размоченнаго въ винѣ; это не возбудило рвоты и осталось въ желудкѣ.

„Тутъ произошло что-то такое, о чемъ я долженъ донести суду. Я самъ былъ боленъ и такъ усталъ, что спѣшилъ уѣхать. Въ это время мать и сестра г-на Лафаржъ принесли мнѣ яичной похлебки, на поверхности которой былъ бѣлый порошокъ. Мнѣ самому показалось это страннымъ. Въ частицахъ яичнаго бѣлка, плавающихъ въ питьѣ, я замѣтилъ что-то порошистое. Признаюсь, въ ту минуту не обратилъ я должнаго на то вниманія. Я ска-

залъ имъ: „Можетъ статься это известка, упавшая въ маленькомъ количествѣ съ перегородки или со стѣны.“ Съ этимъ словомъ я уѣхалъ.

„Въ надеждѣ, что болѣзнь г-па Лафаржъ, начинавшаяся, какъ мнѣ казалось, уменьшаться, совсѣмъ пройдетъ, я послѣ этого къ нему не ѣздилъ. Четыре дня спустя, какъ теперь помню (г-нъ Барду кажется растроганъ), погода была ужасная; мнѣ захотѣлось выѣхать, не смотря на мое нездоровье. Только что сталъ садиться на лошадь, вдругъ узнаю, что бѣдный Лафаржъ умеръ (Барду останавливается въ сильномъ волненіи; слезы мѣшаютъ ему продолжать). Это извѣстіе (продолжаетъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ) меня растерзало: мнѣ досадно было на себя, зачѣмъ я бросилъ бѣднаго Лафаржа! (Снова остановка; голосъ свидѣтеля перерывается рыданьемъ). Одна мысль утѣшила меня: и присутствіе мое въ Гландье не помѣшало бы ему умереть. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Гландье, гдѣ представились бы мнѣ только печальные образы; по дорогой встрѣтилъ я королевскаго прокурора, который туда ѣхалъ. Я изъявилъ ему мое удивленіе. „Не можетъ статься, чтобъ онъ былъ отравленъ, сказалъ я ему, васъ, конечно, обманули. Очень будетъ жаль, если какой-нибудь страстный приверженецъ этого семейства запутаетъ его въ ужасное дѣло, можетъ быть легкомысленно.“ Королевскій прокуроръ отвѣчалъ мнѣ, что обвинителемъ само прокурорство, и спросилъ меня, не поѣду ли и я кстати въ Гландье, чтобы присутствовать при вскрытіи тѣла. Я отвѣчалъ, что желалъ бы этого избавиться, и поѣхалъ своей до-

рогой. Проѣхавъ 6 миль, я перемѣнилъ намѣреніе и отправился въ Глапдьѣ. Тамъ узналъ я отъ многихъ, между прочимъ отъ товарища моего Леспинаса, такія обстоятельства дѣла, которыя поколебали мое убѣжденіе.“

Тутъ свидѣтель входитъ въ техническія подробности, касающіяся вскрытія тѣла. „Жидкости, содержащіяся въ желудкѣ, тщательно собраны въ сосудъ. Желудокъ былъ весь въ багровыхъ знакахъ и съ кровавыми скопленіями между оболочками (des rougeurs, des ecchymoses). Въ двенадцатиперстной кишкѣ (duodénum) оказалось аптоповымъ огнемъ пораженное пятно. Сердце было очень велико и сердцевыя заслоночки (valvules) были краснѣе обыкновеннаго. Нѣсколько уже дней спустя, врачи принялись за изслѣдованіе собранныхъ жидкостей.“

Тутъ свидѣтель разсказываетъ основанія того донесенія, которое будетъ предложено впослѣдствіи. „Сухарная вода, сахарная вода и яичная похлебка произвели *сѣрную смѣсь* (un sulfure) посредствомъ сѣрной кислоты. Эта смѣсь, обращенная въ порошокъ, произвела на горячихъ угляхъ бѣловатый паръ съ запахомъ сильно чесночнымъ. Этотъ порошокъ положили въ стеклянную трубку и начали ее калить, чтобъ осадокъ довести до металлическаго состоянія; но какъ раскаленная трубка слишкомъ стала вытягиваться, то ее заткнули. Расширившійся газъ разорвалъ стекло и все пропало. По первымъ изслѣдованіямъ мы однако же полагали, что тутъ точно былъ мышьякъ. Мы предположили также, что кровавыя скопленія между оболочками (ecchymoses), пораженное аптоповымъ огнемъ пятно въ две-

надпапиперстной кишкѣ (l'escarre gangréneuse du duodenum) произведено пребываніемъ надъ нимъ нѣсколькихъ частицъ мышьяку. Однимъ словомъ, мы думали, что смерть произведена дѣйствительно отравой, мышьяковой окисью (l'acide arsénieux).

„Мы разсматривали кусокъ флапели и не нашли въ немъ ничего; вскипятили флапель въ перегонной водѣ и получили сѣрнокислую мышьяковую соль (sulfate arsénieux).

„Утверждаю, что мы нашли мышьякъ, причинившій смерть г-пу Лафаржъ. Мы производили опыты только надъ одною половиною ввѣренныхъ намъ веществъ.

„10-го числа дана была больному яичная похлебка. Больной проглотилъ одинъ глотокъ, ему показалось пищье невкуснымъ и чрезъ нѣсколько минутъ опъ, по обыкновенію, его изрыгнулъ.

„Не помню, чтобы въ этотъ день случилось что-нибудь замѣчательное. Я взялъ на языкъ немного того, что показывали мнѣ мать и сестра г-на Лафаржъ 11-го числа въ яичной похлебкѣ, и ничего въ то время не почувствовалъ. У меня на языкѣ былъ тогда прыщикъ, и ему-то приписывалъ я ѣдкое ощущеніе, продолжавшееся три или четыре дня сряду. По смерти Лафаржа я подумалъ, что ощущеніе это могло быть произведено мышьякомъ. Когда дамы показывали мнѣ яичную похлебку, то не изъявили притомъ никакого безпокойства.

„Не помню, въ какое именно время, но помню, что однажды, въ бытность мою въ Глапдье, между

свекровью и невѣсткой услышалъ я споръ, и свекровь сказала рѣшительнымъ тономъ: „Угодно вамъ или неугодно, а мнѣ ничто не помѣшаетъ ходить за сыномъ моимъ.“

„Послѣ этого спора, я засталъ г-жу Лафаржъ-мать въ слезахъ въ корридорѣ, и она сказала мнѣ: „горько мнѣ, что меня въ домѣ ставятъ ни во что.“ Г-жа Бюффоръ не говорила мнѣ, что ее хотятъ отдалить.“

Г-жа Лафаржъ (слабымъ голосомъ и сидя въ креслахъ). Кажется, я вчера сказала, что уговаривала только одинъ разъ мою свекровь лечь спать, потому что она была очень утомлена. Мнѣ казалось, что довольно намъ двумъ съ г-жей Бюффоръ ходить за больнымъ.

Барду. Всякой разъ, когда я былъ вблизи Гландье, я заходилъ къ хозяевамъ, и могу только хвалиться добрымъ обхожденіемъ семьи г-на Лафаржъ со мною.

Палье. Прошу замѣтить нѣкоторые факты: 1) хотя свидѣтелю показали яичную похлебку, но тѣмъ не возбудили въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія. 2) Во все теченіе болѣзни, онъ не нашелъ никакого признака, несогласнаго съ обыкновенной острой болѣзнію. 3) Рвота каломъ не есть непремѣнный признакъ отравы. 4) Онъ замѣтилъ присутствіе кала въ томъ, чѣмъ рвало больнаго. 5) 11-го числа онъ вѣрилъ скорому выздоровленію. 6) Яичная похлебка, въ его присутствіи данная, показалась гадкою, безвкусною г-ну Лафаржъ, и его, по обыкновенію, тотчасъ послѣ того вырвало. 7) Когда вскрыли тѣло, то ротъ, устье горла и горло

не представили ни малѣйшаго поврежденія. Эти факты подтверждены г-номъ докторомъ Барду.

Отвѣчая на нѣкоторые вопросы генералъ-адвоката, Барду прибавилъ: „Я не удивился, когда г-жа Лафаржъ попросила у меня мышьяку: мнѣ показалось это очень естественнымъ; она потребовала его явно, въ комнатѣ больнаго и въ присутствіи многихъ лицъ, которыхъ я, впрочемъ, не помню. Долженъ сознаться, что, при второмъ моемъ посѣщеніи, я сказалъ, что молодая г-жа Лафаржъ кажется мнѣ благоразумнѣе всей остальной семьи.

„Споръ, о которомъ я упомянулъ, бывшій между свекровью и невѣсткою, показался мнѣ однимъ изъ обыкновенныхъ споровъ о первенствѣ въ домѣ. Я совѣтовалъ г-ну Лафаржъ употреблять мягчительное питье. Вода съ краснымъ виномъ была не въ одно время предписана. Не помню, чтобъ я совѣтовалъ употреблять камедь.“

Палье подтверждаетъ доводами, что камедь выписана по рецепту доктора.

Отвѣчая на разные вопросы президента и генералъ-адвоката, Барду сказалъ: „Во все время, какъ я бывалъ у г-на Лафаржъ, онъ далекъ былъ отъ того, чтобъ оказывать признаки человѣка оправленнаго. Я не могъ поэтому предписать ему теребиться фланелью, и только во время химическаго изслѣдованія увидѣлъ фланель въ первый разъ. Полагаю, что мышьякъ могъ проникнуть въ тѣло посредствомъ вщиранья, не производя разъѣденія (érosion); впрочемъ, это предположеніе не подтверждено никакимъ опытомъ.“

Юлій Лепинасъ, докторъ медицины въ Люберзакѣ. „Я спалъ спокойно ночью съ 12-го на 13-е генваря, когда меня внезапно разбудилъ слуга, требуя немедленно моей помощи весьма опасному больному. Ко мнѣ ввели человѣка въ широкомъ плащѣ. Видъ его и голосъ имѣли въ себѣ что-то таинственное. Онъ сказалъ мнѣ, что г-нъ Лафаржъ тяжко болѣнъ и что подозрѣваютъ отраву, и просилъ непремѣнно пріѣхать. Я поспѣшно всталъ.

„Мы пріѣхали въ Гландье въ три часа поутру. Я немедленно пошелъ къ больному. Онъ былъ блѣденъ и очень худъ; колотье, икота и судорога почти не оставляли его; онъ метался въ жестокомъ волненіи, потомъ ослабѣвалъ и терялъ чувства. Во время слабости онъ отдалялъ отъ себя всѣхъ окружающихъ.

„Я прописалъ ему желѣзную перекись (peroxide de fer). Уходя отъ больнаго, я встрѣтилъ г-жу Лафаржъ. Она шла изъ своей компаты, подошла ко мнѣ и ласково поблагодарила меня за поспѣшность, съ которою я пріѣхалъ къ ея мужу.

„Я озябъ; разложили огонь, и завязался разговоръ между г-жею Бюфферъ, дѣвицею Брэнъ и мною. Сперва говорили о болѣзни г-на Лафаржъ, потомъ разговоръ взялъ другой оборотъ. Г-жа Лафаржъ сказала, что ей весело будетъ ѣздить верхомъ въ Гландье. Я замѣтилъ ей, что по дорогамъ, окруженнымъ пропастями и рвами, это удовольствіе можетъ быть опаснымъ. „Я не боюсь смерти“ отвѣчала она мнѣ. (Движеніе въ аудиторіи).

„Мы уговорили г-жу Лафаржъ лечь отдохнуть. Когда она вышла, разговоръ сдѣлался свободнѣе. Я

сказалъ откровенно мнѣніе свое о состояніи г-на Лафаржъ. Г-жа Бюфферъ вскрикнула: „Ахъ, несчастная (сказала она о г-жѣ Лафаржъ), она его отравила!“ Тогда дѣвица Брэнъ сказала, что видѣла, какъ г-жа Лафаржъ брала бѣлый порошокъ и клала его въ питье, и что отвѣчала на вопросъ, что такое кладетъ она: — „Это померанцовый цвѣтъ.“

„Я спросилъ, сберегли ли какое-нибудь питье. Г-жа Лафаржъ-мать вошла въ это время и показала мнѣ сухарную воду, въ которой я замѣшилъ бѣлый порошокъ. На комодѣ собралъ я перушкомъ немного разсыпаннаго порошку; онъ на огнѣ загорѣлся. Дѣвица Брэнъ отворила ящикъ комода и показала мнѣ маленькую баночку съ бѣлымъ порошкомъ; я взялъ съ собою оттуда нѣсколько порошку.

„Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Гландье, г-жа Бюфферъ сказала мнѣ, что братъ ея не вѣритъ возможности отравы, и просила меня его предостеречь. Я подошелъ къ нему и сказалъ: „Вы вѣрно принимаете что-нибудь вамъ вредное.“ Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Очень жаль; постарайтесь узнать, и я буду жаловаться.“

„На другой день г-жа Лафаржъ была очень печальна; она огорчалась холодностію къ ней мужа. Я примѣтилъ, что слезы навернулись на ея рѣсницахъ. Она подошла къ постели больнаго и подала ему что-то на ложкѣ. Онъ узналъ жену и сдѣлалъ знакъ, ее отталкивающій.

„Я ночевалъ въ Гландье. Ночью мы услышали, что молодая г-жа Лафаржъ, бывшая въ своей комнатѣ, имѣетъ позывъ ко рвотѣ. Слыша, какъ ее

рвешъ, мы сказали: „Если она приняла яду, желательно, чтобы пріемъ былъ посильнѣе, чтобъ ужъ ей не встать.“ (Сильное движеніе).

„Наконецъ, въ 6 часовъ утра г-нъ Лафаржъ умеръ, а въ 8 я уѣхалъ.“

Президентъ свидѣтелю. Хорошо ли вы помните, что г-жа Бюфферъ сказала, когда говорили объ отравленіи: „О, несчастная, это она отравила?“ *Отв.* Очень помню эти слова.

Президентъ обвиняемой. Вчера вы сказали, что въ комодѣ у васъ не было никакой баночки; однако же свидѣтель показываетъ, что видѣлъ ее.

Отв. Утверждаю, что никогда не ставила и не видала никакой баночки.

В. Однако же баночка тамъ стояла: это вѣрный фактъ. Кто, думаете вы, могъ ее тамъ поставить? *О.* Я не могу предложить никакой догадки.

Палье свидѣтелю. Вамъ показали баночку при первомъ или при второмъ вашемъ посѣщеніи? *О.* Кажется при второмъ, но навѣрное сказать не могу.

В. Ящикъ былъ запертъ? *О.* Нѣтъ.

В. Такъ что каждый могъ отворить его? *О.* Да.

В. Какъ же вы не говорили г-жѣ Лафаржъ объ этой баночкѣ, если увѣрились, что въ ней находится мышьякъ? *О.* Я былъ призванъ какъ врачь и не имѣлъ духу въ ея присутствіи начать подобный разговоръ.

В. Подозрѣнія, изъявленныя вамъ г-номъ Лафаржъ, сами пришли ему на мысль, или внушены

были кѣмъ-нибудь? *О.* Лафаржъ очень любилъ жену свою; думаю, что подозрѣнія, которыя онъ мнѣ выразилъ, были ему внушены.

В. Куда дѣвались приготовленныя для питья жидкости съ минуты приготовленія до времени химическаго ихъ изслѣдованія? *О.* Не знаю.

В. Увѣрены ли вы, что во флапелѣ былъ мышьякъ? *О.* Увѣренъ.

Палье. Замѣтьте это обстоятельство. Г-нъ генералъ-адвокатъ не обращаетъ большаго вниманія на бывшій во флапелѣ мышьякъ; мнѣ это кажется важнымъ. Слѣд. доказано, что во флапелѣ былъ мышьякъ.

Засѣданіе прекращено. Ужасно жарко; не смотря на то, г-жѣ Лафаржъ принесли грѣлку съ жаромъ. Когда собралось опять присутствіе, то снова стали отбирать показаніе свидѣтелей.

Засѣданіе вечернее.

Августъ Турнадуръ, докторъ медицины, 26-ти лѣтъ, живущій въ Бривѣ, присутствовалъ, вмѣстѣ съ другими, при вскрытіи тѣла г-на Лафаржъ, и при химическихъ изслѣдованіяхъ желудка и напитковъ. Онъ повторяетъ передъ присяжными прежнее показаніе, внесенное въ протоколъ. Президентъ велитъ прочесть его.

Донесеніе о вскрытіи тѣла.

Мы нижеподписавшіеся, по востребованію г-на Лашапель, слѣдственнаго судьи при Бривскомъ гражданскомъ судѣ, отправились въ Глайдье, Бейс-

сакской общины, Люберзакскаго кантона, для вскрытія тѣла Карла Іосифа Пушъ-Лафаржа, умершаго 14 генваря 1840 года въ 6 часовъ утра. Приведенные къ присягѣ, мы свидѣтельствуемъ слѣдующее:

Трупъ представлялъ совершенную оцѣпенѣлость (régidité cadavérique); не было никакого наружнаго поврежденія, выключая двухъ кровоизліяній (ecchymoses) на каждомъ локтиномъ сгибѣ (articulations humero-cubitales), произведенныхъ цѣмъ, что больной на эти мѣста опирался во время рвоты. Мозгъ не представляетъ также никакого явнаго поврежденія ни на поверхностяхъ, ни въ существѣ (parenchyme). Сердце велико, но безъ разрастанія (sans etre hypertrophié); составъ его мягокъ; правыя его полости наполнены жидкою неразложившеюся кровью; легкій розовый цвѣтъ покрываетъ заслоночки митровидную и трехзубчатую (les valvules mitrales et tricuspide). Лѣвое легкое гораздо меньше праваго, но въ обоихъ никакого замѣтнаго поврежденія. Слизистая оболочка желудка (membrane muqueuse de l'estomac) около желудочнаго входа (dans la région cordiaque) представляетъ красныя пятна (plaques rouges) довольно въ большомъ количествѣ; но она не размягчена (pas rammollie). Двенадцатиперстная кишка (duodénum) не представляетъ также ничего на наружной поверхности; слизистая оболочка ея (sa muqueuse) немного размягчена (rammollie) и представляетъ пятно темнаго цвѣта (présente une plaque d'un noir foncé). Желудокъ и двенадцатиперстная кишка (duodénum) содержатъ во внутренности вязкую черноватую жидкость (un liquide noirâtre soyeux), которую мы сохранили вмѣстѣ съ этими обоими органами. Та

часть кишечнаго канала (tube intestinal), которая идетъ отъ двенадцатиперстной кишки (duodénum) до конца тощей кишки (intestin grêle), не представляетъ ничего особеннаго, выключая того, что въ слизистой оболочкѣ послѣдней (muqueuse) являетъ слѣды воспаленія (phlegmasie).

Печенка больше обыкновеннаго, но ея ткань не представляетъ никакого измѣненія. Мы забыли сказать, что во рту, въ пищепріемномъ горлѣ (pharynx) и въ пищепріемникѣ (oesophage) не было никакого поврежденія. Въ присутствіи слѣдственнаго судьи, мы собрали изверженныя рвотою вещества, жидкости, заключавшіяся въ желудкѣ, и пищья, которыя употреблялъ больной, для химическаго изслѣдованія.

Гландье, 16го генваря 1840. На подлинникѣ подписано: *Массена, Турнадуръ, Дальби и Леспинасъ.*

Донесеніе врачей, присяжныхъ химиковъ.

Мы нижеподписавшіеся, доктора медицины, доносимъ, что, по востребованію слѣдственнаго судьи Бривскаго гражданскаго суда, мы собрались въ нашей лабораторіи 19го генваря 1840, чтобы химическимъ образомъ изслѣдовать разныя питательныя вещества, лекарства и жидкости, находившіяся въ желудкѣ г-на Карла Іосифа Пушъ-Лафаржъ, умершаго въ Гландье 14 генваря 1840 г. Мы подвергли изслѣдованію часть данныхъ намъ веществъ и оказалось слѣдующее:

Первый анализъ. Яичная похлебка. Мы слили часть яичной похлебки, подвергли ее дѣйствію во-

досѣрной кислоты (acide hydrosulfurique), прибавили нѣсколько капель водохлоровой кислоты (acide hydrochlorique) и получили зеленовато-желтый (jaune serin), клочковатый (floconneux) осадокъ, совершенно распускающійся въ чистомъ аммоніакѣ (ammoniaque). Часть порошка, отсѣвшаго въ чашкѣ, гдѣ была яичная похлебка, высушили мы, приблизивъ къ горячимъ угольямъ, потомъ, смѣшавши съ равною частію углекислаго поташа (carbonate de potasse), положили въ стеклянную трубку, которую разожгли до красна. Этотъ опытъ далъ намъ крупинки сѣрыя, блестящія, произведенныя, по нашему мнѣнію, присутствіемъ металлическаго мышьяка. Другую часть бросили мы на горячіе угли и тотчасъ поднялся бѣлый паръ чесночнаго запаха, который мы собрали на мѣдную очищенную пластину (lame de cuivre décapé). На этотъ паръ, сгустившійся на мѣдной пластинкѣ, каппули мы каплю раствора сѣрнокислой педокиси аммоніакальной мѣди (deuto-sulfate de cuivre ammonical), и капля позеленѣла.

Второй анализъ. Сухарная вода. Мы процѣдили эту жидкость, часть ея смѣшали съ водосѣрной кислотою (acide hydrosulfurique) и получили желтый (jaune serin), клочковатый (floconneux) осадокъ, распускающійся въ аммоніакѣ (ammoniaque); налитый въ часть той же жидкости, онъ далъ зеленый осадокъ. Остатокъ сухарной воды мы высушили, и съ равнымъ количествомъ углекислаго поташу (carbonate de potasse) и угля положили въ стеклянную трубку, которую разожгли до красна. На краяхъ трубки примѣтили мы блестящія крупинки, и предположили, что это металлическій мышьякъ.

Третій анализъ. Сахарная вода. Процѣженная и подверженная дѣйствію водосѣрной кислоты (acide hydrosulfurique) сахарная вода сильно пожелтѣла. Жаръ произвелъ желтый (jaune serin) осадокъ, совершенно распустившійся въ аммоніакѣ (ammoniaque).

Четвертый анализъ. Пиво. Пропустивъ его чрезъ уголья для очищенія отъ всякого цвѣту, мы подвергли дѣйствію водосѣрной кислоты (acide hydrosulfurique), и не получили никакого измѣненія. Кислота водохлоровая (acide hydrochlorique) тоже не произвела никакого измѣненія въ жидкости.

Пятый анализъ. Камедистая вода (eau de gomme). Въ ней не нашли мы ничего похожаго на мышьякъ.

Шестой анализъ. Сахаръ въ порошкѣ. Никакого резульшата.

Седьмой анализъ. Жидкость, находящаяся во рвотѣ. Часть этой жидкости согрѣтая, процѣженная и подверженная водосѣрной кислотѣ (acide hydrosulfurique) немного пожелтѣла; нѣсколько капель водохлоровой кислоты (acide hydrochlorique) не произвели никакой перемѣны.

Осьмой анализъ. Жидкость, бывшая въ желудкѣ, и желудокъ. Когда отняли цвѣтъ, посредствомъ животнаго угля, и процѣдили, то смѣшали часть этой жидкости съ такою же частію процѣженной воды, въ которой прежде кипятили часть желудка. Эти соединенныя жидкости налиты въ колбу и съ примѣсью селитренной кислоты доведены до кипѣнья: паръ испаряющійся былъ нѣсколько подцвѣченъ. Тогда мы напитали жидкость углекислымъ

поташомъ (carbonate de potasse). Накопецъ, мы прибавили много сѣрной и нѣсколько капель водохлоровой кислоты; клочковатый осадокъ желтаго цвѣта (jaune serin) собранъ былъ нами на цѣдилку, куда мы влили равную часть перегонной воды и аммоніака. Жидкость, вновь процѣженная и передвоенная въ песочной банѣ (chauffée au bain de sable), доставила намъ, по совершенной высушкѣ, желтый осадокъ, который мы всыпали въ стеклянную трубку съ равною частію угля и углекислаго поташу. Эту смѣсь разогрѣли мы на легкомъ огнѣ, чтобъ освободить отъ всякой сырости. Потомъ мы вытянули (effilé) трубку и разожгли до красна; но стекло лопнуло, потому что по неосторожности запкнули его плотно (hermétiquement), и мы не могли получить никакого результата.

Изъ всѣхъ опытовъ мы выводимъ слѣдующее:

1) Что въ яичной похлебкѣ находилось очень много мышьяковой кислоты.

2) Что въ сухарной водѣ была также мышьяковая кислота.

3) Что въ сахарной водѣ была тоже мышьяковая кислота.

4) Что пиво, камедистая вода (l'au de gomme) и сахаръ въ порошкѣ не содержали въ себѣ ничего ядовитаго.

5) Что въ рвотѣ не было мышьяковой кислоты, по-крайней-мѣрѣ этого не показали реагенціи.

6) Что жидкости, въ желудкѣ находившіяся, и желудокъ содержали мышьяковую кислоту.

7) Что смерть Карла Іосифа Пушъ-Лафаржъ произведена чрезъ всасываніе мышьяковой кислоты.

P. S. Мы забыли сказать объ опытѣ, произведённомъ надъ флапелью, которой терли г-на Лафаржъ.

Вотъ слѣдствіе нашего опыта: одну часть этой флапели вскипятили мы въ перегонной водѣ и часть полученной жидкости, процѣдивъ, подвергли дѣйствію сѣрной кислоты съ примѣсью нѣсколькихъ капель водохлоровой кислоты. Такъ получили мы осадокъ клочковатый, желтоватый (jaune serin), распустившійся въ аммоніакѣ.

Написано и подписано въ нашей лабораторіи. Бривъ, 22 генваря 1840.

Подписано: *Турнадуръ*, *Дальби*, *Массена*, *Барду*, *Лафоссъ* и *Леспинасъ*.

По прочтеніи этого донесенія, президентъ продолжалъ допросъ г-ну Турнадуръ.

Президентъ. Вы истребили всѣ эти вещества, всѣ жидкости, данныя вамъ для изслѣдованія?

Турнадуръ. Разумѣется, нѣтъ. Мы истребили только четверть, много-что половину. Довольно осталось еще для двухъ или трехъ опытовъ.

Г. Генералъ-адвокатъ. Производили ли вы опытъ надъ мышиной отравой, которую вамъ дали?

Турнадуръ. Производили. Мышьякъ оказался только въ томъ пакетѣ, который переданъ былъ намъ докторомъ Леспинасомъ. Этотъ пакетъ, изслѣдованный нами, содержалъ въ себѣ чистую мышьяковую кислоту. Не было ни порошинки мышьяку въ отравѣ, приготовленной для мышей, и въ томъ

пакетъ, который зарытъ былъ слугою. Въ немъ нашли содовый порошокъ (bi-carbonate de soude).

Президентъ. Вы присутствовали при всѣхъ химическихъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ въ Бривѣ? *О.* Присутствовалъ.

В. Вамъ дали для разложенія пакетъ съ бѣлымъ порошкомъ, доставленный королевскому прокурору однимъ слугою въ Гландье по имени Барду (это не врачь). Онъ утверждалъ, что нашелъ этотъ пакетъ въ грѣлкѣ г-жи Лафаржъ-матери? *О.* Такъ, г-нъ Президентъ, я помню этотъ пакетъ; мы изслѣдовали порошокъ, въ немъ бывшій; тутъ не было мышьяку; кажется, что тутъ были квасцы; онъ имѣлъ ѣдкій вкусъ, похожій на квасцы, но яду тамъ не было.

Президентъ. Я обязанъ дать г-дамъ присяжнымъ на этотъ пунктъ объясненіе. Дѣйствительно, служитель Иванъ Барду, убирая комнаты, нашелъ, какъ онъ говоритъ, пакетъ съ бѣлымъ порошкомъ въ грѣлкѣ г-жи Лафаржъ-матери. Онъ отнесъ, говоритъ, пакетъ въ Бривъ и показалъ стряпчему (avoué), который, мимоходомъ скажу, участвовалъ въ первомъ процессѣ г-жи Лафаржъ. Не входя въ разборъ намѣреній этого муниципальнаго чиновника, прибавлю, что онъ посовѣтывалъ Ивану Барду отнести пакетъ королевскому прокурору. Барду не тотчасъ послѣдовалъ его совѣту; чрезъ нѣсколько дней возвратился онъ опять въ Бривъ и тутъ отнесъ пакетъ г-ну прокурору. Понимаете, г-да присяжные, какъ приятно было это открытіе, послѣ столькихъ подозрѣній, возникшихъ въ этомъ

дѣлѣ. Г. Генералъ-адвокатъ упомянулъ уже объ этихъ подозрѣніяхъ. Суду необходимо было знать, что это за порошокъ, и потому велѣлъ и его подвергнуть химическому анализу. Вы слышали, каковъ результатъ изслѣдованія.

Франциск Массена, 43 лѣтъ, парижскій врачь, нѣкогда жившій въ Бривѣ, призванный въ Гландье во время болѣзни г-на Лафаржъ. Онъ утверждаетъ, что, не смотря на то, что лопнуло стекло, содержавшее осадокъ, отрава не подвержена сомнѣнію. Впрочемъ, говоритъ онъ, это донесеніе сообщено г-ну Орфила и получило его одобреніе.

Президентъ. По какому поводу спрашивали вы одобренія г-на Орфила? *О.* Я ученикъ г-на Орфила, и, совѣтовавшись съ нимъ о нѣкоторыхъ моихъ трудахъ, при этомъ сказалъ ему о дѣлѣ Лафаржъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я думаю, что васъ помучатъ за то, что лопнула трубка, но результатъ вашего опыта чрезъ то нисколько не становится сомнительнѣе.“

„Это говорилъ мнѣ г-нъ Орфила 20 іюня. Послѣ, услышалъ я, что ему приписываютъ другія слова; я написалъ къ нему, и вотъ отвѣтъ его отъ 31 іюля:

„Вамъ не такъ сказали, какъ было. Никогда мнѣ не поручали изслѣдовать тѣло и жидкости, вами уже изслѣдованныя; я совершенно въ этомъ дѣлѣ не замѣшанъ.“

Г. Палье. Ваше письмо отъ 31 іюля; я, въ свою очередь, хотѣлъ объясненія, и такъ какъ г-нъ Орфила по этой части есть царь науки, то прибѣг-

нулъ къ нему съ вопросомъ, и вотъ письмо, которымъ онъ мнѣ отвѣчаетъ отъ 20 августа.

„Парижъ, 20 августа.

„М. Г.!

„Письмомъ вашимъ; отъ 17 числа текущаго мѣсяца, вы спрашиваете, достаточно ли доказано присутствіе мышьяковой кислоты, когда смѣшаніемъ жидкости, найденной во внутренности мертваго тѣла, съ кипяченной перегонной водой и сѣрной кислотою, получишь желтый, клочковатый осадокъ, распускающійся въ аммоніакѣ.

„Нѣтъ, не достаточно. Всѣ судебные врачи непремѣнно предписываютъ выпарить, какимъ угодно средствомъ, желтый осадокъ въ порошокъ, и отдѣлить отъ него металлическій мышьякъ. Я настаиваю, въ моемъ сочиненіи, въ необходимости такого отдѣленія, и осуждаю тѣхъ, кто безъ этого заключаетъ о присутствіи мышьяка въ желтыхъ клокахъ упомянутаго осадка.

„Въ 1830, Баррюэль и я напечатали, въ 3 томѣ des Annales d' hygiene, процессъ, въ которомъ вы найдете разрѣшеніе вопроса, вами предлагаемаго.

„Присяжные химики, которыхъ я не назову, объявляли сильное подозрѣніе въ отравѣ потому только, что, дѣйствуя на нѣкоторыя жидкости сѣрной кислотою, получали желтый, клочковатый осадокъ, растворяющійся въ аммоніакѣ. Мы узнали, что въ этомъ желтомъ, по ихъ мнѣнію, мышьяковомъ осадкѣ не было ни атома мышьяку, если его выпарить (reduire), и что осадокъ этотъ есть животное вещество, въ желчи находимое.

„Г-нъ Шевалье напечаталъ, въ послѣднемъ нумерѣ Journal de chimie médicale, выноску, въ которой говоритъ, что съ 1830 года онъ два раза находилъ подобное вещество. Примите и проч.

Орфила.“

Чтеніе этого письма произвело глубокое впечатлѣніе.

Г. Массена читаетъ одно мѣсто изъ сочиненія г-на Орфила, противорѣчащее, по его словамъ, письму его. Онъ настаиваетъ на своемъ заключеніи, не зная, что Орфила, со времени напечатанія этого сочиненія, развилъ далѣе науку въ этомъ отношеніи. Генералъ-адвокатъ проситъ послать немедленно за г-номъ Орфила. Президентъ, уступая требованію генералъ-адвоката, отлагаетъ на послѣдующее время изслѣдованіе лиможскихъ химиковъ.

Палье. Въ какое время г-нъ докторъ Массена видѣлся съ г-номъ Орфила?

Массена. Около 20 іюня.

Палье. А письмо отъ 30 іюля.

Президентъ. Вы вѣрите въ развитіе науки: ваши слова это доказываютъ. Не смотря на то, что въ послѣднемъ вашемъ опытѣ былъ недостатокъ, вы и товарищи ваши, по совѣсти считаете себя вправѣ сдѣлать заключеніе. Между тѣмъ, возстановленіе мышьяка въ прежній, металлическій его видъ, было бы довершеніемъ опыта, если не необходимымъ, то чрезвычайно полезнымъ: это избавило бы ваши опыты отъ всякого противорѣчія. Желтоватый, клочковатый осадокъ, добытый вами, убѣдилъ

васъ въ томъ, что мышьякъ находился въ желудкѣ г-на Лафаржъ?

Массена. Такъ точно; это было наше убѣжденіе.

Президентъ. Перемѣнилось ли это убѣжденіе новыми открытіями и замѣчаніями г-на Орфила, человѣка, имѣющаго такой большой вѣсъ въ вашей наукѣ?

Массена. Нѣтъ. Я разсматриваю сочиненія г-на Орфила, г-на Дювержи и нахожу въ нихъ такое правило, что всякой разъ, когда желтоватый, клочковатый осадокъ распускается въ аммоніакѣ, присутствіе мышьяка не можетъ быть отрицаемо.

Президентъ. Но не покоряетесь ли вы успѣхамъ и развитію науки? Развѣ не знаете, что недавно найдено, что человѣческое тѣло, въ обыкновенномъ своемъ состояніи, содержитъ въ себѣ мышьякъ?

Массена. Нашли, что кости взрослаго человѣка содержатъ въ себѣ мышьякъ, но для того, чтобы получить этотъ мышьякъ, надобно прежечь кости, подвергнуть ихъ дѣйствію сѣрной кислоты и маршскому апарату. Это открытіе сдѣлано въ 1840 году, но оно не доказываетъ, чтобы мы ошибочно поступали съ ввѣренными намъ веществами; а, главное, наши опыты не могли намъ доставить мышьяку въ нормальномъ его видѣ.

Палье. Прежде нежели свидѣтель удалится, попрошу его изъяснить мнѣ противорѣчіе, находящееся въ его показаніи (химическомъ анализѣ). Въ первой части г-да химики сомнѣваются въ присутствіи мышьяка въ сухарной водѣ; во второй же

частии, при выводѣ результатовъ, они утверждаютъ, что сухарная вода имѣла въ себѣ мышьяковую кислоту. Итакъ, въ одномъ мѣстѣ сомнѣніе, въ другомъ утвержденіе. Я прошу свидѣтеля объяснить это.

Массена. Сомнѣніе, нами изъявленное, относится къ недоконченному опыту, долженствовавшему доставить намъ металлическій мышьякъ. Утвержденіе же касается тѣхъ опытовъ, которые предшествовали недоконченному.

Генералъ-адвокатъ. Впрочемъ, это кажущееся противорѣчіе изъяснить можно поспѣшностію, съ какой г-да химики, побуждаемые слѣдственнымъ судьей, писали свое донесеніе. Оно болѣе въ формѣ, нежели въ сущности.

Палье. Противорѣчіе тѣмъ не менѣе кажется мнѣ существующимъ.

Генералъ-адвокатъ. Новые опыты скоро уничтожатъ всякое противорѣчіе. Однимъ словомъ (свидѣтелю), вы думаете, что г-нъ Лафаржъ умеръ отравленный?

О. Думаю. (Продолжительное волненіе).

Судъ приказалъ, чтобы письма г-на Орфила къ доктору Массена и г-ну Палье пріобщены были къ дѣлу.

Президентъ. Намъ доложили, что нѣкто изъ слушателей имѣетъ донести суду о важномъ обстоятельствѣ. Вслѣдствіе нашей правительственной власти, повелѣваемъ ввести и выслушать г-на Эме Сирей.

Эме Сирей, землевладѣлецъ, живущій въ Парижѣ, на Ангулемской улицѣ, въ домѣ подъ No 9, 33-хъ лѣтъ, безъ присяги приведенъ къ слушанію.

Президентъ. Что хотите вы сказать?

Сирей. Обстоятельство, которое до-сихъ-поръ казалось мнѣ ничтожнымъ или только подтверждающимъ виновность обвиняемой, теперь, при новыхъ открывшихся обстоятельствахъ процесса, принимаетъ совсѣмъ другой видъ, и совѣсть повелѣваетъ мнѣ донести о немъ присяжнымъ и суду. (Всѣ слушаютъ внимательно). Въ первыхъ числахъ генваря я былъ въ Обжа, какъ посѣтилъ меня мой фермеръ деревни Комбронъ, находящейся въ сосѣдствѣ съ Гландье. Мы съ нимъ завтракали; рѣчь зашла о скоро-ожидаемой счастливой перемѣнѣ въ дѣлахъ г-на Лафаржъ, произведенной его изобрѣтеніемъ и приданымъ его жены; фермеръ мой сказалъ мнѣ то, что я повторю теперь слово въ слово: „Г-нъ Лафаржъ не будетъ всѣмъ этимъ пользоваться: его отравитъ жена.“ (Общее удивленіе). Сначала эти слова мнѣ не показались важными, но замѣчательное согласіе предсказанія, за 8 или 10 дней сдѣланнаго, со смертью г-на Лафаржъ, показалось мнѣ достойнымъ вниманія суда, и требующимъ того, чтобы выслушано было показаніе фермера.

Президентъ. Точно ли вы помните число этого разговора?

Сирей. Точно помню. Въ какой день умеръ г-нъ Лафаржъ? 14-го числа, но въ какой день недѣли?

Президентъ (послѣ справки). Во вторникъ.

Сирей. А фермеръ мой сказалъ мнѣ это въ воскресенье, 5-го числа.

Палье. Эти слова, въ самомъ дѣлѣ, очень важны, хотя ничто насъ не испугаетъ. Но почему вы

увѣрены, что онѣ сказаны были 5 генваря въ воскресенье, а не 12-го въ воскресенье?

Сирей. Потому что 9-го я былъ въ Парижѣ.

Президентъ. Видѣли ли вы съ-тѣхъ-поръ этого человѣка?

Сирей. Около двухъ недѣль тому назадъ я видѣлся съ нимъ только нѣсколько минутъ въ Коррезѣ, во время засѣданія генеральнаго совѣта, котораго я имѣю честь быть членомъ. Онѣшны его были такъ неопредѣленны, что ихъ нельзя пересказать. Мнѣ же казалось, что эти слухи, по его толкованію, дошли отъ друзей или семейства г-на Лафаржъ. Можетъ статься, было бы полезно, если бы г-нъ президентъ, по власти ему данной, вызвалъ этого свидѣтеля для выслушанія.

Президентъ. Нужно ли вызвать этого свидѣтеля?

Палье. Мнѣ кажется, необходимо. Онъ не только говоритъ о смерти г-на Лафаржа и предсказываетъ ее, но говоритъ о ней гораздо прежде, нежели какое-нибудь подозрѣніе пало на г-жу Лафаржъ или на другое какое лицо. Непремѣнно нужно его выслушать.

Президентъ. Довольно того, что защитники этого желаютъ. Свидѣтель будетъ призванъ. (Г-ну Сирей). Скажите имя свидѣтеля?

Сирей. Францискъ Анжельби, землевладѣлецъ, живетъ въ Вугакъ.

Президентъ. Мы повелѣваемъ вызвать немедленно этого свидѣтеля.

Лафоссъ, аптекарь въ Бривѣ, участвовавшій въ химическихъ анализахъ, которые производились въ его лабораторіи. Онъ показываетъ, въ какомъ состояніи были сосуды, въ которыхъ содержался желудокъ г-на Лафаржъ, и различныя вещества, доставленныя слѣдственнымъ судьей присяжнымъ химикамъ. Между этими сосудами, говоритъ онъ, нѣкоторые покрыты были просто бумажкой съ надписью; другіе тряпкою, завязанною веревкой; многіе были совсѣмъ не запечатаны.

Президентъ. Кто вручилъ вамъ сосуды? *О.* Слѣдственный судья и его канцелярскій служитель.

В. Неужели эти сосуды не были запечатаны печатью судьи? *О.* Не были.

Палье. Прошу замѣтить, что въ первый разъ случается такой безпорядокъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Лафоссъ. Желудокъ былъ въ сосудѣ, завязанномъ худой тряпкой.

В. Былъ ли онъ запечатанъ? *О.* Нѣтъ.

В. Въ чемъ была яичная похлебка? *О.* Въ чашкѣ.

В. Закрытой? *О.* Нѣтъ. Намъ отдалъ эту чашку г-нъ Эйссартье, которому вручили ее еще при жизни г-на Лафаржъ для изслѣдованія.

Президентъ спрашиваетъ о томъ г-на Массена.

Массена. Все, что вручено было слѣдственнымъ судьей, находилось въ различныхъ сосудахъ и бутылкахъ; иные были запечатаны.

Г. Турнадуръ. Я принялъ всѣ сосуды изъ рукъ слѣдственнаго судьи. Я удостовѣрился въ ихъ поже-

дествѣ. Всѣ были закупорены или пробкой, или тряпкой, но ни одинъ, кажется, не былъ запечатанъ. Мы взяли часть этихъ веществъ въ присутствіи слѣдственнаго судьи и унесли ихъ.

В. Въ чемъ лежалъ желудокъ г-на Лафаржъ?

О. Въ большой стклянкѣ, покрытой тряпкой и обвязанной веревкой по краямъ.

Лафоссъ. Я замѣтилъ, что тряпка была очень въ дурномъ видѣ.

Палье. Зная, какія, обыкновенно, въ такомъ случаѣ берутся предосторожности, я вправѣ удивляться небрежности, съ какой поступали въ этомъ случаѣ. Всѣ донесенія присяжныхъ химиковъ въ такомъ случаѣ начинаются, обыкновенно, съ состоянія сосудовъ, заключающихъ вещества, подверженныя изслѣдованію. Я былъ увѣренъ, что находится гдѣ-нибудь донесеніе судьи, обозначающее мѣсто, гдѣ найдены вещества и переданы врачамъ, состояніе сосудовъ, содержащихъ эти вещества, и что вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдены формальности, необходимыя для того, чтобы впредь никакая посторонняя рука не коснулась ихъ; ничего этого не исполнено. Есть только одно показаніе, отъ 16-го числа, обозначающее отправку всѣхъ веществъ слѣдственному судьѣ. Это, слава Богу, первый примѣръ подобной нерадивости. Мы разберемъ это подробнѣе.

Входятъ лиможскіе аптекари: Дюбуа — отецъ и сынъ, и Дюпюитранъ, и присягаютъ въ качествѣ присяжныхъ химиковъ.

Палье. Я не только не противлюсь вторичному химическому изслѣдованію, но я этого тре-

бую, чтобы доказать неправильность при закупоркѣ сосудовъ.

Генералъ-адвокатъ. У меня есть протоколъ судьи, обозначающій, что различныя вещества положены въ различные сосуды и бутылки, въ присутствіи обвиняемой, съ надписями, припечатанными краснымъ сургучомъ.

Палье. Этотъ протоколъ отъ 24 генваря, а вы слышали объявленіе химиковъ о состояніи сосудовъ, содержащихъ изслѣдованныя вещества. Обстоятельство, на которое я нападаю, отъ 16 генваря. Протоколъ доказываетъ только, что послѣ одумались и признали свою ошибку.

Генералъ-адвокатъ. Вы понимаете, что это не важно, что тождественность сосудовъ и веществъ не подлежатъ спору: эти сосуды находились во все время при слѣдственномъ судьѣ и его канцелярскомъ служителѣ.

Палье. Присяжные скажутъ намъ, важно ли это, или нѣтъ. (Движеніе).

Дюбуа. Надобно, чтобъ одинъ изъ врачей, производившихъ первое изслѣдованіе, помогъ намъ, покрайней-мѣрѣ здѣсь, и разсказалъ, на какой органической части тѣла производили они опыты. Напр. желаю знать, какую часть желудка дадутъ намъ теперь?

Леспинасъ. Желудокъ разрѣзанъ надвое на сгибахъ (sur ses courbures): осталась одна его половина.

Дюбуа. Какая часть внутренности соединена съ желудкомъ?

Леспинасъ. Двенадцатиперстная кишка (duodénum).

Президентъ приказалъ открыть ящикъ, поставленный на столѣ, назначенномъ для вещей, прiобщенныхъ къ дѣлу. Въ этомъ ящикѣ были всѣ сосуды и, между прочимъ, желудокъ г-на Лафаржъ. Сильное волненіе ужаса встревожило присутствующихъ дамъ, которыхъ, не смотря на поздній часъ, было еще много въ аудиторіи, а особенно тѣхъ дамъ, которыя стояли весьма близко стола.

Дюбуа. Если крѣпко закупорено, запаху не будетъ.

Это успокоило, но не подкрѣпило уже колеблющагося любопытства самыхъ неустрашимыхъ; многіе вышли, пока прислужникъ выдергивалъ гвозди изъ деревяннаго ящика.

Цѣлый часъ посвященъ на распознаніе сосудовъ, поставленныхъ въ ящикъ. Они всѣ, исключая двухъ или трехъ, а именно сосуда съ желудкомъ, означены слѣдующею надписью: „Вещество, котораго часть отдана химикамъ для анализа.“ Протоколы 16 и 24 генваря недостаточны для объясненія нумеровъ, надписанныхъ на сосудахъ. Впрочемъ, наконецъ распознали, хотя ничто не обозначаетъ съ точностію того сосуда, гдѣ должны находиться жидкости, въ желудкѣ бывшія. Дюбуа, между тѣмъ, замѣчаетъ, что анализъ этихъ жидкостей долженъ предшествовать всякому другому.

Палье. Протоколъ отъ 24 го очень недостаточенъ, тѣмъ болѣе показаніе старшаго его брата — протокола отъ 16 го генваря.

Позвали врачей, занимавшихся первымъ изслѣдованіемъ; они указали сосудъ, въ которомъ, по единогласному ихъ показанію, заключались жидкости, собранныя въ желудкѣ.

Канцелярскій служитель (greffier) записываетъ по нумерамъ всѣ вещества, надъ которыми должно производить новые опыты. Къ прежнимъ, уже изслѣдованнымъ, судъ прибавляетъ еще другія, которыя (это что-то необыкновенное) не были еще подвержены никакому изслѣдованію. Президентъ называетъ ихъ одно за другимъ; многія отвергнуты, какъ впредь непужныя для опыта.

Президентъ. Вотъ пакетъ съ надписью: „Бѣлый порошокъ и шпанскія мухи.“ (Движеніе удивленія и любопытства). Бѣлый порошокъ будетъ разложенъ, а прочее.....

Палье. Шпанскія мухи ядовиты, какъ всѣмъ извѣстно. Требую, чтобъ и онѣ подвержены были изслѣдованію.

Президентъ. Ошкуда ихъ взяли?

Палье. Въ потаенномъ ящикѣ бюро, непринадлежавшемъ, безъ сомнѣнія, Маріи Лафаржъ. Это, вѣроятно, не станутъ считать собственностію обвиняемой и, конечно, этимъ не воспользуются для ея обвиненія; но защитникъ ея будетъ, можетъ быть, объ этомъ говорить съ вами.

Шпанскія мухи, вмѣстѣ съ другими веществами, отданы присяжнымъ химикамъ.

Засѣданіе закрыто въ половинѣ седьмаго.

Засѣданіе третіе (5 сент.).

Присутствіе открыто въ 9 часовъ безъ четверти. Обвиняемая вошла, опираясь на своего врача. Лицо ея нѣсколько свѣжѣе вчерашняго. Служители приносятъ ящикъ съ веществами, надъ которыми должно производить изслѣдованіе. По востребованію президента, г-жа Лафаржъ признала цѣлость печатей. Продолжаютъ выслушивать свидѣтелей.

Яковъ Бутенъ, приходскій священникъ въ Юзершѣ. „Все, что я скажу, будетъ служить только къ похвалѣ семейству Лафаржъ, съ которымъ, впрочемъ, я имѣлъ очень мало сношеній. Я видѣлъ совершенное согласіе между членами этого семейства; отъ всѣхъ слышалъ, что мать, братъ и сестра тѣсно связаны любовью другъ съ другомъ. Однажды я обѣдалъ въ Гландье, все семейство было вмѣстѣ, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину полнаго согласія, царствовавшаго въ этомъ семействѣ, а въ особенности между сыномъ, матерью и сестрою: мать и сестра ласкали, казалось, г-на Лафаржъ каждымъ взглядомъ.

Генералъ-адвокатъ. Позовите г-жу Лафаржъ-мать. (Движеніе вниманія).

Г-жа Лафаржъ-мать вошла и сѣла на лавкѣ свидѣтелей. Она виду почтеннаго, одѣта въ черное платье, на головѣ дикаго цвѣту шляпка, покрытая чернымъ вуалемъ. Она замѣчательно толста. Она очень плачетъ и рыдаетъ, держа носовой платокъ передъ ртомъ.

Обвиняемая глядитъ на нее съ нѣжностію.

Марія Аделаида Путье, вдова Лафаржъ, 63 лѣтъ. „Сынъ мой женился 10 или 12 августа. Супруги пріѣхали въ Гландье 15-го того же мѣсяца. Мы всѣ приняли ихъ съ радостнымъ восторгомъ. Сначала Марія Каппелль отвѣчала, казалось, на наши ласки, потомъ попросила, чтобъ отвели ее въ ея комнату, говоря, что ей надобно писать къ своимъ роднымъ. Больше двухъ часовъ провела она у себя въ комнатѣ, потомъ сошла обѣдать съ нами и за столомъ хозяйничала. Около 10 часовъ вечера она опять пошла къ себѣ въ комнату и чрезъ нѣсколько потомъ минутъ прислала оттуда мужу своему то письмо, которое вы уже знаете. Сынъ мой пришелъ въ отчаяніе. „Бѣдная моя маменька, говорилъ онъ мнѣ, пожалѣй обо мнѣ: я такъ готовъ былъ любить, такъ любилъ ее!“ Сынъ мой отвѣчалъ ей: „Вы хотите развестись; останьтесь здѣсь хоть одинъ мѣсяцъ; любовь моя, вниманіе къ вамъ перемѣнятъ, можетъ быть, ваше расположеніе; если вы не привыкнете къ намъ, то я самъ отвезу васъ опять къ роднымъ вашимъ.“ При словѣ разводъ, она громкимъ голосомъ закричала, такъ что испугала насъ: „Да, да, развестись!“ Сынъ мой говорилъ мнѣ, будто она сказала, что если захочетъ, то въ 24 часа его не будетъ въ живыхъ. Она безпрестанно твердила объ ядѣ, такъ что дочь моя сказала ей: „Какъ можетъ женщина благородная, воспитанная въ вѣрѣ и благочестивыхъ правилахъ, безпрестанно твердить это гадкое слово?“ „Ядъ — это семейная болѣзнь“, отвѣчала она. На другой день гнѣвъ ея, казалось, укротился; она

была спокойна и даже весела, такъ что, когда дочь моя посовѣтывала брату отпустить ее, онъ отвѣчалъ: „Она совсѣмъ не думаетъ о томъ, что говоритъ.“ Каждый день приходили ей въ голову новые проэкты, какъ украсить Гландье.

„Мы всѣ ее очень любили. Сынъ мой обожалъ ее. Онъ окружалъ ее всякими угожденіями и старался угадывать ея желанія. Онъ собирался въ Парижъ для полученія привилегіи; она притворилась больною; онъ пришелъ въ отчаяніе, ходилъ за нею и спѣшилъ доставить ей всякую помощь. Это ее, казалось, такъ тронуло, что она сказала ему, что хочетъ сдѣлать въ его пользу духовное завѣщаніе. Онъ, съ своей стороны, сказалъ мнѣ, что хочетъ также написать духовную въ ея пользу. На мои возраженія онъ отвѣчалъ: „Она приказала мнѣ написать мою духовную, а свою послѣ списать съ моей.“ Послѣ того онъ написалъ два новыя завѣщанія на случай смерти своей, одно въ мою пользу, другое въ пользу сестры. Когда онъ уѣхалъ, жена его отправилась за Юзершъ на нѣсколько дней и оттуда написала ко мнѣ: „Когда мы прощались, Карлъ плакалъ; я ускакала, чтобы скрыть отъ него мои слезы.“ Во время пребыванія мужа ея въ Парижѣ, она писала къ нему препѣжныя письма. Я видѣла нѣкоторыя письма мужа къ ней; его любовь доходила до ребячества. Въ декабрѣ она изъявила желаніе послать сыну моему пироговъ, и просила меня напечь ихъ. Я поспѣшила исполнить ея желаніе; пироги поставлены были въ печь, но вынуты такъ, что объ этомъ я не знала. Ихъ отправили, вмѣстѣ съ каштанами и ея портретомъ, и съ

просьбой покушать ихъ въ 11 часовъ вечера, передъ ея портретомъ, съ чаемъ, въ присутствіи сестры ея или наединѣ. Она меня просила также написать къ сыну о пирогахъ. Вотъ что я написала:

„Марія хочетъ, чтобъ я увѣдомила тебя, что я напекла пироговъ. Воображеніе ея очень игриво: она выдумала намъ всѣмъ кушанье въ одинъ часъ.“

„Моя записка ей не понравилась. Однажды дѣвица Эмма Путье сказала мнѣ, что невѣстка моя находилась въ ужасномъ магнетическомъ состояніи, что она видѣла гробъ, кладбище, кипарисы. Невѣстка моя сказала ей, что есть одна дама, которая съ ней въ ссорѣ, и что, подержавши ее за руку, онѣ теперь такъ сблизились, что, не смотря на разстояніе, каждая изъ нихъ знаетъ, что дѣлается у другой. (Г-жа Корали, помѣщающаяся на той лавкѣ, гдѣ сидятъ тяжущіеся, улыбнулась. Имя г-жи Монбретонъ раздается въ залѣ присутствія).

„Послѣ этого магнетическаго состоянія, Марія Каппель безпокоилась, казалось, о мужѣ; она ожидала какого-то вѣрнаго несчастія, боялась, что получитъ письмо съ черной печатью; спрашивала, долго ли вдовы носятъ трауръ, и сказала, что не будетъ носить его два года, а только 6 мѣсяцовъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ.

„3 или 4 генваря сынъ мой возвратился изъ Парижа. „Маменька, сказалъ онъ мнѣ, наши несчастія кончились: я получилъ привилегію.“ Онъ былъ болѣнъ и слегъ въ постель. Скоро потомъ невѣстка или ея горничная дѣвушка принесли ему сахар-

ной воды. На вопросы мои онъ отвѣчалъ, что въ Парижѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, у него былъ поносъ и сильная рвота, но что потомъ это прошло. Ввечеру, когда невѣстка моя обѣдала въ комнатѣ своего мужа, онъ скушалъ съ ея тарелки немного трюфелей.

„Началась рвота съ болью, которая проходила, но часто возобновлялась. Я хотѣла послать за врачемъ, невѣстка моя тому воспротивилась. (Волненіе). Она говорила, что это ничего не значитъ, и что Карлъ любитъ нѣжиться. Меня это огорчило. Впрочемъ, я все-таки послала за г-дами Массена и Барду. Одинъ только Барду пріѣхалъ.“

Генералъ-адвокатъ. Замѣчали ли вы, что болѣзнь сына вашего усилилась?

Г-жа Лафаржъ-мать. Онъ обмиралъ; его рвало; кровь перестала обращаться; онъ задыхался. Послѣ пріѣзда дочери моей и зятя, ему безпрестанно становилось хуже. Дѣвица Брэнъ разсказала мнѣ нѣсколько подробностей объ яичной похлебкѣ, что меня испугало. Однажды, когда невѣстка моя давала моему сыну питье, я закричала: „Не пей, Карлъ, это повредитъ тебѣ!“ Я бросилась на ложку, но сынъ мой выпилъ и на ложкѣ осталось бѣловатое пѣсто. „О, Марія! что дала ты моему сыну?“ вскричала я. Она сказала, что дала ему камеди. Я просила ее ничего не прибавлять къ предписанному медиками. Послѣ, я увидѣла, что ложка была вымыта и вытерта.

„Тогда пришла мнѣ мысль объ отравѣ. Это было въ субботу вечеромъ. Г-нъ Манью сказалъ мнѣ: „Можетъ статься, это мышьякъ. Я знаю, что

Дени приносилъ мышьяку.“ Мы позвали Дени; онъ сказалъ, что точно приносилъ и что Марія запретила ему о томъ сказывать. Я все это разсказала моему сыну. „О маменька, что за мысль!“ вскричалъ онъ. „Она при мнѣ просила мышьяку у г-на Барду.“ Послѣ уже, я показала сыну чашку, гдѣ было что-то бѣлое. Онъ испугался и сказалъ: „Я не знаю, что это такое; отнесите это поскорѣе къ г-ну Эссарпье.“

Генералъ-адвокатъ. Вы сказали намъ теперь то, чего нѣтъ въ вашемъ письменномъ показаніи, а именно, что вы изъявили Маріи Каппелль опасеніе ваше на тотъ счетъ, что она дала мужу своему что-то вредное въ ложкѣ, замѣченной вами.

Г-жа Лафаржъ-мать. Клянусь вамъ въ томъ именемъ Бога! Съ самыхъ тѣхъ поръ я начала подозрѣвать ее; это было въ субботу вечеромъ.

Генералъ-адвокатъ. Если вы подозрѣвали вашу невѣстку, для чего же не приняли никакихъ предосторожностей?

Г-жа Лафаржъ-мать. Я почти не отходила отъ моего сына.

Генералъ-адвокатъ. Скажите что-нибудь о фланелѣ, о которой вы упомянули при слѣдствіи.

Г-жа Лафаржъ-мать. Г-нъ Фленьа пришелъ навѣстить моего сына и сказалъ ему, что, можетъ быть, ему поможетъ трепіе фланелью. Марія Каппелль прислала намъ съ своей горничной дѣвушкой кусокъ фланели. Мы примѣтили, что эта фланель напитана бѣлымъ порошкомъ, и мы ее вытрясывали

и, бросивши ее съ ужасомъ, потомъ увидѣли другой кусокъ фланели на канапе.

Генералъ-адвокатъ. Не старалась ли Марія Каппелль удалить васъ изъ комнаты вашего сына?

Г-жа Лафаржъ-мать. Да. Однажды, когда она мнѣ сказала, что я могу отъ него выпити, я отвѣчала, что не пойду, что коли она жена его, то я мать. Тогда она обѣщала пожаловаться Карлу. Мнѣ не хотѣлось его тревожить непріятной сценой; я заплакала и сказала, что я ухожу. Тутъ-то въ корридорѣ встрѣтилъ меня въ слезахъ г-нъ Барду.

Генералъ-адвокатъ. Г. Барду сказалъ намъ вчера, что вы рѣшительно отвѣчали: „Угодно вамъ или не угодно, я буду ходить за моимъ сыномъ“, а вы сегодня говорите, что ушли.

Г-жа Лафаржъ-мать. Сперва я такъ отвѣчала; когда же она грозилась пожаловаться сыну, я уступила ей и ушла.

Генералъ-адвокатъ. Просьба невѣстки вашей показалась ли вамъ тогда знакомъ ея къ вамъ привязанности? вѣдь она просила васъ отдохнуть?

Г-жа Лафаржъ-мать. Я приняла это тогда за знакъ привязанности. Послѣ уже, когда обдумала все, увидѣла совсѣмъ противное.

Палье. Такимъ образомъ найдемъ мы много добрыхъ, превосходныхъ дѣлъ, прежде обвиненія въ отравѣ, а обвиненіе это бросаетъ на все совершенно другой цвѣтъ. Опасно судить a posteriori;

теперь я ограничусь замѣчаніемъ, что сначала это не показалось дѣйствіемъ враждебнымъ.

Генералъ-адвокатъ. Разскажите смерть г-на Лафаржъ, послѣднія его минуты.

Г-жа Лафаржъ - мать. Это была ужасная минута (рыдаетъ). У него совсѣмъ глаза выкатились; его нельзя было узнать. Когда Марія Капелль подошла къ его изголовью, онъ три раза отолкнулъ ее и знаками показалъ, какъ онъ страдалъ, бѣдняжка! (рыдаетъ). Онъ умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Генералъ-адвокатъ. Вы принуждены были, послѣ смерти вашего сына, удалиться въ домъ дочери вашей?

Г-жа Лафаржъ - мать. Мнѣ слишкомъ тяжко было оставаться въ этомъ домѣ. Чрезъ нѣсколько дней я уѣхала.

Генералъ-адвокатъ. Какое было ваше состояніе въ отношеніи къ имѣнію?

Г-жа Лафаржъ-мать. Я отдала сыну все, что имѣла, съ тѣмъ, чтобъ онъ давалъ мнѣ ежегодную пенсію.

Генералъ-адвокатъ. Слѣд. вы получите только то, что останется по удовлетвореніи заимодавцевъ.

Г-жа Лафаржъ - мать. Богатство меня мало занимаетъ.

Генералъ-адвокатъ. Я желалъ бы сдѣлать нѣсколько вопросовъ обвиняемой. Скажите мнѣ, пріѣхавъ въ Гландье, правда ли, что вы потребовали особенную комнату и все необходимое для писанья?

Обвиняемая. (Она сидитъ и отвѣчаетъ спокойно и рѣшительно). Правда.

В. Вы долго остались одне, потомъ обѣдали вмѣстѣ съ своей семьей и хозяйничали? *О.* Помню, что я провела два часа въ моей комнатѣ, потомъ сошла обѣдать, но не помню, чтобъ за обѣдомъ я хозяйничала.

В. Извѣстное письмо ваше написано было до обѣда? *О.* Да.

В. Вы сказали намъ, что письмо это писано подъ вліяніемъ отчаянія, овладѣвшаго вами при видѣ Гландье, уединеннаго мѣстоположенія, пустоты вашей комнаты. Подъ этими ли впечатлѣніями писали вы письмо? *О.* Я писала письмо мое подъ вліяніемъ многихъ тяжелыхъ впечатлѣній; когда я его кончила, мнѣ спало гораздо легче: мнѣ казалось, что съ меня спало все тяготившее меня.

В. Сойдя въ гостинную, вы казались покойною, что необыкновенно противорѣчитъ чувству, побудившему васъ писать. *О.* Я совсѣмъ не была спокойна внутренно; конечно, письмо меня нѣсколько успокоило; впрочемъ, я съ великимъ страхомъ видѣла приближеніе вечера.

В. Свекровь ваша утверждаетъ, что вы сыну ея дѣлали страшныя угрозы: вы сказали, что если бы вы захотѣли, то въ 24 часа его не было бы въ живыхъ. *О.* Никогда я этого не говорила.

В. Въ разговорахъ вашихъ вы упоминали о мышьякѣ, а когда вамъ замѣтили, что безпрестанно вы говорите объ ядахъ, вы отвѣчали: „Это семейная болѣзнь.“ *О.* Не думаю, чтобы такая бо-

лѣзнь въ семействѣ, и конечно, я этого не сказала. Я была въ отчаяніи и могла только сказать, что сама приму яду, если меня не отпустятъ.

В. Это выраженіе такъ необыкновенно, что его выдумать нельзя. Понятно, что можно прибавить къ слову или убавить, а здѣсь нужно было бы выдумать. Можетъ статься, вы это сказали, чтобы испугать и чтобъ васъ отпустили? *О.* Я никогда подобной болѣзни не понимала.

В. Я также не понимаю, но вы не признаетесь. Есть еще выраженіе довольно важное, которое г-жа Лафаржъ, говоритъ, слышала. Мужъ вашъ сказалъ: „Вы хотите развоу, я на него несогласенъ; пожалуй, соглашусь; но поживите съ нами мѣсяцъ; послѣ того, если не привыкнете вы, то я самъ отвезу васъ къ роднымъ.“ *О.* Кажется, что г-нъ Лафаржъ почти такъ говорилъ мнѣ.

В. Свекровь ваша утверждаетъ, что въ отвѣтъ на эту добрую рѣчь, вы страстнымъ голосомъ сказали: „Я хочу развода.“ *О.* Не помню, что я въ этотъ вечеръ говорила. Я дѣлала все возможное, чтобы меня выпустили изъ Гландье.

В. Какая же причина васъ понуждала бѣжать? Соглашаясь выйти замужъ, вы видѣли г-на Лафаржъ, могли оцѣнить его воспитаніе, его манеры, и вдругъ предаетесь непобѣдимому желанію разстаться съ нимъ, когда, во все время поѣздки вашей, онъ не переставалъ осыпать васъ угожденіями и ласками? *О.* Я не похожу, чтобы во время нашей поѣздки г-нъ Лафаржъ слишкомъ со мною былъ любе-

зенъ; напротивъ. (Тутъ г-жа Лафаржъ проситъ защитника своего отвѣчать на этотъ вопросъ).

Палье. Г-жа Лафаржъ говорила мнѣ, что не можетъ принять за ласку поступокъ въ Орлеанѣ. Яснѣе мудрено здѣсь изъясняться (Г-жа Лафаржъ дѣлаетъ знакъ утвердительный).

В. Перейдемъ къ важному факту. Когда вашъ мужъ уѣхалъ въ Парижъ, вамъ захотѣлось послать къ нему пирожковъ; вы объявили ему о томъ письменно? *О.* Я написала ему, что посылаю пироговъ и портретъ свой.

В. Вы просили скушать эти пироги въ среду ровно въ 11 часовъ вечера, съ чашкой чаю, передъ вашимъ портретомъ, и подѣлиться ими только съ вашей сестрой? *О.* Не помню, говорила ли я о чаѣ и о портретѣ; помню только, что просила покушать пироговъ вмѣстѣ съ сестрой моей.

В. У насъ нѣтъ письма вашего; вѣроятно, оно находится съ тѣми письмами, которыя отдала вамъ дѣвица Эмма Путье. Но изъ отвѣта вашего мужа видно, что вы уговаривали его кушать превосходный этотъ пирогъ во вторникъ въ полночь. *О.* Я послала къ нему нѣсколько пироговъ, и потому не могла уговаривать кушать одного пирога. Я назначила, кажется, время между 11 и 12 часами.

В. Вы обѣщали ему сами кушать пироги въ то же время? *О.* Да.

В. Почему предполагали вы, что сестра ваша въ Парижѣ? Г-нъ Лафаржъ упомянулъ бы объ ней въ своихъ письмахъ, а если бы и была, какъ

можно ей пріѣхать на пироги въ полночь? *О.* Въ Парижѣ пьютъ чай въ 11 часовъ или въ полночь.

В. Не замѣчаете ли, какъ странно, что вы такъ настоятельно просили свекровь вашу, чтобъ она писала о пирогахъ? *О.* Я никогда свекровь мою не просила писать.

В. Вы отпираетесь, это можетъ повредить вамъ, берегитесь! Свекровь ваша говоритъ, что вы настоятельно просили ее писать и потомъ не довольны были его выраженіями. *О.* Я не читала письма; если бы выраженія его мнѣ не понравились, то не положила бы его въ ящикъ.

В. Обвинители могутъ подумать, что вы хотѣли, въ случаѣ смерти г-на Лафаржъ отъ отравы пирогомъ, защитить себя письмомъ его матери. *О.* До-сихъ-поръ не обвиняла я никого. Нѣтъ, я не просила свекровь писать; не могу въ этомъ сознаться потому, что это не правда.

В. Я сдѣлаю вамъ предварительно важный вопросъ. Вы, какъ кажется, отправили только нѣсколько пироговъ. Сами ли вы ихъ укладывали, вы одни? *О.* Когда мнѣ принесли пироги, я шила по канвѣ съ дѣвицей Брэнъ. Я положила пироги въ ящикъ, въ присутствіи дѣвицы Брэнъ, моей горничной дѣвушки и, кажется, свекрови. Я завернула пироги въ бумажку, какъ завертываютъ апельсины, и не клала ихъ въ особливый ящикъ.

В. Слѣдствіе показало, что пироги были въ ящикѣ, и что тамъ былъ одинъ только пирогъ, величиною съ тарелку. Кашпаны положены туда для наполненія пустыхъ мѣстъ. Не понимаю, поче-

му вы не признаетесь, что былъ ящикъ. *О.* Я помню, что завернула пироги въ бумагу, какъ апельсины, и положила въ ящикъ.

В. Стало быть былъ ящикъ? *О.* Былъ одинъ большой ящикъ.

Палье. Обвиняемая утверждаетъ, что завернула пирожки въ бумажку, какъ завертываютъ апельсины.

В. Вы утверждаете, что посылали только маленькіе пироги? Вы отдали ящикъ слугѣ, чтобъ онъ отнесъ въ Юзершъ къ директору транспортовъ съ просьбой осторожно его переслать? *О.* Да.

В. Послѣ 18 декабря, т. е. дня полученія пироговъ, получили ли вы извѣстіе о г-нѣ Лафаржъ? *О.* Знаю, что во время пребыванія г-на Лафаржъ въ Парижѣ, я получила отъ него одно письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что у него мигрень, а на другой день писалъ, что его рвало.

В. Вы слышали, что разсказываютъ о вашихъ опасеніяхъ? *О.* Не помню.

В. Положимъ, что эти опасенія были; какъ же вы ихъ изъясните? *О.* Я не могу изъяснить того обстоятельства, котораго не знаю.

В. Спрашивали ли вы, сколько времени вдовы носятъ трауръ? *О.* Совсѣмъ не помню.

В. Когда мужъ вашъ возвратился, вы принесли ему сахарной воды, а ввечеру пригласили его съѣсть трюфелей?

О. Я не приглашала г-на Лафаржъ кушать трюфелей; онъ взялъ самъ два или три на вилку.

В. Потомъ, его стало рвать. Г-жа Лафаржъ-мать сказала, что она одна только безпокоилась о болѣзни сына и хотѣла послать за врачами; вы этому воспротивились? *О.* Никогда! Я, напротивъ, нѣсколько разъ просила, чтобы пригласили г-на Сижеракъ, извѣстнаго доктора въ Бривѣ, вмѣстѣ съ г-номъ Барду, домовымъ врачемъ.

В. Стало быть вы не говорили свекрови того, что она показала? *О.* Г-нъ Барду и Бюффьеръ сказывали мнѣ, что г-нъ Лафаржъ любилъ нѣжиться; я сама стала нарочно жаловаться на боль желудка для того, чтобы послали за медикомъ.

В. Когда г-нъ Леспинасъ пріѣхалъ, засталъ г-па Лафаржъ въ самомъ дурномъ положеніи и прописалъ для него противоядіе, вы показали совершенную холодность, толковали о верховой ѣздѣ. *О.* Я такъ мало была равнодушна и спокойна, что сама я послала даже за священникомъ. Спросите у него, была ли я спокойна.

(Во время этихъ допросовъ г-жа Лафаржъ нѣсколько оживилась, или оттого, что здоровье ея нѣсколько поправилось, или оттого, что волненіе, ощущаемое ею при показаніяхъ свекрови, удвоили энергію нравственнаго ея организма, утишившую на время болѣзнь. Она почти не кашляла, и едва примѣтный румянецъ оживилъ ея лицо, покрытое мертвою блѣдностію).

Засѣданіе отложено.

Засѣданіе вечернее.

Засѣданіе открылось въ 5 часовъ безъ четверти. Призываютъ всѣхъ лиможскихъ химиковъ и всѣхъ врачей, производившихъ слѣдствіе съ самаго начала. Приглашаютъ г-на Дубуа разсказать, въ присутствіи своихъ товарищей, всѣ подробности послѣдняго изслѣдованія присяжныхъ химиковъ. Г. Дюбуа говоритъ отъ имени всѣхъ слѣдователей: (Глубокое молчаніе). „Возвращаемъ г-ну президенту половину органическихъ веществъ, ввѣренныхъ намъ судомъ. Вотъ сосудъ, содержащій желудокъ. Вещества, въ немъ заключающіяся, не имѣютъ никакой органической формы. Желудокъ высушенъ и въ немъ было вѣсу всего 33 грамма. Вотъ еще сосудъ, содержащій часть жидкостей, находившихся въ желудкѣ; далѣе, вотъ бутылка съ жидкостью, во рвотѣ содержавшеюся, и вотъ еще бутылка съ тою же жидкостью.

„Г-нъ президентъ! изслѣдованіе, ввѣренное намъ, исполнили мы съ величайшимъ тщаніемъ, вниманіемъ и точностію.

„Прежде всего изслѣдовали мы желудокъ и употребили для того многіе способы. Вопервыхъ, слѣдовали методѣ, означенной въ извѣстныхъ сочиненіяхъ г-на Орфила. Мы напитали углемъ (charbonner) часть данныхъ намъ веществъ, потомъ вымыли и подвергли маршеву апарату уголь, оставшійся въ отмывкѣ (entrainé par ce lavage). Мы не получили никакого особеннаго результата, не взирая на все наше вниманіе, на всѣ наши изслѣдованія. (Волненіе).

„Теперь слѣдуетъ второй нашъ опытъ. Мы не стали подвергать желудка никакой химической реагенціи (réactif); положили его въ кипяткъ перегнанной воды, для того чтобы добыть всѣ распускающіяся вещества. Это лучшій раціональный способъ, неоставляющій ничего подъ сомнѣніемъ. Воду, процѣдивъ, подвергли мы химическому противодѣйствію, и не получили опять ни малѣйшаго слѣда мышьяку. (Новое волненіе).

„Потомъ, разлагали мы жидкость, находящуюся въ желудкѣ. Она представляла вещество черноватое, разсѣянное въ топчайшихъ частицахъ по всей жидкости (en suspension), противнаго (nauséabonde) запаху, плотностью превосходящее плотность воды. Послѣ буду говорить объ этомъ черноватомъ веществѣ, весьма для насъ важномъ. Мы подвергли эту жидкость маршеву апарату и грѣли его болѣе часу. Этотъ опытъ не доставилъ намъ ни малѣйшаго пятна металлическаго.

„Потомъ, не подвергая никакой химической реагенціи, дабы нельзя было подумать, что химическія противодѣйствія мѣшаютъ дойти до чистыхъ результатовъ, мы поставили это вещество на огонь, въ маршевомъ апаратѣ; не оказалось никакого мышьяковаго пятна. (Общее волненіе).

„Потомъ, изслѣдовали мы, что это за черноватое вещество, находящееся въ жидкости, и, подвергнувши часть ея дѣйствію реагенцій, узнали, что эта жидкость содержитъ въ себѣ, въ большомъ количествѣ, нераспустившуюся желѣзную соль (sel de fer).

„Въ желудкѣ мы не нашли этого. Слѣдовательно это было желѣзноватое вещество, употребленное какъ противоядіе.

„Вся жидкость, произходящая отъ рвоты, была подвержена испаренію, дабы убавить ея объемъ. Осташокъ подверженъ маршеву апарату. Не нашлось ни атома мышьяку. (Общее волненіе).“

Этотъ выводъ произвелъ въ слушателяхъ неописанное волненіе. Слышны рукоплесканія. Г-жа Лафаржъ поднимаетъ глаза къ небу. Г-жа Лашо протягиваетъ ей свою руку и съ судорожнымъ движеніемъ сжимаетъ руку г-жи Лафаржъ.

Дюбуа. Мы желали бы, чтобъ это изслѣдованіе поручено было вновь одному изъ знаменитыхъ химиковъ, который своею заслуженной извѣстностью и отличными свѣдѣніями могъ бы придать результату нашихъ опытовъ больше вѣсу. Мы утверждаемъ, что въ ввѣренныхъ намъ веществахъ не находится ни частицы мышьяку.

Президентъ. Г-нъ Дюпюитренъ, это и ваше мнѣніе?

Дюпюитренъ. Да.

Дюбуа-сынъ. Также и мое.

Дюбуа-отецъ. Мы единогласны, готовы подтвердить все вновь присягою.

Президентъ. Вы уже присягали. Неугодно ли вамъ написать о томъ донесеніе?

Дюбуа. Завтра будетъ написано съ величайшею подробностію и представлено суду.

Генералъ-адвокатъ. Здѣсь два противныя мнѣнія: надобно бы теперь прочесть прежнія донесенія.

Палье. Прошу присутствіе отложить засѣданіе: г-жѣ Лафаржъ дурно.

Президентъ. Засѣданіе закрывается.

Г-жа Лафаржъ, шатаясь, выходитъ, опираясь на руку врача своего. Подходя къ двери, она закрыла платкомъ лицо, и судорожныя рыданія какъбы задушаютъ ее. Многіе члены ея семейства бѣгутъ за ней и окружаютъ ее. Г-на Сабашье, зятя г-на Гара, выводятъ изъ аудиторіи окружавшіе его: ему сдѣлалось дурно.

Вездѣ въ аудиторіи происходитъ сильное волненіе. Разговоръ живой, громкій раздается повсюду. Врачи сходятся посреди залы и, послѣ жаркихъ разсужденій, выходятъ вмѣстѣ для свободнаго продолженія преній.

Объявляютъ, что посланы уже эстафеты по многимъ дорогамъ для распространенія этой новости.

Послѣ долгаго разсужденія объ опытахъ, генералъ-адвокатъ говоритъ: „Здѣсь происходитъ нѣчто весьма важное. Мнѣніе первыхъ химиковъ, при которомъ они и теперь остаются, состояло въ томъ, что разложеніе показало мышьяковую кислоту въ органахъ и жидкостяхъ. Пять химиковъ это показали. Не смотря на являющееся противорѣчіе, они все-таки настаиваютъ на своемъ мнѣніи. Съ другой стороны, другіе искусные химики противнаго мнѣнія. Это противорѣчіе ставитъ насъ въ весьма затруднительное положеніе. Что намъ дѣлать? Должны ли мы отказаться отъ начатаго обвиненія и довольствоваться разборомъ

нравственныхъ доказательствъ? Долгъ служенія нашего это запрещаетъ. Время не важно. Мы посвятимъ на открытіе истины все необходимое на то время, десять дней, двѣ, три недѣли, если будетъ нужно. Употребимъ всѣ силы наши на достиженіе цѣли.

„Двѣ вещи необходимы, которыя теперь насъ занимаютъ. Прежде всего нужно вырыть тѣло; потомъ, нужно, чтобы люди, извѣстные по отличнымъ талантамъ своимъ, призваны были сюда для рѣшенія не скажу спора, а несогласія, возникшаго между первымъ и вторымъ химическимъ разложеніемъ. Для этого нужно время, и время довольно долгое.

„Неужели отложить дѣло до будущихъ собраній? Я этого не желаю и не требую, но какъ бы ни было горько для обвиняемой, прокуроръ остановиться не можетъ: онъ долженъ отъискать истину, открыть ее въ этомъ дѣлѣ, привлекшемъ вниманіе всей Европы. Теперь не изъявляемъ никакого требованія, но если безъ отложенія дѣла нельзя дойти до убѣжденія въ истинѣ, то будемъ просить отсрочки, какъ ни тягостно покажется это обвиняемой.

Палье. Генералъ-адвокатъ не требуетъ отсрочки; если бы потребовалъ, то я собралъ бы все, что есть у меня силъ, чтобъ именемъ обвиняемой протестовать противъ такого требованія. Уже 8 мѣсяцовъ эта женщина страдаетъ въ тягчайшей неволѣ. Давно уже она могла бы быть подвергнута суду, котораго ждала съ такимъ нетер-

нѣніемъ. День, такъ сильно жданный ею, насталъ, и опять хотятъ отложить его до будущаго собранія: это значитъ продлить ея мученія и довести ее заточенную до того конца, котораго предвидѣть не трудно. Нѣтъ, мм. гг., г-нъ генералъ-адвокатъ не можетъ просить отсрочки и не проситъ ее. Итакъ разсмотримъ истинное положеніе дѣлъ.

„Въ день слѣдствія произведены были химическія изслѣдованія. Я далекъ отъ той мысли, чтобъ отвергать свѣдѣнія прежнихъ слѣдователей. Выводъ, сдѣланный ими, извѣстенъ. Протоколы ихъ содержатъ нѣкоторую несообразность, которую я и обозначилъ. Генералъ-адвокатъ потребовалъ новыхъ изслѣдованій. По вдохновенію, которое я назову счастливымъ, онъ призвалъ трехъ химиковъ, совершенно мнѣ незнакомыхъ. Я сталъ освѣдомляться, и общій голосъ подтвердилъ, что лучше выбора нельзя было сдѣлать. Строгая нравственность, соединенная съ глубокими знаніями, оправдывали его довѣренность. Я могъ только радоваться такой мысли, такому назначенію. Избранные всѣ употребили новоизобрѣтенныя средства и средства, прежде извѣстныя, и потомъ, на основаніи такой повѣрки, которая ничего не оставила желать, они, съ ясностію свойственною людямъ высокаго образованія, изложили предъ вами причины своего убѣжденія, и добытые ими матеріальные результаты, на которыхъ оно основано.

„Въ чемъ же состоитъ теперь затрудненіе? Дѣйствительно ли находится противорѣчіе между двумя изслѣдованіями? Разлагали рвоту, жидкость,

содержащуюся въ желудкѣ, и самый желудокъ, главный центръ преступленія. Вездѣ совершенное отсутствіе мышьяку. Есть, говорятъ теперь, противорѣчіе. Для убѣжденія себя въ противномъ, стоитъ только со вниманіемъ прочесть донесеніе, не отдѣляя его отъ предшествующихъ наблюденій. Въ духѣ истины и правосудія, могу предъ всѣми свидѣтельствовать, что г-нъ Орфила самъ призналъ, что первые изслѣдователи дѣйствовали согласно съ указаніями, данными имъ наукой. Они шли съ нею вмѣстѣ, по предписанной дорогѣ. Непредвидѣнный случай помѣшалъ имъ достигнуть конечнаго вывода; тщъ останавливаетъ ихъ г-нъ Орфила. Самое письмо знаменитаго профессора доказываетъ, что полученные ими результаты могутъ согласоваться съ его мнѣніемъ."

Палье перечитываетъ письмо г-на Орфила, потомъ продолжаетъ: „Послѣдній выводъ, о которомъ говоритъ г-нъ Орфила, печальнo не удался г-дамъ химикамъ, слѣд. невозможно признать между первыми и вторыми изслѣдованіями того, что собственно называется противорѣчіемъ.

„Посмотрите, какъ выражаются г-да химики въ осьмомъ анализѣ. Выраженія эти важны". Тутъ Палье перечитываетъ указанное имъ мѣсто, и потомъ продолжаетъ:

„Вы видите, что я справедливо говорилъ, что заключенія не согласны съ предшествовавшими наблюденіями.

„Нужно ли прибѣгать еще къ новой повѣркѣ? Я признаю сдѣланную совершенно достаточною и

удовлетворительною для самой строгой взыскательности.

„Чего же хотятъ теперь? Я, съ своей стороны, такъ же какъ и обвинители, хочу одной истины. Вещества, надъ которыми производились изслѣдованія, еще не истощились. Первые химики разлагали одни. Вторые тоже разлагали одни. Пусть займутся вновь общимъ согласнымъ изслѣдованіемъ. Изберите изъ нихъ родъ комитета химиковъ для производства дѣла; я согласенъ, я даже этого прошу. Но продлить безконечно мученія умирающей женщины, этому противлюсь всею силою моего права. Истина! истина! но средствами благоразумными, но средствами для человѣчества непостыдными! Вотъ, мм. гг., тѣ замѣчанія, которыя я хотѣлъ вамъ представить.“

Генералъ-адвокатъ. Возраженіе показалось намъ несправедливымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Ни слова не было сказано о замѣчательныхъ различіяхъ между первыми и вторыми изслѣдованіями. Мнѣніе вторыхъ слѣдователей не можетъ быть принято послѣ мнѣнія первыхъ. Замѣчательная разница, существующая между двумя донесеніями, привела г-дъ химиковъ къ объясненіямъ, исполненнымъ учености и высокаго разсудка. Теперь, спрашиваю, при такомъ важномъ дѣлѣ, которому не предшествовало ни одного подобнаго, при обвиненіи, привлекшемъ общее вниманіе, неужели правосудіе останется обезоруженнымъ? Его достоинство, честь и даже, смѣю сказать, слава не дозволяютъ ему положить оружіе. И чего же мы требуемъ? только нѣкоторой отсрочки! Развѣ мы просимъ отложить дѣло до бу-

дущихъ собраній ? Боже мой, пѣтъ, мы не имѣемъ этой смѣлости; мы всѣми силами души, всѣми усиліями мысли ищемъ только средства выпити изъ этого затруднительнаго положенія. Пусть дастъ намъ защитникъ на то средство, мы поспѣшимъ имъ воспользоваться. Желаніе наше, будьте въ томъ увѣрены, состоитъ только въ томъ, чтобъ открыть здѣсь истину.

„Но если въ этомъ дѣлѣ есть необходимость, которая сильнѣе всѣхъ движеній нашего сердца, то добрая наша воля должна, наконецъ, предъ ней склониться.

„Глубокое внутреннее убѣжденіе заставляетъ насъ думать, что эта женщина точно отравила своего мужа. Теперь спрашиваю васъ, возможно ли при такомъ убѣжденіи слушать голосъ чувствительности? Мы послѣ этого вправѣ требовать, даже не боясь упрека въ нечувствительности, чтобы сдѣлано было новое разложеніе, чтобы вырыли изъ нѣдръ земли тѣло несчастнаго Лафаржа и подвергли его новымъ изслѣдованіямъ. Не найдется яду, тѣмъ лучше! Мы будемъ счастливы, когда первые провозгласимъ невинность обвиняемой, счастливы, когда, возвратясь въ домъ свой, скажемъ, обратясь мыслью къ этой молодой 24-хъ лѣтней женщинѣ: „Мы исполнили великое дѣло правосудія! Мы были убѣждены въ ея виновности, обвиняли ее въ ассизномъ судѣ. Усилія наши были неимовѣрны; мы призвали на помощь всѣ умственныя наши способности, но, наконецъ, когда все это было сдѣлано, когда невинность обнаружила себя глазамъ нашимъ, мы первые торжественно ее провозгласили!“

„Но что же, наконецъ, будете вы дѣлать? Здѣсь возникли сомнѣнія, затрудненія. Химики споряпъ, противорѣчатъ другъ другу, раздѣляются въ мнѣніи. Между тѣмъ за нѣсколько миль отсюда лежитъ въ нѣдрахъ земли тѣло отравленнаго. Тамъ, можетъ быть, отыщемъ мышьякъ, вещественныя доказательства преступленія; неужели пренебрежемъ мы возможностію тамъ отыскать ихъ?

„Мудрости суда предоставляемъ рѣшить, что сдѣлать. Если въ теченіе нѣсколькихъ дней можно пригласить означенныхъ присяжныхъ химиковъ, собрать новые предметы для улики, то судъ не станетъ медлить. Это покажется строгимъ, но это необходимо, неизбѣжно. Пусть судъ отложитъ засѣданіе свое на нѣсколько времени, на мѣсяцъ, на два, на чрезвычайное засѣданіе, мы полагаемся на рѣшеніе суда.“

Палье. Не стану разсматривать вопроса объ отсрочкѣ: онъ формально не возбужденъ. Я говорю только о новомъ изслѣдованіи, и утверждаю, что оно безполезно, и что нѣтъ противорѣчія между двумя прежними. Я прошу только именемъ права, а потому именемъ и человѣколюбія, чтобы не вдавались въ цѣлый рядъ безконечныхъ опытовъ. Отлагать дѣло до будущихъ собраній значитъ, берегитесь, произносить, можетъ быть, смертный приговоръ этой женщинѣ, и этотъ приговоръ будетъ безъ преній, безъ противорѣчій.

Президентъ (посовѣтовавшись съ товарищами). Судъ приказалъ, чтобъ изслѣдованія г-дъ Дубуа и Дюпюитренъ были произведены не только надъ животными веществами, но и надъ всѣми, кото-

рыя были подвергнуты прежнимъ изслѣдованіямъ, и потому рѣшеніе свое отложилъ до того времени, пока изслѣдованія будутъ совершенно окончены надъ всѣми веществами, ввѣренными г-дамъ Дюбуа и Дюпюитренъ.

Дюбуа. Просимъ, чтобы прежніе химики къ намъ были присоединены.

Палье. Защитникъ на это согласенъ.

Леспинасъ. Мы не присутствовали при первомъ изслѣдованіи, а потому не можемъ присутствовать при другомъ.

Президентъ. Судъ рѣшилъ, и своего рѣшенія перевершать не можетъ.

Засѣданіе кончилось посреди сильнаго волненія. Живые разговоры начинаются во всѣхъ сторонахъ присутственнаго мѣста и продолжаются на улицахъ. Результатъ послѣдняго изслѣдованія быстро разнесся по всему городу, и многочисленное сборище толпилось предъ судомъ. Общественное мнѣніе внезапно приняло сторону обвиняемой.

Защитники обвиняемой, вышедши изъ присутствія, взошли въ ту комнату, которая служитъ ей тюрьмой. Г-жа Лафаржъ бросилась на шею г-на Палье и крѣпко сжала руку г-на Демоетпъ ..... Утомленная сильными потрясеніями, она, чрезъ нѣсколько потомъ минутъ, должна была лечь въ постель.

Слѣдующее письмо адрессовано на имя разныхъ парижскихъ журналовъ.

„Парижъ, 7 сентября 1840 г.

„М. Г.

„Въ сегодняшнемъ нумерѣ Газеты присутственныхъ мѣстъ (Gazette des tribunaux), въ статьѣ о засѣданіи 4 сентября Коррезскаго ассизнаго суда, я прочелъ два показанія г-на доктора Массена, и считаю необходимымъ показать ихъ неточность. „Беру книги г-дъ Орфила и Девержи, говоритъ г-нъ Массена, и нахожу въ нихъ принятое правило, что всякой разъ, когда клочковатый осадокъ, желтоватаго цвѣта, распускается въ аммоніакѣ, присутствіе мышьяку не можетъ быть отрицаемо.“ Я написалъ 14 томовъ объ отравленіи, и никто не найдетъ въ этихъ сочиненіяхъ ни одного слова, изъ чего можно было бы заключить, чтобъ я напечаталъ подобную судебно-медицинскую ересь. Г-нъ Девержи также ничего на то похожаго не напечаталъ.

„Г-нъ Массена также ошибается, говоря, что около 20 іюня я сказалъ ему въ частномъ разговорѣ, что нахожу донесеніе ихъ совершенно достаточнымъ. Если бы я это думалъ, то не написалъ бы къ г-ну Палье того письма, которое онъ читалъ передъ судомъ и котораго содержаніе не подлежитъ ни малѣйшему спору.

„Примите и проч.

„Орфила.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Взглядъ на состояніе права иностранцевъ, по началамъ европейскаго народнаго права вообще, и въ особенности по законамъ отечественнымъ, *профессора В. Лешкова.* 1.

II. Юридическій бытъ Малороссіи, *кандидата правъ В. Тарновскаго* ..... 30.

III. Объ опекѣ, въ связи съ общественнымъ бытомъ древней Россіи, *кандидата правъ А. Попова* 49

IV. О вліяніи народныхъ предразсудковъ на опредѣленіе наказанія, *профессора С. Баршева*..... 78.

V. Устройство гражданскихъ судовъ, отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго, *кандидата правъ К. Кавелина* ..... 83.

VI. О преимуществѣ слѣдственнаго процесса предъ обвинительнымъ, *профессора С. Баршева* ..... 120.

VII. Прусскій уставъ о домашнихъ слугахъ (Gesindeordnung) ..... 149.

VIII. О причинахъ преступленій и о средствахъ противодѣйствовать ихъ умноженію ..... 194.

IX. Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской народной жизни, *И. Снегирева* ..... 263.

X. Объ уголовномъ правѣ по Судебнику царя Іоанна Васильевича, *кандидата правъ Н. Калачова* ..... 306.

XI. Объ уголовной кодификаціи, *профессора П. Рѣдкина* ..... 409.

XII. Продолженіе процесса г-жи Лафаржъ ..... 491.

Юридическія записки издаются безсрочно, отдѣльными томами, отъ 25 до 35 печатныхъ листовъ каждый. Цѣна за каждый томъ два рубля серебромъ.

4 р 40